www.minkult.me

ТОЛЬКІ ПРОЗА

Аксінушкін
Ахроменка
Дзічэнка
Інка
Календа
Клёцкін
Калейчык
Куксінскі
Латыголец
Ліленка
Любецкі
Паддубскі
Пачкаева
Філенка
Шчур

Ментск 2021 – Вільня 2022

«Мінкульт» створаны дзякуючы коштам ахвяраваньняў у «Фэйсбуку».
Вялікі дзякуй!

******* *********,
**** ************,
********* *****,
***** ***********,
**** *********,
****** ****,
***** *********,
******* ******,
*********** *****,
********* ******,
***** *********
*********,
**** ********,
******* ******,
**** *******,
***** ********,
******** *****,
**** *********,
******** ***********,
***** *******,

******* ***,
********** ********,
****** *********,
********** *********,
******* *******,
******** *********,
****** *****,
***** *********,
**** ***********,
***** *******,
****** ********,
******* ******,
***** *********,
**** ******,
***** ***********,
***** *******,
****** *****,
****** **,
**** **********,
***** ******,

*** ***********,
****** *******,
***** **********,
****** ********,
********* ********,
*********** ****,
***** *****,
****** *****,
***** *******,
****** *******,
****** ******,
****** *******,
********* *******,
************* ******,
********** ****,
******* *****,
*********** ********,
**** ******,
***** ****,
***** *********

Галоўны рэдактар і заснавальнік Сяргей Календа

Рэдактура LN

Вокладка Андрэй Пакроўскі

Вёрстка Аўрэліана Буэндзіа

Кантакт для аўтараў: mimikriabel@gmail.com

ЗЬМЕСТ

Вірус і выбары

Ну, вы самі ўсё разумееце. Пра што тут казаць, трэба гартаць старонкі і чытаць.

ИВАН АКСИНУШКИН

ТАЛИСМАН

– …таким образом наша страна заняла 2-е место в общем медальном зачете, уступив лишь России. Церемония закрытия Игр состоялась 30 июня, – я закончил говорить. По спине, минуя редкие светлые волоски, начала скатываться капелька пота. Помимо объяснимого экзамворинга[1], июньская духота выступала мне явно не лучшим помощником, и даже приоткрытое окно в середине аудитории не могло существенно изменить положение. Сейчас самое главное – сделать уверенный взгляд. Преподы чуют его, потому и не задают лишних вопросов. Должно прокатить.

– Что ж, очень даже, молодой человек, вопрос про культуру и спорт Первостабильностного периода вы взяли очень уверенно, – Семен «Шуруп» Петрович взглянул на меня поверх очков и уставился в свой 3D-скрин с табелем успеваемости. Тыкнул по нему несколько раз морщинистыми пальцами, после чего в пространстве возникла таблица с моими оценками и довольно стремной фотографией в левом верхнем уголке. 3D-скрин был далеко не новым, поэтому некоторые строчки неуклюже растекались, будто бы рябь на воде.

– Вот смотрю на вас и думаю, вот вроде же цунминг де нанхай[2], такие ответы уверенные, и главное по делу все практически, а вот посещаемость хромает, через каждый раз «чуеси[3]»… Вы чем вообще в семестре занимались, гумен пай[4]? – последнее Шуруп произнес с едва скрываемым смешком. Он взглянул через мое плечо на четверых бедолаг, трусмомент[5] которых не заставит себя долго ждать. Стоит мне только выйти отсюда, как место займет кто-нибудь из них, а явившийся из-за двери студентик уставится в 3D-скрин со своими экзамквещами[6]. – Не знаете, что сказать? – я задумчиво пожал плечами, заставив серый коминтерновский пиджачок недовольно заскрипеть. Видимо, мой недавний

1 Экзамворинг (ориг. exam worrying) – волнение на экзамене, экзаменационное волнение.

2 Цунминг де нанхай (ориг. Cōngmíng de nánhái) – умный мальчик.

3 Чуеси (ориг. Quēxí) – «н-ка», отсутствие.

4 Гумен пай (ориг. Gēmen pài) – дружок-пирожок.

5 Трусмомент (ориг. moment of truth) – момент истины.

6 Экзамквещ (ориг. exam question) – экзаменационный вопрос.

набор веса тревожил его не меньше, чем Катю. – Ну что ж, расскажите мне тогда, какое название получил второй этап рельсовой войны?

– Карна… Концерт, да, концерт, точно, – я принялся ерзать на стуле, стараясь сделать выражение лица как можно более невозмутимым. А тем временем табель успеваемости начал медленно вращаться по кругу от долгого бездействия.

– Кто автор героической поэмы «Сотников»?

– Василий Быков.

– Да, гениальнейший был человек, незаменимый человек во всей нашей веншуэ[7], – Шуруп чуть запрокинул голову, – вот как сейчас помню:

В снега закованное поле,
Ветвей хвоистых
депрессивный хрип,
Чуть слышен скрип сапог,
тех, кто в неволе,
Как раб, ходить под плетью
не привык.
Тропу, что осенью еще
была знакома,
Уже не распознать
в той мрачной белизне,
Пронзают неба синь
деревьев кроны,
Шатаясь лишь
в могильной тишине…

Красиво, не правда ли?

– Очень. Этой из «Сотникова», да?

– Верно, первая часть, самое начало. Неужели вы в школе не проходили? – уставился с легкой укоризной и своей этой нахальной улыбочкой, демонстрирующей, кто в доме хозяин. В этот момент я снова замялся. Он был близок к тому, чтобы дожать меня, но почему-то решил пощадить. – Как умер отец Первого? – это было просто, поскольку биографию Первого я зазубрил до дыр еще в скулхуде[8]. Впервые не пожалел, что посещал почти все информчасы.

– Погиб на войне.

– Что ж, молодой человек, – он уткнулся в панель 3D-скрина и слегка понизил голос, – ставлю вам «ба[9]», и это со всеми вашими прогулами, – взял лежащий неподалеку стилус и провел по скрину. – Чинг чианминг[10], – не отрывая глаз от скрина на парте, протянул его мне. Я расписался и вернул обратно. Изображение лица Шурупа изменилось. – Знаю, что вы думаете: «Зачем мне эта ваша история, мы не за этим сюда пришли», разве я не прав? А затем, молодой человек, что историю своей страны должен знать каждый гонгмин[11], не перевирать ее и не искажать, а напротив, аи баоцун чуаншу[12], понимаете? – я кивнул. – Эх, да ничего вы не понимаете, по глазам же вижу, возраст еще не тот. Вам бы… Ладно, идите. Следующий!

Поблагодарил его и с калмсоулом[13] двинулся к выходу.

Прямо за дверью меня встретил взволнованный гул групмейтсов[14]. Лица разных оттенков и размеров обступили меня. Стало как-то душно и слегка неловко. Вместе с тем мой экзамворинг уже успел улетучится, сменившись вызывающей беззаботностью. Взглянул в первое попавшееся лицо – бледную рыжую моську старосты-Лизки.

7 Веншуэ (ориг. Wénxué) – литература.

8 Скулхуд (ориг. Schoolhood) – школьное время, школярство.

9 Ба (ориг. Bā) – восемь.

10 Чинг чианминг (ориг. Qīng qiānmíng) – подпись, пожалуйста.

11 Гонгмин (ориг. Gōngmín) – гражданин.

12 Аи баоцун чуаншу (ориг. Ài bǎocún chuánshū) – любить, сохранять, передавать.

13 Калмсоул (ориг. Calm soul) – спокойная душа.

14 Групмейтсы (ориг. Groupmates) – одногруппники.

– Ну как? – с нетерпением бросила она.

Я выдержал небольшую лирическую паузу и попросил их немного расступиться, сделал драматичный вздох и наконец изрек:

– Восемь.

СО ВСЕХ СТОРОН ПОЛЕЗЛИ ЖЕЛАЮЩИЕ СДЕЛАТЬ МНЕ НЕБОЛЬШОЙ ШОЛДЕРПАТ15. МНОГОЧИСЛЕННЫЕ «НАЙСЫ», «КУЛЫ» И «ГУДЫ» ЗАСКАКИВАЛИ ТО В ОДНО, ТО В ДРУГОЕ УХО, ЗАСТАВЛЯЯ БЕЗМЯТЕЖНО УЛЫБАТЬСЯ.

Не совсем уместный треск пиджачка привел групмейтсов в чувство, они постепенно начали расходиться и возвращаться к томительному ожиданию трусмомента, избежать которого физически невозможно.

– Какие квещи[16]?

– Ну, в общем, послевоенная БССР, культура и спорт Золотой кварты.

– А допы были?

– У меня – да, я же пропускал много. Спросил про Быкова что-то и по биографии Первого. Короче терпимо.

– Окей, поняла. Ну что, девочки, захожу.

Стоявшая возле Лизки Даша медленно двинулась к дорам[17], скрестив руки на груди. Театрально оглянулась на стоявших неподалеку подружек. Да уж, драматизма этой хитрунье не занимать. Хотя до маэстро в моем лице ей как до Шанхая.

– Удачки тебе, подруженька, – посыпались эйркисы[18], которые она взволнованно ловила.

– Почему никто не заходит? – раздался приглушенный дорами энгривойс[19] Семена Петровича.

Пухленькое личико Даши вмиг повзрослело лет на десять, она торопливо дернула ручку и двинулась в аудиторию. Я отшагнул в сторону, поднял глаза на готовящихся групмейтсов, стараясь как можно тщательнее скрыть свой хэпифейс[20]. Ко мне подошел Алекс:

– Ну что, доволен собой, куда теперь мувать[21] будешь, к Катьке своей?

– Ага, надо бы ей майндмесенж[22] кинуть, чтоб вействоринга[23] не было.

– А мне бы вот пару квещей повторить не помешало, чтоб наверняка. Ты сразу к ней?

– Думаю Саныча перед вокейшином чекнуть.

– Ладно, гудлакни тогда, чтобы Шуруп не завалил, – он усмехнулся. – Будем на коннекте, дружище!

Я сделал ему шолдерпат, легонько потряс макушку, а после нашлось место и для довольно крепкого дружеского рукопожатия. Выкинул тоже самое с большинством групмейтсов, особо везучим послал эйркисы и зашагал дальше. Простите меня, вискоз и искусственный лен, сшитые в серого красавца на моих плечах, которому сейчас так несладко. Впредь

15 Шолдерпат (ориг. pat on the shoulder) – похлопывание по плечу.

16 Квещ (ориг. Question) – вопрос.

17 Доры (ориг. Doors) – дверь, двери (обычно во множественном)

18 Эйркис (ориг. Air kiss) – воздушный поцелуй.

19 Энгривойс (ориг. Angry voice) – злой голос.

20 Хэпифейс (ориг. Happy face) – счастливое, довольное лицо.

21 Мувать (ориг. Move) – двигаться, идти и т.д.

22 Майндмесенж (ориг. Mind message) – мысленное сообщение.

23 Вействоринг (ориг. Waste worrying) – бесполезное беспокойство, волнение.

обещаю взаимодействовать со спортом не только через сетебольные трансляции.

По дороге обошел кучку суетливых китайцев, что стояли около соседних доров. Их экзамворинг понимался без труда, поскольку «Строение и эксплуатация образцов МТЗ», с которым эти истгайсы[24] сегодня столкнулись, был одним из самых геморных сабджектов на курсе. Хорошо, что у нас по нему был всего лишь зачет. Да и преподом был не Боря Самосвал, про перегарный энгривойс которого по всему МАТИ[25] ходили легенды, а вполне себе лайтовая мадам Юлиана. У нее даже прозвища не было, в отличие от большинства преподов, Юлиана, она и есть Юлиана, лучшего и при желании не придумать. Хотя истгайсы еще довольно везучие, поскольку к иностранцам отношение всегда более снисходительное, чем к нам. Тут тебе и на сессии поблажки, и на семинарах сильно не щемят. Взять хотя бы того же Самосвала, что организовал полутарагодовой армитрип[26] для трех или четырех ребят в прошлом семе. Хотя и китайцам сейчас не так уж весело, их отношение к учебе ченганулось тогда, когда МинПросвещ интегрировал в программы ВУЗов целые курсы на китайском языке. Многие преподы сейчас им владеют – результат неоднократных образовательных поездок в Поднебесную и годы коммуникации со студентами-истгайсами. Так что уже не получится мотать из стороны в сторону своими пепельными башками и бормотать что-то на подобии «Моя твоя не поняль». Да и поделом, не для этого поступали. Наблюдать за ними довольно интересно, однако, видя толпы этих ребят в институте, городском транспорте, на всех метростэйшенах[27] с рынками и просто на улицах, глаз начинает нервно подергиваться. К таким толпам привыкаешь еще с детства, граница для них всегда открыта. Но живущие здесь не один десяток лет истгайсы довольно неплохо отличаются от понаехавших ради нолиджа студентиков. Глядя на того или иного китайца, умелый наблюдатель может с легкостью предположить, сколько лет эти владельцы паленых кроссов собирают пыль с улиц местных городов. Приезжие всегда много курят. Все селестильцы[28] много курят, но от этих дыма больше, чем от любой промзоны в провинции Могиляо. Неужели ребята ловят здесь так много стресса? Реакт приметивших это чайна-бизнесменов не заставил себя долго ждать – контрольный стэк табакерочных акций быстро попал в руки щедрых узкоглазых инвесторов. Так на отечественный рынок в крышесносных масштабах стали поступать «Шуан Кси», «Зоннанхаи», особо лакшерные «Панды», позволить которые мог далеко не каждый, а также куча других чайнабрендов. Мой курящий дед, к примеру, пересел с полюбившегося красного «Минска» на не менее красные и забористые «Чунг Ва», поскольку достать их теперь значительно проще. А вот «ЭнЗэхи» остались при своем и даже обрели новых потребителей в лице многих истгайсов. Никогда не любил сигареты. Пускай быть нонсмокером[29] сейчас не кул, я пока не готов обрекать свои легкие на долгую

24 Истгайсы (ориг. East guys) – восточные ребята, азиаты (как правило китайцы).

25 Минский аграрно-технологический институт, ранее – Минский технологический институт, англоязычный вариант – MIT.

26 Армитрип (ориг. Army trip) – поездка в армию (военная служба).

27 Метростейшн (ориг. Metro station) – станция метро (или метрополитен в принципе).

28 Селестильцы (ориг. Celestial) – жители Поднебесной, китайцы.

29 Нонсмокер (ориг. non-smoker) – некурящий.

гниющую погибель, тем более что даже китайская медицина справляется далеко не со всеми онкологиями. Как же мне повезло, что Катя меня суппортит и давно отказалась от этой дряни. Ладно, следует прекратить фарэндвайдить[30] смок-культуру селестильцев, тем более что я забыл о майндмесендже для Кати. Идя по коридору, приостановился около одного из стендов с успеваемостью и отчетливо подумал: «Дакай[31], Алише!» Через какую-то долю секунды в глубине сознания я услышал металвойс[32] со знакомым китайским акцентом:

НИКОГДА НЕ ЛЮБИЛ СИГАРЕТЫ. ПУСКАЙ БЫТЬ НОНСМОКЕРОМ СЕЙЧАС НЕ КУЛ, Я ПОКА НЕ ГОТОВ ОБРЕКАТЬ СВОИ ЛЕГКИЕ НА ДОЛГУЮ ГНИЮЩУЮ ПОГИБЕЛЬ, ТЕМ БОЛЕЕ ЧТО ДАЖЕ КИТАЙСКАЯ МЕДИЦИНА СПРАВЛЯЕТСЯ ДАЛЕКО НЕ СО ВСЕМИ ОНКОЛОГИЯМИ.

– Нихао, Журен[33], рада снова слышать ваши мысли! Для полной активации чип-устройства, приложите палец к сканеру и предоставьте доступ к сетчатке.

– Монинг, Алише, даю ретинаксес[34], сейчас сделаю фингертап[35] – приложил палец к виску и через полсекунды почувствовал одобряющую вибрацию. Я убрал палец в карман.

– Доступ подтвержден. Даусие[36] за то, что выбрали компанию Хуавей – бесспорного лидера в производстве височных чип-устройств в вашей стране. «Хуавей – Мунсианг тифа чуанзао ли[37]». – Алише ненадолго притихла, обрабатывая подуманное мною ранее. – Опять вы со своим сленгом, Журен, постоянно приходится вспоминать эти ваши молодежные словечки. Я ведь не тинейджер какой-то, а довольно состоявшаяся женщина на работе в престижной компании, – снова интегрировала рекламу Хуавея. Да уж, этим нейросетям палец в рот не клади. – Кстати, прошу заметить, текущее время – 13:07, а потому ваше обращение «монинг» неактуально уже почти час и восемь минут. И да, мое правильное имя – Али Су, если вы вдруг забыли.

– Ой, ну не будь же ты такой занудой, Алише, после разговоров с тобой одни хэдизы[38] потом. Слишком уж ты деловая для машины.

– Прошу повторить запрос.

– Говорю, слишком уж ты… А, понял, прости, пожалуйста, что назвал тебя машиной, ты – высокоинтеллектуальная искусственная система, главная задача которой – приносить пользу человечеству.

– Я огорчена и польщена одновременно, Журен, рада, что вы меня цените, даже формулировку почти правильно запомнили и произнесли

30 Фарэндвайдить (ориг. far and wide) – исследовать вдоль и поперек.

31 Дакай (ориг. Dăkāi) – открыть.

32 Металвойс (ориг. Metal voice) – букв. металлический голос; озвучка ИИ.

33 Журен (ориг. Zhǔrén) – Хозяин.

34 Ретинаксес (ориг. retinal access) – доступ к сетчатке.

35 Фингертап (ориг. Finger tap) – прикосновение пальца.

36 Даусие (ориг. Duōxiè) – большое спасибо.

37 Мунсианг тифа чуанзао ли (ориг. Mèngxiăng jīfā chuàngzào lì) – мечты вдохновляют на творчество (девиз компании Huawei).

38 Хэдиз (ориг. Head disease) – головная боль, заболевание головы.

без этого вашего сленга. Можете снова звать меня вашей Алише, Журен, будем друзьями.

– Ну друзьями так друзьями. Слушай, Алише, зови этот сленг трушнянкой – и проще, и понятнее. Не понимаю, чем она тебе так не угодила.

– Ваша трушнянка, если я правильно поняла, использует американизмы в огромном количестве, фонетически и словообразовательно адаптируя их под правила русского языка.

– Ну да, и что?

– А то, что вы предпочитаете западный империализм своим восточным друзьям. Сама идея таких адаптаций мне нравится, но я поддержала бы ее охотнее, если на месте американизмов будут использоваться китайские слова, выражения и крылатые фразы. Наш язык очень богат ими, к примеру: «Бутианг цейшенг лилианг», что в переводе означает «Винтовка рождает власть». Цитата великого Мао Цзедуна, сказанная им 6 ноября 1938-го в ходе выступления на VI Пленуме ЦК КПК 6-го…

– Хорошо, понял твою мысль.

– Перебивать не очень красиво, Журен, вечно вы слово вставить не даете. Но тем не менее, расскажите, что вас так притягивает в этой трушнянке?

– Ну, не знаю даже, с инглишем мы взаимодействуем в рамках айтишки и рекламы, этого у современной молодежи хоть отбавляй. Да и трушнянку никто не навязывает и не продвигает, это своего рода фридбриз[39].

– Желаете ли удалить последнее слово из моей истории или заменить его?

– Да, пожалуй.

– Удалила.

Как рассказывал один знакомый с 4-го курса, подобный контент нейросети не удаляют, и любой сисадмин может до него добраться. Сильно переживать не стоит, но впредь желательно быть поаккуратнее.

– Но ведь у вас хороший русский, Журен.

– Это объяснить проще: когда из скулпрог[40] убрали какой-то непопулярный диалект и всю литру на нем, а китайский еще не ввели, русского было в два раза больше. Наше поколение отлично на нем говорит, даже поэмрайтингом[41] заниматься могет, только вот юзает не всегда. Трушнянка проще и удобнее, а это в модворде[42] сейчас самое главное.

– А как же язык Первого?

– Первояз изучается в старших классах, а углубляется в виладжах и воркформах[43], я почти не говорю на нем. Неужели ты всего это не знала?

– Знала, но мне всегда интересно послушать ваши мудрые мысли, Журен.

– Ладно, лисица, считай, что выкрутилась. По части подхалимажа оставляешь ксяомевское ПО далеко позади.

– Спасибо, Журен… Или не спасибо, мне нужно проанализировать сказанное вами на предмет сарказма.

– Ага, конечно, уже давно небось все импульсы чекнула и просекла, что к чему. А сейчас только флиртафулишь[44] со мной.

– А вы еще говорите, что это я зануда, Журен, – она хихикнула своим металвойсом, который сделался необычайно кокетливым. – Итак, насколько я поняла, вы хотите отправить сообщение пользователю «Катя», верно?

39 Фридбриз (ориг. breath of freedom) – глоток, вздох свободы.

40 Скулпрога (ориг. School program) – школьная программа.

41 Поэмрайтинг (ориг. Poem writing) – писательство.

42 Модворд (ориг. Modern world) – современный мир.

43 Воркформ (ориг. Work form) – рабочий класс (в школе).

44 Флиртафулить (ориг. flirtatious fool) – кокетничать, флиртовать, изображая дурочку.

– Ага, и не называй ее пользователем, ревность тут ни к чему, ведь это ты у меня в голове сутками сидишь, а не она, – лицо расплылось в довольной улыбке.

– Формально – да, но думаете вы о ней намного чаще, чем обо мне, взять хотя бы сегодняшний экзамен: потому и не вспомнили прозвище Герасимени, что так о Кате вашей волновались. Да, Журен, все ваши ходы записаны, – снова хихикнула.

– Ладно уж, – нетерпеливо бросил я, – переходи к сообщению.

– Поняла, однако для перехода к «Сообщениям» необходимо посмотреть небольшой рекламный ролик.

– Что на этот раз?

– Трейлер к фильму «Гродненский сговор», который выйдет в кинотеатрах в октябре этого года. Повествует о радикальной террористической организации, прозванной «Союзом освобождения Вейшнории», и борьбе с ней членов спецслужб. Картина совместного производства киностудий «Беларусьфильм» и China Film Group Co. Возрастное ограничение 16+.

– Ну что ж, включай, – я поудобнее облокотился на стену и, вслушиваясь в звуки приближающейся фоновой музыки, сделал айзклоуз[45].

Трейлер начался под тревожную музыку. Ночь, особняк, подпираемый с трех сторон лесом. Камера медленно движется в сторону особняка, и по мере ее приближения тревожная музыка нарастает. Смена кадров, действие происходит в просторной комнате, освещаемой керосинками. В центре стоит огромный дубовый стол, вокруг которого столпились люди. На столе лежит развернутая карта Гродненской области. Герои начинают говорить, язык почти не разобрать, внизу появляются субтитры, сообщающие, что беседа идет на польском диалекте:

– Такім чынам паўстанне ўспыхне ў Гародні, Лідзе, Навагрудку, Слоніме і некалькіх іншых гарадах адначасова, – сидящий посередине стола заговорщик тыкает в разные точки на карте.

Кадры начинают быстро меняться: боевики хватают оружие и бегут к точке сбора; растет недовольство собравшейся на площади толпы; толстяк в дорогом синем пиджаке смотрит из окна на памятник Йозефу Понятовскому, поднося ко рту стакан с коньяком. Речь заговорщиков продолжается на фоне.

– Па-першае, неабходна знішчыць усіх, хто будзе перашкаджаць аперацыі: АМАПаўцы, БРСМшчыкі ды піянеры, – камера освещает лица собравшихся, перескакивает с одной злобной морды на другую. – Падчас барацьбы не забаронена ўжывацьактэйлі Молатава і агнястрэльную зброю.

Кадры снова меняются: вооруженные люди без опознавательных знаков все как один передергивают затворы; неистовствующая толпа переворачивает машину милиции; толстяк осушает стакан и громко ставит его на подоконник. Оставшиеся в стакане капли коньяка напоминают очертания Беларуси.

На черном фоне возникает золотая надпись: «ОСНОВАНО НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ».

– Памятайце, мы павінны зрабіць усё для дэстабілізацыі ў краіне і падзелу яе на асобныя кавалкі, першым з якіх будзе Вейшнорыя.

На перевернутой в темноте машине стоит бандит в клоунском гриме: белое лицо, синие круги вокруг глаз и рта, желтый крест на левой щеке. В руке он держит горящий файер. Чуть ниже сидит бородач в капюшоне – правая рука бандита. Дым от его сигареты вздымается в освещаемое файером звездное небо. Выплывают

45 Айзклоуз (ориг. close eyes) – закрыть глаза.

золотые буквы: АЛЕКСАНДР ПЕТРОВ В РОЛИ МАРТИН-КЛОУВИЧА, ДАНИЛА КОЗЛОВСКИЙ В РОЛИ АНГЕНА БРЕХНЕВИЧА.

Кадры меняются, зритель попадает в правительственный кабинет.

– Юра, мы должны остановить их любой ценой!

– Я все понимаю, Валерий Павлович, но гражданскими мы рисковать не можем. Мы никогда не избивали беззащитных людей, и сейчас этого тоже не будет, не дождутся! – он сильно ударил по столу, графин с водой пошатнулся и немного пролилось на стол с документами.

– Ты прав, Юра, мы не сдадимся. Страну они не получат, делай, что должен! – встает и протягивает другому свою крепкую руку. Офицеры по-товарищески обнимаются. Снова выплывают буквы: ЛИ ХУ ЕН В РОЛИ ВАЛЕВИЯ ВАКУЛЬЧИКА, МА ШОН КУН В РОЛИ ЮРИЯ КАРАЕВА.

Чередование кадров: стол с заговорщиками/группа бойцов спецназа, оцепляющих особняк, голос на фоне:

– За Саюз Вызвалення, спадарства, – заговорщик в маске анонима поднимает бокал с красным вином, Мартин-Клоувич и Брехневич поспешно встают вместе с ним. Оба в седине и морщинах, которые не скроет ни один грим; спецназовцы подходят еще ближе, оружие наготове.

– Жыве Вейшнорыя! – заговорщики чокаются, проливая вино на карту, один из них разворачивает небольшую бумажку с надписями на польском диалекте, приставляет к ней нос и шумно затягивается, закатив глаза. Подходящий к особняку спецназовец наступает на растяжку, раздается громкий взрыв, нескольких бойцов отбрасывает волной, слышны стоны и крики.

– Вечна Жыве! – еще один взрыв растяжки чуть в стороне особняка, из окна начинает работать станковый пулемет.

Кадры быстро меняются: зажженный коктейль Молотова летит в милицейские щиты, в небо вздымается забрызганный кровью бело-сине-белый флаг, толстяк резким движением скидывает стакан на пол, безымянные боевики наставляют автоматы на безоружную толпу. Картинка медленно затухает, на фоне слышится шепот:

– Усе нязгодныя… – загримированное лицо в капюшоне показывают то по ТВ в квартире простых людей, то на большом экране в столице, напряжение нарастает, – загінуць у гэтым полымі… разам з намі!

Картинка совсем темнеет, слышны автоматные очереди и вспышки от выстрелов. Появляется надпись: ГРОДНЕНСКИЙ СГОВОР. С 29 ОКТЯБРЯ. ВО ВСЕХ КИНОТЕАТРАХ СТРАНЫ. Далее показана бумажная папка с делом «Союза освобождения Вейшнории», рука в мундире ставит печать. ПРИ ПОДДЕРЖКЕ КГБ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ. СТРАШНАЯ ПРАВДА О ТЕМНЫХ ВРЕМЕНАХ. Трейлер заканчивается.

Наконец отлипаю от стены, тру глаза, делаю небольшие хлопки по щекам, чтобы окончательно вернуться в сознание. Да, я снова стою в коридоре.

– Пришли в себя, Журен? Как вам трейлер?

– Атмосферненько. Не скажу, что зацепило, но может и мувнем на него как-нибудь с Катей, она нашей историей интересуется. Актеров этих русских давно не видел, неужели снимаются еще? Мне про них еще пэрэнсы както рассказывали, даже пару фильмов смотрел. Хорошие им подтяжки сделали, пусть морщины все равно…

– Напоминаю вам про письмо, Журен.

– Благодарствую, Алише, чуть не забыл опять. Открой майндмесенжи.

– Сделано, Журен, можете начинать записывать.

Я сделал медленный айзклоуз, дабы глубже погрузиться мысли. «Дорогая Катя, прости, что не ответил раньше,

недавно вышел из аудитории, сигнал чипа глушили. Можешь меня поздравить, сдал на 8. Сейчас разберусь со всем и лечу к тебе. Давай через час на Немиге, люблю тебя. Твой Баобей[46]».

– И все же у вас отличный русский, Журен, и примесей этих нет. Желаете перевести?

– Нет, не стоит. Катя сама просила высылать оригинал для лингтрени.

– Отправила, сейчас появится Цензурик.

«У вас очень хорошее сообщение, друг! Пожалуйста, дождитесь проверки Цензуриком перед отправкой, это займет совсем немного времени. Цензурик – безопасность и правда в Сети и голове». Медленно начинаю двигаться по коридору в направлении выхода, чтобы не тратить время попусту. «Благодарим за ожидание, ваше сообщение полностью проверено и отправлено без рекомендаций к правкам. Цензурик благодарит вас за ответственное исполнение гражданского долга». Майндмесенж уже летел прямиком к Кате в мозг, так что мувать к полю можно с калмсоулом. Иду вниз по ступенькам – лифта, как всегда, не дождаться. Спуск занял немного времени, по дороге никто не повстречался, стейрзы[47] пустовали. На коридорах там-сям слышалось сбивчивое бормотание студентов. Экзамворинг будто бы повис в воздухе и ощущался на несколько этажей вперед, то и дело заставляя нервничать. Но мне это было уже ни к чему, я просто мог наслаждаться своей почти двухмесячной свободой. Спустившись на первый этаж, я кивнул охраннику и двинулся к заднему выходу. Сканер, висевший над самыми дорами, декларировал своим привычным металвойсом: «До новых встреч, чуешенг[48]!» Вплотную подойдя к стеклянным дорам, я толкнул их и вышел во внутренний дворик. Далее спустился по бетонным стэйрзам, прошел мимо скамеек и курилки, махнул уходившим знакомым и широким шагом двинулся прямиком к агрикультовым[49] полям, которые растянулись впереди. Я мувнул в сторону картофельных борозд, что занимали большую часть пространства. Навстречу уже радостно шагал Саныч, готовый заключить меня в свой крепкий хуг[50].

– Ну што, студэнцик, як твае дзяла? – приветственный хуг Саныча получился действительно крепким. Но больший воринг доставляли его запачканные руки, обхватившие пиджачок.

– Все, хорошо, Саныч, сессию закрыл.

– И якая ацэнка? Девяць ци десяць?

– Ничего ты, Саныч, губу раскатал. Восемь получил и то рад, экзамкве… – иногда было тяжеловато мувать с трушнянки на обычный язык, однако по-другому Саныч не понимал. Как и все труженики агрикульта, говорил он только на Первоязе. – Вопросы, в общем, несложные были, да и Шуруп не сильно валил, а ведь дядька-то строгий.

– Ой, ну галава, хоць и с бальшими ушами, як слон той ци як яго, – легонько толкнул меня в плечо и усмехнулся в свои серые от пыли усы, – Шуруп – эта Сямен Пятрович, што ли? Добра прыдумали, яму самае ано.

– А у вас тут как дела?

– Ну як-як? Гляджу вот, каб усё па тэхналогиям была. Кстати, студэнцик, раз уж ты таки умны, пaглядзи-ка сюды, –

46 Баобей (ориг.) – драгоценный, золотце, малыш.

47 Стейрзы (ориг. Stairs) – лестница, ступеньки.

48 Чуешенг (ориг. Xuéshēng) – студент.

49 Агрикультовый (ориг. Agriculture) – сельское хозяйство.

50 Хуг (ориг. Hug) – объятие.

он указал на картофельные борозды, вокруг которых мы стояли, – глядзи вот на эти и на эти рады. Сорт апрэделиць сможэш?

Вот это экзамквест, к которому я точно готов не был. Вспоминалась только пара-тройка сортов всего со скулпроги, не говоря уже о том, чтобы различать их.

– Вам помочь, Журен? – неожиданный металвойс Алише заставил меня дернуть головой. Уже и забыл, что она тут. – Я могу проанализировать эти культуры и выдать наиболее похожие результаты в течение 10 секунд. Желаете начать поиск?

Я ехидно согласился, хоть и колебался какое-то время.

– Начинаю поиск, предварительные результаты: культура справа – картофель сорта «Талачынски», слева – картофель сорта «Рэд Скарлет». Желаете подождать для более тщательной проверки полученной информации?

Нетерпеливо мотнул ей головой, сел на корточки и принялся вглядываться в цветки, гладить листья, играя в эксперта. Санычу такой подход к делу явно был по душе. Наконец я встал, демонстрируя полное спокойствие и готовность дать свое обдуманное заключение.

– Справа «Талачынски», слева «Рэд Скарлет».

– Ну, няплоха. «Скарлет» табе и рабёнак атличыт, ты на цвятки пасматры. А вот с «Талачынским» тваим, студэнцик, ужэ слажнее. Эта не ён вовсе, а «Микита». Их можэт и можна спутать, да только вот «Микита» срэднеспелы, а «Талачынски» ранни. Ты ж на размеры паглядзи, яки тут ранни табе. А у цэлым добра палучылась, я и не знау, што ты таки разборчывы акажашся. Хаця куда там, – он с прозрением хлопнул себя по лбу. – Эта табе кампутар твой падсказау у галаве, сам-то ты не апрэдзелиш такое!

– Алише только немного подсказала, – посмотрел на него с невинной улыбкой. – Саныч, а откуда мне знать это, я ж не аграрий, а айтишник.

– Эх, вот усе вы маладые такия хитрэцы, ты им палец у рот не кладзи, а дай падмануць старыка гдзе-нибудь. Хаця видиш, студэнцик, дзе тваи эти тэхналогии китайския цяпер, када ани дажэ у бульбе не разбираюцца. Эта им не цыфры шчытаць или пульс мерать, тут други падход к дзелу нужэн, з душой нада, эта ж таки жывы арганизм, як и ты. Толька не такой хитрый и более палезны – усю страну кормиць, – он снова усмехнулся в свои усы и сделал мне дружеский шолдерпат. – Ладна, не пережывай, эта Саныч так шуциць. Хочаш, расскажу, пачэму именна «Рэд Скарлет» назвали? В школах такому не учат!

– Давай.

– НУ, ВОПШЧЭМ, БЫЛА У НАС АКТРЫСА, ПАД НЕСВИЖАМ РАДЗИЛАСЯ, СКАРЛЕТА ЙОХАНАСОВИЧ ЗВАЛИ, НЕ ЗНАЮ, АДКУДА ИМЯ ТАКОЕ, МОЖЕТ ЯУРЭЙКА КАКАЯ ЦИ ЯШЧЭ ШТО. НУ ДЫК ВОСЬ, БЫЛА ОЧЭНЬ ТАЛАНТЛИВАЯ У НАС И ПАЕХАЛА АМЕРЫКУ ПАКАРАЦЬ. НУ И ШТО ТЫ ХОЧЭШ? ПАКАРЫЛА!

Там пра яе увесь мир знау, очэнь харошая дзеука. Сама яна беленькай была, а у етым сорце клубни красныя, таму «Рэд Скарлет» и назвали.

– А почему «была»? Ее, что ли, нет уже?

– А хто яе за бугром там ведаць будзе, як яна. Фильмау з ёй дауно не глядзеу, мoжа и памерла ужэ.

– Согласно статье в Белопедии, Скарлетта Йоханасович жива, – сообщила Алише.

– Алише говорит, что еще жива.

– Ну добра, раз гавора, але што ужэ зараз, гэта раней яна цукерачкай была, дажэ плакат яе у мяне висеу, яшчэ да Марыны маёй, я яго патом у гаражы павесиу.

– Что такое «цукерачка»?

– Гэта яшчэ бабка мая так казала, гэта па-польску, па-нашаму канфета будзе. А кали дзеука прыгожая и на яе нават наскочыць хочацца, дык такую цукерачкай и завуць. Вось Каця твая – ну чыстая цукерачка, хоць и з сычуаньским перцам. Павязло табе з ёй.

– Ей тоже, – я сделал довольный смайл.

– Ёй-та тожэ, але ты глядзи, яшчэ большы жывот адгадуеш, дык пойдзе ад цябе, тольки у спину глядзець и будзеш, навошта ёй таки пузаты! Ой, ну чаго ты насупиуся сразу, паглядзи вон туды лучшэ, – указывает пальцем на дальнюю часть одной из борозд. Я ничего не заметил. – Не бачыш, да? А ты прыслухайся, давай яшчэ ближэй падыдзем.

Мы мувнули к концу одной из борозд, и я увидел небольшого серебристого робота на черных гусеницах. Он ездил от куста к кусту и постоянно жужжал.

– Что это?

– Шанхай-15, опытны абразец ад МТЗ, инвестары падарыли праверыць. Тут и чалавек спецыяльны ёсць, яки слядиць за им. Пакурыць аташоу можа ци куды, – Саныч глянул по сторонам.

– А что делает?

– Ну як што, каларадау сабирае. Ён можа их токам биць, а можа проста сабираць, глядзи, яки коуш у яго.

– И как, справляется?

– Ну, як табе сказаць, кали токам бье, дык куст падпалиць можа, а кали сам сабирае, то час ад часу рве их. Над ним яшчэ работаць и работаць. Патаму и гавару, што для расцения з душой падхадзиць нада, ани ведзь чувствуют усё… а не гаджэты эци вашы, – он махнул рукой. – Хочаш, я табе трахтары новыя пакажу лучшэ, ани тут, у гаражах стаяць, у вас жа практичэския будуць у следуюшчэм гаду.

– Слушай, Саныч, меня там Катя ждать будет, не хочу таймвейстить.

– Што не хочаш?

– Спешу я, говорю, давай в другой раз может?

– Ну у други так у други, дзеука – эта дела харошае, Саныч панимае, Саныч не держыць. А патом дамоу паедзеш ужэ?

– Скорее всего, Саныч, так что давай, удачи тебе.

– Ну, удачы так удачы, – сделал мне очень крепкий хуг, после чего такой же крепкий хэндшэйк. На этот раз вместе с пиджачком трещали и кости. – Кстати, аб удачы, што я табе падарыць хацеу, – он достал из кармана запыленную фигурку Первого с клюшкой и в хоккейном обмундировании. Через пыль в районе плеч и коньков проблескивала позолота. – Эта я на днях купиу, гаварат, удачу прыносит и успехи ва усех начынаниях. На новых трахтарах такия на брэлках ёсць, ну тольки Он там пшаницу у руках дзержыт, эта к ураджаю.

– А этот разве не к спорту?

– И к спорту тожа, но ён визде прыгадзицца. Табе и к спорту лишним ня будзе, – весело хлопнул меня по животу, который не был готов к такой провокации, а потому не успел вовремя втянуться. Саныч снова махнул рукой, по-отцовски глянул в глаза и сделал очередной хуг своими пыльными руками. Я попытался ответить ему так же крепко, после взял талисман и положил во внутренний карман пиджака, слегка протерев. Саныч остался на месте чекать робота-агроворкера, который успел перейти на другую борозду и беззаботно надрывал листья уже там.

Я мувнул вперед, в сторону ангара с техникой, дабы выйти через калитку с другой стороны забора. Аккуратно шел вдоль борозд, минуя пыль, благо между ними был широкий проход

для людей и техники. От всей пыли, несмотря на все ухищрения, избавиться импосибильно, поэтому придется задержаться у эйрбота, чтобы предстать перед Катей в более-менее презентабельном луке.

– Ну что, двоечница, определила сорт?

– Вы же сами не захотели ожидать полной проверки, Журен.

– Он бы догадался, если б я так долго думал, Саныч же в курсе про майндчипы. Да все про них в курсе уже.

– Рискну заметить, что так называемый Саныч догадался и без этого.

– Да уж, смекалки старику не занимать.

Подходя к калитке, я бросил беглый взгляд на ангары, но в пыльной полутьме не заметил ничего нового или интересного. Хотя любопытство подбивало чекнуть новые образцы агрикультовых машин, я четко помнил про Катю и знал, что не помешало бы поспешить. Около самой калитки подошел к эйрботу, который окатил меня со всех сторон холодным воздухом, дабы избавить от пыли. Когда все это было проделано, фингертапнул специальный сканер, который открылся после верификации.

– До новых встреч, чуешенг! – послышался заюзанный металвойс, невольно вызывающий небольшие хэдизы своей зацикленностью и навязчивостью.

Я перешел улицу, повернул пару раз и вышел на заполненный людьми и машинами проспект. До нужного мне метростейшена оставалось каких-нибудь сто метров. Я решил пройтись глазами по билбордам в поисках нового эда[51], но ничего интересного не увидел. На огромном экране продолжал красоваться селестильский ученый, держащий на пинцете новенький XIAOMI-чип. Алише всегда недовольно жужжит, когда я прохожу мимо него. На плакатах поменьше, что стояли на олдскульных железных стойках, виднелись успевшие слегка потускнеть плакаты с новым составом сборной по хоккею, а слева от них Мао и Дэн пускали в воздух легкий дымок, держа в руках по пачке новых «Panda». Алише говорит, что в Китае за такой эд по головке не погладят, однако для нашего рынка истгайсы бездуховно коммерциализируют вождей, лишь бы продать на пару пачек сигарет больше. Да и не только сигарет. Великие селестильские лидеры смотрят на нас из ресторанных менюшек, пакетов с молоком, рекламы страховых агентств, недвижимости и даже контактных зоопарков. Про трехпроцентное на рисовом солоде и говорить нечего. Я уже подходил к спуску в метростейшен. Народу в середине дня было немного, и это радовало. В час-пик Шкловская ветка напоминает огромный муравейник с туннелями для личинок. Прошмыгнув через тяжелые, прижимаемые сквозняком доры, я мувал в сторону турникетов. Выплывший откуда-то сбоку секьюрити наскоро просканировал меня и чекнул номер чипа. Обычно этим занимаются метроботы, но иногда можно встретить истгайсов-метроворкеров со сканерами и чип-трекерами наперевес. Мне попался именно такой. В конце он вишнул «Сясливой дороги» и пропустил меня к турникетам.

– Алише, оплати проезд и поставь тот плейлист Федора Меркурова, который я добавил на днях.

– Жунбэй[52].

Я мувнул на платформу, в то время как в голове уже звучала знакомая мелодия из «Не останавливай меня сейчас». На платформе было пару десятков человек, не считая метроворкеров,

51 Эд (ориг. Advertisement, AD) – реклама.

52 Жунбэй (ориг. Zhǔnbèi) – сделано.

которые предупреждают о прибытии состава и распихивают зевак по переполненным в час-пик вагонам. Сейчас эти ребята явно скучали. Видневшийся из туннеля свет заставил меня подойти ближе к краю платформы, дабы успеть занять сидячее место. К сожалению, трэйн был не суперскоростным, как те, которые обкатывают на Шанхайской ветке. Главное, чтобы было где сесть. Доры разъехались в разные стороны, я мувнул в вагон. Свободных мест было немного, но усесться не составило большого труда. Я пристроился около входа, и тут же услышал метрошный металвойс: «Осторожно, двери закрываются, следующая станция – Площадь Стабильности. Чжуи мен дженгзай куанби, ся и джан – Плосядь Стабилёсти». Английский использовался достаточно редко и в основном в старых трэйнах, которые еще не переозвучили. Спрос на английский теперь не сравнить с покорившим полмира языком истгайсов. Понадобилось им для этого каких-то 20-30 лет. А в голове тем временем играла нестареющая классика от Меркурова. Релаксируя под нее, я сделал невольный айзклоуз.

Я как ракета, покоряющая Марс,
Стремлюсь вперед, чтоб встретить там коллапс,
Как спутник, что летит вокруг Земли,
Я сбился с курса, был утерян вдруг вдали,
Я словно мощный для соития станок,
Подзарядился и нырнул опять в порок,
И как от бомбы атомной гремящий взрыв,
Готов рвануть, образовав огромный гриб!

Над огромным пшеничным полем встает солнце. Легкий ветерок легонько задевает золотистые колоски. Смена кадров, по полю широкой цепью движутся косцы в льняных одеждах. Смена кадров, женщины в таких же светлых одеждах и косынках орудуют серпами. Смена кадров, медленно движущийся пахарь останавливает запряженный волом плуг, присаживается на одно колено и берет в ладони темно-коричневую землю, начинает медленно поднимать их. Смена кадров, старец держит в морщинистых руках горсть зерна из амбара и подносит ее к своему лицу. Смена кадров, маленький светловолосый мальчик выплескивает воду из ладошек на свое личико. Капли медленно начинают стекать по лбу. Смена кадров, раскрасневшийся под палящим солнцем косец проводит по лбу рукавом льняной рубашки, отирая пот. Мокрая ладонь берется за косу и заносит ее над зеленеющей травой. Смена кадров, нежная женская рука проводит серпом по спелым колоскам. Картинка отдаляется, работающие на полях люди становятся все меньше. Появляется закадровый голос и текст: «ТЫ НАША ГЛАВНАЯ КОРМИЛИЦА». Картинка приближается, на полях теперь супермощные красные трактора и комбайны, вдоль полей движутся прицепы. Смена кадров, дед с внуком едут на мотоблоке и улыбаются. Снова голос и текст: «И МЫ ВСЕГДА БУДЕМ ТЕБЯ ЛЮБИТЬ». Картинка снова отдаляется, слышен финальный текст: «МТЗ. СОХРАНЯЯ ТРАДИЦИИ, В НОГУ СО ВРЕМЕНЕМ».

– Алише, ну ты опять за свое? – недовольно протираю глаза.

– Прошу прощения, Журен, такая уж моя доля. Желаете продолжить прослушивание музыки?

Я и не заметил, что трэйн снова стоит с распахнутыми дорами, а пассажиры мувают вперед и назад, освобождая места или, наоборот, рассаживаясь. «Станция – Площадь Стабильности. Плосядь Стабилёси джэн. Осторожно, двери закрываются, следующая станция – Парк Солодухи. Чжуи мен дженгзай куанби, ся и джэн – Парьк Солозухи». И вот мы на пути к следующему метростейшену. Я вернулся к Алише.

– Уж будь добра.

– Будет сделано, Журен.

Снова услышал знакомую мелодию, однако песня была уже другой, не менее известной и притягательной.

В груди разбитой
едва слышен сердца стук,
А грим размазан весь,
лицо дрожит от мук,
Улыбку все равно я сохраню!
Как крылья славных бабочек,
моя душа ярка,
И сказкам, что мы слушали,
не сгинуть никогда,
Подобно им взлечу, мои друзья!
Ведь это шоу должно продолжиться!
Шоу должно продолжиться!

Утренняя тренировка в Шаолиньском монастыре. Лысые юноши в оранжевых одеждах стоят в несколько рядов, отрабатывая удары. Резвое «ууууух» одновременно раздается из нескольких десятков ртов. Смена кадра, шаолиньский старец играет в сянци с европейским паломником. На резкий шах паломника старец закрывается и через ход объявляет сопернику мат.

– Вы снова победили, сенсей, – негодует европеец.

Мастер задумчиво расчесывает длинную седую бороду.

– Как вам это все время удается?

Смена кадров, монах в оранжевом занимается с посохом. Он вращает его с невероятной скоростью, наносит несколько ударов условному противнику, делает шаг назад, занимает защитную стойку, терпеливо ожидает атаки.

– Сильным быть нужно для игры подобной, – изрекает мастер, – и сильным быть должно не только тело.

Смена кадров, монах сидит за стопкой книг и свитков в монастырской библиотеке. Тусклая лампа освещает его сосредоточенное лицо.

– И не только разум твой сильным быть должен, – продолжает сенсей.

Смена кадров, видна доска для игры в сянци. Мастер взмахнул рукавом, закрывая камеру, на вместо фигур на доске появляется столик для чайной церемонии. По лицу европейца…

– Хорошая попытка, Алише, а теперь выключай, я снова проснулся.

– Эх, Журен, а ведь вас не проведешь, – слышу в голове негодующе-флиртафульный металвойс.

– Что там хоть было-то?

– Пуэры «Юнь Хэ».

– Понял.

«Станция – Парк Солодухи. Парьк Солозухи джэн. Осторожно, двери закрываются, следующая станция – Муки-Трехдневная. Чжуи мен дженгзай куанби, ся и джэн – Муци-Трьохьдневня»

Алише включает музыку, трек опять поменялся. Продолжаю слушать, теперь уже без айзклоуза. Просто смотрю в окно напротив. На одном из стекол виднеется красочный плакат: «ТОЛЬКО 25 ИЮНЯ! ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ ОАО «КОМИНТЕРН» ЛЕТНЯЯ ЛИКВИДАЦИЯ ПРОШЛОГОДНЕЙ КОЛЛЕКЦИИ ХАНЬФУ И ТАНЧЖУАНОВ. СКИДКИ ДО -70%! СПЕШИТЕ!». Непроизвольно погладил свой серый пиджачок, вспоминая те времена, когда коминтерновские вешалки ломились от подобной одежды. Музыка в голове продолжает играть.

Мама, я его убил.
Направил пистолет в висок,
Нажал на спуск –
он мертв, вот весь итог,
Мама, ведь жизнь моя
еще совсем юна,
А я оставить должен все
и заплатить сполна.
Мама, прости за слезы те,
что льешь ты без конца,
Но если не увидишь больше
своего птенца,
Пусть дальше жизнь идет,
пусть бьются вновь сердца.

«Станция – Муки-Трехдневная. Муци-Трьохьдневня джэн. Осторожно, двери закрываются, следующая станция – Ермошинская. Чжуи мен дженгзай куанби, ся и джэн – Иерьмошиньска». Вагон заполнился почти полностью, люди возвращались с огромного базара

в переходе Муки-Трехдневной. Около меня сел истгайс среднего возраста, держащий в руке массивную шкатулку. Заметив меня, он тут же повернулся и открыл ее. В шкатулке была целая куча так и не распроданных фигурок Первого. Они сияли цветом разных драгметаллов. Да и сами фигурки были на любой тейст: и хоккеисты, и аграрии, и политики у трибун, и любящие отцы, и миниатюрные копии разбросанных по всей стране монюмов[53]. Тут же начал протягивать мне разные фигурки, предлагая купить. Я все отнекивался и шрагал плечами. Для убедительности решил достать подаренную Санычем фигурку хоккеиста. Отряхнул ее от остававшейся пыли и гордо предъявил ему. Селестилец понимающе кивнул и уткнулся носом в свою шкатулку. Порылся там немного, после чего вытащил две фигурки и показал мне. Это были Первый-хлебопашец и Первый-доктор. Сначала торгаш показал два пальца, затем один, сделав хитрый айзклоуз. Видимо предлагал взять двух по цене одного. Я продолжал мотать головой, после чего увидел в шкатулке платиновую копию монюма Первому, в которую были вкручены блестящие стеклышки, имитирующие рубины и изумруды. Где-то внутри появилось желание сделать Кате небольшой презент. Фингертапнул в нее, выяснил цену, согласился, уточнил номер его чипа, попросил Алише перевести средства. Истгайс торжественно вручил мне фигурку, уже упакованную в тонкий деревянный ящичек. Его я кое-как поместил в другой внутренний карман. Сделал довольному китайцу хэндшейк и погрузился в музыку.

«Станция – Ермошинская. Переход к поездам Автозаводской линии. Иерьмошиньска джэн. Гуду дао хоучу Аутозаводьска…»

Конец давно заученного метростейшенского металвойса я так и не услышал, поскольку уже мувал в сторону перехода на Пушкинскую. Поднялся на эскалаторе, после чего умело спустился по стейрзам на саму платформу. Трэинком произошел секунд через двадцать после этого. Людей на платформе хватало, хотя мне-таки снова удалось занять сидячее место. Я продолжал слушать музыку, предотвращая айзклоузы, чтобы в очередной раз не чекать старательно подгоняемые Алишэ эды. Спортивную и Фрунзенскую мы пролетели незаметно. За ними была и Немига. Я покинул метростейшн и мувнул в сторону набережной. Катю заметил почти сразу. Ее красное ципао точно ни с чем не спутать, ведь только на ней оно сидит так элегантно. Я нетерпеливо бросился навстречу.

– Баобей! – радостно воскликнула она.

– Нихао, моя Цинцин[54]! – я подхватил Катю на руки, и мы закружились. Она смущенно улыбалась, то и дело оглядываясь на прохожих. Поставил ее на ноги и нежно хугнул. Глядя через ее плечо, вдыхал аромат ее прямых черных волос. Отойдя на полшага, взглянул в ее глубокие темные глаза. – Как же я скучал, Цинцин, – положив ладонь ей на щеку, прильнул к тонким губам, сделал медленный айзклоуз и поцеловал их.

Примечание: при образовании некоторых сленговых слов используются не существующие в оригинальных языках конструкции либо их искаженное произношение.

51 Эд (ориг. Advertisement, AD) – реклама.

52 Жунбэй (ориг. Zhǔnbèi) – сделано.

УЛАДЗІСЛАЎ АХРОМЕНКА

НЯСВІЖСКАЯ КРЫЗА, АЛЬБО ВЕРНУТЫ РАЙ

Раман. Заканчэнне. Пачатак і працяг у «Мінкультах» 2 і 3.

Глава 11

Эрнэста Чэ Гевара трапным аперкотам зваліў пад стол Рауля Кастра, выцягнуў з кабуры пісталет і тройчы стрэліў у столь.

Так пачалося паседжанне Савета міністраў рэвалюцыйнай Кубы.

– Рэвалюцыя працягваецца!.. – на звонкай напятай струне выгукнуў Чэ. – Віва ля рэвалюцыя!..

Гільзы прадзінькалі па падлозе. На гіганцкі стол у цэнтры залы пасыпалася гіпсавая пацяруха. Чэ Гевара схіліўся над абмяклым міністрам узброеных сіл, звязаў яму рукі загадзя падрыхтаванай вяроўкай і пацягнуў цела да вялізнай шафы ў дальнім куце залы.

– У рэвалюцыянераў няма слуг! – патлумачыў ён.

Прысутныя нават не паспелі здзівіцца, як у залу ўваліліся чацвёра барбудас у прапацелай аліўкавай форме, з аўтаматамі напагатоў. Двое адразу занялі пазіцыю праваруч-леваруч парадных дзвярэй, адзін пасунуўся да бліжэйшага вакна, адзін скамянеў ля дзяржаўнага сцяга.

Чэ Гевара адкашляўся, выцер спатнелы твар чорнай берэткай, кінуў яе на стол.

– Кампаньерас! – прамовіў ён мужна і пафасна. – Фідэль Кастра і жменька адшчапенцаў прадалі камуністычныя ідэалы! Мы прагналі Бацісту. Мы разбілі грынга і іх наймітаў у Затоцы Свінняў. Мы спадзяваліся, што полымя нашай рэвалюцыі перакінецца і на Злучаныя Штаты Амерыкі! І што робіць здраднік Кастра ў сама адказны перыяд нашай рэвалюцыі?.. Ён нацыяналізуе ўсю амерыканскую маёмасць. Усю, якая ёсць: банкі, заводы, палацы, казіно, наркапрытоны…

Прамову камандантэ недарэчна прыпыніў барбудас, што стаяў ля дзяржаўнага сцяга:

– За Бацістам было значна лепш. Грынга прывозілі на Кубу шалёныя грошы. У іх гатэльных нумарах ніколі не было сейфаў. Мае хлопцы не ведалі, на што вытрачаць тыя даляры!..

– Да рэвалюцыі я працаваў сутэнёрам і мяняў машыну раз на год!.. – прызнаўся барбудас, што стаяў леваруч дзвярэй. – А цяпер вымушаны працаваць рэвалюцыянерам і не магу нават заліць поўны бак бензіну!.. Хіба

за гэта ўздымалі мы мачэтэ над прастрэлянымі галовамі?.. Хіба за гэта палівалі крывёю пяскі Плая-Хірон?!..

Прамоўца разануў па паплечніках спапяляльным поглядам – тыя дысцыплінавана змоўклі.

– У выніку шараговыя амерыканскія капіталісты перасталі прыязджаць на Выспу Свабоды. Сярод каго нам цяпер праводзіць рэвалюцыйную агітацыю і прапаганду? Адкажыце мне, амігас!.. – Чэ Гевара экспрэсіўна ўзняў рукі і пытальна агледзеў прыціхлых міністраў.

Звон адстрэленых гільзаў усё яшчэ вібраваў у вушах прысутных. З некалі раскошнай бацістаўскай рэстарацыі цягнула падгарэлай сачывічнай пахлёбкай. Словы адважнага камандантэ Чэ спараджалі ў чальцоў урада асцярожную згоду.

Радыкалізм Кастра даўно ўжо палохаў нават яго самых адданых прыхільнікаў. Чатыры месяцы таму Фідэлю неверагодна пашэнціла: самадзейныя дэсантнікі-«гусанас», якія выкінуліся ў Затоцы Свінняў, выявіліся пыхлівымі, п’янымі і баязлівымі няздарамі. Да таго ж, як паведамілі савецкія сябры, большасць грошай, якія Кангрэс ЗША выдаткаваў на аперацыю, бессаромна раскралі ў ЦРУ. У разе высадкі амерыканскіх марпехаў, загартаваных Карэяй і Індакітаем, шанцы ўзброеных сіл Выспы Свабоды раўняліся нулю.

Дый татальны дэфіцыт прадуктаў даводзіў міністраў да роспачы. Адразу пасля захопу Гаваны рэвалюцыянеры павыжыралі харчовыя склады капіталістаў, што тыя трусікі – капусную градку. Хлеб у Гаване даўно знік, не кажучы ўжо пра якіх-небудзь банальных лобстараў. Над выспай у поўны рост паўстаў прывід ваеннага камунізму. А хіба заслужаны змагар за свабоду павінен атрымліваць харчы па картках, бы які-небудзь чысцільшчык ботаў? Ці не лепш на кароткі час замірыцца з амерыканскімі імперыялістамі і агітаваць іх зноў прыязджаць у Гавану, але ўжо не для разбэсты, а для інвеставання ў рэвалюцыю сваіх распрыўкрасных даляраў?.. Дый і на міністраў тых даляраў відавочна бракаваць не будзе!..

– Фідэль утыркнуў сто нажоў у сэрца рэвалюцыі!.. – выгукнуў камандантэ Чэ так пранізліва, што крышталёвая жырандоля пад каланіяльнай ляпнінай злякана цінькнула. – Але ў рэвалюцыі тысячы сэрцаў, і яны калоцяцца ад рамантыкі працы і барацьбы!.. Мы павінны пайсці на тактычнае замірэнне з вашынгтонскімі рэакцыянерамі, каб выйграць час. Наша рэвалюцыя ўзгадуецца тымі варожымі далярамі, бы малады альбатрос, расправіць крылы і паляціць вызваляць усіх прыгнечаных братоў Паўночнай і Паўднёвай Амерыкі! Неўзабаве сцяг сацыялізму залунае не толькі над Мехіка, Мантэвідэа і Буэнас-Айрасам, але і над Маямі і нават…

За дзвярыма важка рыпнула, і абедзве форткі разляцеліся ад брутальнага ўдару – няйначай як армейскім берцам. Дзвярны праём засланіла мажная постаць камандантэ Фідэля, і ягоны доўгі цень паклаўся на падлогу.

– Што тут адбываецца, таварышы? – шурпатым барытонам пацікавіўся Першы сакратар ЦК кампартыі Кубы.

Таварышы па партыі сарамліва апусцілі вочы ў паперы. Узнікла кароткая прыдушаная мітусня; чальцы ўраду не маглі вызначыцца, што цяпер лепш – заставацца за сталом ці адразу стаць тварамі да сцяны. Фідэль Кастра глянуў у пусты фатэль, дзе звычайна засядаў міністр рэвалюцыйных узброеных сіл Рауль Кастра, прасачыў крывавы пункцір да шафы і сутаргава схапіўся за кабуру.

Чэ Гевара ўскінуў руку – у галаву камандантэ Фідэля сінхронна ўткнуліся аўтаматныя ствалы жаўнераў рэвалюцыі, якія пільнавалі дзверы. Яшчэ двое рэвалюцыянераў на ўсялякі выпадак пацэлілі ў зніякавелых міністраў.

– Ты прайграў, Фідэль, – камандантэ Чэ працягнуў далонь. – Аддай зброю.

Кастра ўмомант наліўся атрутнай крывёй, затупаў і засіпеў, бы раз’юшаны насарог:

– Здраднікі!.. Апартуністы!.. Агенты ЦРУ!.. Я ўсіх вас перастраляю!..

– Ты прайграў, Фідэль, – надзіва спакойна паўтарыў Чэ Гевара, падышоў да бліжэйшага вакна і тэатральным рухам падняў жалюзі.

На плошчы перад палацам вiравала стыхійная дэманстрацыя. Мітынгоўцы, пераважна беспрацоўныя, прастытуткі і хатнія гаспадыні з трушчобаў, тэмпераментна скандавалі «Радзіма альбо смерць!», вымахвалі нацыянальнымі сцягамі, лупілі накрыўкамі ў пустыя рондалі, а некаторыя нават натхнёна падтанцоўвалі ў рытме мамбы.

– Народ не з адшчапенцамі!.. – пасміхнуўся Чэ Гевара пераможна і жорстка. – Народ з намі, сапраўднымі рэвалюцыянерамі-марксістамі!.. І перастраляць гэты народ не атрымаецца нават у цябе!..

Першы сакратар ЦК кампартыі Кубы драўлянымі пальцамі расшпіліў кабуру, выцягнуў «сцечкін» і, не гледзячы на суразмоўцу, працягнуў яму пісталет дзяржальняй наперад.

– Фідэль, мы больш не маем права называць цябе нашым таварышам, – знянацку палагаднеў Чэ Гевара, памуліўся, падміргнуў міністрам і перайшоў да кульмінацыйнага моманту. – Але мы цэнім твае былыя заслугі перад рэвалюцыяй, і таму маем зрабіць адну прапанову, якая табе напэўна спадабаецца!.. Папрашу ў пакой адпачынку!..

Кастра асуджана глянуў на міністраў, пачухаў бухматую бараду і выйшаў ў калідор. Чэ Гевара пасунуўся следам.

– Рэвалюцыя працягваецца, кампаньерас!.. – баявым пеўнем выгукнуў ён. – А цяпер – сіеста!..

* * *

Камандантэ Эрнэста Чэ Гевара паклаў перад камандантэ Фідэлем Кастра Рус нядаўна сканфіскаваны «сцечкін».

– У пісталеце я пакінуў толькі адзін набой. Ты маеш час да апоўначы, каб застрэліцца.

Кастра ніякавата мазануў позіркам па зброі і механічна перавёў вочы на гадзіннік у куце. Малая стрэлка амаль упіралася ў чацвёрку, вялікая падпаўзала да лічбы дванаццаць. Залачоны маятнік у выглядзе кубінскага герба гойдаўся рытмічна і пагрозліва, бы катаўнічы рыштунак.

– А гэта – каб табе прыемней стралялася, – Чэ выставіў на столік пляшку цёмнага шкла са стракатай налепкай, па-інквізітарску пасміхнуўся і ўзбагаціў нацюрморт адкрытай скрыначкай чорных цыгар з залатымі абадкамі. – Твае ўлюбёныя, Фідэль. Усю Гавану аб’ездзіў, ледзьве знайшоў.

– Наш народ ніколі не зразумее майго самагубства, – запэўніў Кастра, але без асаблівай упэўненасці.

– Нашаму народу мы скажам, што ты стаў ахвярай амерыканскага імперыялізму, – супакоіў Чэ. – Цябе пахаваюць у маўзалеі. Такім жа самым, як у Хасэ Марці, толькі яшчэ больш раскошным. Тваім імем назавуць гатункі тытуню, бардэлі для багатых янкі, нованароджаных у трушчобах і нават нядаўна адкрытыя планеты. Не кажучы ўжо пра вуліцы і сабак. Маладыя кубінскія камуністы будуць прысягаць на тваёй магіле вернасці ідэалам, а госці Выспы Свабоды – ускладаць на яе вяночкі.

– Як адрэагуе Масква – ты падумаў? – выцягнуў Фідэль апошні козыр.

– Масква занадта далёка, – парыраваў Чэ з прагматызмам дасведчанага марксіста. – І нават найлепшая ў свеце савецкая медыцына не зможа цябе ўваскрасіць. Дый Мікіта Хрушчоў – чалавек разумны. І ён напэўна

зразумее, што лепш мець справу з жывымі рэвалюцыянерамі, чым з мёртвым героем.

Кастра агрэсіўна варухнуў барадою.

– І хто ж будзе кіраваць нашай рэвалюцыяй пасля маёй смерці? Няўжо ты?

– Давядзецца, – самаахвярна ўздыхнуў Чэ Гевара, зубамі скруціў з пляшкі корак і прыклаўся да рыльца. – А непаганы ром, аднак! Гадоў пяцьдзясят вытрымкі, я так думаю… Давай, за вялікі кубінскі народ!..

– Паслухай, Чэ, – Фідэль зрабіў доўгі глыток, выцер рукавом бараду і пацягнуўся па цыгару. – Няўжо ты сапраўды верыш, што гэты народ можна неяк перавыхаваць? Усё жыццё ў лайне і ў гноі, у гноі і ў лайне!.. А калі таму народу прыносіш на талерачцы вызваленне і паказваеш дарогу да лепшага жыцця, то адразу становішся для яго самым лютым ворагам. Бо ў гноі яму куды больш звыкла, а ў лайне – дык яшчэ і салодка…

– РЭВАЛЮЦЫЯ –
ГЭТА ЗМЕНА ЎЛАДЫ,
А НЕ ЗМЕНА СМАКУ
ЛАЙНА, – БЯЗЛІТАСНА
НАГАДАЎ ЧЭ. – І СЁННЯ ТЫ
Ў ГЭТЫМ ПЕРАКАНАЎСЯ.
УСЁ, ФІДЭЛЬ, БУДЗЬ
МУЖЧЫНАМ, ВЫПІВАЙ
І СТРАЛЯЙСЯ. ТАК ТРЭБА
ДЛЯ РЭВАЛЮЦЫІ.
Я ПРАВЕРУ АДРАЗУ
ПАСЛЯ АПОЎНАЧЫ.

Наступныя тры гадзіны Фідэль Кастра засяроджана смактаў ром, пускаў у столь сінія тытунёвыя колцы і спрабаваў актывізаваць апарат мыслення. У апараце панавала спусташэнне разгрому – панурае, бы мексіканская пустэльня. Уцячы з палону не выпадала: у пакоі не было вокнаў, а дзверы прабіла б толькі гармата. Пракляты апартуніст Чэ ўсё прадугледзеў!..

Калі ў пляшцы засталося менш за палову, Фідэль згадаў: тэлефон! У далёкім закутку Прэзідэнцкага палаца, між іржавымі бляшанкамі, анучнымі вузламі і зламанымі сталамі для «Блэк Джэка», напэўна стаяў адзін з трох тэлефонаў ВЧ-сувязі, якія па распараджэнні Мікіты Хрушчова правялі ў палац былога дыктатара Бацісты. Наўрад ці Чэ Гевара і яго антынародная хунта былі такімі пільнымі, каб адключыць сувязь.

Кастра накручваў дыск да абсалютнага здранцвення пальца: Масква не адказвала. Ад тэлефона валіў дым, ад Фідэля валіла пара, але апарат здзекліва маўчаў. Нарэшце, калі пляшка была амаль выпітая, а распухлы палец перастаў трапляць у лунку дыска, прыязны жаночы голас у слухаўцы паведаміў, што Мікіта Сяргеевіч спіць.

– Гэта я, камандантэ Фідэль Кастра, правадыр кубінскай рэвалюцыі! – зароў асуджаны да самагубства. – Тэрмінова пабудзіце таварыша Хрушчова і скажыце, што…

Са слухаўкі пачуліся незнаёмыя каманданту Фідэлю словы «чарнажопы» і «ахуеў», але па хуткім часе на іх наклаўся знаёмы брынклівы тэнар:

– Мікіта Сяргеевіч Хрушчоў слухае.

– Мікіта!.. Аміга!!.. Нас прадалі!!!.. Праклятыя янкі перакупілі ўсіх кубінскіх рэвалюцыянераў!.. Усе мае былыя паплечнікі выявіліся апартуністамі, рэнегатамі і рэстаўратарамі капіталізму!..

– Фідэль, у нас в Маскве тры ночы, – раздражнёна пазяхнуў Мікіта Сяргеевіч. – Затэлефануй мне заўтра а дзясятай раніцы. А яшчэ лепш а палове на сёмую вечара. Мы ж, разумееш, да Дваццаць другога з'езду партыі рыхтуемся…

– Мікіта!.. Ратуй!.. У нас тут сапраўдная катастрофа!.. – Кастра выплехнуў у рот усё, што заставалася ў пляшцы і ў роспачы бразнуў ёй аб сцяну. – Усё страчана, усё!.. Я пад хатнім

арыштам!.. Вораг народа Эрнэста Чэ Гевара загадаў мне да апоўначы застрэліцца!..

– Камандантэ Чэ? – млява зацікавіўся Хрушчоў. – Які, аднак, жвавы малец. Далёка пойдзе!.. Ну і што мне цяпер загадаеш рабіць?

Перад вачыма Фідэля недарэчна ўзнік хударлявы твар Чэ ў нясвежай берэтцы, з неахайнай падлеткавай бародкай… Ага, будзеш ты, прадажная амерыканская курва, кіраваць маёй Выспай Свабоды.. Я табе зараз пакажу смак лайна!..

– Мікіта, аміга, у імя нашага сяброўства прашу: тэрмінова нанясі ядзерны ўдар па Вашынгтону! Тэр-міно-ва!!!.. Можаш адным махам і па Гаване – я ўсё адно ўжо труп, а здраднікаў мне не шкада!!!..

– Слухай, Фідэль, не дуры галавы, ідзі спаць, – выдыхнуў Першы сакратар ЦК КПСС. – Ты што, п'яны там у сваёй Гаване? Ну, тады тым больш. А таварышу Эрнэсту Чэ Гевару перадай, што я асабістым загадам забараніў табе страляцца. З гэтым мудаком я заўтра разбяруся, як вызвалюся. Буэнас ночас, як гаворыцца ў кубінскіх таварышаў!..

Глава 12

Белы мячык узляцеў над зялёным полем і распусціўся ў блакіце нябёсаў. Ален Далес разгублена апусціў клюшку. Стэсі Радзівіл узняў голаў, выглядаючы магчымую траекторыю.

– Гольф, містар Далес, усяго толькі гульня, а не спецаперацыя, – нагадаў ён. – А мячык – спартовая фішка, а не шпегунскі самалёт U-2, які трэба запусціць як мага далей. Разнявольцеся і атрымлівайце ад жыцця асалоду!

– У гульнях мы ўсе – багі, – пахмурна адпарыраваў дырэктар ЦРУ. – Выйграем партыі, шпурляем людзей, бы тыя фішкі… А калі самі ляцім як мага далей, то толькі здзіўляемся – а куды ж тая асалода падзелася?

– У шмат якіх спецслужбоўцах загінулі сапраўдныя філосафы і інтэлектуалы, – з ледзь заўважнай іроніяй абагульніў Станіслаў Альбрэхт.

Травяная пляцоўка лашчыла вока ўсімі адценнямі смарагду. Па-над травою палала вечаровае сонца, тлустае і вясёлае, бы немаўля. Побач узвышалася вычварная металёвая вежа з гіганцкімі крыжамі антэнаў – камандная рубка авіяносца «Форэстал», на палётнай палубе якога і рассцілаўся штучны газон.

Сам авіяносец у эскорце эсмінцаў і субмарын стаяў у Мексіканскай затоцы, блізка тэрытарыяльных водаў Кубы. Набярэжная Гаваны выдатна праглядалася ў марскую оптыку: бялюткія дамкі ў залацістай смузе. Палубная авіяцыя «Форэстала» магла за якую гадзіну раструшчыць кубінскую сталіцу ўшчэнт – разам з яе бардэлямі, казармамі, трушчобамі і Прэзідэнцкім палацам. Аднак самалёты хаваліся ў падпалубных ангарах, а на палётнай паласе праходзілі паказальныя спаборніцтвы па ўлюбёнай гульні эксплуататараў і джэнтльменаў.

Над палубай флагмана Другога флоту ЗША ужо колькі разоў пралятаў верталёт Мі-4 без апазнавальных знакаў. У якімсьці кабельтовым нерухоміла два вартавых кацеры пад кубінскімі сцягамі, радысты каторых перамаўляліся між сабою выключна расійскімі мацюгамі. Аднак Кенэдзі, які ўвесь час знаходзіўся ў каманднай рубцы, з невядомых прычын распарадзіўся не замінаць варожай выведцы.

Джэкі з'явіўся на полі для гольфа, калі гульня была скончаная. Перамог, як заўсёды, Станіслаў Альбрэхт Радзівіл.

– Я падрыхтаваў прапанову для містара Хрушчова, – паведаміў Кенэдзі. – Яе перададуць апоўначы. Не ўпэўнены, аднак, што расійцы адрэагуюць па хуткім часе. У іх там цяпер нацыянальнае свята, дзень Вялікай Кастрычніцкай рэвалюцыі.

Вечар лянотна плёхаўся ў цёплым аквамарыне. Матросы скручвалі ў рулоны штучны газон. З бака пранізліва і апетытна пацягнула смажаным мясам, бы на сямейным барбекю.

Ален Далес разгублена зняў акуляры і пустымі вачыма паглядзеў паверх усяго; ён шчыра не разумеў, што адбываецца. Радзівіла і Кенэдзі звязвалі нейкія сакрэты, у якіх для ўсемагутнага спецслужбоўцы ўжо не было месца.

– Можа, містар прэзідэнт, вы ўсё ж растлумачыце, што азначае гэты пікнік? – пацікавіўся цээрушнік з падкрэслена нейтральнымі інтанацыямі.

– Гэта не пікнік, містар Далес, – абвергнуў Кенэдзі. – Гэта дэманстрацыя нашай салідарнасці з Чэ Геварам – палымяным змагаром за дэмакратычныя ідэалы і вялікім сябрам Злучаных Штатаў.

Дырэктар ЦРУ выслухаў інфармацыю з каменным тварам. Пра дзяржаўны пераварот у Гаване ён ужо ведаў, але ж не пра механізм яго здзяйснення і тым больш не пра далейшую стратэгію ЗША у кубінскім пытанні.

– Кожны міністр рэвалюцыйнай Кубы атрымаў ад нас па чамадане амерыканскіх грошай, такіх жа цяжкіх, як было жыццё кожнага з іх, – часткова прыадкрыў механізм Стэсі. – Самае цяжкое жыццё было ў містара Чэ Гевары, і таму ён атрымаў цэлых тры чамаданы. Наўзамен новы правадыр кубінскай рэвалюцыі паабяцаў лібералізацыю, рынкавыя рэформы і нават павагу да правоў чалавека.

– Найлепшай дэманстрацыяй салідарнасці з новым кубінскім рэжымам стане бамбёжка асяродкаў, дзе яшчэ падтрымліваюць дыктатуру Кастра, – бескампрамісна запярэчыў спецслужбоўца.

– Баявая авіяцыя таксама будзе задзейнічаная, – супакоіў прэзідэнт. – Толькі крыху пазней.

Бронепалуба закалацілася, бы пры ўзлёце цяжкога штурмавіка; гэта на палётнай паласе зароў і зрэзаўся магутны гукаўзмацняльнік. Па баявой рубцы на машту паволі папаўзла тканіна памерам з верталётную пляцоўку. Тканіна расцягнулася, надзьмулася мяцежным ветразем, але хутка знерухомела і жорстка зафіксавалася на тле вечаровага неба.

– Экран кінапраектара, – патлумачыў Джэкі. – Неўзабаве тут будзе занадта тлумна. Можа, працягнем на капітанскім мосціку?..

* * *

Космас над тропікам Рака праколвалі самотныя зорачкі і сузор'і. Поўня адорвала бронзай і маціцом. Спелым золатам сыпаў Млечны Шлях, і лятучыя рыбкі, палюючы на нябесны пылок, бязважка порхалі па-над чорнашклянымі хвалямі. Марыністычны краявід узбагачаў ударны авіяносец «Форэстал», які ў эскорце баявых караблёў нахабна ішоў тэрытарыяльнымі водамі Кубы.

Флагман Другога флоту ЗША выглядаў рыхтык круізны лайнер, арандаваны шчаслівымі выпускнікамі каледжа. Машты, лееры і барты сляпілі гронкамі святочнай ілюмінацыі. Па-над штыравымі антэнамі выбухалі вогненныя ружы салюту. На асветленай пражэктарамі палётнай палубе весялілася каманда.

Густыя вібрацыі, узмоцненыя апаратурай для стадыёнаў, праціналася пачуццёвым кашэчым вархатаннем:

I wanna be loved by you, just you,
And nobody else but you,
I wanna be loved by you, alone!
Boop-boop-be-doop!..

Напаўаголеная Мэрылін Манро спакушала з подыума, збудаванага ў самым канцы палётнай паласы; яе твар, абсыпаны зорнай пацярухай, ва ўсіх падрабязнасцях праектаваўся на гіганцкі экран. Аркестр прыгажунь у паўпразрыстых бікіні граў натхнёна

і ўзнёсла. Каманда слухала, прасякалася і сыходзіла слінай.

Кенэдзі, Радзівіл і Далес глядзелі канцэрт з капітанскага мосціка. Джэкі хціва мружыўся на спявачку і нават спрабаваў падпяваць; яго ўвідавоч кружляла карусель сэксуальных фантазій блізкай ночы. Стэсі падкрэслена абыякава цягнуў вечаровы аперытыў. Дырэктар ЦРУ паглядаў на ўвесь гэты Пірл-Харбар з непрыхаванай агідай і нечакана злавіў сябе на думцы: лепш бы «Форэстал» тарпедавала савецкая субмарына, толькі б не быць сведкам далейшай ганьбы.

А ліловую акварэль далягляду ўжо размываў электрычны пажар Гаваны. Ударны авіяносец ішоў проста на агні, ігнаруючы ўсе існыя законы міжнароднага Марскога права і магчымы ядзерны адказ Крамля. Матросы храбусцелі чыпсамі, запіваючы іх півам. Канцэрт уваходзіў у кульмінацыйную стадыю.

– Boop-boop-be-doop!.. – на агаленым эратычным нерве выдыхнула спявачка.

Аркестр скончыў. Матросы кончылі. Ален Далес нарэшце не вытрымаў:

– Наколькі я разумею, містар прэзідэнт, «Форэстал» цяпер – нешта сярэдняе паміж плавучай канцэртнай залай і філіяй Лас-Вегаса?

– Ані ў якім разе, – абвергнуў Джэкі вясёла і жорстка. – Але кубінцам, замардаваным дыктатурай, няшчымніцай і сакрэтнай паліцыяй, нашы ўзброеныя сілы трэба пазіцыянаваць менавіта ў такой якасці. Другі флот ЗША мусіць асацыявацца ў іх не з агрэсіяй, а з праявамі свабоды: ад буржуазнага гольфа і да здаровай эротыкі. Што да бомбавых удараў, то гадзіну таму на Гавану быў здзейснены масаваны авіяналёт B-52 – як вы, зрэшты, і хацелі. Нашы стратэгічныя бамбавозы скінулі сотні тысяч кантэйнераў з гуманітарнай дапамогай, з разліку па адным кантэйнеры на аднаго дарослага кубінца. Стандартны набор: адзін матрац, адна пляшка рому і адзін маракас…

– …гэта такі кубінскі эквівалент звыклага нам сэксу, наркотыкаў і рок-н-рола, – князь Станіслаў Альбрэхт запіў каментар аператывам. – Аднак галоўнае ў падарункавым наборы – капэрта з афіцыйным зваротам Джона Кенадзі звонку і банкнотай у дзесяць даляраў усярэдзіне. На гэтую суму сярэднестатыстычны кубінскі мужчына можа бязбедна жыць цэлы месяц.

– Але ж неба над Кубай шчыльна кантралюецца савецкай супрацьпаветранай абаронай, – разгублена нагадаў цээрушнік. – Няўжо абышлося без інцыдэнтаў?

– Для расійскіх салдат мы распрацавалі адмысловы тып гуманітарнай дапамогі – з улікам іх нацыянальнага разумення сэксу, наркотыкаў і рок-н-рола. Адзін парнаграфічны часопіс для мастурбацыі, адна пляшка спірту і адна балалайка, – адчаканіў Стэсі. – І ўсё выдатна спрацавала: савецкія радарна-лакацыйныя станцыі і ракетныя пускавыя ўстаноўкі былі спаралізаваныя ўжо праз гадзіну.

Знянацку дырэктар ЦРУ адчуў сябе мячыкам для гольфу, які са свістам і паскарэннем ляціць у бяздонным космасе. Ён выдатна ўсведамляў «як?..», але не цяміў «нашто?..»

– Разумею вашу разгубленасць, містар Далес, – прымірэнча пасміхнуўся Джэкі. – І шчыра перапрашаю за тое, што не паінфармаваў вас пра нашы планы раней. Так, Чэ Гевара – некіруемы псіхапат, і мець з такім справы куды страшней, чым з прамаскоўскім фанатыкам Кастра, пасіянарным і прадказальным. Але кубінская галеча змяніла веру з Фідэля на Чэ… Калі гэтыя абібокі праляжаць матрацы, выжлукцяць ром і раструшчаць маракасы, а гуманітарныя даляры павытрачаюць на прастытутак і баі пеўняў, ім зноў захочацца рэвалюцыі. Пакуль такая рэвалюцыйная сітуацыя не саспела, мы мусім пераканаць

Маскву, што шырокія народныя масы на чале з Чэ Геврам нас татальна падтрымліваюць. І зрабіць містару Хрушчову вабную прапанову: мы аднаўляем ва ўладзе звыклага для іх Фідэля, а наўзамен патрабуем стварэння нашай Кубы ў іх сацыялістычным канцлагеры.

– Класічная бартарна-клірынгавая здзелка з высокім прафіцытам, – падсумаваў Станіслаў Альбрэхт.

Гавана ўжо была відна няўзброеным вокам. «Форэстал» стаў на рэйдзе так, каб гіганцкі экран праектара акурат апынуўся на траверзе кубінскай сталіцы. Манро спявала, аркестр граў, каманда шалела. Набярэжная, нягледзячы на позні вечар, набрыняла густым святочным натоўпам.

На палубе ўспыхнуў пошукавы супрацьлодачны пражэктар. Сляпучае сіняе лязо рассекла трапічную цемру, светлавая пляма ўпэўнена паклалася на капітанскі мосцік. Праектар на баявой рубцы імгненна даў буйны план; Джэкі ў паставе Статуі Свабоды. Пастаўлены іміджмейкерамі позірк адлюстроўваў веліч місіі. Набярэжная выбухнула шалёнай авацыяй, і на яе накаліся ўзнёслыя воклічы «Віва эль грынга!..» і «Віва эль долар!..»

Перамога была хуткай, бліскучай і бяскроўнай; дырэктару ЦРУ заставалася адно вызнаць паразку.

– Ідэя, наколькі разумею, належыць містару Радзівілу? – удакладніў ён.

– Але, каб вам не было крыўдна, давайце назавём усё гэта «планам Далеса», – высакародна прапанаваў нашчадак літвінскіх феадалаў. – Спадзяюся, вы згодны?..

Глава 13

Чырвоная плошча сляпіла кумачамі сцягоў і глушыла меддзю маршаў. Каробкі пяхоты чаканілі рытм. Бясконцыя калоны бранетэхнікі з лязгатам уцягваліся на парадную дыстанцыю перад Маўзалеем. Па-над мешанінай штандараў, плакатаў, балонікаў і чалавечых галоў лунала бадзёрае:

– З сорак чацвёртай гадавінай Вялікай Кастрычніцкай рэвалюцыі, дарагія таварышы!.. Ура-а-а-а!..

Таварыш Хрушчоў абапёрся аб граніт трыбуны, у чарговы раз памахаў рукой, глянуў наніз. Па плошчы грукатаў падвоены ланцуг цыклапічных самаходных гаўбіц для стральбы ядзернымі снарадамі. Вочы Першага сакратара ЦК КПСС наліліся празрыстым блакітам.

– Чуеш, Радзівон Якаўлевіч, – Мікіта Сяргеевіч штурхнуў у бок міністра абароны Маліноўскага, няўлоўна падобнага да гутаперчавай шафы, зацягнутай у шэры маршальскі шынель. – Трэба было паставіць такія на Кубе – і па Флорыдзе! А потым імгненны паветраны дэсант на Маямі, Вашынгтон і Нью-Ёрк, га?!.. Хто тыя янкі супраць рускага штыка?.. Ат, шкада, што я тады не Фідэля паслухаўся, а вас з Суславым і Шэлепіным…

– Таварыш Фідэль Кастра пагэтуль знаходзіцца пад хатнім арыштам і сувязі з ім ужо няма, – асцярожна нагадаў Маліноўскі. – Жывы ён тамака ці не – невядома таксама. Гаванскую хунту ўзначаліў аргенцінскі фашыст Чэ Гевара, крывавы кат і стаўленік самых рэакцыйных колаў амерыканскай ваеншчыны. І дамовіцца з гэтым адмарожаным на ўсю галаву даўбаёбам практычна немагчыма.

– Ды ну вас усіх… Такі момант прасралі!.. – раздражнёна адмахнуўся Хрушчоў і скасавурыўся ў бок замежнікаў, якія сачылі за парадам з трыбуны ганаровых гасцей.

Вайсковыя аташэ капіталістычных краін вытрымлівалі на тварах дыпламатычны фасон; дэманстрацыя бязлітасна-пераможнай моцы Савецкага Саюза ўвідавоч пасылала ім сігналы, напоўненыя зашыфраванымі пагрозамі і прыхаванымі сэнсамі. А вось прадажныя заходнія журналісты

бессаромна шчоўкалі фотаапаратамі і па-шпіёнску блішчэлі лінзамі.

Паветра загусцела хіжым гулам. На плошчу пакладзіся гіганцкія рухомыя цені: над Масквою велічна праплывалі стратэгічныя бамбардзіроўшчыкі Ту-95. Празрыстыя прапелерныя дыскі зіхацелі сонечным пылам. Зоркі ганарліва палымнелі на дзюралевых крылах.

Мікіта Сяргеевіч прывітальна памахаў бамбавозам, прашаптаў засяроджана:

– НЕ, ДАРАГІЯ ЧЛЕНЫ ПАЛІТБЮРО… Я ВАМ ПАКАЖУ, ШТО ТАКОЕ ДЭМАКРАТЫЧНЫ ЦЭНТРАЛІЗМ І КУЗЬКІНА МАЦЬ! КАЛІ ПЕРШЫ САКРАТАР ВЫРАШЫЎ БАМБІЦЬ АМЕРЫКАНСКІХ ІМПЕРЫЯЛІСТАЎ, ЗНАЧЫЦЦА – БАМБІЦЬ ІХ НАХ!..

Дый апошнюю просьбу таварыша Кастра трэба выканаць, – Хрушчоў штурхнуў локцем старшыню КГБ: – Алё, Шурык, не спі, а то змерзнеш! Дык што нам з братнім кубінскім народам рабіць? Дапаможам?

Шэлепін ледзь заўважна зварухнуў вугалком каменнага рота: маўляў, ды з прыборам я клаў на тых трапічных гамадрылаў з іх рэвалюцыйнымі лозунгамі і валасатымі камандантэ! У сітуацыі вакол Кубы яго цікавілі хіба што шалёныя сумы ў валюце, якія праходзілі праз яго ведамства па графе «дапамога нацыянальна-вызвольным рухам».

– Вы ж, Мікіта Сяргеевіч, самі пагадзіліся, што спярша трэба раскласці амерыканскіх імперыялістаў з сярэдзіны, – далікатна нагадаў галоўны чэкіст вынікі размовы ў Піцундзе. – Наша рэзідэнтура ўжо прафінансавала новыя дозы сэксу, наркотыкаў і рок-н-рола, якія неўзабаве будуць упырснутыя ў згнілае цела Злучаных Штатаў. Што тычыцца супрацьдзеяння гэтай заразе ў СССР, то намі распрацаваны звышсакрэтны гіб...

– Глядзі, глядзі!.. – Першы сакратар азартна прыўзняўся на дыбачкі і выцягнуў шыю.

Перад Маўзалеем у пякельным грукатанні праходзілі цягачы з прычэпленымі балістычнымі ракетамі даўжынёю ў палову Чырвонай плошчы. Бруканка рыпела і прагіналася. Атрутныя чорныя выхлапы шматкамі ляцелі да ўрадавай трыбуны.

Хрушчоў праводзіў ракеты зачараваным позіркам, і яго вочкі наліліся ганарлівай слязою за дзяржаўную веліч СССР.

– Як прыгожа ідуць, ну проста Вялікі Тэатр і «Лебядзінае возера»!.. Во, Шурык, дзе моц! Адна такая ракета – і паловы Амерыкі як не было! А ты кажаш: рок-н-рол, наркотыкі, махнатка…

Калона цягачоў з балістычнай зброяй уцягвалася ў гарлавіну каля сабора Васіля Блазнаватага, азіяцкія цыбуліны якога прасвечваліся праз шчыльную чырвань сцягоў. Калі апошні цягач наблізіўся да Лобнага месца, Мікіту Сяргеевічу падалося, што шматтонная межкантынентальная ракета падскочыла на бруку пругка і лёгка, бы аэрастат паветранай загароды…

Хрушчоў заплюшчыў вочы, а калі зноў паглядзеў у бок Лобнага месца, цягача ўжо не было.

– Радзівон Якаўлевіч, – напружана прашаптаў ён міністру абароны. – Ты бачыў? Ракета нейкая дзіўная. Кісялём варушыцца!..

– Ракета як ракета, – знізаў плячыма Маліноўскі. – У нас такіх сотні, мы іх, што тыя сасіскі, вырабляем… Стаміліся вы, Мікіта Сяргеевіч!.. Адпачываць трэба часцей.

Куранты ўрачыста прабілі дзяржаўны поўдзень. Вайсковая частка парада заканчвалася. Перад Маўзалеем чаканілі крок апошнія каробкі пяхоты, і падэшвы сінхронна бразгалі падкаваным металам па бруку.

Маршал Маліноўскі замілавана цешыўся адборным страявым матэрыялам. Старшыня КГБ Шэлепін інтымна схіліўся да вуха галоўнага ідэолага Суслава. Хрушчоў нецярпліва паглядаў на гадзіннік: у Крамлі ўжо, напэўна, накрывалі сталы, а перад Маўзалеем яшчэ мелася прайсці пратакольная калона працоўных з транспарантамі, спадарожнікамі і кукурузінамі.

Перспектывы ўрачыстага банкета змусілі Мікіту Сяргеевіча амаль пазабыцца на невытлумачальнае хістанне ракеты, якое сапраўды магло яму прымроіцца. На Чырвонай плошчы з'явіліся фізкультурнікі з піянерамі. Шырокія народныя масы дэманстравалі гарачую падтрымку, вымахвалі кумачамі і са спрытам жывых аўтаматаў групаваліся ў гіганцкія словы «СССР», «КПСС» і нават у цэлыя лозунгі.

А па службовых сходах Маўзалея ўжо падымаўся фельд'егер з пакетам у руках. Ён трэніраваным рухам крануў Хрушчова за пляча, працягнуў пакет і імгненна выпарыўся з трыбуны.

* * *

Святочны банкет у Георгіеўскай залі Крамля адкладаўся на няпэўны час: адразу пасля параду Мікіта Сяргеевіч загадкава знік.

Члены Палітбюро разгублена тапталіся каля сталоў з халоднымі закускамі на гербавых сервізах і напружана пазіралі на гіганцкія залачоныя дзверы. Афіцыянты ў чорных, бы ў заможных трунароў, стройчыках без дай патрэбы праціралі крышталь, далікатна дзінькалі срэбрам прыбораў і папраўлялі карункавыя сурвэткі.

Хвіліны шклянелі і блямкалі. Прысутныя прасякаліся ўсё больш і больш нядобрымі прадчуваннямі за свае лёсы. Маршал Радзівон Маліноўскі, апрануты ў парадны мундзір, нервова бразгаў ордэнамі, бы цыркавы конь наборнай збруяй. Ідэолаг Міхаіл Суслаў учарэпіўся палеартрытнымі кіпцюркамі ў ампірны фатэль. Адказны за абаронную прамысловасць Дзмітрый Усцінаў сутаргава прамакаў лоб пакамечаным насоўкай. І толькі старшыня КГБ Аляксандр Шэлепін выглядаў надзіва спакойным – пра яго напругу сведчылі хіба што хіжыя позіркі, якімі ён абмацваў прысутных.

Дзверы Герогіеўскай залі важка разышліся, нібы створкі шахты балістычнай ракеты. Мікіта Сяргеевіч кантужана прашаркаў па наборным паркеце, плюхнуўся ў фатэль, набулькацеў гарэлкі ў трохсотграмовы фужэр для крушону і выпіў нагбом. Ён нагадваў свінаматку, якая ў нейкі цуд пазбегнула нажа рэзніка, але паабяцала наўзамен аддаць яму найлепшага парсюка з прыплоду.

Хрушчоў адрыгнуў, падчапіў відэльцам грыб, занюхаў і толькі потым закусіў.

– Яны ахуелі... – упала ў касмічнай цішыні залі.

– Хто, Мікіта Сяргеевіч? – спачувальна ўдакладніў Шэлепін.

– Хто, хто… Сэры і херы ў паліто! Амерыканцы, а то хто ж яшчэ?! – Першы сакратар ЦК КПСС быў гатовы восьвось сарвацца ў істэрыку. – Я толькі што з гэтым выпердышам па тэлефоне гаварыў, з Кенэдзі! Імперыялісты без адзінага стрэлу захапілі Гавану. Яны згодныя аднавіць ва ўладзе Фідэля Кастра і нават дазволіць яму будаваць на Кубе камунізм з усім, што з гэтага вынікае. Але ведаеце, што Кенэдзі запатрабаваў наўзамен?.. Не ведаеце?.. То слухайце…

Глава 14

Дзяржаўныя ўрачыстасці праходзілі ў Нясвіжы прыстойна.

Пасля святочнай дэманстрацыі старэйшыя пацягнуліся па хатах: выпіваць за Кастрычніцкую рэвалюцыю і глядзець па тэлевізары крамлёўскі канцэрт. Маладыя прагнулі весялосці і кахання. Весялосцю адорвалі

на Плошчы: народныя гулянні з духавым аркестрам і перасоўным буфетам. А каханне можна было пабачыць у кінатэатры, куды завезлі новы фільм з Мэрылін Манро.

Пунсовыя сцягі матляліся ў бляклым блакіце. Заакіянская бляўка гарэзліва пасміхалася з афішнае тумбы. Да кіназалы сцякаліся рамантычныя пары. Народ паважна прапусціў санітарны УАЗ, які збочваў праз ходнікі. Фургон абдаў мінакоў ядучым выхлапам і спыніўся ў цёмным закутку.

Неўзабаве з цемры выплыў каларытны дзяцюк, апрануты ў эстэтыцы савецкага мінімалізму: кірзачы, галіфэ, ільсняная армейская ватоўка і салдацкая вушанка з чырвонай зоркай. Постаць агламошвала габарытамі і нерастрачанай моцай – салдат быў крыху меншым за статую правадыра перад Домам піянераў. Твар міжволі наводзіў на думкі пра ратныя подзвігі і ваенна-палявую хірургію: скура колеру гарэлага мяса, нізкі шнараваты лоб і цяжкія надброўныя дугі з глыбока пасаджанымі вачыма.

Звяружны волат падышоў да афішнае тумбы, з нянавісцю глянуў на Мэрылін Манро і агрэсіўна загырчэў. Мінакі шарахнуліся. Школьніца з шыкоўнымі белымі бантамі танютка войкнула. Валацужны сабака злякана падціснуў хвост, віскнуў і ўцёк.

Дужыя валасатыя пальцы расшпілілі ватоўку. З гімнасцёркі бліснуў ордэн Леніна. Пад узнагародай чарнела шырачэзная мясніцкая сякера, заткнутая за салдацкі рэмень. Дзяцюк зухавата выхапіў сякеру і ўсадзіў ў твар красуні па самы абух. Лёгка прыўзняў тумбу на дзяржальні і, бы тым паленам, храбыснуў аб брук. Колькі ўдараў ляза – і ад масіўнага цыліндра засталася піраміда ўломкаў.

Натоўп імгненна здзьмула на дальні бок вуліцы. Твары скрывіліся ў неўратычнай разгубленасці. Узнікла лёгкае адчуванне страты рэальнасці, якое звычайна здараецца падчас цыркавога распілоўвання людзей.

Тым часам салдат сеў на лаўку, адклаў зброю і тужліва схіліў галаў – нібы прыгадаў варожы артабстрэл, смерць баявых сяброў і апошнюю гранату ў баі супраць пяці фашысцкіх танкаў. Ён не выдаваў на вар'ята ці падпітага: трымаўся роўна, глядзеў цвёрда, смуткаваў шчыра.

У паветры віяланчэльнай струною пульсавала напруга. Волат нерухоміў бронзавым помнікам. Народ чакальна пaглядаў, што будзе далей. Час запаволіўся, загусцеў і ашклянеў, нібы смалісты нацёк на сосне.

Нарэшце, у натоўпе не вытрымалі.

– Дзядзька, ну нашто ты пасек прыгожую бялявую жанчыну? – запытаўся нехта нябачны і палахліва змоўкнуў.

Дзяцюк падняўся, агрэсіўна глянуў паверх галоў і шалёна заварочаў налітымі крывёю вачыма.

– У ябала – хочаш?!.. – зароў ён нялюдска нізкім басам.

– За што?!.. – сумеўся нябачны.

– Ты ж фашыст, блядзь!!!.. – салдат тыцнуў у бліжэйшыя твары фотаздымкам: стацыянарная шыбеніца, савецкія патрыёты з петлямі на шыях і купка шчаслівых эсэсаўцаў, прытым на першым плане свяцілася бялявая арыйка, вельмі падобная да Мэрылін Манро. – Ты за іх, сука?!..

– Ды ў мяне тата загі…

– Дык ты, удрота, на забойцу свайго бацькі прыйшоў любавацца?!.. – раз'юшана выбухнуў волат, цяжка задыхаў і ўтаропіўся ў білетную касу з плакатам амерыканскага фільма. – Хто тут не за фашыстаў – здзірайце на хер карцінкі з нямецкай падсцілкай!..

Натоўп здрыгануўся і сцяўся, рыхтык працяты электратокам малюск: гэта быў ужо заклік да хуліганства, пагрому, а мажліва, нават да бунту.

Вядома ж, салдат быў героем. Магчыма, амерыканская бляўка з афішы сапраўды вешала патрыётаў. Але падпарадкавацца мяцежным

словам не дазвалялі закон, традыцыі і прыродная любоў да парадку.

А да месца здарэння ўжо паспяшаў міліцыянт. Ён няверліва агледзеў уломкі тумбы, ацаніў парушальніка з мясніцкай сякерай і на ўсялякі выпадак спыніўся наводдаль.

– Вашы дакументы, грамадзянін!

– Шо?! – дзяцюк люта бліснуў вачыма, ірвануў на грудзях ватоўку і выставіў напаказ ордэн Леніна. – Вось мой дакумент!..

Праваахоўнік пацягнуўся да кабуры, але, глянуўшы ў дзецюковы грудзі, адразу адсунуў руку. На баку волата былі звяружная моц, акопная праўда і высокая дзяржаўная ўзнагарода. Яго можна было толькі забіць, але забіваць яго было нельга.

Пакуль міліцыянт разважаў, што зрабіць найперш – разганяць народ ці звязацца з начальствам, – ад санітарнага УАЗа аддзялілася цыбатая постаць і кароткай фразай выкінула мянта з краявіду.

Напруга адразу згасла – улада відавочна не збіралася караць ані падбухторшчыка, ані тых, хто выпадкова апынуўся побач. У натоўпе з'явіліся спачувальныя посмешкі: антыфашысцкая прапаганда выклікала спагаду.

Звераваты гігант загырчэў у прыязнейшай інтанацыі:

і сяброўскіх размоў, а не зухаватых і падазроных подзвігаў.

З героем, аднак, засталося з тузін рашучых і прагных: школьнікі, пэтэвэшнікі і маладыя калгаснікі.

Дзяцюк дзелавіта расклаў з уломкаў вогнішча, сеў на кукішкі і з выглядам пераможцы на руінах Рэйхстага запаліў беламорыну. У вагні палалі і курчыліся пашкамутаныя плакаты з Мэрылін Манро, якія маладзёны толькі здолелі знайсці ў Нясвіжы. На юнацкіх тварах палымнелі гераічныя міражы.

Дзяўчынка з шыкоўнымі белымі бантамі запыталася з павагай:

– Таварыш ветэран, а колькі гадоў вы супраць фашыстаў ваявалі?

– Ад званка да званка, – волат цвыркнуў доўгай жоўтай слінаю на барвовыя вуголлі. – Стаялі насмерць. І я вас, підары, навучу светлым ідэалам!..

* * *

– ...па дакументах нашай лабараторыі ён праходзіць як «ГіБрыд», ці «ГэБэ», калі скарочана, – доктар Паўлаў засяроджана сачыў за дзецюком праз прыладу начнога бачання. – Але ж выглядае амаль як чалавек. Ды й звяртацца да яго неяк трэба. Вось і прыдумалі яму сугучны аператыўны псеўданім: Гаўрыла Батыеў.

ПАКУЛЬ МІЛІЦЫЯНТ РАЗВАЖАЎ, ШТО ЗРАБІЦЬ НАЙПЕРШ – РАЗГАНЯЦЬ НАРОД ЦІ ЗВЯЗАЦЦА З НАЧАЛЬСТВАМ, – АД САНІТАРНАГА УАЗА АДДЗЯЛІЛАСЯ ЦЫБАТАЯ ПОСТАЦЬ І КАРОТКАЙ ФРАЗАЙ ВЫКІНУЛА МЯНТА З КРАЯВІДУ.

– Хулі вы як нярускія?.. Здзірайце гэтую гітлераўскую поскудзь, дзе толькі пабачыце!..

Прахалодны ветрык шліфаваў засівераныя твары. На вуліцы запаліліся ліхтары, каламутныя жоўтыя дзьмухаўцы з хісткімі німбамі наўкол. Патаптаўшыся вакол волата, народ моўчкі пасунуўся па хатах; святочным вечарам хацелася хатняе ўтульнасці

Чэрава санітарнага УАЗа нагадвала мініяцюрны начальніцкі кабінет: дываны на сценах, партрэт правадыра і столік са скуранымі фатэлямі. У стылістыку не ўпісваўся хіба што закратаваны закуток напалову салона, відавочна перанесены з аўтазака.

Загадчык сакрэтнай лабараторыі адклаў прыладу. Нервова пашкрабаў жывот, прасветлена пасміхнуўся

лабарантцы Каці, прымружыўся на немаладога цыбатага дзядзьку з постным тварам вахцёра.

– Ну што, дарагія таварышы. Першы выхад у свет нашага гадаванца атрымаўся надзіва ўдалым, – Паўлаў выцягнуў з-пад століка пляшку каньяку з гранчакамі, разліў узважанай рукою хірурга. – Прапаную адзначыць чарговую перамогу савецкай навукі.

– Гэта Ленінская прэмія, таварыш палкоўнік медычнай службы! – мовіла Каця ціха і пранікнёна. – Шкада, як закрытым спісам дадуць. Але, з іншага боку, не друкаваць жа пра стварэнне новага тыпу савецкага чалавека ў газеце «Правда»!

– Чаму «ГэБэ» – зразумела, – цыбаты засяроджана панюхаў каньяк, выдыхнуў і інстынктыўна пашукаў вачыма кіслы гурок. – Сапраўдны, клапом смуродзіць! Але чаму ён…

– …чаму менавіта «гібрыд»? – доктар выпіў нагбом, выцер далонню рот. – Усё проста: маці ў яго гарыла, а тата – рускі. Звычайнае міжвідавае скрыжаванне. Дазаванае апраменьванне пры атамным рэактары з мэтай мутагенезу. Эпіляцыі, імплантацыі, пластычныя аперацыі. Заняткі з дрэсіроўшчыкам, лагапедам і палітруком. Апошняю шліфоўку і першыя выпрабаванні даверылі нашай лабараторыі. І ўсё, як бачыце, атрымалася!

Цыбаты на знакі паказаў, што за гэта варта выпіць зноўкі.

– Але ж занадта пільны маёр з мясцовага райаддзела гэбэ… — нагадала лабарантка нясмела.

– Пяткевіча яшчэ раз папярэдзілі, каб не лез не ў свае справы, – адмахнулся Паўлаў. – Для яго ўжо падрыхтаванае інфармацыйнае паведамленне, якое ён назаўтра і адправіць кіраўніцтву. Маўляў, у дзень Вялікай Кастрычніцкай рэвалюцыі шырокія народныя масы выказалі стыхійнае абурэнне дэманстрацыяй нізкапробнага амерыканскага фільма, які прапагандуе гвалт, сэкс і заняпад нораваў. «Мы не дазволім разбэшчваць нашу моладзь!» – заявіў Гаўрыла Батыеў, удзельнік Вялікай Айчынай і заслужаны ардэнаносец.

– Ордэн ваш жыўчык з ветэраншы садраў, якую ледзьве не згвалціў? – удакладніў цыбаты з крывой пасмешкай.

– Анягож не!.. – шкляныя вочкі палкоўніка медычнай службы бліснулі нездароўчым захапленнем. – Узяў трафей – дык і добра; а то што за герой без ордэну? І ўжо заўтра па горадзе пойдуць гуляць байкі пра франтавыя подзвігі нашага гібрыда. Як пад Сталінградам сяржант Батыеў кінуў гранату, якія забіла трыццаць фашыстаў, а потым выбухнула. Як з сякерай на Курскай Дузе ён быў страшнейшым за танк. А без сякеры – і ўвогуле танкам!

Вогнішча перад кінатэатрам палала ўжо з паўгадзіны. Барвовыя водблескі кладіся на сцены і брукаванку ліпучымі камуфляжнымі плямамі. Доктар прыклаў акуляры шпегунскага апарата да вачэй: волат, мяркуючы па звяружных грымасах, даваў юнакам урок мужнасці. Па коле пайшла біклажка спірту пад бляшанку тушонкі.

Карціна схіляла да чуллівага маналога. Паўлаў накаціў, хэкнуў, энергічна пачухаў геніталіі і натхніўся на сола.

– Звычайны дарвінізм, можаце пераканацца самі, – доктар перадаў апарат цыбатаму. – Калі харызматычны альфа-самец прымае у свой статак несвядомых маладзёнаў, у апошніх з'яўляецца адчуванне асэнсаванасці жыцця і падвышаецца самаацэнка. Статак набывае статус, чым і вабіць неафітаў, якія ўсведамляюць сваю непаўнавартаснасць і прагнуць зацвердзіцца ў вачах аднагодкаў праз сяброўства з героем. З цягам часу мы атрымліваем сімпатычную хеўру з выдрэсіраваным дамінантным самцом, жорсткай іерархіяй і жалезнай дысцыплінай. Раскажыце ім каля вогнішча пра фашызм, нагадуйце тушонкай са спіртам і пакажыце на ворага –

і хеўра без ваганняў пашматуе яго, бы той плакат. Гэта і ёсць наш адказ амерыканскім імперыялістам з іх хвалёнымі свабодамі: сэксам, нар…

Знянацку ад вогнішча данеслася жывёльнае скавытанне ў пачварна нізкай танальнасці:

– У-у-у!.. У рот, у душу і ў дупу!..

Паўлаў схамянуўся, адставіў шклянку, сувора ўтаропіўся ў Кацю:

– Сюды яго цягні па-хуткаму, а то яшчэ згвалціць каго незнарок! Твая, між іншым, недапрацоўка!..

– Я яму сёння ўжо двойчы драчыла, таварыш палкоўнік, – лабарантка паспешліва адчыніла дзвёрку. – Як вы і загадалі: зраніцы і акурат перад выездам сюды…

– Я сказаў – хутка!..

Дзявуля паслухмяна зацокала абцасамі да вогнішча. Цыбаты коратка і цынічна рагатнуў. Доктар Паўлаў нервова пачухаў шыю, выйшаў з фургона, зашаргацеў цыгарэтным пачкам.

Ад Замкавага возера цягнула пранізлівым халадком. Вуголле інтымна ружавела ў ліловай імгле. Каця кранальна схілілася да вуха Гаўрылы Батыева, але адразу адскочыла – волат з нечаканым для яго камплекцыі спрытам цапнуў дзявулю за азадак.

– Мы ўвесь свет паставім ракам, усіх нярускіх – ломам у сраку!.. – пераможна разнеслася па начным Нясвіжы.

– На жаль, лібіда ў гібрыдаў амаль не кантралюецца, – скрушна засведчыў доктар. – Можна хіба што рэгуляваць.

– Сухадрочка для такога прыгожага палаваспелага самца – гэта неяк ненатуральна! – заспачуваў суразмоўца. – Яму б ладную самачку!

Лабарантка спраўна выканала загад: неўзабаве Гаўрыла Батыеў, пажадліва пускаючы сліну, стаяў ля расчыненых дзвёрак фургона. Вочы зіхцелі бутэлечным шклом, ноздры шалёна раздзьмуваліся, пальцы дрыжэлі – ён відавочна ўзбудзіўся.

– Расцвіталі яблыні і грушы, паплылі туманы над ракой! – шчасліва загарлаў дзяцюк у прадчуванні аргазму. – Выхадзіла на бераг Кацюша…

Доктар па-бацькоўску паклаў лабарантцы руку на плячо.

– У яго, Кацюша, сёння быў вельмі цяжкі дзень. Так што табе трэба пастарацца!

– Зробім, зробім, – лабарантка спрактыкавана нацягнула медычныя гумовыя пальчаткі і адступіла, прапускаючы гібрыда ў салон. – Пайшлі, Гаўрык! Толькі вы, таварыш палкоўнік медычнай службы, не падглядайце!

– Кацюша! – паўтарыў Паўлаў з націскам. – Гэтым разам табе давядзецца задаволіць яго не рукамі, а іншым месцам.

– Я… кім? – сумелася дзеўка.

– Тым самым, якім цябе мамка на свет нарадзіла!

Каця разгублена адступіла. Твар яе пайшоў барвовымі плямамі, вочы набрынялі, нос завастрыўся.

– Як гэта… Я не хачу, нехачу, нехачунехачу!.. – прашаптала яна і зашморгала носам. – У мяне ж хлопец ёсць, з мінскага Упраўлення… Прыгажун, разумнік, герой… уласнаруч прысуды выконвае!

Гібрыд гупаў у салоне рытмічна і нецярпліва. Позірк доктара Паўлава ціснуў з цяжкасцю танка. Лабарантка пашукала раскаардынаванымі вачыма пункт апірышча і спынілася на твары цыбатага.

– Таварыш начальнік рэжыму!.. – залапатала яна ўмольна. – Ну хоць вы растлу…

– Не выканаеш загад кіраўніцтва, таварыш лейтэнант Дзяржаўнай Бяспекі, – твой хлопец выканае цябе, – жорстка адсек той і прыўзняў далонь з сухімі кашчавымі пальцамі. – Ды я ў трыццаць сёмым такіх сабатажнікаў вось гэтай самай рукою…

Доктар абняў дзявулю, прыціснуў, пяшчотна пацалаваў яе ў голаў.

– Кацюшанька, дзяўчыначка ты мая любая, – прамовіў ён ясна і пранікнёна. – Я не магу табе загадваць як начальнік і старэйшы па званні. Я магу толькі папрасіць. Як адзіную дачку… Трэба – разумееш? Не для мяне асабіста, Каця. Для нашай з табою Радзімы. Для абароны роднай дзяржавы ад сусветных імперыялістаў. Для перамогі савецкай навукі, у рэшце рэшт! Згадай бязвусых пацаноў, якія паклалі маладыя жыцці пад Сталінградам! Думаеш, у іх не было каханых? Ці, можа, ім так хацелася паміраць? А цябе нават паміраць ніхто не прымушае… Пакуль што.

Дзявуля пранізліва ўсхліпнула, крыху павагалася, але пайшла ў салон. Доктар запаліў цыгарэту, выцягнуў з кішэні плашча чарговую пляшку, скруціў корак.

– Ну, за баб! – палкоўнік медычнай службы падміргнуў, каўтануў проста з рыльца, працягнуў суразмоўцу.

– Усе савецкія бабы – тупыя блядзі, – адмахнуўся цыбаты, і ягоны вахцёрскі твар заплыў халоднай грэблівасцю. – Самы ненадзейны элемент.

– Затое які прыемны! Не кажучы ўжо пра іх прыродную патрыятычнасць. У цяжкія для Радзімы часы гэта сапраўдны інкубатар народных гераінь!

З фургона данёсся кароткі пранізлівы войк, потым – яшчэ адзін, потым – яшчэ… Праз колькі секунд УАЗ хадзіў рытмічным ходарам, рыхтык нягеглы бліндаж падчас бамбёжкі. Раптам з сярэдзіны шалёна заскавытала, нібы там жыўцом смажылі котку, але скавытанне заглушыў густы жывёльны рык у ненатуральна нізкім рэгістры.

І ўсё сцішылася.

Доктар засяроджана запляваў недапалак, сунуў пляшку ў кішэню, прыадчыніў дзвёрку і асцярожна глянуў усярэдзіну. Каця ляжала на падлозе з задранай спадніцай, у калюжыне цёмнай ліпучай крыві. Вочы яе глядзелі нерухома.

– Зноў лабарантку трэба выпісваць, – стомлена канстатаваў Паўлаў. – Трэцюю за апошнія паўгода.

– Нашто спатрэбілася падкладаць яе пад малпу менавіта цяпер? – цыбаты пасунуўся за стырно.

– Героя трэ было тэрмінова ўлагоджваць. Узбудзіўся занадта. Каб не самаахвяроны подзвіг нашай Каценькі – адымеў бы нас тут абодвух, рыхтык калгаснага бугая Чапаева, – доктар спакойна пераступіў праз труп, пасеў да вакна і па-свойску падміргнуў гібрыду; той сядзеў у закратаваным закутку на кукішках і сытна адрыгваўся. – Ну што, мацёры чалавечышча, задаволены?

Глава 15

Гольчаты прамень працяў ватную хмару. Могілкі на аплылым кургане зацяпліліся вечаровым дымным святлом, і росы на капцах ўспыхнулі прывіднымі лампадкамі.

Дзядзька ў дбайна начышчаных ботах, схіліўшыся над магільным каменем, засяроджана саскрабаў лішайнік і бруд. Пад пальцамі праступалі рыскі, падобныя да расколін, складаліся ў літары, словы і лічбы. Апошняй праявілася дата смерці: «1947».

– Мама… – прашаптаў ён ледзь чутна.

Вяршыні соснаў гойдаліся пад нізкім шурпатым небам, сеялі сухія хваінкі на крыжы, камяні і сцежкі. Дзядзька старана абшкроб надмагілле, падняўся, прымружыўся ў далягляд. Пажухлая паша з плямістым статкам, бурыя скірды, жоўты прасёлак наводдалі... Вочы звыкла шукалі гонтавы дах дзедаўскага хутара праваруч кургана, але цяпер на тым месцы залаціўся малады беразняк.

Ён асцярожна пасунуўся між безыменных капцоў і крыжоў з сатлелымі лахманамі павязаных даўным-даўно ручнікоў.

І спыніўся.

На ўскрайку кладаў, сярод растаптаных гурбаў зямлі і прымятага кустоўя, цямнелі праваленыя прамакутнікі магіл. Блізка курганнага адхону ўзвышаўся акуратны штабель выкарцаваных каменных надгробкаў у свежай глебе. Раскатаны след аўтамабільных пратэктараў цягнуўся да прасёлка.

А ад калгаснага статку ўжо тупала скотніца, старэча ў ільснянай ватоўцы і заношанай хустцы, з сухім прутком у руках. Падышла, агледзела незнаёмца пранізлівым хутарскім вокам, ледзь заўважна здзівіліся яго нетутэйшаму выгляду…

– Пахаваны ў вас тут нехта, ці як? – спыталася недаверліва.

Хустка ў старой была завязаная, як калісьці ў мамы. І пруток яна трымала так жа сама, як маці, калі тая пасвіла кароў – перад сабою.

– Пахаваны… А што за нелюдзь магілы апаскудзіў?

– Ананій Міроныч, старшыня наш, кажа – мерцвякі, маўляў, усю гару захапілі. Кладачкі распахаць хоча, а старыя надмагіллі на шчабёнку пусціць, на галоўнай сядзібе дарогу падсыпаць, – патлумачыла старая будзённа. – А вы, пэўна, з самога Мінска? Ці з праверкай якой, ці проста?

– Проста з праверкай.

Скотніца патапталася вакол мужчыны, трывожна ўгледзелася ў яго вочы і мовіла нібы сама сабе:

– Да Мані Крукоўскай сына падобны. Але ж таго, кажуць, Саветы ў сорак пятым забілі…

Дзядзька скамянеў тварам: наконт маці старая не памылялася. Дый і сам ён, здаецца, пазнаваў скотніцу – цётку Агнэсу, стрыечную маціну сястру…

– Да калгаснай сядзібы далёка?

– То хадзем пакажу. Мне ўжо статак назад гнаць…

Халоднае сонца хавалася за зубчастым лесам. Ад балотаў наплываў зяблівы туман. Цярплівыя, добрыя і стаічныя каровы цягнуліся прасёлкам. Цётка Агнэса, радая нагодзе, распавядала пра жыццё. Маналог яе гучаў экзінтэйцыйна, бы малітва дзіцёнка, і прастадушна, як скарга ў сельсавет: няшчымніца, хваробы, здрабнелая бульба і старшыня калгаса «Чырвоны шлях», капрызлівы і фанабэрысты паночак… і за што на нашыя галовы такое ліха?..

– Вось ваш старшыня магілы дзядоў-прадзедаў нішчыць, а вы нават не абураецеся, – упікнуў спадарожнік. – Значыцца, годнасці ў вас няма, а як няма – то й цярпіце, што маеце. Хіба хлопцаў у вёсцы не засталося, каб таго нелюдзя па-цёмнаму падпільнаваць?

– Вой, што вы такое гаворыце! – скотніца перайшла на прыдушаны шэпт і нават адступіла на які крок, каб дыстанцыявацца ад крамолы. – Тыя, хто ўладай абураўся… то няма іх даўно. Хто ў Сібіры, а хто і ў зямлі. Дый у калгасе цяпер усё адно лепш, чым у вайну! За немцам бульба яшчэ драбнейшай радзіла!..

На калгаснай сядзібе было ціха, цёмна і сумна. Патыхала гноем, сцюдзёным капусным водарам і познімі кветкамі.

Агнэса пільна ўглядалася ў госцеў твар, эстэтычна чужародны калгасу, і ўваччу яе чыталася збянтэжанасць.

– Гаворыце па-нашаму, а выглядаеце неяк дзіўнавата, – вынесла яна канчатковы прысуд. – То Маня-нябожчыца вам усё ж кім даводзілася?

– Мне тут усе сваякі, – мужчына агледзеўся. – Чым да Нясвіжа цяпер можна дабрацца?

– Папуткай хіба. Бачыце бляшаны дах? То старшынёва хата. За ёй «Сельпо», а там і дарога на Нясвіж…А як не з'едзеце – у мяне заначуеце, ву-унь тая хата.

* * *

Сінюшнае тэлевізійнае святло разлівалася ў зале, няўлоўна падобнай да падсобкі камісіёнкі: серванты

з трафейнымі нямецкімі сервізамі, швейныя машынкі на люстраных шафах і дываны з лебедзямі. У старасвецкім фатэлі раскашаваў мажны свінавокі мужчына – абсмоктваў селядца пад самагон і пяліўся ў тэлеэкран. Тоўстыя пальцы срабрыліся луской, вусны блішчэлі рыбным тлушчам. Блакітныя блікі наліпалі на гаспадарскі твар – гідлівы і сыты, бы ў меланхалійнага вупыра.

ПА ТЭЛЕВІЗАРЫ ПАКАЗВАЛІ АМЕРЫКУ: ЧАРНАСКУРЫЯ ДЗЕТКІ Ў ТРУШЧОБАХ, КВОЛЫЯ ГАЛАДРАНЦЫ Ў ЧАРЗЕ ПА ТАЛЕРКУ СУПУ… САКАВІТЫ БАРЫТОН ЗА КАДРАМ СМАЧНА АПАВЯДАЎ ПРА ІМПЕРЫЯЛІЗМ, КАЛАНІЯЛІЗМ, ДЫСКРЫМІНАЦЫЮ, БЕСПРАЦОЎЕ І ГАЛЕЧУ, А ТАКСАМА ПРА БЕЗДУХОЎНАСЦЬ АМЕРЫКАНСКАГА ЛАДУ ЖЫЦЦЯ.

Бездухоўнасць ілюстравалася карцінкай: чорныя лімузіны перад Белым домам, афіцыянты са сподамі і шыкоўныя ўсмешлівыя капіталісты ў шыкоўных смокінгах, якія трымалі пад рукі шыкоўных жанчын у шыкоўных дэкальтаваных сукнях. Барытон патлумачыў, што так эксплуататары марнуюць мільёны, нарабаваныя ў амерыканскага пралетарыяту.

Гаспадар засяроджана дагрыз селядцовую галаву, дапіў, набулькаў і журботна скасавурыўся ў акно. Дашчаная прыбіральня, панурыя шыферныя дахі і лямпа ў бляшаным конусе над ганкам «Сельпо»… Памуліўся, пакрахтаў, ухапіў за хвост чарговага селядца і зноў утаропіўся ў тэлевізійных курваў і джэнтльменаў, гэткіх прывідаў з-за межаў рэальнасці.

– А мы тут, бы тыя пчолкі… – прашаптаў мужчына ці то з агідай, ці то з зайздрасцю.

На падворку бразнуў ланцуг, перарывіста і злосна забрахаў сабака. Гаспадар здрыгануўся, уцягнуў голаў у плечы і баязліва глянуў паверх фіранкі, але адразу ўпікнуў сябе за ўкаранелы рэфлекс: чорныя варанкі па начах ужо восем гадоў як не ездзілі.

Сабака захлынаўся шалёным брэхам, ірваў ланцуг і гырчэў, але зьнянацку віскнуў і сцішыўся. Мужчына мацюкнуўся, выцер тлустыя рукі газетным камяком і неахвотна пасунуўся ў сенцы. Намацаў у куце сякеру, асцярожна адчыніў дзверы. Пастаяў, паслухаў, высмаркаўся, паслухаў, пашкрабаў ніз жывата, уважлівым позіркам праінспектаваў паўабляцелы сад і сарайчыкі за прысадамі… На падворку панаваў санлівы спакой. Хіба што сабака змоўк падазрона хутка, але ён мог пабрахаць на позняга мінака для блезіру і схавацца ў будцы.

Гаспадар адклаў сякеру, выдыхнуў з палёгкай і пайшоў у залу. Рыпнуў дзвярыма – і сутаргава схапіўся за вушак, каб захаваць цела вертыкальна.

У фатэлі перад тэлевізарам сядзеў зусім незнаёмы дзядзька: каменнае падбароддзе з гранёнай ямінкай, хітраватыя сялянскія вочы пад пукатым лобам… Боты нязванага госця блішчэлі люстэркам. Прыадчыненае вакно тлумачыла спосаб яго пранікнення ў хату, але ж не асобу самога госця, і ўжо тым больш – не мэту яго візіту.

Першай думкай было: зараз незнаёмец зжарэ селядца, выжлукціць самагонку і вынесе тэлевізар, але ж госць відавочна не нагадваў крымінальніка.

– Ты… што тут робіш? – нечаканым фальцэтам прасіпеў гаспадар.

Дзядзька сцішыў у тэлевізары гук, скасавурыўся нядобра.

– Прапануеш адразу на «ты»? Прынята. Ананій Міронавіч Басота – гэта ты?

Пытанне прагучала надзіва спакойна, але ў інтанацыі было нешта ад патрабавання азнаёміцца з ордарам на арышт.

– Ну, я… – на выдыху працягнуў старшыня калгаса «Чырвоны шлях».

– Значыцца, цябе я і чакаю, – госць нетаропка падняўся насустрач.

– А хто ты… хто вы такі? – гаспадар палахліва адступіў.

– Гэта ты загадаў могілкі на кургане распахаць, а надмагіллі на шчабёнку змалаціць? – утыркнулася жорсткае.

Ананій Міронавіч крыху ачомаўся ад першаснага шоку. У галаве ўключыўся працэс мыслення: на адказнага таварыша з райкама госць быў не падобны, а на мянта ці камітэтчыка і пагатоў. Дый не праз акно ж ім трапляць у хату старшыні самага перадавога ў раёне калгаса а дзявятай вечара… ды яшчэ з такім неістотным гаспадарчым пытаннем!

– Пайшоў на хер адсюль! – асмялелы Басота схапіў качаргу, але замахнуцца не паспеў: сталёвай моцы пальцы сціснулі яго запясце, і жалязяка бразнула аб падлогу.

Рука дзядзькі бліснула лязом. У жываце Ананія Міронавіча адразу матэрыялізаваліся шчыльна набіты страўнік, селязёнка, кішэчнік і гладкая пяшчотная пячонка. Воля да супраціву выпарылася імгненна. Дужыя, спрытныя і неласкавыя рукі абшукалі яго кішэні, зарыентавалі да фатэля і ўціснулі ў скураную сідзячку, якая адразу зрабілася цёплай і мокрай.

– Абсікаўся, – амаль спачувальна канстатаваў госць. – Ты што, фінкі ніколі не бачыў? Ці, можа, я такая пачвара?

– Не-не-не, зусім не пачвара! – горача запярэчыў Басота.

– То і не хвалюйся, – абнадзеіў незнаёмец. – Зараз на могілкі паедзем. Тамака «газон» каля канторы – твой?

– Ага… Як гэта на могілкі? – старшыня калгасу зацкавана вырачыў вочы. – А… навошта?

– Не для таго, каб цябе там жыўцом хаваць… Хаця ты таго і варты. То калі я цябе цяпер закапаю, хто ж твае паскудствы папрыбірае і надмагіллі на месца паставіць?

Ананій Міронавіч закуёўдзіўся на мокрай сідзячцы, заспіеў прыніжана:

– Усё зраблю ў лепшым выглядзе, анягож не… Толькі надмагіллі тыя зацяжкія, каб я адзін іх цягаў, тамака з тузін калгаснікаў трэба. Дый і нашто менавіта ўначы? Заўтра зранку папраўлю, слова гонару!..

– Нашто менавіта ўначы? А таму, што працы ў цябе дні на чатыры сама мала. І працаваць ты будзеш адзін, пакуль усё не зробіш. Раней пачнеш – раней вызвалю. Камяні і саматужкі адужаеш, нават не сумняюся: ты ж у нас Герой Сацыялістычнай працы!.. Усё, збірайся: ломік вазьмі, вяроўкі, сякеру, рыдлёўку і шуфлю. Цяжкая фізічная праца і не такіх перавыхоўвала!..

У словах госця пра перавыхаванне цяжкой фізічнай працай адчуваўся неабвержны практычны досвед, і Басота канчаткова вырашыў рабіць усё, што ад яго запатрабуюць.

– І штаны пераапрані, а то прастынеш і заўчасна памрэш… А мне гэтага пакуль што не трэба!

На тэлеэкране замільгала «Хроніка пяцігодкі»: Хрушчоў з кукурузінамі, Гагарын з піянерамі, фізікі з лірыкамі. Госць выключыў тэлевізар, прыадчыніў дзверы…

…Начныя дрэвы страсалі кроплі ў калюжыны. Ананій Міронавіч, пазэкаўску склаўшы рукі за спінай, паслухмяна тупаў паперадзе незнаёмца. Старшынёвы «газон» чужынскім браневіком грувасціўся каля канторы.

Мужчына ў начышчаных ботах намацаў у кішэні аўтамабільныя ключы і пасунуўся да дзвёркі кіроўцы…

Трэніраваны зрок знянацку зафіксаваў рэльефны рухомы цень – і нешта доўгае, шэрае і вельмі важкае, што імкліва ляцела проста ў голаў.

Ён усё ж паспеў ухіліцца – удар прыйшоўся не ў скронь, а ў патыліцу.

Сусвет закруціўся ў шалёным рытме, задзінкаў і імклівымі жарынкамі разляцеўся ўбакі...

* * *

Галасы гучалі глуха і блякла, бы з-пад пярыны. Першы, жаночы і нібы знаёмы, пераконваў, маўляў, гэты дзядзька адразу падаўся падазроным, вось і вырашыла прасачыць, куды пойдзе. Другі, мужчынскі і таксама знаёмы, абяцаў бандыта прынародна расстраляць, згнаіць на ўранавых рудніках, пасадзіць на кол і спаліць жыўцом, бо бандыт той зняважыў годнасць паважанага ў раёне калгаснага старшыні.

Паранены ляжаў ніцма на пачарсцвелай зямлі, каля старшынёўскага «газона». Шаргацеў ветрык у кустоўі, ля самага вуха чвякалі падэшвы, і кожны крок аддаваўся хваравітымі ўдарамі ў чэрапе – крохкім, рыхтык яечнае шкарлупінне. Спроба памацаць патыліцу атрымалася няўдалай: рукі былі надзейна звязаныя за спінай.

Удалечыні загойдаліся дзве жоўтыя кропкі, вуліца афарбавалася зменлівай электрычнасцю, гырчэнне аўтамабільнага рухавіка наблізілася і зрэзалася. Мякка чвякнула дзвёрка, і аматар мудрагелістых страт прамовіў з халуйскай інтанацыямі:

– Вось ён, Вікенцій Дамінікавіч, той самы фашыст… Залез да мяне ў хату, агітаваў супраць палітыкі партыі і ўраду ў галіне добраўладкавання савецкай вёскі, а потым захапіў мяне ў палон і паабяцаў на скрадзенай калгаснай машыне адвесці на могілкі, каб жыўцом закапаць!

Голас пасажыра легкавіка таксама падаўся параненаму знаёмым:

– Разбяромся, таварыш Басота… Дарэчы, вы што – выпівалі?

– Факцічаскі не выпіваў. А то як бы я ўзброенага ворага народа абясшкодзіў?

На апошняю фразу наклаўся старэчы ўздых, і жаночы голас дадаў нясмела:

– А яшчэ ён пытаўся – чаму мы, маўляў, жыццём не абураемся. А нашто абурацца – і горшае бачылі!.. Я яму дарогу на Нясвіж паказала, узяла дручок – і следам, бо падазроны занадта. Гляджу – а ён нашага паночка старшыню кудысь вядзе, відаць, на расправу. Што ж, думаю, з намі без калгаса станецца?!..

– Дапамагла мне ворага абясшкодзіць, дапамагла, – высокародна вызнаў Басота. – Вось, глядзіце, якіх узорных калгаснікаў мы выхоўваем: Агнешка Крукоўская, наша скотніца. Культурная жэншчына: дзеці ў яе, карова…

Дужыя рукі прыўзнялі арыштаванага з зямлі, прыгнулі галаў і пацягнулі да шэрай «волгі». Перад тым як машына паехала, Вікенцій Дамінікавіч пільна глянуў у твар пасажыра:

– Доўга ж мы вас, містар амерыканскі дыверсант, шукалі!..

Глава 16

Старамодны чорны «рольс-ройс» глядзеўся у вечаровым трафіку Манхэтэна, нібыта саноўны лорд на рок-н-рольнай вечарынцы. Срэбная багіня ганарліва лунала па-над вуглаватым радыятарам. Зашморгнутыя фіранкі сведчылі пра таямнічы статус пасажыраў.

Ліўрэйны кіроўца камянеў за стырном, рыхтык сфінкс. Ён не зважаў ані на даўжэзны зялёны «плімут», які прыклеіўся яшчэ каля Цэнтральнага парка, ані на пранізлівыя аргазмічныя войкі, што даносіліся з-за перагародкі салона; праца ў Станіслава Альбрэхта Радзівіла навучыла не задавацца залішнімі пытаннямі нават у думках.

Лабавое шкло замятала электрычная завея. Юрлівыя стогны праціналі да дрыжыкаў. Зялёны лімузін каціў амаль бампер у бампер. Пераследнікі

колькі разоў спрабавалі было праціснуцца наперад, але кіроўца трапным дараротам стырна спыняў падазроны манеўр.

Непадалёк ад Таймс-сквера пажадлівыя гукі ў салоне сцішыліся. «Плімут» крыху паадстаў. Паперадзе расцягнуўся затор мінімум на мілю. З-за перагародкі патыхнула шляхотным дымком кубінскай цыгары, у які ледзь заўважна ўпляталася аскомістая нітка канабісу.

Кіроўца апусціў шкло дзвёркі і механічна адзначыў, што тытунёва-наркатычны букет узбагаціўся нязвыклым жывым водарам, які прымусіў імгненна пазабыцца на ўсе штучныя пахі. Водар відавочна наплываў ад старэнькага дзюралевага трэйлера на ўзбочыне.

І тут на прыборным шчытку замігцеў чырвоны агеньчык. Гэта азначала, што кіроўцу належыць неадкладна спыніцца, выйсці з машыны і суправаджаць пасажыра туды, куды таму трэба.

* * *

Шлёма Шапіра спрытна скінуў з патэльні свежаспечаныя бурштынавыя круглякі, ссыпаў у місу і меланхалічна зазначыў, што ягоны hand made – адзіная натуральная рэч сярод ілюзорнага шыку Таймс-сквера. Арон сунуў пару дранікаў у папяровы пакет, фіксавана пасміхнуўся кліенту і глянуў яму за спіну; чаргі да трэйлера не было...

Фургончык з шыльдай «Шапіто» стаяў у цэнтры Манхэтэна ўжо хвілін сорак. Дранікі раздаваліся проста задарма. Згодна з бізнэсовай стратэгіяй містара Шапіры, публіку трэба было спярша азнаёміць з новым прадуктам, і ўжо калі тая падсядзе на дранікавую голку, перайсці да наступнага этапу.

Рэпрадуктар на дзюралевым даху рэгулярна расстрэльваў Таймс-сквер скарагаворкай: маўляў, карпарацыя братоў Шапіраў мае гонар прапанаваць сакральную страву таямнічага народу пярэваратняў, які жыве за жалезнай заслонай. Асобна падкрэслівалася, што дранікі выпякаюцца па рэцэпце тамтэйшай варажбіткі, падвышаюць імунітэт, нішчаць бацылы, спрыяюць аптымістычнаму погляду на жыццё і за пэўнымі ўмовамі могуць ператварыць звычайнага нью-ёркера ў дэманічную істоту.

Нягледзячы на крэатыўны паблісіці і процьму патэнцыйна галодных кліентаў, ахвочых пакаштаваць нават задарма выявілася небагата. Прычынай правальнай прамоцыі была шкляная стадола з гіганцкай літарай «М», што свяцілася насупраць. Праз жоўтыя вокны прагдядалася бітма набітая зала; публіка пажырала гамбургеры са спрытам землярыйных машын. Клоўн Рональд МакДональд у бязглуздым ружовым парыку вытанцоўваў на паркінгу каля фаст-фуду, спакушаючы галодных і недасведчаных рэкламнымі буклетамі.

Вечаровыя фасады сляпілі штучнымі сузор'ямі. Шкляныя дзверы канкурэнтаў не паспявалі ў руху. Натоўп абыякава абцякаў фургон з экзатычным фаст-фудам. Браты зажурыліся; «Шапіто» ўжо быў у глыбокім мінусе…

Раптам Рональд МакДональд спыніў танцы і здзіўлена ўтаропіўся ў бок трэйлера. Мінакі запаволілі хаду. Шлёма вызірнуў вонкі, ачмурэла хаўкнуў і праліў бульбяное цеста на чаравікі.

Блізка «Шапіто» браненосна прышвартаваўся мільянерскі «рольс-ройс» з зашморгнутымі фіранкамі. Ліўрэйны кіроўца паважна прыадчыніў пасажырскую дзвёрку. У паўцемры салона бліснула шляхотная скура. Зашаргацеў ядваб, цокнулі абцасы, шыкоўная бяляўка схіліла цэлулоідны тварык да акенца трэйлера.

І тут за «рольс-ройсам» пранізліва завішчэў гальмамі зялёны «плімут». З салона высыпала банда рэпарцёраў. Яны імгненна абступілі красуню

шчыльным паўколам і ўзвіліся над ёй, нібы вупыры над анёльчыкам. Зашчоўкалі фотаапаратныя затворы, у вусны дзявулі ткнулася колькі мікрафонаў.

– Ці праўда, што Джон Фіцджэральд Кенэдзі стаў вашым чарговым каханкам? – засакатаў першы.

– Для ложка нашага прэзідэнта я яшчэ недастаткова разбэсная! – адпарыравала харашуня ці то з цнотай, ці то са шкадаваннем.

– Значыцца, вы вярнуліся да папярэдняга каханка, містара Радзівіла? – другі рэпарцёр бессаромна зазірнуў дзявулі ў дэкальтэ.

– Для ложка містара Радзівіла я яшчэ недастаткова разумная, – бяляўка гарэзліва пасміхнулася Арону Шапіру. – Ваў, няўжо гэта тыя самыя бульбяныя блінчыкі, дзякуючы якім можна перакінуцца ў пярэваратня? Са смятанай, калі ласка!...

– Але ж вы ўжо тры гадзіны запар катаецеся па Манхэтэне ў лімузіне з зашморгнутымі фіранкамі! І лімузін гэты, як мы дакладна ведаем, належыць менавіта Станіславу Альбрэхту! – нагадаў трэці і выразна скасавурыўся на дзвёрку «рольс-ройса» з радзівілаўскім гербам «Трубы».

– Я ўражаная вашай назіральнасцю. У салоне мяне сапраўды чакае мой стары сябра Стэсі. Але мушу вас расчараваць: час, які містар Радзівіл пагадзіўся прысвяціць мне, мы вытрачаем выключна на этнапалітычны дыспут. Цікава, джэнтльмены, ці згодныя вы з наступнай тэзай князя: платформай для пабудовы ідэалогіі посткаланіяльных дзяржаў могуць стаць нават размытыя нацыянальныя маркеры, гэткія культурніцкія сімулякры, кшталту этнаграфічнага адзення ці традыцыйнай кулінарыі?..

На рэпарцёрскіх тварах з'явіўся выраз, які бывае ў людзей пасля гадзіны безвыніковага сядзення на ўнітазе. Бяляўка з асалодай даела дранікі, эратычна аблізала наманікюраныя пальцы і ўдзячна пасміхнулася ў акенца трэйлера.

– Колькі я вам вінная?

– Нікольк, – Арон глядзеў на красуню ашклянелымі вачыма; ён відавочна не верыў, што ўсё гэта адбываецца насамрэч.

Шлёма шчодра сыпануў у пакет стос залацістых круглякоў і задыхнуўся ад шчасця.

– Гэта для майго найдаражэйшага сябра, містара князя Радзівіла! Сёння ў нас прамоцыя, і мы частуем усіх задарма!

Бяляўка паклала на прылавак стодаляравую купюру.

– Тады гэта ад мяне на знак падзякі. Нават не сумнявайцеся, джэнтльмэны: вашыя дранікі каштуюць куды большых грошай!..

Прастора вакол трэйлера за якую секунду ўтрамбавалася натоўпам. Мужчыны цягнулі шыі і прыўзнімаліся на дыбачкі, жанчыны фатаграфічнымі позіркамі фіксавалі туфлікі, сукню, радыкюль і фрызуру. Спакусніца азначыла рух да «рольс-ройса». Да ўлюбёнкі публікі пацягнуліся рукі з асадкамі, алоўкамі, нататнікамі і рэкламнымі буклетамі «МакДональдса».

Бяляўка выхапіла з працягнутай рукі фламастар, накрэмзала на плоскасці трэйлера колькі ўзнёслых слоў і знікла ў лімузіне.

Шлёма Шапіра праводзіў «рольс-ройс» поглядам беспрытульніка, які толькі што выйграў у латарэю мільянерскі палац. Да «Шапіто» ўжо змяілася даўжэзная чарга; праз хвіліну яна расцягнулася на два кварталы.

– Арончык, схадзі да гэтага клоўна Рональда, пацікаўся, за колькі яго гаспадары згодныя прадаць свой збанкрутаваны гадзюшнік, – спакойна мовіў ён брату.

* * *

Чорны «рольс-ройс» плыў у шчыльным трафіку Пятай Авеню. Неонавыя

д'яблы абсыпалі лімузін каляровым жвірам. Каля гатэля «Плаза» аўтамабіль адслаіўся ад руху, прыгальмаваў. Стэсі Радзівіл сеў у салон, пытальна паглядзеў на Мэрылін Манро і яшчэ больш пытальна – на Джона Кенэдзі.

Прэзідэнт лянотна запаліў цыгару. Акторка пацягнулася было па касяк з канабісам, але перадумала і захрумсцела свежаспечаным дранікам.

– Усе газетчыкі – ідыёты, – канстатавала яна. – Яны вераць толькі ў тыя міфы, якія самі і ствараюць. Маўляў, Кенэдзі – гэткі сучасны кароль Артур, які разам з цнатлівай каралеўнай Жаклін будуе ў Амерыцы чароўны Камелот... ці Новы Іерусалім, ці Вернуты Рай – як каму падабаецца. А каралі не паляць марыхуану, не жлукцяць ром і не спяць з іншымі жанчынамі. Калі б тыя ёлупні напісалі, што прэзідэнт Злучаных Штатаў тры гадзіны запар трахаў мяне ў лімузіне свайго найлепшага сябра проста ў цэнтры Манхэтэна, для нашага агульнага з Джэкі задавальнення – ім бы ніхто не даў веры.

– Але чуткі пра нешта падобнае іншым разам цыркулююць па каралеўстве, – падхапіў прэзідэнт Злучаных Штатаў. – І, здараецца, даходзяць нават да Кангрэсу. Мяркую, заўтрашніх газет будзе дастаткова для іх абвяржэння. Так што дзякуй табе, Стэсі, за кэб!

– І за ідэю! – дадала акторка.

– Але ўвесь гэты час ты быў без аховы, – нагадаў Радзівіл. – А калі б цябе застрэлілі?

– …амерыканцы абралі б новага прэзідэнта, – супакоіў Кенэдзі.

«Рольс-ройс» важка каціў па Бруклінскім мосце. Прэзідэнцкая цыгара дымілася ў крышталёвай попельніцы. Акторка з асалодай хрумсцела дранікамі, і яе гарачы вільготны рот навяваў на фрэйдысцкія алюзіі.

– Між іншым я сёння атрымаў адказ ад містара Хрушчова, – паведаміў Джэкі. – Ён у прынцыпе згодны на нашу прапанову абмяняць Кубу на мару ўсяго твайго жыцця. Але ж, Стэсі, калі па-шчырасці, я ніяк не магу зразумець: нашто табе спатрэбіліся ўсе тыя рыцары, калгасы і іншае сярэднявечча ў нейкай забытай Богам зямлі… Ты заўсёды лічыў сябе польска-амерыканскім касмапалітам!

Стэсі ўзяў у рукі пакет з сакральнай стравай пярэваратняў, панюхаў, прымружыўся.

– Нехта вяртаецца на Радзіму, каб атрымаць спадчыну. Нехта – каб наведаць магілы продкаў. Нехта – каб пабачыць сваякоў. А я хачу проста вярнуцца.

Глава 17

– З вяртаннем на Радзіму, містар амерыканскі дыверсант! – маёр Пяткевіч глянуў на арыштаванага з дазаванай іроніяй, уключыў настольную лямпу і зашаргацеў паперамі. – Радзіма, як бачыце, на вас не забылася…

АГЕНТ Z СЯДЗЕЎ НАСУПРАЦЬ, ПРАЗ СТОЛ, НА ПРЫШРУБАВАНЫМ ДА ПАДЛОГІ ЗЭДЛІКУ. ЛЕВАЯ РУКА ЯГО БЫЛА ПРЫКАВАНАЯ КАЙДАНКАМІ ДА БАТАРЭІ, ПРАВАЯ ЗВІСАЛА ДОЛУ. ГРАНІТНЫ ЧЭРАП ЦЯМНЕЎ ГЕМАТОМАЙ.

На твары не чыталася ані ірацыянальнага страху, які спрэс накрывае ў КГБ шараговых савецкіх грамадзян, ані нават хвалявання – толькі роўная і непрыхаваная агіда.

– Давайце па-парадку, – з казённай добразычлівасцю прапанаваў Вікенцій Дамінікавіч. – Па дакументах вашых заакіянскіх гаспадароў вы праходзіце як «Агент Z». Падчас вашай працы ў фашысцка-нацыяналістычным падполлі вас называлі «Місь», «Лось»

і «Рысь». А як гучыць вашае сапраўднае прозвішча?

– У мяне было шмат жыццяў, і ўсе іх я пражыў бязлітасна. У кожным з гэтых жыццяў у мяне было сваё імя. І я ўжо сам не ведаю, якое з іх сапраўднае.

– Я б усё ж парэкамендаваў вам супрацоўнічаць са следствам, – спагадліва пасміхнуўся камітэтчык. – Тым больш вашае сапраўднае імя нам і так добра вядомае. Але нам трэба, каб вы назвалі яго самі.

Агент Z дэманстратыўна прамаўчаў. Пяткевіч вытрымаў аптэкарскую паўзу, перайшоў да наступнага пункта:

– Пятнаццаць дзён таму вы разам з двума дыверсантамі, падрыхтаванымі ЦРУ, дэсантаваліся блізка Нясвіжа. Дыверсантаў мы абясшкодзілі на месцы. А вось ваш парашут знойдзены нераскрытым. Як у вас атрымалася ацалець?

– Перакінуўся ў птаха і зляцеў, – растлумачыў Агент Z надзіва будзённа, нібы гаварыў пра праполку бульбы.

– У якога такога птаха? – сумеўся Пяткевіч.

– У звычайнага. З дзюбай і крыламі.

– А чаму не ў свінню? – чэкіст здзекліва падхапіў інтанацыю суразмоўцы. – Быць свіннёй, містар амерыканскі дыверсант, у вас атрымалася б куды больш прыродна.

Арыштаваны глянуў у закратаванае вакно. Графітныя галінкі раскрэслівалі маціцовую шэрань вуліцы. Ватныя дымкі з комінаў уклейваліся ў халодны лакавы заход. Клін жураваў праплываў над панурымі шыфернымі дахамі.

– Можа, я і перакінуўся б у свінню, ды толькі Бог свінням крылаў не даў…

Вікенцій Дамінікавіч выпрастаўся, змерыў падследнага суворым паглядам, даючы зразумець, што жарты скончаныя і што цяпер пачнецца допыт па ўсіх правілах чэкісцкай навукі.

– Але ж выкрутасы, якім вы навучыліся ў заакіянскіх імперыялістаў, вам так і не дапамаглі, – засведчыў ён пераможным голасам радыёрэпрадуктара. – Наш народ рашуча адмятае беларускі нацыяналізм, у чым вы самі і пераканаліся. Першая ж калгасніца вас і затрымала!

– Наш народ – то ўзяты ў палон дзіцёнак. Іншага жыцця, апроч як турэмнага, ён не бачыў, таму і лашчыцца да чужынцаў, якія не даюць яму сканаць з голаду, – цвёрда запярэчыў Агент Z. – І перамагчы ў такіх варунках можа толькі пярэварацень, чалавек з чужым аблiччам. Тут усе глабальныя задачы вырашаюцца адно праз падман: калі ўдаеш з сябе каго-небудзь іншага і дбайна маскуеш сапраўдную мэту…

– Ад-ставіць антысавецкую агітацыю! – камітэтчык ляпнуў далонню па стальніцы. – Гэтага вам Радзіма таксама не даруе!..

Агент Z стрэліў у гаспадара кабінета пранізлівым поглядам, маўляў, распінацца ў КГБ пра Радзіму – тое ж самае, як у бардэлі згадваць пра каханне.

Было відавочна: адказваць на пытанні падследны не стане. Вікенцій Дамінікавіч дарэчна прыгадаў пра халодную галаву, гарачае сэрца і чыстыя рукі, упікнуў сябе за выбух эмоцый і змякчыў інтанацыю:

– Хацеў з вамі па-добраму. Але бачу, не атрымаецца. Давядзецца перадаць вас жорсткім і бязлітасным людзям, якія ў нас акурат і спецыялізуюцца на паліцаях, шпегах і антысаветчыках. Распішыцеся нанізе пратакола, што адмаўляецеся ад дачы сведчанняў.

Агент Z узяў асадку, і мозг камітэтчыка прапаліў імгненны электрычны разрад: на безыменным пальцы падследнага цьмяна бліснуў пярсцёнак цяжкага старажытнага срэбра з таямнічымі надпісам. Пяткевіч бразнуў ключамі пад сейфавай дзвёрцай, нецярпліва дастаў папку, дасланую яму яшчэ ў ліпені з самае Лубянкі…

Прагляд фотаздымкаў, зробленых на даху нью-ёркскага хмарачоса, адмёў усе сумневы: безумоўна, гэта быў той жа самы пярсцёнак, які ўпрыгожваў руку вядзьмаркі-антысаветчыцы Ганны Францаўны Рымшы падчас яе размовы з прэзідэнтам Кенэдзі.

– Ледзьве не забыўся: у следчым ізалятары ювелірныя аздобы забароненыя, так што пярсцёнак давядзецца зняць, – як бы між іншым заўважыў чэкіст.

Арыштаваны незалежна таргануў падбароддзем з глыбокай гранёнай ямінкай.

– Толькі з пальцам.

– Можна і з пальцам, – знізаў плячыма Вікенцій Дамінікавіч.

Рука дыверсанта разняволена ляжала на аркушы пратакола, у роўным конусе настольнае лямпы. Бліскучы абадок на сухой фаланзе выглядаў ажурнай цацкай. Срэбныя блікі дрыжэлі на бліжняй сцяне.

Чэкіст звузіў вочы і ледзь заўважна напружыўся, бы драпежнік перад кідком.

– Не раю, – надзіва спакойна папярэдзіў Агент Z, не прыбіраючы руку з пярсцёнкам. – Толькі сабе нашкодзіце…

Таварыш маёр учапіўся ў палец – і войкнуў, нібы крануў аголены высакавольтны дрот. Цела праццяла ледзяная голка, па-садысцку пашкрабала рэбры і пазванкі, утыкнулася ў сэрца й трансфармавалася ў пачварных памераў бур. Бліскучы свердзел завішчэў і з бяздушным аўтаматызмам занурыўся ў пяшчотнае нутро, намотваючы на рыфлёную сталь ніцяныя ашмёткі нерваў. Пад чэрапам надзьмулася і адшпокнула бурбалка, крышталёва блямкнуў званочак, і масіўная стальніца імкліва ўрэзалася ў лоб.

Апошняе, што пачуў начальнік нясвіжскага райаддзела КГБ, была засяроджаная скарагаворка:

– Йшла Мамка Прачыстая па полі чыстаму, пад зялёным дубочкам села, перад печкай белай самлела. Як у печы ад агню жарка, каб мне нячыстага не было жалка, па гэты час па гэтую мінуту…

* * *

Вікенцій Дамінікавіч ачуняў ад мярцвянага месяцовага святла, якое праз закратаванае вакно лупіла проста ў твар. Ён ляжаў на падлозе, хаця добра памятаў, што зваліўся лобам у стол. Райаддзел камянеў глыбокай начной цішынёю. Гадзіннік на стале паказваў чвэрць на другую. Арыштаванага ў кабінеце не было; на батарэі здзекліва пагойдваліся расшпіленыя кайданкі.

Пяткевіч ачмурэла глянуў на пусты зэдлік, дзе яшчэ нядаўна сядзеў амерыканскі дыверсант, зазірнуў пад стол, спыніў рух кайданкоў…

– Фашыст, – прашаптаў ён здранцвелым голасам. – Пярэварацень. Вось так і верыць людзям…

У спустошанай галаве танютка высвіствала. Знікненне падследнага супярэчыла законам прыроды, здароваму глузду і асновам марксісцка-ленінскага матэрыялізму. Чэкіст яшчэ раз глянуў на кайданкі, зноў зафіксаваў поглядам пусты зэдлік і паспрабаваў быў сабрацца з думкамі.

На добры розум, навучаны ў ЦРУ шпег мог у нейкі цуд вызваліцца ад кайданкоў і выбегчы на калідор, але там бы яго неадкладна спынілі. Дый нанізе дзяжурыў узброены сурацоўнік… Альтэрнатывай дзвярам і калідору была толькі прыадчыненая фортка. Але выглядала яна занадта малой для дарослага чалавека, не кажучы ўжо пра зусім вузкія краты на шыбах. Праз фортку і краты сапраўды мог пралязаць толькі птах.

Таварыш маёр разгублена пашукаў вачыма і спыніў погляд на партрэце над сталом. Фелікс Эдмундавіч грэбліва падціскаў вусны, і вочы яго ззялі халоднай пагардай. Пяткевіч зглынуў

і нервова таргануў кадыком – ён выразна адчуваў у роце смак лайна.

Знянацку аднекуль пранізліва засмуродзіла паленым. Чэкіст недаверліва пацягнуў носам, напружыўся і асцярожна прыадчыніў дзверы. У калідоры клубіўся шчыльны шэры дым, які заляпляў гартань і выядаў вочы. З дзяжурнай часткі на першым паверсе пачуўся трывожны лямант, на які наклалася прыдушанае: «Гарым!..» Бразнулі дзверы, ценькнула шкло. У райаддзеле міліцыі, які месціўся ў той жа будыніне за сцяною, азначыўся панічны рух.

Задушлівы шэры шлейф ужо напліваў пад дзверы, рыхтык «Цыклон-В» у нацысцкую газавую камеру. Перад тым як выбегчы, Вікенцій Дамінікавіч агледзеў кабінет. На стале жаўцела тэчка крымінальнай справы Агента Z з каліграфічна выведзеным прозвішчам фігуранта-пярэваратня:

ВІТУШКА МІХАІЛ АПАНАСАВІЧ

Чэкіст зачыніў папку ў сейфе, набраў у лёгкія паветра і кінуўся ў задымлены калідор.

* * *

Пажар у нясвіжскім райаддзеле КГБ згасілі толькі на раніцу. Усю ноч каля двухпавярховіка па Савецкай блішчэлі каскі, грукацелі вадавозкі і ўвіхалася мясцовае начальства, вымахваючы рукамі, нібы звар'яцелыя куры крыламі. З праваленых вокнаў падымаліся тлустыя дымавыя слупы. Вясёлыя блакітныя агеньчыкі змяіліся па стрэхах.

Вікенція Дамінікавіча на пажары не было: седзячы ўдома, ён засяроджана аналізаваў перажытае і прыкідаў перспектывы.

Таямнічыя ўцёкі злачынцы вымагалі неадкладнага рапарта; выпадак для Камітэта быў проста беспрэцэдэнтны. Аднак пажар у райаддзеле Дзяржбяспекі ўвогуле стаў катастрофай касмічных маштабаў, прычыны якой таксама трэ было растлумачыць.

Пісаць у рапарце праўду не выпадала. Калі б Пяткевіч проста намякнуў на магчымую ўзаемасувязь паміж зніканнем амерыканскага шпега і ягонымі словамі пра перакіданне ў птаха, камітэтчыка імгненна выправілі б у вар'ятню. Калі б ён дапусціў, што ўзгаранне магла выклікаць этнаграфічнавядзьмарская замова, – яго б закалолі ў той вар'ятні псіхатропамі.

У найбліжэйшай перспектыве маёра КГБ адназначна чакалі следства Асобай інспекцыі, трыбунал, суд і далёкі лагер. Пазбегнуць ганьбы можна было класічным спосабам: сунуць у рот табельны «макараў» і націснуць на гачак, папярэдне завесіўшы коўдрай сцяну за патыліцай, каб не заляпаць яе крывёю.

Аднак і страляцца не выпадала таксама: у такім разе ў клініку немінуча выправілі б жанчыну, дзеля якой ён і жыў…

Жанчына гэтая ўжо адзінаццаць гадоў нерухоміла ў інвалідным вазку ў суседнім пакоі. Яна не была жонкай Вікенція Дамінікавіча – яна ўвогуле нікім афіцыйна яму не з'яўлялася.

Напрыканцы сорак чацвёртага малодшаму лейтэнанту НКГБ Пяткевічу вызначылі месцам жыхарства доўгі цагляны аднапавярховік на Альбяньскай, падобны адначасова да школы і да казармы. Дом гэты, як і шмат іншых дамоў у тагачасным Нясвіжы, быў амаль пусты: некага забілі немцы, некага – партызаны, нехта сышоў у лес да антысавецкіх бандытаў, нехта ўцёк на Захад. У бакавым пакойчыку ў нейкі цуд ацалела сціплая мілая дзяўчына з маркотнымі, бы ў Божай Маці Вастрабрамскай, вачыма. Усе спробы загаварыць з ёй былі марнымі: дзяўчына ўпарта маўчала, хаця нямой не была напэўна. Яна бязрадасна прымала апекаванне маладога чэкіста, іншым разам нават вячэрала

з ім, але за ўвесь час не прамовіла ані слова. Увечары сядала да вакна і гадзінамі ўглядалася ў ціхі бязлюдны сад: ці то кагось чакала, ці то проста думала.

Чэкіст асцярожна высветліў яе асобу, але тут усё было, як ва ўсіх: Яна Адамаўна Нябога нарадзілася ў Нясвіжы, у гэтым самым доме, гадавалася-вучылася, бацькі загінулі, сваякоў параскідала вайною…

Аднойчы Вікенцій Дамінікавіч злавіў сябе на тым, што па вечарах, вяртаючыся са службы, ён штораз углядаецца ў шыбы бакавога пакойчыка і цешыцца думкай, што Януся, напэўна, яму ўзрадуецца. Раз на тыдзень ён прыносіў гасцінцы з чэкісцкага спецразмеркавальніка. Дзяўчына прымала іх без падзякі, седзячы ля вакна – прыўкрасная, маўклівая і безабаронная. Пяткевіч муліўся, нерваваўся, худнеў, пакуль аднойчы не адчуў, што Яна стала часткай ягонага жыцця. Неяк ён паспрабаваў сказаць ёй пра пачуцці, але ў яго не атрымалася нават банальнага «Я кахаю цябе»: словы засохлі ў горле і выклікала горкі кашаль.

ЗА АДЗІНАЦЦАЦЬ ГАДОЎ НА ТВАРЫ ЯНУСІ НЕ З'ЯВІЛАСЯ АНІВОДНАЙ ЗМОРШЧЫНЫ. ВОПРАТКА НА ЁЙ ЧАМУСЬЦІ НЕ ПЭЦКАЛАСЯ І НЕ ПАРАХНЕЛА, А ЦЕЛА НЕ ПАТЫХАЛА НІЧЫМ: ЯНЫ ПРОСТА ЗАКРЫЛАСЯ ПЯЛЁСТКАМІ, РЫХТЫК НАЧНАЯ КВЕТКА. ГАДОЎ ДЗВЕСЦЕ ТАМУ ЯЕ, НАПЭЎНА Б, ВЫЗНАЛІ СВЯТОЙ.

У пяцідзясятым надарылася катастрофа: аднойчы ўвечары дзяўчына села ў фатэль каля вакна, ды так і не паднялася. Януся не рэагавала на гукі, святло, пахі і ўсе штучныя раздражняльнікі дактароў – ад малаточка неўрапатолага да электрычных разрадаў. Але эмалевыя вочы яе заставаліся расплюшчанымі, і вочы гэтыя ўпарта і чакальна глядзелі ў сад. Яна не ела, не піла, не падымалася па натуральных патрэбах, але, здавалася, крыху дыхала і зрэдку нават торгала вейкамі.

Пяткевіч перасадзіў яе ў інвалідны вазок, карміў вітамінамі і добрасумленна вывозіў на шпацыр. За спінай з'едліва шапталіся, але прамовіць нешта ўголас ніхто не наважваўся. Чэкіст вазіў яе ў Мінск і ў Маскву, але найдасведчанейшыя дактары толькі нізалі плячыма: маўляў, незвычайная хвароба, ніколі не сутыкаліся, лепш здайце яе ў спецінтэрнат ад граху падалей…

За адзінаццаць гадоў на твары Янусі не з'явілася аніводнай зморшчыны. Вопратка на ёй чамусьці не пэцкалася і не парахнела, а цела не патыхала нічым: яны проста закрылася пялёсткамі, рыхтык начная кветка. Гадоў дзвесце таму яе, напэўна б, вызналі святой. Але цяпер былі іншыя часы, і суседзі казалі цішком: «Ну, прачнецца яна калі-небудзь, акруціцца са сваім кагэбістам, з'ездзіць з ім у Сочы і пойдзе капаць бульбу, як і ўсе мы тут…»

Два тыдні таму засвяцілася надзея. На апошнім З'ездзе партыі сам таварыш Мікіта Сяргеевіч Хрушчоў урачыста паабяцаў: наступнае пакаленне савецкіх людзей будзе жыць пры камунізме. А пры камунізме, як свята верыў Вікенцій Дамінікавіч, усе праблемы чалавецтва будуць вырашаны і ўсе хваробы пераможаны – у тым ліку і самыя незвычайныя. Адно пакаленне вызначалася дваццацігадовым прамежкам; Вікенцій Дамінікавіч меў усе падставы спадзявацца на лепшае.

Але цяпер усім спадзяваннем настаў канец…

…Раніцою начальнік райаддзела КГБ затэлефанаваў у паліклініку і паведаміў, што наглынаўся на пажары атрутнага дыму, але будзе лекавацца саматужкі. Набраў абласное Упраўленне і паведаміў тое ж самае, дадаўшы, што па хуткім часе напіша пра антысавецкую дыверсію падрабязны рапарт. Звязаўся з падначаленымі, адключыў тэлефон, зашморгнуў парцьеры. Спаліў у печцы некаторыя фотаздымкі, напісаў тэстамент, у якім паабяцаў далёкаму сваяку ўсю рухомую і нерухомую маёмасць у тым разе, калі ён возьме на сябе клопат пра інваліда I групы гр. Нябогу Я. А.

Пагаліўся новым лязом, надушыўся адэкалонам «Русский лес», апрануў парадную форму з дзяржаўнымі ўзнагародамі. Пачысціў табельны «макараў», зарадзіў адным набоем і выклаў праваруч.

І, нарэшце, выцягнуў з-пад ложка скрыню каньяку, якую трымаў на святкаванне саракагоддзя, і дзве чаркі: адну сабе, а другую – мармуроваму бюсту на століку.

– Ну што, Фелікс Эдмудавіч, – камітэтчык акуратна адкаркаваў пляшку. – Не спраўдзіў я тваіх спадзяванняў, ты ўжо выбачай. Давай усё ж вып’ем за хуткую перамогу камунізму, якой мне ўжо не пабачыць. Але ж мая Януся абавязкова дажыве да яго – праўда?

Глава 18

– Блядзі вы, дарагія таварышы па партыі, – Мікіта Сяргеевіч Хрушчоў прамакнуў насоўкай лысіну і пранізліва зашморгаў мяккім старэчым носам. – Брудныя прадажныя блядзі, рабалепныя перад Захадам. Учора вы страцілі Кубу. Сёння партбілеты прасерыце. А заўтра што – Савецкі Саюз?

Кабінет савецкай амбасады ў Вашынгтоне нагадваў станцыю маскоўскага метро: мармур, бронза і гіганцкае мазаічнае пано «Увод у эксплуатацыю Брацкай ГЭС». Седзячы за сталом, Хрушчоў гучна сморкаўся ў нясвежую насоўку і трагічна скуголіў, не саромечыся паплечнікаў. Па хуткім часе ён меўся падпісаць з Кенэдзі сакрэтную дамову, паводле якой на Кубе аднаўлялася ўлада Фідэля, а наўзамен у Савецкім Саюзе ствāралася аўтаномная Выспа Свабоды. Падпісваць дамову не хацелася, тым больш што вінаватымі ў геапалітычнай катастрофе былі менавіта дарагія таварышы.

Першы сакратар ЦК КПСС рыдаў хвілін пяць. Таварышы паўцягвалі галовы ў плечы: гэта было кепскім знакам. Перад тым як каго-небудзь растаптаць, пашкуматаць і выкінуць на ідэалагічную памыйку, Мікіта Сяргеевіч абавязкова заходзіўся слязьмі, бы згаладалы кракадзіл перад вячэрай.

Нарэшце, Хрушчоў стаміўся енчыць, выцер чырвоныя вочкі і запытаўся з адчужанай журботай:

– Можа, дарагія таварышы, хтонебудзь хоча выказацца ў парадку крытыкі і самакрытыкі?

Твары таварышаў умомант стухлі, рухі запаволіліся. Зрэнкі бліснулі лёдам, і ў гэтых зрэнках чыталася жаданне як мага хутчэй зліцца з інтэр’ерам.

– Можна я? – нечакана для ўсіх падняў руку Шэлепін.

Мікіта Сяргеевіч глянуў крыху здзіўлена.

– Ну давай, Шурык…

Старшыня КГБ раскрыў папку колеру сырога мяса, афіцыйна адкашляўся ў кулак.

– Міхаіл Андрэевіч Суслаў, член Палітбюро ЦК КПСС. Адданы патрыёт Савецкага Саюза. Палымяна прапагандуе тэорыю марксізму-ленінізму, бязлітасна выкараняе ідэалагічныя дыверсіі. Любіць каўбасу «Сервілат крамлёўскі сыравэнджаны». Штодня харкае ў суп асабістаму кухару і прымушае гэты суп есці. Ідэйна перакананы гамасэксуаліст, сістэматычна разбэшчвае піянераў і школьнікаў у дзіцячых дамах…

Галоўны ідэолаг СССР зблялнеў, хліпнуў горлам і схапіўся за сэрца, але знайшоў у сабе моц абвергнуць абвінавачванне ідэалагічна роўным тэнарком:

– Контррэвалюцыйны паклёп і варожыя інсінуацыі…

Шэлепін паказальна не адрэагаваў на заўвагу, смачна захрабусцеў наступным аркушам.

– Радзівон Якаўлевіч Маліноўскі. Маршал Савецкага Саюза, член ЦК і міністр абароны…

Маліноўскі абапёрся масіўнымі кулакамі аб палісандравую стальніцу, важка прыўзняўся і наліўся злавесным барвовым ззяннем.

– Ды ты, мудазвон гэбэшны, на сябе лепш паглядзі!.. – зароў ён голасам начальніка гарнізоннай гаўптвахты. – Хто загнаў парадны мундзір таварыша Сталіна чарнажопай скаціне Патрысу Лумумбу? У абмен на чатырнаццаць алмазаў… хіба не ты?

– А ці не падкажаш, таварыш Шэлепін, у каго гэта цэлых тры элітных бардэлі ў прыватнай уласнасці? – у роўнай дыпламатычнай інтанацыі пацікавіўся міністр замежных спраў Андрэй Андрэевіч Грамыка. – У Маскве, у Сочы і ў Нью-Ёрку…

– Па-першае, спецбардэль у Нью-Ёрку мы адмыслова і арганізавалі для Міністэрства замежных спраў, на што ёсць адпаведнае рашэнне ЦК… каб твае дыпламаты па капіталістычных бардэлях не бегалі, – спакойна адпарырваў старшыня Камітэта Дзяржаўнай Бяспекі. – Па-другое, усё адно бегаюць, і гэта ўжо твой недахоп у палітыка-выхаваўчай рабоце. А па-трэцяе, таварыш Грамыка, слабо нам тут расказаць, як ты ў трыццаць першым годзе падмануў Партыю, перапісаўшы ў анкеце нацыянальнасць з «беларуса» на «расійца»? А як у сорак пятым на прыёме ў Чэрчыля спіздзіў срэбную лыжачку?

Мікіта Сяргеевіч назіраў на спрэчкай таварышаў па партыі блакітнымі ад ласкавасці вачыма. На шчырасць яны былі здольныя толькі ў стане апошняй прыніжанасці. Але таварышаў цяпер абліваў памыямі не Першы сакратар ЦК КПСС, і гэта асабліва цешыла ягонае сумленне.

– А ну цыц, ахламоны!.. – гаркнуў Хрушчоў. – Не на таўкучцы! З вамі ўсімі я потым разбяруся. А цяпер – вячэра! І думайце, думайце, як нам з Кенэдзі з-за Кубы таргавацца.

Падавальшчыкі, бязгучна ўціскаючы падэшвы ў кілім, спрытна расставілі прыборы, графіны і талеркі з закускамі. Прысутныя зашкрабалі відэльцамі, зачвякалі. Мікіта Сяргеевіч наліў, узважыў, прымружыўся:

– Ну што, дарагія таварышы… за перамогу камуністычнай ідэалогіі ва ўсім свеце!.. Дык вы прапанову Кенэдзі чыталі?

– Чыталі, раіліся, і мяркуем, што нічога невыгоднага для нас у той прапанове няма, – вальнадумна засведчыў Шэлепін і зухавата накаціў кілішак гарэлкі. – Мы атрымліваем назад Кубу, і гэта галоўнае. Наўзамен аддаём малюпаценькі кавалак тэрыторыі з малюпаценькім працоўным рэсурсам. Дзе амерыканскія імперыялісты паспрабуюць збудаваць малюпаценькую рэакцыйную псеўдадзяржаўку, гэткі прышчык Заходняга Берліна на магутным целе СССР. Але ж там застануцца нашы, савецкія людзі! Па хуткім часе яны, узброеныя ўсёпераможнымі ідэямі марксізму-ленінізму, скінуць жменьку эксплуатататараў і адновяць уладу працоўнага класа, калгаснага сялянства і народнай інтэлігенцыі.

Міністр замежных спраў Грамыка пасмакаваў калекцыйны каньяк, зажаваў празрыстай мядовай грушай, пракаментаваў разважліва:

– Аднак пакуль тая марыянеткавая дзяржаўка будзе існаваць, усё прагрэсіўнае чалавецтва ў чарговы раз пераканаецца, што мы здольныя пайсці на самыя беспрэцэдэнтныя

крокі ў пытаннях нацыянальнага самавызначэння!

Маршал Маліноўскі плёхнуў у шклянку празрыстай, выпіў нагбом, гучна занюхаў рукавом:

– А калі нам іх нацыянальнае самавызначэнне не спадабаецца, мы тых фашыстаў умомант танкамі адпрасуем!..

– Ды засцуць яны там нейкае нацыянальнае самавызначэнне распачынаць, – супакоіў старшыня КГБ. – Я ж аператыўныя зводкі штотыдзень чытаю. Народ у тых краях суадносна спакойны, збольшага накормлены і вельмі-вельмі запалоханы.

Хрушчоў згодна прымружыўся, наліў па новай. Меркаванні паплечнікаў амаль супадалі з ягонымі ўласнымі. Хаця прапанова амерыканскага прэзідэнта і выглядала падступнай ідэалагічнай дыверсіяй з відавочным рэвізіяніслцкім душком, але насамрэч была мёртванароджанай.

пад іншымі назовамі. Ключавыя кадры псеўдадзяржаве прызначаем мы, гэта нават не абмяркоўваецца!..

– І наконт асобных адшчапенцаў, дарагія таварышы, можаце не хвалявацца, – вышчараўся старшыня Камітэта Дзяржаўнай Бяспекі. – У савецкае ўлады на кожную нязгодную патыліцу заўсёды знойдзецца куля, а на кожны жывот – кірзач!

Мікіта Сяргеевіч з сантыментам глянуў на Шэлепіна, пацягнуўся да графіна і наліў усім уласнаруч.

– Ну што, давайце яшчэ па адной – і я да Кенэдзі, дамову падпісваць!..

Глава 19

Вікенцій Дамінікавіч расплюшчыў вочы, хваравіта íкнуў і рэфлекторна нацягнуў падушку на галаў. У галаве панавала арктычная ноч, падфарбаваная атрутным зеленкаватым ззяннем. Нябесны агонь пульсаваў

– І НАКОНТ АСОБНЫХ АДШЧАПЕНЦАЎ, ДАРАГІЯ ТАВАРЫШЫ, МОЖАЦЕ НЕ ХВАЛЯВАЦЦА, – ВЫШЧАРАЎСЯ СТАРШЫНЯ КАМІТЭТА ДЗЯРЖАЎНАЙ БЯСПЕКІ. – У САВЕЦКАЕ ЎЛАДЫ НА КОЖНУЮ НЯЗГОДНУЮ ПАТЫЛІЦУ ЗАЎСЁДЫ ЗНОЙДЗЕЦЦА КУЛЯ, А НА КОЖНЫ ЖЫВОТ – КІРЗАЧ!

– А вось я катэгарычна нязгодны, – нечакана для ўсіх падаў голас ачуняны Міхаіл Андрэевіч Суслаў. – Што, у той марыянеткавай дзяржаве гаркамаў партыі не прадугледжана? Дзе КГБ, дзе партканроль, дзе цэнзура? Дзе, у рэшце рэшт, лагеры для асобных адшчапенцаў?

Лістападаўскае сонца гарызантальным лязом прасякло шчыліну ў парцьерах, і мазаічныя пралетары на пано запраменіліся аптымізмам. У галаве Першага сакратара ЦК КПСС канчаткова праяснілася, колцы і шасцярэнькі дзяржаўнага механізма затахкалі ў рытме гадзінніка Спаскай вежы.

– Гаркамы, КГБ і ўсё астатняе захаваецца, – супакоіў Хрушчоў. – Толькі

прывідным люмінісцэнтам, выбухаў фантастычнымі пратуберанцамі і, урэшце, трансфармаваўся ў празрысты разак паяльнай лямпы, які бязжальна высмальваў гартань, пячонку і селязёнку.

Кволая далонь пашнарыла пад ложкам слоік вады і не знайшла. Вантробы загальгаталі абураным індыкам. Да горла ўздымаўся кіслотны кактэйль з алкаголю, нікаціну і страўнікавага соку. Пахмелле лупцавала ў шкляны мозг бруднымі кірзачамі, дубасіла кавадлам, рагатала гнілásна і цынічна.

І тут, трапляючы ў рэзананс мярзотным вібрацыям пад крохкім чэрапам, нехта энергічна загрукаў у дзверы:

– Таварыш Пяткевіч, вы ўдома?

Камітэтчык імгненна згадаў пра ўцёкі падследнага, пажар у райаддзеле, свой цвёрды намер застрэліцца і скрыню каньяку, якую дапіваў ужо пяты дзень. Са стогнам зафіксаваў цела вертыкальна, намацаў пісталетную дзяржальню, наліў развітальную чарку і асцярожна адсунуў парцьеру… Цікава, хто прыбыў яго арыштоўваць: былыя падначаленыя ці з самога Мінска?

Акурат пад домам блішчэла лакам і хромам ўрадавая «чайка» афіцыйнага чорнага колеру. Двое ахоўнікаў лубянскага экстэр'еру нерухомілі каля дзвёрак. Народу паблізу не назіралася: відавочна, іх папярэдне загналі па хатах.

Чэкіст тупа агледзеў пісталет і сунуў яго ў кішэню; апергрупы на «чайках» не ездзілі. Грукат у дзверы паўтарыўся.

– Таварыш Пяткевіч, неадкладна адчыніце! Органам вядома, што вы тут!

Вікенцій Дамінікавіч глянуў у люстэрка і жахнуўся воўчаму выскалу, крывавым вачам і жывёльнай сваёй няголенасці. Але часу, каб прыводзіць сябе да ладу, не заставалася. Накінуў на столік з недапітымі чаркамі газету, закаціў пустыя пляшкі пад ложак, адчыніў дзверы – і адступіў з распяленым ротам…

– Што ж гэта за гаспадар, які дарагога госця прымушае чакаць? – маладжавы дзядзька з гладкім тварам адстаўнога камсамольскага правадыра крытычна агледзеў пакой, пацягнуў носам і адчыніў фортку.

– Вінаваты, таварыш старшыня Камітэта Дзяржаўнай Бяспекі Саюза ССР! – пранізліва ікнуў Пяткевіч.

Шэлепін прыўзняў са стала газету, з разуменнем ацаніў каньячныя пісягі на паліроўцы, па-прыяцельску падміргнуў бюсту Фелікса Эдмундавіча, перад якім стаяла паўнюткая чарка.

– У таварыстве з трэнерам, таварыш маёр? Малайчына. Дазваляю пахмяліцца, а то адразу не ўрубішся.

Таварыш маёр, ачмурэлы ад пабачанага і агламошаны пачутым, паслухмяна выпіў і ўтаропіўся ў госця крыху паяснелымі вачыма.

– Пра апошняе рашэнне Партыі і ўраду чуў? – госць працягнуў саф'янавую папку.

Пяткевіч зашаргацеў паперай. Пальцы зліпаліся. Літары скокалі блыхамі і шпокалі бурбалкамі.

– «Пастанова Вярхоўнага Савета БССР «Аб выхадзе са складу Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі Нясвіжскага раёна Мінскай вобласці»… – прачытаў ён наждачным шэптам. – Ідучы насустрач пажаданням працоўных, а таксама з мэтай аднаўлення гістарычнай справядлівасці…»

– Так што па хуткім часе ты ўжо нават і не савецкі грамадзянін, – канстатаваў Шэлепін задуменна. – На тэрыторыі вашага раёна мае быць створаная новая, цалкам самастойная дзяржава.

Вікенцій Дамінікавіч здолеў дачытаў «Пастанову…» да апошняй кропкі, двойчы змаргнуў сухімі чырвонымі вейкамі, ушчыкнуў сябе неўпрыкмет і зноў глянуў у аркуш: тэкст не змяніўся. І толькі назва новай дзяржавы, якае мелася паўстаць на месцы Нясвіжскага раёна, выглядала надта ўжо фантастычна, каб паверыць у напісанае нават з другога разу.

– Хіба так і будзе называцца?.. – шчыра жахнуўся Пяткевіч. – Няўжо ў Савецкай Беларусі адраджаецца рэакцыйны сярэднявечны феадалізм?

– Нармалёвая чалавечаская манархія, – рагатнуў галоўны камітэтчык Савецкага Саюза. – Нацыянальная па форме і сацыялістычная па змесце – прынамсі фармальна. Слухай сюды, маёр. Радзіма аказвае табе высокі давер, пакідае ў Нясвіжы

на канспіратыўнай працы. Якой бачыш першачарговую задачу?

– Таварыш старшыня Камітэта Дзяржаўнай Бяспекі, будынак нашага райаддзела ў выніку самазапалення…

– Мудак! – жорстка абсёк Шэлепін.

– Так точна!

– Райаддзел загарэўся не ў выніку самазапалення, – старшыня КГБ змякчыў інтанацыю да памяркоўна-змоўніцкай. – Гэта ты наўмысна яго падпаліў. На тэрыторыі вашага раёна шмат гадоў дзейнічала разгалінаваная нацыяналістычная групоўка, добра ўзброеная і выдатна заканспіраваная. Беларускі рэзыстанс, антысавецкі вызвольны рух, самаахвярныя змагары за нацыянальнае самавызначэнне. Ты і быў адным з ключавых кіраўнікоў тае арганізацыі… Што зыркаеш, маёр? Менавіта так: ажно ў Дзяржбяспеку пралез! Таму нацыяналістычную групоўку так доўга і не маглі выкрыць. Аднак маскоўскія чэкісты, якія праводзілі ў Нясвіжы сакрэтную спецаперацыю, выйшлі на ваш след і схапілі Міхала Апанасавіча Вітушку, лідара беларускага нацыянальнага супраціву. Каб вызваліць паплечніка і да таго ж адпомсціць таталітарнаму рэжыму за ўсе здзекі і рэпрэсіі, ты і падпаліў райаддзел. Але крывавая гэбня закатавала Вітушку раней, чым той паспеў збегчы. Усё ўцяміў?

– Так точна! – схлусіў Вікенцій Дамінікавіч.

– Вось і добра. Гэта, так бы мовіць, знешні контур твайго будучага легендавання. Дэталі дапрацуем, паперы сфальсіфікуем, агентуру праінструктуем – час яшчэ ёсць. Слухай далей…

Словы госця асыпаліся на мозг фантасмагарычнымі сняжынкамі, але Пяткевіч амаль ужо верыў, што ўсё гэта не сон і не белая гарачка. Суразмоўца выкладаў перад ім цалкам лагічныя блокі, арнаментуючы іх тэрміналогіяй з курсу лекцый «Аператыўныя камбінацыі КГБ СССР». У галаве Вікенція Дамінікавіча шкрабалі кельмы і чвякаў раствор; ён спрабаваў збудаваць з тых блокаў цэласную будыніну, але безвынікова.

– Мы дапаможам табе ўкараніцца ў новы ўрад і заваяваць там абсалютны давер, – маляваў маёрскую будучыню Шэлепін. – Гэта трэба для поспеху ўсяе аперацыі. Неўзабаве ты атрымаеш грошы. Да халеры грошай, ты нават і не ўяўляеш, што такія сумы існуюць у прыродзе. Прытым – выключна ў валюце: даляры, фунты, песа, маркі і ліры. А таксама падрабязныя інструкцыі, што з гэтымі грашыма рабіць. Пройдзеш паскораныя курсы: мовы, фінансы, нацыяналістычная фразеалогія і буржуазны этыкет. І будзеш рабіць у новай дзяржаве тое, што табе скажуць. Гэта і ёсць самае важнае заданне ў тваім чэкісцкім жыцці. Выканаеш – пойдзеш на пенсію генералам і нават… нават патрапіш у камунізм.

Вікенцій Дамінікавіч зглынуў, змаргнуў, захаўкаў разгублена.

– Але на Дваццаць другім з’ездзе Партыі таварыш Хрушчоў дэкляраваў, што пры камунізме будзе жыць толькі наступнае пакаленне савецкіх людзей…

– Для некаторых савецкіх людзей камунізм даўно ўжо настаў, – паведаміў старшыня КГБ у канфідэнцыйнай танальнасці. – Эксперыментальная версія для самых заслужаных, так бы мовіць. Маеш усе шанцы стаць адным з абраных. І сваю бабу-інваліда таксама зможаш у камуністычны рай забраць. Пытанні ёсць?

– А як з падследным Вітушкам?… – крыху асмялеў Пяткевіч.

– Згарэў пры пажары – а то куды яму з райаддзелу было падзецца? Там пад руінамі трынаццаць абвугленых тушак адкапалі, адна з іх – дакладна фашысцкая, – Шэлепін глянуў на гадзіннік, вызначыў начальніцкі рух да дзвярэй. – Згарэў – то і добра. Але ўшанаваць і гэтага паліцая, і ўсіх іхніх

вітаўтаў са скарынамі ўсё ж давядзецца: інакш амерыканскія імперыялісты, якія за ўсім гэтым стаяць, не павераць, што ў новай дзяржаве праходзяць ідэалагічныя змены… Так што вяртайся да жыцця; «падпольны абкам дзейнічае». І не забывайся, якую ўзнагароду маеш атрымаць, калі выканаеш заданне Партыі і ўраду!..

* * *

Вечаровы дождж шчыльна заштрыхоўваў трасу Мінск–Брэст. Каламутная шэрань размывала перспектыву шашы. Вадзяны пыл дыміўся пад коламі калгаснай палутаркі, якая нетаропка каціла ў бок райцэнтра.

Блізка развілкі на Гарадзею грузавік усхліпнуў гальмамі і спыніўся на ўзбочыне. Шафёр здзіўлена аглядаў на масіўную шэра-бетонную стэлу; яшчэ з раніцы тут сінеў аблушчаны дарожны знак з надпісам «Нясвіжскі раён».

– Гля, цётка Агнэса, што дзеецца!.. – кіроўца штурхнуў локцем старэчу ў заношанай хустцы.

Пасажырка прыадчыніла дзверку, напружана прымружылася, спрабуючы прачытаць надпіс на стэле.

– Нешта зусім я саслепла, – уздыхнула яна крыху вінавата. – А ну, сам скажы, што там напісана?

– «Сардэчна запрашаем у ВССКЛ!», – без усялякага выразу прачытаў кіроўца.

– Вой, проста язык можна зламаць… Што гэтае «вээсэскээл» хоць азначае?

Шафёр выкруціў руль налева. Пратэктары зашаргацелі па доўгай калюжыне. Грузавік панура паплыў праз дождж.

– У нас у аўтакалоне з раніцы палітінфармацыю праводзілі, і пра новую назву раёна таксама казалі. Я недзе нават запісаў, каб не забыцца, – кіроўца зашаргацеў паперкамі на прыборным шчытку. – Во! «Вялікае Савецкае Сацыялістычнае Княства Літоўскае». Сталіца ў Нясвіжы застанецца, а вось першым сакратаром нейкага паночка з вашынгтонскага абкаму прышлюць: ці то князя, ці то проста капіталіста. Як думаеш, цётка Агнэса, нешта да лепшага ў нас зменіцца?

– Ды што ў нас тут да лепшага можа змяніцца? Глядзі, каб толькі горш не было…

АНДРЕЙ ДИЧЕНКО

САЖА

***

Все звуки становятся привычными. Те, от которых страшно, а потом больно. Иногда здесь можно было услышать звук работающих вертолетных лопастей. Тогда можно не думать про исправительное переливание крови. Простыни обретают от него абстрактный вид, а память лишается атакующего элемента. Ко всему истекает равнодушие, все остается зримым исключительно пятнами.

«Шух-шух-шух». Чудится, что это колебания воздуха и их можно увидеть, запомнить и, плотно зажмурив глаза, воспроизвести. Тут не выцарапано ни единого слова, стена серая, монолитная, как мокрая бетонная плита. Если уловить звуковой след пролетающего вертолета, то можно зациклить инородное вторжение и долго прокручивать его в памяти. Пройдет время, останется один гудеж с редкими, глухими ударами. Острота слуха теряется, но одно всегда отличается от другого.

Глухое устрашение воздуха, от чего разносится свист, исполненный ревом человеческого горя. Люди ли способны так выть? Если часто бить по подушке, то можно отдаленно услышать, как дробится на осколки память, а потом покрывается тонкой гнойной пленкой. Через нее не проходит воздух и непонятно, как после этого дышать.

После посадки машины лопасти теплые, разогретые. В темноте наверняка светятся красным, если использовать хитрые линзы. Плюнешь – гармонию сотрясает угрожающее шипение (намочить палец слюной и «ш-ш-ш-ш-ш»). Способна творить чудеса та, которая выведена из первой здоровой яйцеклетки. Если вернется после кругосветного путешествия, то… Так сделает кошка, за неумением осознавать смерть потомства. Еще рация, из которой доносится эхо мира архитектора. Среди треска – цифры, прозвища, шифровки.

Наказания от злой Мачехи. За требование вернуть память, она грозится отправить в коррекционную камеру, где будут самые памятные стороны перезапуска системы взглядов. А если задержимся, а если… А если будет некуда возвращаться? К примеру, на станцию «Геодезический институт». Там много породы.

«Как кошку в мешок, со всем рожденным, случайным и отнюдь не ценным.

И потом остаются только ее глаза, как цвет облаков на Сатурне».

У каждого водяного сплетения свой запах. Гнили, водорослей, рыбного промысла и жадности, зависти, презрения (к памяти, которую не собрать фрагментами, только переплавить в защитные пластины, с помощью которых опытный колдун заговорит все бородавки, так изящно оно бликует).

Но сейчас из всех – только хвоя (иголки можно жевать, чтобы не развилась цинга).

«Она лишена челюсти, остальное на месте и обрастает корками».

Остановив время, можно стать точкой в пространстве. Останется сырость и перегной (зароешься в него и тепло, как под полиэтиленом среди бабушкиных грядок). на фоне подспудно рычала машина с источником света. Медленная, как улитка в притененном месте. Панцирь крепкий, выдержит пулю. Или рой насекомых. В него можно спрятаться, поставив на стражу оловянных часовых.

Лунных троп не видно. Кругом такой шум, что даже если остановишься перевести дыхание, ничего не поймешь. Разве что вороватые силуэты из рода гибельных теней подталкивают в спину, чтобы бежала дальше, к воронке. Между поросших мхов холмов, редких кустарников и ровных, как металлические шомполы, стволов деревьев, беспорядочно рассеянных по местности.

Снежную кашу (из ледяных кристаллов и температурных загустителей), хранят в капельницах для умиротворения. Иглы служат культиватором ржавчины, жидкость под давлением – освободителем благой воли. От нее надо бежать: с хрустом сухого валежника, выстрелами из автоматического оружия (оловянные големы с ружьями всегда будут стремиться навредить).

Звук вертолетных лопастей, неуместный, навранный. Используется плутнями в черных масках, чтобы свести с ума и убедить, что выхода не будет и сырые четыре стены, как не суши – по ним пойдет плесень. Она образует целые континенты, избирая форму причудливых клякс и неравномерное насыщение цветом.

«Отсюда надо бежать» слышится командой, озвученный хриплым голосом предсмертного существа. Оно – как напутствие, но нет никакого позволения на действие. Санкции и грубое вмешательство в константы (принудительная вытяжка жидкости из опухших лимфатических узлов, там концентрация некротической злости такая, что можно заряжать огнеметы).

Лопастей не слышно, в их пространстве закончился воздух. Только хруст веток, тяжелое дыхание, неповоротливость и царапины. При плюсовой температуры ледяные глыбы ускоряются в пространстве, а талый снег надрезает ступни ног, образуя узоры на коже стоп. Преображение следов – второстепенная задача. Никто не будет рассматривать узоры. Точно такие же образуются на коже, если потребовать рвения. Как чернила – разлил и чтобы избежать наказания, собираешь, как умеешь. Кожа, иные поверхности, рельефные структуры органических произведений искусства затекает омертвением (собрать в ампулы ради прививания скорби).

– Иначе ты думать не будешь. – Адресуется шепот трем неизвестным вершинам.

После этого – коррекция тела. Процедура лишает (если еще остается воплощение с температурой тридцать_шесть_и...) возможности вербальных описаний.

В документах сказано, что ваши волосы русые. Там же написано, что вы среднего роста. Серые глаза меняют цвет на зеленый, прочность костей подлежит сомнению. Манипуляции по лишению самостоятельного передвижения и… Бег. Прочь от шума, когда кто-то запускает в небо жестяные машины (нет других функций, кроме как напугать).

Определяющее: то, от чего набираются плазмой источники центробежных сил – «беги!» (но в безвоздушном пространстве не слышно). Даже если конечности в бязевых петлях, а кровь застывает и образует пористые подкладки. Если зажмуриться и объяснить, что кругом невесомость – можно увидеть вспышки рождения нового мира. Как от сварочного аппарата.

***

От сухости в помещении кожа покрывалась волдырями, ее хотелось расчесывать. Воздух был лишен запахов. Если струпья сочились жидкостью, то пахло кузнечным делом, сплавами и отчаянием. Ее несли четверо, завернутую в черные простыни, как мумию.

– Сковырнут с нее спесь, полюбуемся видами! – ухмылялся один из них, остальные смеялись.

Вращала головой – били по затылку до вспышки созвездий, которые затем оплывали и растворялись. От этого путаница в нелинейных тропах и армейский компас в керамическом чехле, обретающий самостоятельность (стоило стрелке разогнаться, как звездные облака возвращались и освещали путь). На стене пылились старые часы с замершей стрелкой. На циферблате – выцарапанные горы и стройный ряд палочек и кружочков разной длины. Если вдохнуть в них жизни, то появлялся рыцарь с требником. Взмах, еще один взмах и титановый меч в каменной породе. Пинцетом достать сложнее, чем вшитую под кожу ампулу против двоемыслия. Для нее исправно поставляли жирную лимфу.

– Молчать, я сказал! Молчать! – грузный безбровый мужчина с вытянутым лицом задыхался от злости, но сил и полномочий на что-то большее его лишили. Кожа его лица была рыхлой и напоминала цвет свекольного самогона (доска почета бесконечного коридора из больничных палат).

Глаза остервенелого толстяка слезились, от чего младшим приходилось отворачиваться и представлять, как делается искусственное дыхание. В момент, когда на него не смотрел, он поддался порыву и зачем то перевел малую стрелку часов вперед.

«Чтобы не кропились по сусекам и темным уголкам причинно-следственные связи, от которых застигает врасплох удушье».

Пыль, образующая герметичную полость, распалась. Стол, когда-то наспех сколоченный из рассохшихся досок, обрел облачные поверхности, пол пропускал свет сквозь провалы, а стены – зазывали в зеркала. Конвоиры, которые сопровождали ее к месту приговора, распадались как капустный кочан в завершающей стадии гниения. Один из них успел достать черный промасленный пистолет и обреченно силился сделать предупредительный выстрел. Запахло порохом.

Пистолет упал рядом с кусками отмершей плоти. Там же она скинула

ненавистную мантию. На теле – ни царапины. Срощенные кости. И ни одного подтека со следами совести. Глаза наверняка стали еще более серыми, а губы – бледными, как пена на молочном коктейле. Все в ошметках от перепадов температур. Потеряв всякую меру, она пронзительно проорала что-то невнятное, на мертвом языке, мертвецам.

Ночь громкая, пронизанная ветрами и перепадами температур. Облака прижались к земле, они клубились среди поломанных веток, занозивших кожу беглецов. Проникнув в черную расщелину приоткрытой двери, беглянка устремилась прочь от рыхлых стен в безлюдный темный коридор. За ним – еще одна дверь.

Скрип, хруст и мерзкое теньканье; крутая бетонная лестница с узорами из красных созвездий и округлая дыра в стене с оплавленными краями. Из нее веяло сквозняком. Если улечься спать, то тело онемеет, потеряет эластичность и станет ледяным (заледеневшая кровь истерзает сердечные клапаны).

Яра хочет спать, но тело не поспело за разумом: нога словно выточена из дерева, боль приняла форму постоянной величины. Но Яра хочет спать, потому что только там можно услышать счастливый смех и бездумно говорить всякие гадости, не имея злого умысла. Спина в трещинах, как от перегретой кипятком стеклянной кружки. Если позволить откинуть рюкзак с горным снаряжением, то конструкция тела выдержит.

Но бережное отношение исключается, удары разносятся волнами и остаются в памяти. Но не боль. Страх отсутствия зрения и предметы, которые меняют свою геометрию. Стоит задуматься, как память сверлит напоминанием, как она ощупью пыталась отыскать на себе нетронутые участки. Не хватит заплаток, чтобы это компенсировать.

Требование слов, в ответ на отказ опыты с электричеством. Очень хочется спать, потому что непонятно, пот это или кровь. В чистое постельное белье завернуться, но сперва… Она порывисто бросилась бежать прочь, туда, где черное поле поросло высокой травой.

Ярослава делает шаг за шагом, расщелина остается позади. Где-то там озлелые каратели пытаются найти ее, ибо оцарапанный телесный покров Яры необходим для отчетности. Потом она бежит, хромая и уже не жмурясь от болевых накатов, по палой листве. Не остается следов. Их поглощает черное пространство ночи.

Тропа из незримых нитей ведет к ржавой натянутой проволоке. На нее свисают ветки, за зеленой стеной – чернолесье. Недосягаемо далеко брезжила заря небесного светила. А значит, можно было уйти незаметной, как туча на черном небе, пока один из его краев белел в недосягаемости.

Еще несколько шагов, подобных рывкам. Черный жестяной забор на ощупь был как ежистые мерзлые камни. За оградой не было ничего, кроме леса. За вершинами деревьев – укромные места для игр в прятки, где творились молитвы и отсутствовал запах собачьей клетки.

Там можно спрятаться, там можно укрыться. Ни единого следа присутствия людей. И рев, с которым опустошали хранилища человеческих тайн, остался где-то далеко позади. Хоть бы мох охватил ствол дерева! Но нет. Материя творения окутала растения, очертания живности растворились и были слышны далекие гулы, не похожие на признаки цивилизации.

Яре хотелось верить, что здесь она не первая. Встречный путник наверняка бы нашел в ее серых глазах выражение светящегося терзания. Иные в полном, кто после всех мытарств, принудительного энуреза и мыслей про девичьи игры в песочнице были деформированы умоляющими гримасами, они все были здесь. Не так глубоко, разрыть наверняка бы удалось и руками.

В ПРЕДЧУВСТВИЕ НЕМИНУЕМОЙ БЕДЫ ИХ ТЕЛА ИЗЛУЧАЛИ СВЕТ. ОН СОЧИЛСЯ СТРУЯМИ СКВОЗЬ ЧЕРНУЮ ЗЕМЛЮ И ЛУЧАМИ ПРОКЛАДЫВАЛ ИЗВИЛИСТУЮ ДОРОГУ. НЕМНОГО НАКЛОНИТЬ ГОЛОВУ, ОБРАЗУЕТСЯ КОРИДОР, ВЕДУЩИЙ В РАЗВЕРЗШИЙ МИР МЕРТВЕЧИНЫ.

На что похож свет, пойманный в лассо вселенной? Наверняка, это как забег по венам крошечных элементалей, сбежавшие с грозового облака. Может быть, они ведут в охотничий домик, в котором уютно даже в страшные морозы, губительные для процесса жизни?

От криков, замкнутых вне времени, отсвечивали порождения мицелия. Впитанные волны истязания вызывают интерес. Источники мягкого свечения привели Яру к небольшой поляне с двумя огромными рыхлыми пнями. В темноте ей показалось, что их намеренно добротно натерли гарью. Она хотела провести пальцем по черной коре, подобной керамике, но засмотрелась на складки (они оставляют следы на ногтевых пластинах), ужаснулась памяти (а та еще даже и не сформировалась толком в стройную систему представлений).

«Надо поспать», – подумала Яра и просто улеглась ровно между двух гигантских пней. В грудной клетке гудело и саднило. Дул ветер и было холодно, но из кротовых нор потекли теплые ручейки черной жидкости. Они, как живой осьминог, размазанный по плоскости, окружили Яру сплошным коконом и забрались в каждую разваленную рану. Она, как в дирижабле, заснула в полной безопасности и оказалась очень далеко от того места, где из криков отжимали суть страшного времени.

Яра воплотилась газовой смесью в парящем дирижабле. Она, как упокоенный ключник в сундуке, не способный самостоятельно выбраться и открыть ворота для остальных, получила шанс наконец-то успокоиться и поспать. Но там, что там? Там она, маленькая девочка с волосами цвета тусклой меди (чеканка империи, с возрастом соответствует цвету). Лезет на дерево, потому что у его хрупкой верхушки – сочное спелое яблоко и не одно. Часть исклевана черными грачами, но если ее аккуратно обрезать, то будет… Мысль оборвалась, случилось падение и…

«У меня что-то хрустнуло», а потом мальчики. Окружили, как прорезь света в черном облаке, не стали оплакивать. Кто-то позвал взрослых и ее увели обезболить. Затем – отдали умельцам, чтобы починить. Мальчики любовались Ярой, любили рассматривать ее платья, но никогда не трогали кожу. Ее травма стала великим огорчением.

– Значит так! – грозно сказал один из мальчишек, с густыми бровями и круглой, как арбуз, головой. – Она расстроила нашу Яру!

Объявив скорбную новость, мальчик рукой указал на развесистую яблоню. Ее листья переливались цветом на солнце, а спелые, сочные яблоки с оттенками красного цвета покачивались

на ветру. Только протяни к ним руку – упадут сами.

– В сарае есть топор, – уверенным голосом произнес еще один кудрявый мальчишка.

Небольшой кучкой они двинулись к старому сараю, наспех сколоченному из разнообразных бревен. Из-за нескошенной травы казалось, что он тонет в зарослях и те вот-вот поглотят его. Бровастый паренек отворил дверь сарая и после недолгих поисков взял в руки топор, лежащий прямо у входа рядом с большим обрубком сосны.

– Вот и расплата грядет… – шепотом произнес он.

Во дворе послышались гулкие размеренные удары. Летели щепки, то и дело раздавались смешки. Через примерно двадцать минут яблоня с продолжительным треском упала.

– Надо бы сходить за корзинкой, да собрать яблоки… – послышался ребячий голос.

– Нет. Пусть гниет. Она обидела Яру, – вновь повторил приговор зачинщик расправы.

На лезвии топора отражались солнечные лучи. Отполированное тысячами ударов по древесине лезвие зайчиками бликовало, когда предводитель дворовой шайки перекладывал орудие возмездия из одной руки в другую.

Тем временем Яру привезли в больницу. В большом неуютном помещении, где нельзя была укрыться от пристальных посторонних взглядов, Яре сделали укол. Когда тело стало расслабленным, как свежее тесто, на ее лице зафиксировали неудобную маску (нужно усилие чтобы снять, но только попробуй – наверняка не обойдется без ругани). Она уснула. Перед временным забвением на операционном столе она думала о том, что глаза мокрые, а от этого могут подумать, что она струсила. Свет из-за влаги распадался на фракталы. Каждый обладал переливчатым, ярким оттенком. Их было так много, что невозможно все просчитать (нужен был покой для таких операций, но о нем только память).

***

Чернота посыпалась в бездонную пропасть металлической стружкой и разлетелась осколками блестящей слюды. Каждый из фрагментов – самостоятельное мгновение мозаики, обреченной на саморазрушение. Осколки то собирались в структуру, то вновь тонули в густой черной пене, подобной космической туманности.

«Чувствительность наращивает обороты и становится структурой запущенного волчка, конструкция видна только при высоких скоростях, во всех остальных случаях – черная проволока. Тысяча и один способ согнуть».

Когда остановка, то… Тишина, затем сдвиги и грохот, как от далеких строительных работ.

– Ты такая смешная! – послышалось через стену из черной сыпучей крошки.

Яра открыла глаза, но ничего не закончилось: ее рассматривал паренек с охапкой сухого хвороста и искренней, дружеской улыбкой. В ушах звенел молотый рокот.

– Чего лежишь-то тут? – затараторил паренек вновь звонким, жизнерадостным голосом. – Всегда так делаешь? Ты из какого сектора? – продолжил он сыпать вопросами.

– Сектора? – переспросила Яра и закашлялась, будто не произносила слов целую вечность.

Она лежала на спине, а мальчик, преисполненный игривым озорством, рассматривал ее без всяких злых умыслов. Осмотревшись по сторонам, Яра увидела, что кругом был пышный лес. После произнесенных слов ее окатил приступ головной боли, кожа лица побледнела, а в мыслях зародился ком гигантского опустошения. Слова встречного человека жгучим потоком отрезвляли ее ум. Видимо, настало время прийти в себя.

– Эй, ты как вообще? Пошли быстро в дом! – перебил озадаченный парень черное течение мыслей Яриных о будущем.

Затем, будто бы озаренный тайным знаком, новый знакомый Яры добавил:

– Расскажу тебе сказку про кругосветное путешествие...

Он протянул девушке руку и помог ей подняться на ноги. От теплых рельефных ладоней веяло спокойствием. Жесты мальчика были пронизаны изящной торжественностью. Так бывает, когда что-то строишь или тащишь камни с полей в плавильню. От шероховатых ладоней нового знакомого Яре стало щекотно и она сдержав смешок, улыбнулась. Глаза ее были запорошены пылью, поэтому ее улыбка больше походила на глубокую рану. Сделав несколько неуверенных шагов, она едва не упала, но дружелюбный незнакомец подхватил ее за руки. От него не ощущалось опасности. Вместо агрессии – ребячье озорство. Ему хотелось довериться. Поднявшись, она осмотрела сперва себя и с удивлением обнаружила, что была одета в удобную кофту и эластичные сухие штаны. Мальчишке на вид было не больше 15-ти лет.

– Тебе тяжело так идти? Ты заболела, может? Мы можем не спешить, если тебе тяжело… В дом же идем, да? – прозвучало еще более настойчиво.

В словах не было принуждения, а страх разложился. Позволив взять себя под руку, Яра неспешно двинулась по узкой тропе, поросшей сочной и густой травой с каждой стороны. Иногда она окидывала взглядом попутчика. Но от него не исходило ничего, кроме одно лишь наружного равнодушия.

Она же относилась к такому выводу подозрительно. Тревожное чувство, запрятанное глубоко внутри, истошно клокотало. Но когда они вышли из тени леса на просторную зеленую поляну, Яра задумалась о том, что просто давно не ощущала себя спокойной и уверенной в собственной целостности. Кроме этого, паренек точно не походил на того, кто мог бы пустить ей кровь. За полем вдали показались черные крыши домов. наверняка мальчик жил в этой уютной деревеньке. Вокруг всего поселка был построен невысокий забор. Издалека его можно было принять за черные силуэты жесткого кустарника, который можно встретить близ замаренных топей в дикой местности. Вблизи же он напоминал кружево, сплетенное из жестких веток артелью неизвестных умельцев.

– Мы как раз к обеду! – сказал радостный мальчик и они ускорили шаг.

«Полдень значит» подумала Яра и посмотрела на небо. Оно казалось огромным и насыщенным жизнью,

но…разум одолевали предположения, что кругом творится парад оживленной фальши. Иными казались тени, а почва – чересчур сажистой. Дневной свет был неестественным, смурным и ватным. Только успокоительная дерзость паренька не позволяла бросится в бездну тревожных мыслей.

– А где… – начала Яра и вновь закашлялась.

Спазмы кашля били по вискам, в такие моменты она слышала шум альвеол и могла лишь надсадно сипеть, пытаясь объясниться в странности своего текущего положения. Попутчик остановился и всмотрелся в ее серые глаза и ладонь, которой она прикрыла алый рот. Ей показалось, что само наличие вопроса в их прогулке смутило его.

– Где солнце? – спросила она наконец, избавившись от мокроты.

– Что? – с искренним непониманием переспросил попутчик.

– Солнце где? – повторила Яра, но, встретив все то же непонимание, добавила: – Светило, звезда, источник тепла…

Поняв, о чем идет речь, собеседник Яры кивнул головой и вновь озарился улыбкой, которая гнала прочь надоедливые страшные мысли:

– У нас их четыре. Четвертое еще можно было увидеть, но сейчас оно за лесом. После приема пищи позову тебя в кузницу, с крыши можно будет увидеть. Но это если не опоздаем к трапезе… – осознав, что Яра ничего не поняла из его слов, он попытался объясниться еще раз: – То есть время до ночи еще есть, ты, главное, не переживай только. Но давай сначала на трапезу, а потом тебе все покажу!

Услышав, что тут несколько звезд, она обернулась назад. У входа в лес стелилась белесоватая рассеянная дымка. Где-то за лесом наверняка должна была зайти звезда в бледной поволоке. Но за деревьями ее не было видно.

От положения вещей в этом месте у Яры возникло еще больше вопросов, но она решила, что лучше спросит обо всем потом. Главное, что здесь не было боли, которая волнами обтесывала чувствительные участки тела и поврежденные ткани. От всего этого – только рубцы и память. Она посмотрела на свои ладони, затем задрала рукава кофты. Но кожа была чистой и целой. Ни следа от воспоминаний, от которых остались одни лишь фантомные предположения.

.

Двинувшись после небольшой остановки, совсем скоро они вошли в деревню, на пустую аллею. Вдоль нескольких улиц высилось не больше двадцати хижин, выстроенных с прихотливостью. Аккуратненькие домики заманчиво смотрели на протоптанные десятками ног глиняные тропы. Издалека крыши были похожи на тусклое оперение степных птиц. За ними виднелось и самое высокое здание, в этажа три. Ее попутчик заметил, что Яра обратила внимание на местную высотку с блестящей, будто окрашенной звездной кистью крышей. Он не смог удержаться от хвастовства, присущего всем мальчишкам:

– А это кузница! Я туда хожу каждый день и уже кой-чего даже умею!

В ответ она кивнула головой, и, пока они шли к одной из хижин, Яра пыталась разглядеть в окнах местных поселян. В спокойном, как неосознанная гибель, ощущении они вдвоем пересекли калитку одного из домов.

***

Еще издалека Яра обратила внимание, что у каждого дома, да и среди незыблемой громады полей виднелись черные пятна. Так могла выглядеть угольная россыпь, раскиданная тут и там. Подходя к калитке хижины, она обратила внимание, что это был вовсе не уголь, а что-то похожее на пруды или большие лужи. Сажевыми озерами они лежали на земле. Вблизи черная сажа напоминала слизь, которая блестела в свете дня. Яра и раньше замечала, что пахнет гарью, но списала это на то, что дома топили дровами, а поэтому дым – привычен для деревни. Но у миниатюрного озера рядом с домом пахло, как из топки паровоза. Запах никак не сочетался с цветочным ароматом весеннего поля и пугал.

Черные озера – чужаки. Из них змейками не текут ручейки. Они манили к себе, чтобы поглотить и замазать, испачкать, осквернить. Слизь наверняка быстро сохла, а отдирать ее от кожи разве что клинком ножа.

У самых дверей Яра разозлилась, потому что не могла отогнать от себя удушливое беспокойство. Нечто, как рой осколков черного стекла, вдруг пробудилось и было готово нанести сплетение из порезов, отеков и воспаленных тканей алого цвета. Ей казалось, что опасность подстерегает абсолютно везде, у каждого дерева, за каждым увалистым отрогом.

– Что это за озера? – спросила Яра у мальчишки перед тем, как они постучались в двери хижины.

Тот смотрел на родной дом и, видимо, был в предчувствие радушной встречи, но вопрос выбил его из круговорота светлых мыслей.

– Это? Озера? – Смущенно переспросил мальчишка и сперва демонстративно посмотрел на лужу темной слизи, а потом недовольно буркнул: – Сажа просто.

Сразу после своих слов он кулаком постучал в дверь. Яра успела заметить, как белокожее лицо мальчишки исказилось, а место умиротворения занял страх. Мальчик постучал в дверь еще раз, сильнее (тук-тук-тук). В ответ – тишина и холодок по спине (от такого костенеет тело). Пока они ждали ответа с той стороны, Яра всматривалась в сплетения его кудрявых, темных волос. Они блестели, как от заряда статического тока.

– Зачем ты меня об этом спросила? – раздосадованный ожиданием спросил парень.

– Прости. Я не знала. – В моменте Яра осознала, что даже не знает имени попутчика. – Как тебя зовут?

– Капитан А. – произнес он с улыбкой.

– Капитан – значит, самый главный? – усмехнулась Яра.

Парень в ответ смущенно улыбнулся и пожал плечами.

– Извини, сразу шутки дурацкие в голову лезут. Меня зовут Ярослава! Но можно проще – Яра. Запомнишь? – она улыбнулась в ответ и этим прервала череду гневных мыслей Капитана А.

Он произнес имя девушки несколько раз, чтобы запомнить.

– Яра, Яра, Яра… – пробубнел он несколько раз себе под нос. Потом хотел произнести полный вариант имени, но оно было ему незнакомым.

– Ярослава, – повторила она еще раз. – Но просто Ярой меня называй и не беспокойся, так меня все и зовут.

«Яра, Яра, Яра» шептал мальчик будто это было и не имя, а чудодейственная мантра. Капитан А. вовсе не собирался лезть к ней в дружбу, но имя притягивало и чертило в фантазии картины, противоположные мраку сажистых озер. «Яра, Яра, Яра» повторял он, чтобы не обращать внимания на удушливую сладкую гниль, окутавшую внешние стороны дома.

– Какое древнее, красивое имя… – прошептал впечатленный Капитан А. – У тебя на лице… Такое ощущение, что тебя любят солнечные лучи.

– А они поглощают солнечные лучи? – спросила Яра, имея в виду черные озера с густой как кисель жидкостью. От сгущенной до состояния жидкого геля эссенции у участка становилось жутко. Она казалось живой, незыблемой и абсолютно бесчувственной.

От вопросов про озера Капитан А. терялся.

– Слушай, я очень мало про все это знаю, – как-то робко, не скрывая своего волнения, признался Капитан А. – В доме там мои братья и не только. Старшие все, вот они тебе расскажут, ночь ведь скоро, поэтому и расскажут.

Тем временем из дома донесся легкий посвист. Дверь отворилась, из расщелины дохнуло прохладой. Перед тем, как раствориться в пространственной темноте незнакомого дома, Яра уловила запах затхлой сырости. Он исходил то ли из бревенчатой деревянной хаты, в которую его пригласил Капитан А., то ли от озера с черной жижей. Внутри было пусто, как в старом пропыленном погребе.

Окна отражали свет лучше, чем пропускали. Точно, как муляжи или полупрозрачные зеркала. Как только Яра и Капитан А. зашли в помещение дома и дверь захлопнулось, наступил момент тишины. От нее становилось тесно.

ЯРА ОЩУТИЛА,
КАК НА БАРАБАННЫЕ
ПЕРЕПОНКИ ДАВИТ
ЧТО-ТО ТЯЖЕЛОЕ,
ГРОМОЗДКОЕ
И НЕЗРИМОЕ. СЛОВОМ,
ТО, ЧТО НЕВОЗМОЖНО
ОСТАНОВИТЬ,
КАК ГРЯЗЕВУЮ ЛАВИНУ
В ТРОПИЧЕСКИЙ ЛИВЕНЬ.

– Эй! У нас гости! – крикнул Капитан А., пытаясь придать голосу нотки радости и силы.

Но Капитан А. не мог скрыть боязни от Яры. Волнение окатило его рыбацкую лодку буруном в шторм.

– Ребята! Вы где? – громко сказал Капитан А.

В ответ на его призыв послышался шорох, какой бывает, когда стая крыс стремительно бежит по сложному замкнутому лабиринту. Топот десятка маленьких ножек сливался в единый гул. Шорохом он пронесся лавиной и, должно было наверняка что-то произойти, но наступила тишина. Дом, совсем как живой и с капризным характером, умолк.

Капитан А. склонился к уху Яры. Она вздрогнула (мокрая спина, за мгновения, понадобится время для нормализации состояния).

– Мне надо познакомить тебя с семьей, – произнес Капитан А. как-то обреченно (так исполняют ненавистную

обязанность перед садирующим экзаменатором).

– Хорошо… – согласилась Яра.

Она еще раз всмотрелась в черноту пространства и наконец поняла: в доме нет ничего, кроме деревянных, изъеденных насекомыми и плесенью, черных стен. Ни одного очертания предмета, привычного дому, тут никогда не было. Капитан А. взял ее за руку. Ладонь Яры, как и спина, были неприятными и скользкими от налета влаги. Кажется, тревогой было пропитано абсолютно все.

Раздался щелчок, затем послышался механический цокот. Для Капитана А. звуки были явно знакомыми, он улыбнулся:

– Нам надо спуститься по лестнице. Ты, главное, держись…

– Хорошо… – вновь ответила Яра.

Она не заметила, что на полу было небольшое квадратное возвышение. В темноте квадратный участок сливался с полом и цокот исходил явно оттуда.

Капитан А. поднял люк, скрывающий вход в лаз. Из проема показался тусклый свет и пряный запах. Мальчишка держал Яру за руку, вместе они сделали несколько шагов вперед и оказались у подножия крутой металлической лестницы. Затворив плитой вход в катакомбы, они принялись спускаться по лестнице, освещенной холодным мерцанием округлых кристаллов.

Каждый шаг по лестнице откликался глухим эхо, от которого кристаллы, будто в такт ритму, сияли то ярче, то тусклее. Яре казалось, что они спускаются в укрепленный бункер или старое, пропитанное запахом плесени, подземелье. Но спуск был недолгим: сразу за лестницей высилась тяжелая металлическая дверь. Послышались три глухих удара, затем – строптивое мешканье. Металлический замок, упрятанный в конструкции двери, лязгнул, ржавые от влаги завесы заскрипели. Капитана А. и Яру обдало волной теплого воздуха, пропитанного ароматом пряностей.

Капитан А. двумя руками уперся в дверь и, притворив ее настолько, что можно было пролезть, жестом указал Яре следовать за ним. Переступив порог, они вдвоем оказались в помещении, со всех сторон обшитых деревом. Из-за того, что и потолок, и стены, и пол были сложены из лакированных деревянных брусьев, комната напоминала каюту архаичного парусника. В ней, как тень, передвигалось сгорбленное существо. Из-за тусклого света, исходящего из расщелин от все тех же кристаллов, его нельзя было детально рассмотреть. Но очевидно, что это был человек.

– Здравствуй, Шва, мой любимый брат, – произнес Капитан А. и улыбнулся. – Со мной вместе Яра, нашел ее, когда возвращался с причастия по алмазной тропе. На закате четвертой звезды.

– Капитан А. – Ответил Шва сиплым голосом хронически простуженного человека. – С тобой беглянка, да? Она пахнет беглянкой.

Шва принюхивался и издавал звук, какой можно услышать когда из баллонов выпускают сжатый воздух. Его нос был переломан в нескольких местах, а широкие ноздри напоминали грязевые траншеи. Он постоянно хлопал ресницами, а поэтому невозможно было рассмотреть цвет его глаз. От его пристального внимания Яре стало не по себе, на мгновение ей показалось, что если он сейчас

не прекратит, то ее стошнит прямо ему под ноги, на его уродливые, будто бы вырубленные из гнилого дерева ступни. Она подошла к сгорбленному Шва и протянула ему ладонь.

– Никогда не видел такой гладкой кожи… – Шва гладил ладонь Ярославы и всматривался в каждую складку, ища в сплетении линий симметрию, понятную только ему одному.

Яра крепко сжала кисть Шва. Двупалая, она была похожа на ссохшуюся конечность мертвой ведьмы, невесть зачем воскрешенной из склепа в потустороннем мире. Конечности Шва были обтянуты грубой как наждачная бумагой кожей. Он улыбнулся, обнажив зубы, которые походили на осколки вулканического стекла. Таким же было и его лицо, будто опаленное в жерле вулкана. Уродливые ногти напоминали вороньи клювы.

– Что с тобой случилось? – произнесла Яра, всматриваясь в его добрые глаза, полные обреченности. Она выдавила из себя каждое слово и не могла отделаться от удушающего чувства вины, что ее бесконечные вопросы нарушали покой и умиротворенный ритм этого гиблого места.

Вглядываясь в лицо, кажется, человека (порезы, пемза, а не кожа), она ощущала, как в струилось в нем воля к жизни. Но глаза, наполненные углями потушенного пламени (извлеченный пожар, взращенный на талых минеральных породах), в бессловесной мгле жалели ее. Не в силах долго всматриваться в лицо Шва, она обернулась к Капитану А.:

– У нас есть немного времени?

– Ну, закат совсем скоро. – начал неуверенно Капитан А. – Что ты хочешь сделать?

– Нарисовать портрет твоего брата.

Не дожидаясь, что скажет Капитан А., Ярослава подошла к добротно сколоченной табуретке и, пододвинув ее поближе к новому знакомому, уселась, чтобы пристально разглядеть каждую складку на его утомленном лице

Капитан А. тем временем подошел к угловому ящику, который служил письменным столом и достал откудато из-под него тонкий наполированный лист из дерева. Там же, в кубке из древесной коры, лежали угольки.

Взяв один из угольков аккуратно двумя пальцами, Яра принялась рисовать. Но всякий раз, когда она хотела изобразить черты лица, черным углем на дощечке выводились одни лишь бесформенные кляксы (как озера из черной, как этот уголь, концентрированной слизи). Разломав от досады один уголек, она взяла другой огарок, но все повторилась: едва она пыталась одушевить овал, как рука начинала произвольно выводить угловатые структуры, похожие на смятые созвездия.

– У тебя не получится этого сделать… – обреченно произнес Шва

Вместо ответа Яра сосредоточенно смотрела на него. Тщета от невозможности совершить задуманное злила ее, в то время как Капитан А. умильно посматривал то на нее, то на Шва. Он радовался просто от того, что подозрительный Шва и вспыльчивая Яра кажется поладили. Затем Шва, кряхтя, отвернулся и, подойдя к ящику, забитому всяким хламом, принялся за поиски. Сгорбившись еще больше и все еще стоя к ней спиной, он спросил:

– Ты помнишь мое лицо?

Вопрос ударом первобытной дубины вошел в ее сознание и черными,

как волокна плавленой черной пластмассы, опутал мысли (намерения и обстоятельства). Отодвинув табурет в сторону, Яра уселась на пол не думая о том, что испачкается. От тусклого свечения кристаллов, запрятанных глубоко в щели, ей показалось, что тени в этом месте иногда оживают и просачиваются сквозь ее тело куда-то далеко, намного дальше границ осязаемого.

От череды гневных и отчаянных мыслей у Яры закружилась голова. Едва удержавшись на ногах, она почувствовала, как желудок сжимается и вот-вот его содержимое выплеснется наружу. Ее стошнило черной, едкой смесью, похожей на пожнивные остатки, выпачканные в грязи.

– Плавленый чернозем в ее теле. Вся из него состоит. – Сказал Шва, пристально разглядывая то восковую кожу на лице Яры, то комки черной грязи, от которых избавился ее желудок.

От волнения Шва кругами ходил по помещению, раскачиваясь из стороны в сторону.

– Уложи ты ее на кровать уже, ей же плохо, – попросил Шва Капитана А., пока тот предостерегал Яру от падения, крепка держа ее за плечи.

Вняв просьбе старшего брата, Капитан А. мелкими шажками, держа Яру, подошел к кровати и аккуратно уложил ее на спину. Шва укоризненно ворчал, разобрать его слова было невозможно. Замерев в один момент, он вновь обратился к Ярославе:

– Ты помнишь мое лицо, помнишь, да? – пролепетал Шва и принялся ходить туда-сюда с озабоченным лицом.

Когда он передвигался по катакомбам, его слышали все. Все из-за того, что кости ног давным-давно были сломаны и напоминали обтянутые кожей металлические трубы, погнутые и разбитые в абсолютном холоде. Он продолжил жить и таким, но сделался покорным. От чувств глаза его блестели и переливались, как северное сияние.

– Да не помнит она лицо! Не помнит, понимаешь, никто не помнит твоего лица, ни я, ни Мачеха, никто вообще! – криком, больше похожим на противный визг напуганного животного, ответил Капитан А. – Что делать-то теперь лучше скажи!

Шва замер на месте. Выждав несколько секунд тишины, он посмотрел на Яру и, будто приняв тайное соглашение, произнес:

– Надо отнести ее в семью. Скоро ночь. Нельзя, чтобы она спала без просыпу, когда зайдет четвертая звезда.

Приникнув к подушке, Яра не видела, как Шва и Капитан А. обсуждали, что им предпринять. Идеи, как искры, гасли в фантазиях, обрекая обоих на отвратительное бессилие.

– Мне надо в кузницу, хочу взять кое-что перед заходом звезды, – поглядывая на Яру, Капитан А. корил себя за то, что будет вынужден оставить ее. – Но я быстро. Можно воспользуюсь твоим лазом?

Шва в ответ утвердительно кивнул головой. Капитан А. сказал «я быстро» и, не теряя времени, отодвинул стол. За столом от посторонних глаз был скрыт вход в тоннель, ведущий в подвал кузницы.

Оставшись наедине со старшим братом Капитана А., Ярослава выгнулась, как от удара ногой в живот и так широко открыла глаза, что Шва серьезно испугался, что сейчас они укатятся

и затаятся в уголках помещения. Его щеки, похожие на обваленные куски мяса, тряслись, как застывший на дне кастрюли желатин после варки бульона. Он хотел прикоснуться к ее лбу и протянул изуродованную руку, как внезапно рот Ярославы почернел. Тонкими ручейками по щекам заструилась черная как гудрон взвесь, похожая на нефтяной кисель. Шва мигом отпрянул от дрожащей Яры и смотрел, как капли падают на доски и затекают в щели, гася световые кристаллы. В углу кровати, там, где лежала ее голова, образовалась черная, поглощающая свет, лужа.

«ЧТО СТОИШЬ, ЧТО СТОИШЬ, ЧТО СТОИШЬ...» НЕРВНО БУБНЕЛ ШВА СЕБЕ ПОД НОС. ОН ОЗИРАЛСЯ ВОКРУГ НА НЕЗРИМЫЕ ФАНТОМЫ, КОВЫЛЯЛ ТО К ОДНОМУ УГЛУ, ТО КО ВТОРОМУ. ЗАТЕМ, ПОДОЙДЯ ВПЛОТНУЮ К ЛЕЖАЩЕЙ ЯРЕ, КОНЧИКОМ ПАЛЬЦА ПРИКОСНУЛСЯ К ЧЕРНОЙ ЛУЖЕ И ВСКРИКНУЛ, КАК ОТ ОЖОГА ИЛИ УДАРА. ЧЕМ БОЛЬШЕ ОН ДУМАЛ О ТОМ, КАК РАЗРЕШИТЬ СИТУАЦИЮ, ТЕМ БЕЗОТРАДНЕЕ ЕМУ ВИДЕЛАСЬ КАРТИНА ПРОИСХОДЯЩЕГО.

Яру трясло. Ругая себя, Шва повышал голос, давился и долго кашлял. Чтобы хоть как-то привести дыхание в норму, он поднял две руки вверх. Под рукавами его истертого кафтана обнажились две руки. Обе кривые, как ветви дерева, выросшего в скудной местности, непригодной для выживания. Сращенные после многочисленных переломов, своим видом они огаживали душу и пресекали всякие мысли о светлом будущем. Можно было представить, что их скривило время. Или же бесчувственный истязатель протянул сквозь погнутые, как алюминиевая проволока, прутья.

Шва замер и стало тихо. Яра дышала размеренно и спокойно. Черная рвота просачивалась в щели, насыщая атмосферу комнаты удушливым тлетворным запахом разложения. Из черной дыры под столом показался черноволосый Капитан А. Он спешил вернуться, а поэтому кудри его были припорошены пылью, а лицо вспотело и стало похожим на восковую маску.

Стоя по пояс в тоннеле, Капитан А. в оцепенении смотрел то на Шва, то на Ярославу, то на черное пятно грязи на кровати и под ней.

– Сажа не липнет к ней. Ты видишь? – Шва говорил тихо, чтобы не разбудить спящую гостью.

– Ее надо отнести в семью, – настоятельно ответил Капитан А, проигнорировав вопрос брата. – Ты же, ты… Сам говорил, что остерегаться надо черных луж.

Хромая, утомленный Шва подошел к кровати, сколоченной из старых досок, и скинул синее грубое покрывало с тела спящей Яры.

– Сперва мне нужно рассказать ей сказку, – тоном, не подразумевающим споры, сказал Шва. – Про любопытного бобра.

Капитан А. расстелил одеяло на полу. С опаской поглядывая на пятно сажи, он уселся на пол, чтобы тоже послушать сказку. Шва прокашлялся и театральным, намеренно вычурным голосом начал свой рассказ:

– В норе у алмазной тропы жил-был говорящий Бобер. Решил он однажды жениться. Отправился свататься к Принцессе, да так разволновался, что на пороге отчего дома попросился в уборную. Зашел Бобер в уборную, посмотрел на потолок. А там звезд нету, только петля висит. «Какая хорошая петля!» – сказал Бобер. И повесился.

Тем временем Капитан А. переложил Яру со спины на бок.

– Ну, я понес? – будто бы ища одобрения своих действий, спросил он напоследок у Шва.

Тот в ответ молча кивнул головой и уселся на край кровати.

– Очень хочу спать, – сказал Шва, ерзая по кровати. Сбитые доски скрипели пронзительным, капризным писком.

Капитан А. тем временем завернул Яру в одеяло и взвалил на плечо платяной кокон. Пошатываясь в разные стороны, медленно побрел к винтовой лестнице, ведущей на поверхность.

Перед закатом вся семья собиралась в доме Мачехи. Для Капитана А. это было волнительным событием: он никогда не был дома у Мачехи. Шва же бывал там несколько раз (пережив несколько ночей).

***

Яра очнулась на чем-то мягком, приятном, поглощающем и теплом. В сладкой дреме место, где находилось ее ложе, казалось спокойным и безопасным. Но прокрадывалось мнимое подозрение, что прямо сейчас на нее смотрят тысячи пар глаз, растерянных и враждебных, чужих и напуганных. От неожиданности она вскрикнула.

Перед ней, закутанные в разноцветную ветошь, стояли молчаливые люди. Человек пять, или семь, а может и больше. Их всех роднили изуродованные неестественно тела, вымазанные в чем-то черном и едком (оно собирало свет, прятало его для переработки и наводило тоску). Кто-то из них, задрав голову, сидел на полу, потому что не мог удержать равновесие из-за перебитых коленей. Все они смотрели на Яру злобными и холодными взглядами. Из-за черных, как трупные пролежни, сажевых пятен, было трудно отличить их друга от друга. Исключением был Капитан А., которого она узнала сразу, по глазам. И еще один совсем юный мальчишка, который даже выглядел неугомонным.

Лицо Капитана А. тоже было вымазано черным. Он, как горняк в расщелине угольной шахты, натужно улыбался. Уловив взгляд Яры, Капитан А. не произнес ни слова. Потрепав по русой голове вертлявого младшего брата, он намеренно отводил взгляд.

Придя в себя после тяжелого и спонтанного сна, она попыталась встать, но тело ее было привязано к кровати кожаными ремнями.

– К тебе не липнет сажа. Кто ты? – произнесла сутулая женщина с седыми редкими волосами и выцветшими голубыми глазами.

Из-за отсутствия зубов сказанные слова больше походили на злое, змеиное шипение с едким свистом. Из-за просторной черной мантии были непонятны очертания ее тела. Но казалось, что она вся ее структура создана для того, чтобы поглощать свет. Даже рот был похож на черную бездну, из которой могли вылетать разве что проклятия. Она не могла простоять на месте и секунду. Как колдовская плясовница охаживала каждого, кто присутство-

вал в зале. Стены и углы помещения были увешаны кристаллами, от чего по ним гуляли тени. Как повивальная бабка, она заискивающе ходила между телами родственников и заглядывала им в глаза. Когда те отворачивались, не в силах выдержать ее взгляда, она, осердившись фыркала, как простуженная лошадь.

– Она… – попытался ответить за нее Капитан А., но Мачеха грубо перебила его.

– Замолчи быстро! – рявкнула она.

В такт ее словам черные пятна на теле засияли светом, от которого хотелось укрыться. Но из помещения было некуда бежать.

Капитан А. покорно опустил голову и уставился в пол, крепче прижав к себе единственного ребенка. Наступила тишина, в которой отчетливо слышно было сиплое дыхание присутствующих.

– К тебе не липнет сажа, ты понимаешь, что они с нами теперь сделают? Ты понимаешь, что наступит ночь, они придут. Но… – теперь уже саму Мачеху перебили.

– Да мне плевать! – со злобой крикнула Яра и так резко дернулась, что деревянная кровать, к которой ее привязали, сдвинулась с места под звонкий треск сухих досок.

Все отпрянули назад, а во властную натуру Мачехи проникло что-то, подобное жалости и обреченности на позорное поражение. Присутствующие не так часто видели ее, и уж тем более совсем редко домовничали на ее территории. От предчувствия, что родственники увидят ее в испуге, Мачеха в небрежной манере осмотрела Яру со всех сторон. Чтобы пресечь раздражение, она первой решила пойти на примирение:

– Это я привязала тебя, ведь ты не из нашего сектора, а дети не знают, из какого. Мало ли, каким ветром тебя занесло, ты и нас пойми тоже… – она хотела сказать что-то еще, но пустые фразы замерли у нее на устах.

Воспользовавшись моментом, Яра вновь заговорила:

– Я не знаю, что тут делаю, как сюда попала. И вы, в этом всем черном, вы... – продолжила она эмоциональную тираду. – Вы не имеете права меня тут держать связанной. Быстро, сейчас же отвяжите меня! – чуть ли не крикнула она, от чего присутствующие стали переглядываться между собой и пугливо сжались.

– Здесь не принято кричать… – более спокойным тоном произнесла Мачеха. – Капитан А., отвяжи ее и отведи на перекличку. Пускай поищет своих.

От доверенного задания Капитан А. аж подпрыгнул и уже через минуту ремни были расстегнуты, а Яра массировала затекшие голени. Когда она уселась на кровать, к ней подбежал самый младший из семьи. Весь в саже, он с интересом разглядывал Яру, но не решался прикоснуться к ней.

– Как тебя зовут? – обратилась Яра к ребенку.

За него ответил Капитан А.:

– Генерал Бесенок, он только родился и еще не умеет говорить.

Поняв, что говорят о нем, Генерал Бесенок звонок рассмеялся и спрятался за спину Капитана А. Тот, как мог, пытался успокоить Яру:

– Все будет хорошо, мы пойдем на перекличку и там найдешь своих.

Мачеха, которая внимательно следила за разговором, обернулась на разглядывающих сцену родственников и прикрикнула:

– А вы разойдитесь!

Вместе с эхом послышался топот десятка ног. Последней развалистой походкой вышла Мачеха. Перед тем, как исчезнуть за дверью, она вновь посмотрела на Яру:

– Если не найдешь своих, то возвращайся в дом. Отправишься в очаг вместе с нами, мы не такие уж и злые, как ты можешь подумать.

Яра восприняла эти слова с недоверием. Лица, вымазанные сажей, не порождали светлых мыслей, а эта женщина почему-то вызывала злость. И потому, что привязала ее ремнями к кровати, и потому, что все в семье ее боялись. Ее дружелюбие отдавало искусственностью, голос звучал попрежнему безотчетно. Все остальные обращались к ней смутным ропотом, но она намеренно не замечала тех, кто что-то от нее сейчас хотел. Ее интересовала только Яра.

– С переклички вернетесь, закат встретим вместе. Да, Капиташка? – отпрянув от Яры, Капитан А. подбежал к Мачехе и крепко обнял ее.

Генерал Бесенок побежал вслед за братом. За спиной Мачехи широко растопырив ноги и дрожа всем телом стоял Шва и руками что-то пытался объяснить Яре. Мачеха, ощутив у себя за спиной что-то неладное, резко обернулась. Яра успела заметить, как бледный и истощенный Шва испугался и с печальным видом ушел прочь.

– Остальные тоже идут на перекличку перед ночью? – спросила Яра у Мачехи.

– Нет, – ответила Мачеха ожадневшим от слова «ночь» голосом. – Они уже видели ночи. А Капитан А. и, видимо ты, еще не видели. Прекрасное событие!

Яра не стала ничего говорить в ответ. Кивнув на прощание головой, Мачеха отвернулась, вязала за руку чумазого Генерала Бесенка и побрела куда-то прочь.

В ледяном, как фатальная гибель, предчувствии, Яра наконец поднялась на ноги и, слегка покачиваясь, принялась осматривать помещение, в которое ее принесли. Вокруг были все те же темные бревенчатые стены, с расщелинами, из которых сочилась разноцветная плазма. От этого тут наверняка никогда не наступала абсолютная темнота.

– На перекличку тоже под землю спускаться будем? – прислонившись к стенке ухом, Яра будто бы хотела проверить, издает ли кристалл звук, но ничего подобного от светящихся линий не исходило.

– Ты точно пришлая. Под землей живут пережившие ночь, это большая тайна. Наступит ночь, мы все уснем и отправимся в мир испытаний. Перед этим – черное омовение сажей, таков ритуал. Но… – смутился Капитан А. к тебе она не липнет, отторгается и растекается, уходит в щели на недостижимые глубины.

Когда Яра услышала упоминание сажи от Мачехи, то вновь вспомнила про слизистые озера, принесенные в эту местность, наверное, ледником из черных ледяных глыб. Или же они были налиты неизвестным для назидания

всем. Каждый из них, даже Капитан А., был измазан в этом веществе с резким, отвратительным запахом (смешалось ядовитое гниение и щелочная смерть).

– Это дом Мачехи, пойдем наверное отсюда, – попросил Капитан А. Ярославу и взял ее за руку. – Скоро закат и нам бы успеть все сделать. Впрочем, времени много и так принято, просто волнуюсь, у меня это в первый раз, хочу успеть уснуть, да и интересно все это.

Черная липучая жидкость, размазанная по лицу Капитана А., делала его жалким и уродливым. Даже его кудри на фоне сажи выглядели блеклыми и мертвенными (париком на голове у палой жертвы).

Яра могла только догадываться, от чего так переживал Капитан А., не знала о причинах страха Капитана А., поэтому настойчиво взяла его за руку и шепнула «пойдем». Из-за черного, маслянистого лица, белки его глаз казались белее дневного света в погожий день, но таящийся страх, как гроза, вот-вот мог превратиться в громкое отчаяние.

– Я не боюсь! – чуть прикрикнула Яра, но обращаясь скорее к себе, чем к своему спутнику. – И ты не бойся. А теперь веди меня в лес, как сказала Мачеха.

Капитан А., искоса глянул на кровать в углу комнаты, на которую он совсем еще недавно принес бездыханную Яру. Над ложем зияла черная дыра, как от вентиляционной шахты или потайного лаза. Наверняка ночью из нее сквозило и если как следует не укрыться, то можно было простыть. Или, в случае тревоги, сбежать в кузницу.

ЧЕРНАЯ ЛИПУЧАЯ ЖИДКОСТЬ, РАЗМАЗАННАЯ ПО ЛИЦУ КАПИТАНА А., ДЕЛАЛА ЕГО ЖАЛКИМ И УРОДЛИВЫМ. ДАЖЕ ЕГО КУДРИ НА ФОНЕ САЖИ ВЫГЛЯДЕЛИ БЛЕКЛЫМИ И МЕРТВЕННЫМИ (ПАРИКОМ НА ГОЛОВЕ У ПАЛОЙ ЖЕРТВЫ).

– Отсюда тоже можно попасть в кузницу? – нахмурившись и щурясь, спросила Яра

– Я не знаю, плохо знаю лазы, но хорошо – тропы! – неуклюже оправдывался Капитан А.

На выходе из дома Мачехи, залитым лиловым свечением, Яра обратила внимание на неестественно красный цвет неба и полное отсутствие облаков. Только сейчас, покидая очередную пустую хижину, она впервые задумалась о том, что до сих пор не увидела звезды, но ощущала присутствие источника света в этом месте.

– Скоро закат. Но мы все успеем сделать! Послушай, – начал робко Капитан А. – У меня есть для тебя подарок!

У дома Мачехи он скинул с плеч холщовую сумку и достал из нее сверток, пропитанный маслом. Едва он начал разворачивать его, как Яра заметила блики, как будто упрятанное изделие собирало лучи света и в произвольном порядке запускало резвиться солнечные зайчики.

Когда подарок был избавлен от оболочки из ветоши, Яра увидела, что это был металлический клинок с блестящим и отполированным лезвием.

– Это Подарок Ночи. Так его назвал. Я ведь… Я кузнечному делу учился! –

горделиво и одновременно стесняясь своей прыти произнес Капитан А.

Яра провела пальцем по лезвию клинка, но Капитан А. опередил ее с ответом на вопрос:

– Он не опасен. Не заточен. Обещал подарить его Генералу Бесенку. Но пусть будет лучше у тебя. Мачеха разозлиться, если… Если подарю тут кому-то оружие. Мы мирные люди, ни с кем не воюем. Учили нас так, что воевать ни с кем нельзя… – Каждое слово с трудом давалось Капитану А. Пунцовый налет, окрасившией его трясущиеся от каждого слова щеки, был тому подтверждением.

Она не видела его стеснения, потому что рассматривала в металлическом отражении себя (белая, как подушка, кожа; запыленные глаза, синячки и хмурый лоб, за которым скрывалось полное понимание несчастья).

– Не будем терять времени! – коротко ответила Яра и, не сводя глаз с кинжала, быстрым шагом пошла по тропе, ведущей в темный хвойный лес.

Остановившись, она обернулась к Капитану А. и поцеловала его в губы. От неожиданности такого действа он опешил и замер.

– Он такой легкий. А ты невероятно талантливый! – Яра усмехнулась, а Капитан А. подумал, что она знает о деревне намного больше, чем он сам. И даже больше, чем вся его семья, объединенная беспокойством взглядов и невербальными тайнами.

***

В красном свечении закатного неба черные дома были подобны обугленным огаркам, в хаотичном порядке раскиданным по местности. Быстрым шагом Капитан А. и Яра двигались к лесу, от которого веяло тайной и прохладной. Ведущая в чащу алмазная тропа наливалась блеском. Яра подумала, что неизвестный колдун раскидал вдоль дороги незаметные глазу грибные споры и, ориентируясь по ним, они бредут на встречу у очага. Там их ждала таинственная перекличка. Яра всматривалась в темные стволы деревьев, которые были все ближе, с надеждой понять, что тут должно произойти и почему все так жду грядущую ночь.

– Капитан А… – обратилась Яра к своему попутчику, не сбавляя темпа. – Ты сказал, что вся местность тут разделена на сектора. Что это значит?

Капитан А. старался идти таким же быстрым шагом, как и Яра, а поэтому речь его была сбивчивой, его легким не хватало воздуха. Он дышал глубоко, как в морозной мгле. За их спинами полыхало закатное зарево, а под ногами все ярче искрила алмазная тропа.

– Долго длится день в секторе Альфа, в секторе Ц всегда ночь, туда заходить страшно. И есть другие, у каждого свое пламя. Перед ночью, которая длится мгновение, мы трудимся весь день. Родился я утром, а первая ночь у меня, только сейчас…

От удивления услышанным, Яра остановилась:

– Подожди. Стой. Так значит… – перед тем, как озвучить свою догадку, она набрала в легкие побольше воздуха. – Получается, что ты родился утром, а первая ночь только будет? И вы все перед ночью, ну как и ты, как и остальные. Вы все вымазаны черной этой краской?

– Не краской, а… Сажей! Сажа, мы ее тут все называем, сажа. –

прошептал он в ответ и довольный закивал головой.

– То есть я правильно понимаю, что Шва, и остальные… – подбирая нужное слово, Яра на несколько секунд примолкла. – Остальные твои братья и сестры, переломанные, потому что они старше и уже видели ночь?

Капитан А. утвердительно кивнул головой.

От веера страшных мыслей Яре поплохело, она уселась на землю, у края тропы. Вокруг нее крутились и вращались крошечные разноцветные блестки. Молча посмотрев на лицо Капитана А., она вновь уставилась на небо в поисках источника света. Но ничего похожего на звезды попрежнему не просматривалось.

Яра хотела продолжить расспросы, но из темноты леса раздался далекий крик, сопровождаемый гулким эхом «Сектор Фа». В ответ радостный Капитан А. что есть мочи закричал «Сектор Альфа!». Затем он присел рядом с Ярой и с улыбкой, озарившей его вымазанное черным цветом лицо, произнес:

– В лесу полно других наших! И у многих как у меня, первая ночь сегодня! – но Яра не разделяла его радостного предвосхищения.

Со всех сторон звучали голоса. Она отчаянно мигала глазами и поворачивалась на источник звука.

«Сектор Ив», «Сектор Полюс Два», «Один Цэ два Л».

Звуки в этой местности, как змеи, окутывали и пьянили. Капитан А., забывший про все на свете, орал вместе со всеми. Яре казалось, что он не видит ее и вообще никого, что на зов, подобный лавине, они забредают, чтобы встретиться…

Яру стошнило. Как от удара чемто тяжелым, заболел живот, а на ногах и руках зудили давно залеченные синяки и назидательные порезы. Заболели кости, спину жгло, как от намеренно пролитого кипятка. Капитан А., стоя по центру алмазной тропы, орал и не видел, что Яра больше сама идти не может.

«Сектор Б.» – слышалось эхом откуда-то издали. Еще до того, как звук рассеивался, голос с другого конца отвечал «Сектор 23, прием!» и дальше голоса уходили по цепочке. Невозможно было разобрать, сколько всего деревушек собралось на перекличку. Какие-то из названий повторялись, иные же звучали впервые и затихали.

Капитан А. наконец заметил, что Яру опять тошнит черной слизью.

– Потом они все разлетятся и затихнут, – тараторил Капитан А., все еще надеясь, что ей станет легче и они могут пойти дальше, к большому костру родного сектора, где собирались старожилы поселка, да и все новенькие, кто еще не видел темноты грядущей ночи. – Яра, ну пойдем же к костру, пожалуйста! Нельзя после переклички опоздать, это самое страшное! Мачеха будет злиться… Ох как разозлится!

Яру трясло, на лбу от клятвопреступных мыслей образовалась испарина. В лиловом закате ее лицо серебрилось, как собачья шерсть в лунном свечении. Глаза же наоборот, стали сухими и обреченными. Она понимала, что не сможет встать, и Капитан А. улавливал ее слабость. Он смотрел то на тропу, то на нее, и был в нерешительности. С одной стороны, Мачеха, которая требовала инициации у костра. Но с другой… Эта девочка, из другого сектора, которая даже кричать не могла.

Он посмотрел на небо, которое тускнело с каждой минутой, потом на Яру. Она по-прежнему была в лихорадке и не осознавала, что вокруг происходит.

– Да что тут поделать! – отчаялся Капитан А. и скинул с себя кусок грубой ткани, в которую заворачивался.

Он перенес тело Яры на ткань, и принялся тащить ее обвитое сумеречной поволокой тело по тропе. Они шли по знакомому лесу, где пространство было захвачено сплошной непробиваемой чернотой. В просонках Яру то и дело подбрасывало и она, царапая пальцы о земляной покров алмазной тропы, пыталась уползти в лес. Но Капитан А., останавливаясь, молил ее, чтобы она еще немного потерпела, потому что очень близко очаг, где все только их и ждут.

Она пыталась сказать ему, что к очагу идти не надо и там ничего, кроме погибели. Но болевые вспышки лишали дара речи. Им невозможно было сопротивляться. Как разорванные шаровые молнии, они то превращались в агрессивные плазменные точки, то раскатывались в ней красным веществом.

– Стой! – прохрипела она, задыхаясь от каждой произнесенной буквы, словно в легкие впивались тонкие длинные иглы.

Но Капитан А. что есть силы тянул ее по одному ему известному маршруту. Яра как могла, пыталась остановить его. Она была уверена, что близится большое зло и к месту, где будут братья Капитана А., идти никак нельзя.

Жителям деревни строго запрещалось сходить с троп. Капитан А. подбегал то к окраине алмазной тропы, то прыгал в исступлении над Ярой надеясь, что по волшебному велению она встанет на ноги и пойдет сама. Но она сейчас уворачивалась от мрачных вспышек самых стыдных поступков из сотни своих жизней. О нее, как о камень, разбивались десятки зеркал с отражением того, кем она никогда больше не будет. Потом, облагороженные тенью ее лица, летели тупые клинки. Камни искрили, сухой покров из вырванных кутикул тлел и наполнял атмосферу непригодной для дыхания газовой смесью.

«Надо собраться из всего, что есть, собраться в себя».

Капитан А, осознавая невозможность докричаться до Яры, окончательно принял решение не тянуть ее к очагу. Закинув ее на плечо, он, закрыв глаза и, сильно стиснув зубы от свалившейся на него ответственности, сошел с тропы и под звонкий треск сухих веток пробирался в глубь чащи прочь от манящего зова голосов его друзей и соседей. С каждым шагом прочь сплетенье криков угасало, как пламя свечи в ветреную погоду.

Чтобы не споткнуться и не упасть вместе с Ярой на руках, Капитан А. продвигался вглубь леса маленькими шагами. Весь в сомнениях и боязни, накатывающей приступами, он то бредил, то шел вперед, крепко зажмурившись. Подстрекаемый чувством вины перед семьей, он хотел отойти как можно дальше от алмазной тропы и постоянно прокручивал в голове одну за одной теории. Но ни одна из придумок о его пропаже не выглядела ладной и стройной. Измученный душевными терзаниями и утомленной ношей, он наткнулся на большой черный холм, напоминавший разоренный и поросший мхом курган. У такого можно было укрыться, как в засаде. Вблизи холм напоминал вросший в землю панцирь гигантской улитки

и опрокинутый на бок гигантский пчелиный улей с черным зияющим отверстием. Капитан А. подумал, что здесь он и дождется, когда Яре полегчает.

Пока Капитан А. продвигался по неизведанным территориям, Яра блуждала в расщелинах среди глубоких, как кратеры, долин. В воде из минеральных смесей и среди грубых песков, она выхолаживала гремучую смесь из начертанных ей знамений. Крепко сжимая подарок ночи в ладони, бежала по лабиринтам на свет. Злая старуха Мачеха наслала в эту местность скорую ночь. Испятнанная и бледная, она осыпала тропы ядом, а потом замешивала дорожную пыль в черную, липучую грязь. Подарок ночи скоблит лицо, белое, как сахар. А она, как каурое чудовище с сотней рук, мажет щеки и лоб новым раствором. Зубами с оттенком медового налета, она вгрызалась в плечи Яры и оставляла красные следы.

ВБЛИЗИ ХОЛМ НАПОМИНАЛ ВРОСШИЙ В ЗЕМЛЮ ПАНЦИРЬ ГИГАНТСКОЙ УЛИТКИ И ОПРОКИНУТЫЙ НА БОК ГИГАНТСКИЙ ПЧЕЛИНЫЙ УЛЕЙ С ЧЕРНЫМ ЗИЯЮЩИМ ОТВЕРСТИЕМ.

Не представляя, чем себя занять, Капитан А. наломал сухого хвороста и разжег небольшой костерок. Семья не дождется его у большого лесного очага, но кажется, надо подождать, пока Яра придет в себя.

– Только бы успеть до ночи… – вслух убеждал себя Капитан А., что еще успеет к родным и они, как младшего, простят его.

У костра, отдающего приятным теплом, он рассматривал лицо Ярославы, ее снежную шею и алые, как болотные ягоды, губы. С открытыми глазами она лежала на спине, неспособная освободиться от потусторонней пурги, затягивающей ее суть в плен пустоты. В мгновения борьбы, белки ее глаз вращались так, словно сопровождали мириады невидимых частиц, неспособных сложиться в единую, целостную картину. Глядя на ее тихую пустынную улыбку, Капитан А. был уверен, что она все ощущает и понимает. Даже несмотря на то, что находится очень далеко, совсем не здесь. И отнюдь не в своем родном мире.

Темнело. Капитан А. расчистил землю вокруг костра, убрав ветки и мох. Затем он прилег рядом с Ярой и обнял ее. Уткнувшись носом в шею девушки, он почувствовал сладкий запах, от которого становилось тепло и спокойно. Ее тело все еще подкидывала лихорадка, а беспокойная заботливость Капитана А. никак не могла упредить грядущей слезной истомы от однозначного плохого исхода всей этой затеи.

Яра закрыла глаза и успокоилась, как только Капитан А. улегся рядом. Вот-вот должно было потемнеть. Пламя костра, подобно солнечному протуберанцу, метаморфировало и набиралось яркости, в то время как в лесу становилось холоднее с каждой минутой.

Где-то там, позади, остались визги и вой поселян. Наверное, они все сейчас у костра, встречают ночь и погружаются во что-то новое, неизведанное. То, к чему их готовили, через что надо было пройти и вступить обновленным в следующий день. Как раз на небе появятся звездные светила, без которых так скучала Ярослава.

***

Яра проснулась от того, что Капитан А. сидел и плакал. Жилки на его черных от сажи висках казались прозрачными. Наверняка он думал, что она спит и не видит его слёз. Но сейчас ей было точно не до него: после страшных мытарств она пыталась справиться с мышечной болью. Ноги и руки не слушались, как после долгого отсутствия души в теле. Из-за холода нос забился слизью, в горле пересохло, а на язык будто налип колтун.

– У тебя есть воды немного? – прохрипела Яра и закашлялась.

От каждого сказанного слова становилось невыносимо больно, как от порезов и разлитого на оголенную кожу кипятка. Вспотевшее лицо и впалые виски нуждались в омовении. Проверив, на месте ли подарок ночи, спрятанный за пояс, Яра тоже расплакалась. Капитан А., ошеломленный ее внезапным пробуждением, достал из сумки кожаную флягу с холодной колодезной водой. Сперва он облил ей губы Яры, затем, аккуратно придерживая, помог ей сделать первых несколько глотков. Умыв ей лицо, он долго всматривался в ее кожу, на которую словно высыпали муку. Сделав несколько глотков воды, Ярослава по-звериному пискнула и попыталась усесться у догорающего костра.

Промочив и прополоскав горло, Яра выплюнула воду на тлеющие угли. Послышалось свирепое шипение. Дыша глубоко, как после подводного плавания, она принялась жадно пить из фляги. В клубах густого, как квасная пена, пара, черты ее лица приняли агрессивную, первобытную форму.

– Где ты была? – спросил Капитан А., утирая рукавом слезы с лица.

Но Яра не ответила ему, продолжая делать маленькие глотки и плеваться в костер. Лес шумел, во мраке ночи шум деревьев звучал пугающим и напоминал разговоры на древнем, архаичном языке, состоящем из злости. Все вокруг ей показалось не настоящим, бумажным, бутафорским и без запахов. Она посмотрела на Капитана А. и тот впервые испугалася, моментально отпрянув. Зажав в руке сумку со снедью, он хотел что-то спросить еще, но Ярослава опередила его:

– Что тут было?

– Мы шли к семейному очагу, как завещала Мачеха. Там должны были узнать, кто ты. Но потом тебе стало плохо, ты провалилась… И на очаг мы не успели, я совершил страшный проступок… – Капитан А. несколько раз всхлипнул от досады за содеянное. – Сошел с тропы, наступила ночь. Теперь нельзя возвращаться. Потому что ночь, должны были все спать у очага… Так принято, понимаешь...

– Кому должны, почему спать? – перебила его Яра и, не успев сказать еще что-то, уперлась взглядом в конструкцию, которую в темноте ночи приняла за холм. – А это что такое?

Капитан А. обернулся и, растерянно посмотрев на Яру, пожал плечами. Она же поднялась на ноги и отряхнулась от земли, налипшей на одежду. Холодным взглядом она сперва осмотрела холм и сделала несколько кругов вокруг него, то и дело покачиваясь от непривычки.

В один момент Яра остановилась и с силой ударила ногой в конструкцию. Послышался скрип и хруст, а на месте удара теперь зияла дыра. Из нее пахнуло смрадом разложения и гнилью. Пробоина так и манила заглянуть в ее нутро. Яра смотрела на нее в упор и с явной враждой. Отпрянув, как перед глубоким нырком, она

с головой заглянула туда, но через мгновение уже смотрела на костер. Подойдя к костру, она взяла в руку горящую ветку. Просунув во внутреннее пространство сперва ветку, она осмотрелась внутри. Капитан А. подошел к ней и тоже попытался заглянуть внутрь, но одного тонкого горячего прутика было явно недостаточно, чтобы рассмотреть детали.

– Яра, что там? – Капитан А. виновато вздохнул.

В ответ Яра повернулась к нему и в безмолвии приложила палец к губам. Капитан А. кивнул головой. Яра же по пояс юркнула в дыру и оттуда послышался грохот железяк, громкий шорох и неприятное, пугающее дребезжание. Чтобы отогнать дрянные мысли, Капитан А. принялся собирать хворост для костра.

Вскоре из расщелины полетела то ли сумка, то ли мешок с чем-то тяжелым. Затем показалась и сама Яра. Прежде, чем что-то сказать, она несколько раз звонко чихнула. Увидев, как она чихает, Капитан А. впервые за ночь улыбнулся.

– Все в этой саже, в которой вы все вымазаны. Зачем вы все ей пачкаетесь? Она вообще там – везде…

Капитан А. подошел к расщелине и просунул туда голову. Из-за дыма, напущенного затухшей веткой, мокрые глаза заслезились и он моментально расчихался. Все, что он успел заметить – контуры металлических труб и агрегаты, похожие на старые испорченные насосы. Одну из них он выхватил и тут же поднял голову, чтобы отдышаться.

– Это какая-то машина. Для перевозки грузов, людей, чего угодно. Видел такие? – обратилась она к Капитану А. Тот в ответ стыдливо пожал плечами. – Что у тебя в руках такое?

В ответ Капитан А. протянул ей трубу. Осмотрев ее, Яра с удивлением для себя распознала, что это подзорная труба. Но такой ночью что-то в нее рассмотреть было затруднительно. Взяв в одну руку трубу, она, как тень среди поросшей холодными кустами местности, принялась изображать, как ездят машины, кто регулирует их движение и что они могут перевозить. От представления Капитан А. жмурился, как довольный домашний кот. Он никогда не видел машину, поэтому абсолютно искренне пожимал плечами, когда она, обращаясь к нему спрашивала «понял?». Но он никак не понимал, о чем идет речь. В итоге они сошлись на том, что это большая телега, накрытая куском рифленого металла.

Когда понимание того, что такое транспорт, было достигнуто, они оба обратили внимание на ветошь, в которой явно что-то хранилось. Склонившись над сумкой, Яра извлекла несколько стеклянных ампул с сине-голубой жидкостью. В свете костра Яре показалось, что содержимое стеклянных колб светится, как крылья ночной бабочки в лунную ночь. Отложив ампулы в сторону, она принялась разглядывать найденную Капитаном А. подзорную трубу и измазанные в саже тряпки.

– Она очень старая. И с ней груда какой-то одежды... На какого-то малыша одежда. Или… Собаку какую-то... Видимо, брошена тут была. Но труба-то им зачем? – рассуждала вслух Яра.

В это же время Капитан А. с интересом поднес ампулу к носу, покрутил ее и зачем-то швырнул одну в костер. Через несколько секунд

раздалась мощная вспышка. От взрыва костер разворотило, а Яру и Капитана А. окатило волной горячего воздуха.

– Это… – произнесла Яра, разглядывая руки, затем ноги. – Это что сейчас было?

Не найдя ожогов, она, все еще напуганная взрывом, пристально и с укоризной смотрела на Капитана А.

– У нас в кузнице я такие же использовал. Но эти какие-то… – кое-как оправдываясь, он, повторяя за Ярой, тоже осматривал свое тело и никак не мог собраться с мыслями. – У нас в кузнице такие же есть, они нужны для сплавов. Их разливают по печи, металл становится рекой…

Яра посмотрела на небольшой дымящийся кратер, который остался от костра. В красном свечении разоренного огнища поблескивали стеклянные капли. Земля из-за взрыва оплавилась и замерзшие стеклянные слезинки были даже на черных стволах деревьях.

– Понятно… – сухо произнесла удивленная Яра сама себе и положила оставшиеся четыре ампулы в сумку Капитану А.

Достав подарок ночи, она еще раз посмотрела на свое отражение и подошла к поросшему мхом транспортеру. Раздался протяжный скрежет, на землю посыпались искры. Похожий на обгоревшую спичку, Капитан А. внимательно следил, как Яра затачивала клинок о кромку транспортера. Он никогда не видел россыпи звезд, но огоньки в беспокойном ночном ветру то описывали дугу и падали, то взмывали в высоту. В свете искр лицо Ярославы наливалось позолотой. К ней хотелось тянуть руки, за ее спиной можно было укрыться.

Заточив нож, рассекая воздух она вспорола древесную кору. Из засечки на дереве к земле устремился ручеек сока. Яра положила обратно в мешок тряпье из транспортера и, прошептав «надеюсь ничего не рванет», кинула его на затухающие угли. От температуры ткань мешка сперва съежилась, а затем откуда-то изнутри показались небрежные языки пламени.

– Семейный очаг! – вдруг взвыл Капитан А. – Ты проснулась, нам надо успеть на семейный очаг!

Яра не стала спорить. После очередных блужданий в принудительных сновидениях, в ней не угасало желание разузнать все про эту местность. Подождав, пока прогорит ветошь, они двинулись прямиком навстречу поглощающей воздух черной ночи.

От волнения лихой и стройный Капитан А. шел быстро и не оборачивался по сторонам.

– Ты помнишь как сюда дошел от тропы? – спросила Ярослава у своего спутника, тот в ответ довольный закивал головой. – Ну тогда пошли быстро, что-нибудь придумаем.

Вдвоем они направились в сторону алмазной тропы, а когда показались края, мерцающие разноцветной пудрой, Яра вдруг насторожилась. Капитан А., заметив, что она смутилась, остановился.

– Ты слышишь грохот? – произнесла вслух Яра и, чтобы разобрать всю палитру звуков у ночной тропы, закрыла глаза.

Вдали что-то назойливо тарахтело, как старая бензопила, рой ос или дизельный генератор. Звук становился то сильнее, то ослабевал, а кроме этого, не был однородным.

– Я никогда ничего подобного не слышал, честно, Мачеха не говорила, что такое бывает, такого не слышал… – суровым и равнодушным голосом произнес Капитан А.

Яра не стала ничего отвечать, вместо этого жестом дала понять, что нужно двигаться дальше. По извилистой тропе, огибавшей невидимые препятствия, они вскоре пришли к месту, где должен был быть очаг. Довольный Капитан А. надеялся, что встретит там Мачеху и своих братьев. На подходе он ощутил, как от знакомой поляны веет теплом, а это значило, что только недавно тут жгли костры и почва еще небось даже не успела остыть. Впереди виднелись человеческие очертания его родных, которые, наверное, прилегли отдохнуть. Они все, как снопы ржавого цвета, словно как звери из одной стаи, лежали у костровой ямы. Вокруг метались каскады белого дыма. В гипнотическом свечении Капитану А. показалось, что пространство вокруг наполнено дружеским шепотом. Но то гулко шелестел вершинами деревьев ветер.

Пробираясь к костру, Капитан А. споткнулся обо что-то, присмотрелся к земле и закричал. Из-за дыма, заполнившего все вокруг, он нечаянно наступил на самого маленького из семьи – неугомонного Генерала Бесенка. Тело его младшего брата выглядело сморщенным и раскосмаченным. Капитан А. взвыл тонким голосом и, склонился над ним, прижав ладонь к его синим, отекшим губам.

Сделав несколько шагов назад, он не удержал равновесия и присел. Яра же не растерялась и, нагнувшись над трупом малыша, положила ладонь на его шею.

– Холодный, – сказала она вслух, пока Капитан А. в оцепенении пытался понять, что тут случилось.

Убрав руку с его шеи, она посмотрела на ладонь, вымазанную в липком холодном геле. Она принюхалась, но никакого враждебного запаха в воздухе не витало. Ладонь же пахла луком, серой и прогорклым маслом.

ПРИМЕРНО В ДЕСЯТИ ШАГАХ ОТ ТРУПА ВИДНЕЛОСЬ БОЛЬШОЕ ПЯТНО ИЗ ЗОЛЫ И ОБУГЛЕННЫХ ПОЛЕНЬЕВ. ВОКРУГ НЕГО, СЛОВО ЗНАКИ НА ЦИФЕРБЛАТЕ, БЫЛИ РАЗБРОСАНЫ РОДСТВЕННИКИ КАПИТАНА А. ВСЕ, КРОМЕ МАЧЕХИ.

– Шва… Шва тоже умер? – спросил у Яры всхлипывающий Капитан А.

Пока Яра осматривала остальных, он сидел рядом с телом Генерала Бесенка и сыпал проклятиями в пустоту. Рукавом просторной рубахи он пытался убрать сажу с кожи, но та, смешавшись с запекшейся кровью и прозрачным жидким гелем, только сильнее размазывалась по умиротворенному лицу. Из-за сажевого налета синяки, переломы и нарывы отчетливо проступали на его теле. Не способный смириться с тем, что его любимый младший брат не пережил ночи, он нервно гладил его то по щекам, то по шее.

Все другие члены семьи были раскиданы чуть поодаль. Их черные тела были оголены и неестественно вывернуты. Яра нагнулась над каждым, переломанным и вымазанным в черной слизи. Обойдя всех, она поднялась на ноги:

– Остальные живы. Все в этом масле. Оно просачивается из ран через

сажу. Как лимфа. Но такое ощущение, что спят или в коме.

Вглядываясь в переломанные тела, вымазанные в черной слякоти, она не могла вразумить, в каких мирах пребывало их сознание и что надо сделать с человеком, чтобы не замечая боли он погрузился в глубокое забвение. Пока Капитан А. в порыве скорби тряс тело Генерала Бесенка, Яра огляделась вокруг:

– Здесь следы от гусениц. Пришлые зашли на такой же машине, которую мы видели с тобой в лесу.

Лица спящих людей были как у статуй, отлитых из масок максимальной изможденности. От этого каждый походил на человека, чье существование было искажено болью и утратой. Из-за увечий голые тела напоминали окровавленные туши, поклеванные птицами.

«Это все уже где-то было» крутилось в голове у Яры. Но где, она не могла вспомнить.

Капитан А. уселся на теплую землю и, обняв свои колени, разрыдался. Яра посмотрела на него с отвращением, но не осмелилась отчитать. Сама же она не могла больше плакать. Ее организм, лишенный переживаний, требовал мести и справедливости.

– Кто это сделал! – закричал в отчаянии Капитан А. – Сколько их! – завопил он вновь.

Яра обошла со всех сторон кострище, еще раз посмотрела на избитых и покалеченных, вспомнила семью, где почти каждый, кроме младших, выглядел так…. Как будто пережил ночь.

– Тебя бы тоже поломали, ты же видел своих остальных. – В ответ на спокойный и уверенный голос Яры, Капитан А. приподнял голову и неуверенно кивнул головой. – Пришлых немного, человек десять, если судить по той машине, у которой мы были с тобой.

Следы от транспортера тянулись по алмазной тропе. По всей видимости, те, кто устроил это побоище, отправились в деревню.

– Куда ведет эта дорога? – и без того зная, спросила Яра, всматриваясь в уходящую за горизонт алмазную тропу.

– В деревню, – ответил напуганный Капитан А. – Идти недолго совсем. Не успеем пойти, как уже у хаты будем.

– Если от нее еще что-то осталось. Ладно, надо идти! – сказала Яра.

Перед тем, как они двинулись в путь, Капитан А. склонился перед телом младшего брата и своей ладонью потрепал его мягкие волосы. Ему хотелось верить, что, как и все остальные, как и Шва, и другие братья, Бесенок просто спит.

Распрощавшись с семьей, он вернулся к Яре и вдвоем они молча побрели быстрым шагом вперед, вновь врываясь в сгущенную массу ночи.

***

Вскоре алмазная тропа расширилась и уперлась в поле, поросшее сочной и высокой травой. Сразу за ним виднелись очертания деревни. В темноте крыши домов было не разглядеть. Но отчетливо виднелись два далеких огня. Яра сперва подумала, что в одном из окон горит свет. Но ее смутил треск и дребезжание, отзвуки которого они. слышали в гуще лесных деревьев. Яра остановилась и достала из сумки найденную в транспортере-

улитке подзорную трубу. Нацелившись на источник света, она удовлетворенно кивнула головой и передала его Капитану А. Тот заглянул и через мутные, исцарапанные стекла увидел металлическую конструкцию, похожую на морскую раковину. Каждый изгиб панциря сиял плазменной нитью. Огнями оказались обыкновенные фары, исполненные все той же нитью. Неведомые умельцы намотали ее на две выпуклые трубы в передней части машины, от чего те были похожи на камыши с сияющими окончаниями.

– Ты видел раньше эти улитки или что-то подобное? – спросила Яра, пока Капитан А. внимательно разглядывал транспортер.

Услышав вопрос, он не сразу отрицательно покачал головой, продолжая вглядываться в едва различимые очертания знакомых ему домов и высившиеся кузницы. Ночную идиллию нарушила вспышка света на окраине. Там, где стояли хозяйственные избы старших братьев, луч огня небрежно брошенным огненным лассо врезался в одну из стен деревянного строения. Избушка моментально вспыхнула и загорелась, как промасленный факел. Вокруг нее носились силуэты и слышались протяжные, неразличимые вскрики. Так во время весенних игрищ могли орать дикие собаки, сбившиеся в стаю.

Дерево моментально занималось огнем, пламя осветило очертания близлежащих домов. Вокруг обуглившегося остова хижины водили хоровод низкорослые тени. Они появлялись то в одном месте, то перевоплощались совсем рядом. В подзорную трубу Капитан А. не мог различить, кто выпускал огненные заряды. Но он точно знал, что такая же реакция была у костра, когда он швырнул в него ампулу с синеватым гелем. Через секунду луч пламени рассек еще один дом, а потом следующий. Дома горели, как стог сухой соломы, пропитанный маслом.

Капитан А. спрятал подзорную трубу в торбу и вопросительно посмотрел на Яру. Она же, прищурившись, с хладнокровным видом наблюдала, как сжигают деревню. Казалось, что теперь все дома, кроме кузницы, горели, а она все не могла придумать, что делать дальше.

– Это они, кто пожар устроили. И… И… Они же, да, они убили Генерала Бесенка? – дрожащим голосом задал риторический вопрос Капитан А. – Что же нам теперь делать?

Яра проигнорировала его вопрос. Капитану А. показалось, что сейчас она выглядит невероятно спокойной, сильной и сосредоточенной. Взяв в руку подарок ночи, она повернула голову к Капитану А.:

– Дай мне ампулы с жидкостью. – Голосом, полным решимости, скомандовала Яра. – Эти… Поджигатели. Их не так много, я уверена. Но вооружены, что плохо...

Она крепко сжала заточенный клинок и добавила:

– Ну ничего, ничего. Мы тоже теперь. Вооружены.

Порывшись в сумке, Капитан А. достал из платяной сумки несколько емкостей с загадочным веществом, способным плавить камни. После случая у костра, он смотрел на ампулы с опаской и аккуратно передал их в руки Яры. Рассматривая, как ее клинок бликовал в ночной темноте, он радовался, что избавился от всех этих страшных вещей.

Вдвоем они вступили в дебри травяных зарослей. Как осторожная кошка

на охоте, Яра бесшумно двинулась на свет транспортера. Подождав несколько секунд, Капитан А. пошел следом, не представляя, что сейчас начнется.

Контуры транспортера переливались яркими цветами. Синие, красные, желтые полосы по краям машины походили на цветные рождественские гирлянды. Десантный люк был открыт, поодаль ходило туда-сюда существо, упакованное в плотный черный комбинезон. В руках, похожих на бугристые лапы рептилии, обмотанные черной изолентой, поджигатель держал что-то похожее на трубу. Его лицо скрывала плотная черная маска. Вблизи голова поджигателя походила на овал с насаженными фасеточными глазами.

«Какой же ты уродливый и мелкий», – подумала Ярослава. Подобравшись на максимально близкое расстояние к транспортеру, она подняла с земли коленный глиняный камень и швырнула его в машину. Послышался легкий удар по корпусу, Поджигатель моментально вскинул оружие и повернулся к Яре спиной. Она, не теряя ни единой секунды, выскочила из засады и всадила нож в спину поджигателю, а затем со всех сил провернула рукоять. Лезвие вошло в его тело легко, как в хлебную булку или свежий студень. От неожиданности он резко развернулся, взвыл и, не удержав равновесия, упал на землю. Получив несколько ударов ножом в живот, поджигатель захрипел и свернулся, как распотрошенный еж. Напоследок Яра вонзила нож в его шею. Из артерии потекла густая, как сгущенное молоко, кровь.

Вытерев острие лезвие о его комбинезон, Яра кинула несколько ампул в транспортер. Затем она подняла выпавший из рук Поджигателя огнемет и интуитивно прицеливаясь, нажала на рычаг. Струя раскаленной плазмы ударила в транспортер и он вспыхнул. Бросив оружие рядом с мертвым поджигателем, она вновь скрылась в траве.

– Ты… Убила этого, да? Его убила? – прошептал Капитан А.

Но вместо ответа Яра, согнувшись, стремглав поползла по кромке поля прочь от места первой битвы. Капитан А. ринулся за ней. Тем временем пламя ревело, а от транспортера валил черный хвост плотного и едкого дыма. Не прошло и минуты, как послышался хлопок и Яру с Капитаном А. окатила волна горячего воздуха, всколыхнувшего стебли растений.

Где-то за их спинами догорала деревня. Увидев, что улитка-транспортер сияет языками серебряного пламени, поджигатели толпой подбежали к нему и, обнаружив убитого, принялись палить по полю вслепую. Они предполагали, что нарушители где-то рядом и озаряли вспышками черноту закопченного пространства. Но эта истеричная ответная пальба была ни к чему: Яра и Капитан А. были уже далеко.

– Сколько их? Девять или меньше? – произнесла вслух Яра, пытаясь про себя считать.

После убийства ее лицо источало умиротворенное безмолвие. Но сердце билось так отчаянно, что она в один момент испугалась, что стук услышат эти несущие смерть твари.

– С тем, которого ты… Которого ты… Их девять, но живых, живых их восемь, все они… – Капитан А. хотел добавить что-то еще, но Яра перебила его.

– Ты сможешь найти свой дом среди этого пожарища? – спросила Яра.

На месте хижин с черными крышами тлели обгоревшие деревянные

головешки. Но поджигатели явно не смогли бы добраться в катакомбы. В отчаянии они носились то вокруг трупа одного из своих, то вокруг горящего транспорта. Иногда кто-то лучом огня просеивал траву, но там уже никого не было.

Капитан А., для которого ночь была первой, ощутил наконец-то прилив смелости. Уяснив для себя, что обратной дороги нет, он одернул Яру:

– Из дома, можно попасть в кузницу. В кузнице есть много… Похожих на ампулы всяких склянок. Если ее нагреть как следует, то мы можем заманить их в ловушку! – протараторил он взволнованно.

Он хотел добавить что-то еще, но Яра остановила его:

– Веди в кузницу сразу, нет времени думать над планом!

Совсем близко раздалась вспышка. Ведомые чувством мести, поджигатели рассредоточились. Капитан А. вел Яру к зданию кузницы, как внезапно он услышал зов, которому не смог сопротивляться:

– Капиташка! Давай вылазь, негодник!

Как завороженный, Капитан А. встал во весь рост на зов Мачехи.

– На землю! – зло крикнула Яра и схватила его за рукав, успев повалить практически сразу, как он поднялся.

В это же мгновение огненный луч прошел совсем рядом с головой Капитана А. Полотняная рубаха загорелась, мальчишка закричал. Яра же, перевернулась с живота на спину и, перекинув подарок ночи из одной руки в другую резко швырнула нож в поджигателя. Острие впилось в его тело, от неожиданности и боли тот взревел, выронил огнемет и упал. Напуганная Мачеха кинулась к оружию, но выскочившая Яра ногой отбила огнемет в сторону.

– Сажей, говоришь, вымазываются? – процедила Яра и в бешенном отчаянии кинулась на Мачеху.

– Они все лежат разбитые, поломанные, и ты знала! Ты все знала! – в приступе бешенства Яра колотила Мачеху и продолжала кричать.

Когда та, свернувшись калачиком, стонала, поверженная, Яра хладнокровно подошла к еще живому поджигателю. Тот своими короткими ручонками пытался достать клинок, но от неумелых попыток ему становилось еще больнее. Судя по звукам, которое издавало это существо, оно захлебывалось собственной кровью.

– Сейчас будет представление! – театрально бросила Яра.

Взявшись двумя руками за рукоять ножа, она провернула его что было сил и вытащила. От боли поджигатель вопил и дергался. Он попытался отползти, но был обречен на смерть. Резко дернув на себя подарок ночи, она ударила его еще раз в шею и когда тот умолк, повернулась к Мачехе:

– Теперь ты. – Ярослава сделала несколько шагов вперед и приставила окровавленное лезвие ножа к ее шее. – Вы собираете лимфу, чтобы заряжать эти огнеметы? Там, переломанные люди. Все в этой грязи. И слизь на них. Из этой слизи вы делаете вот это да?

Перед тем, как перерезать шею Мачехе, Яра демонстративно окинула взглядом пылающую деревню. К ней подошел обожженный Капитан А. Правая сторона плеча и лицо сочились

лимфой, отчетливо различимой на черном холсте его испачканного тела. На плече и правой щеке образовались уродливые бугры и пузыри, которые хотелось проткнуть. Яра посмотрела в его на всю жизнь удивленные глаза и с криком ярости всадила нож в шею Мачехи.

– Мачеха! – всхлипнул Капитан А. и, согнувшись над ней, приложил два пальца к артерии, из которой лилась кровь. – Не могу остановить! – в отчаянии закричал он.

Яра же оглянулась и увидела, как к ним бегут, как маленькие медвежата остальные поджигатели. У шеи Мачехи мгновенно образовалась большая темная лужа. Тело ее стало похожим на обвисший неживой комок материи. Язык выпал изо рта точно как у висельника. С благодушной улыбкой Яра смотрела, как она в страхе умирала.

– В кузницу! Быстро! – скомандовала Яра.

Она нагнулась над Мачехой и, посмотрев напоследок в ее глаза-фурункулы, подняла с земли заряженный огнемет. Капитан А., погруженный в скорбные мысли о потере родного человека, моментально встряхнулся. Он схватил Яру за руку и что было сил они побежали к центру деревни. За ними лучами беспощадного огня тьму рассекали световые заряды: поджигатели палили в их сторону, но попасть с такого расстояния шансов не было.

Оказавшись у входа в кузницу, Капитан А., позабыв о боли, отворил дверь.

– Прыгай туда и беги, выйдешь из дома, беги сюда обратно. Они все сгорят. – После этих слов Яра умело вскинула огнемет и, перепрыгнув через ограду, укрылась за небольшой горкой из булыжников. Капитан А. громко крикнул, чтобы обратить на себя внимание, и скрылся в дверях кузницы.

Вслед за ним с громким топотом в просторное здание, похожее на бывшую конюшню, заскочили оставшиеся поджигатели:

– Вот и конец! – зло прошептала Яра.

Прицелившись в темную зияющую дыру входной двери, она нажала на курок. Заряд золотой раскаленной стружки осветил черные закопченные стены кузницы. Звук горящей смеси смешался с воплями попавших в засаду поджигателей. Еще через несколько секунд раздался взрыв. От детонации горючих смесей, здание кузницы сложилось как будто было собрано из картона. Огненный столб устремился ввысь и раскидал камни, как незримый великан.

Не теряя времени, Яра побежала к месту, где раньше был дом Капитана А. Крышка погреба, припорошенная углем и землей, распахнулась прямо перед ней. Из нее показался утомленный и чумазый мальчишка. Он не улыбался и выглядел бесчувственным, уставшим и измученным. Яра протянула ему руку и помогла выбраться на поверхность.

– Они все сгорели, – сказала зачем-то вслух Яра. – Мы победили.

У ШЕИ МАЧЕХИ МГНОВЕННО ОБРАЗОВАЛАСЬ БОЛЬШАЯ ТЕМНАЯ ЛУЖА. ТЕЛО ЕЕ СТАЛО ПОХОЖИМ НА ОБВИСШИЙ НЕЖИВОЙ КОМОК МАТЕРИИ. ЯЗЫК ВЫПАЛ ИЗО РТА ТОЧНО КАК У ВИСЕЛЬНИКА. С БЛАГОДУШНОЙ УЛЫБКОЙ ЯРА СМОТРЕЛА, КАК ОНА В СТРАХЕ УМИРАЛА.

Капитан А. ответил на ее слова молчанием. Растерянный, он вновь уселся на теплую землю и обхватил колени. Кожа на его опаленном плече разлезлась. Яра хотела обнять его, но, оробевшая после осознания всего случившегося, не осмелилась притронуться. Когда все закончилось, она впервые задумалась о том, что на его глазах убила Мачеху. И тех, с кем она была.

Руины догорали, остатки изб трещали, изредка стреляя искрами и дымя. Стоял едкий запах гари, изредка дул ветер. Капитан А. плакал, а Яра думала, что теперь со всем этим делать. По прежнему ничего не зная о себе, она тоже присела на землю и посмотрела на черное, подобное засохшей гуаши, небо.

Погруженная в свои мысли, Яра не заметила, как Капитан А. поднялся на ноги и, не отворачивая головы, смотрел вперед. Еще через мгновение она поняла, почему он молчал. Рык и треск, дребезжание и звон металла. В этой местности так звучали только транспортеры-улитки. Яра поднялась и принялась судорожно искать подзорную трубу. Трясущимися руками она приставила один конец трубы к лицу и, раскрыв рот, так ничего не сказала.

В деревню со всех сторон, по полю и по алмазной тропе, двигались десятки транспортеров. Контуры машин светились. Наверняка в каждом было до десяти поджигателей. Издалека они были похожи на рой бронированных светлячков, который стремительно продвигался к руинам деревни.

Яра сжала рукоять ножа и осмотрелась по сторонам, ища укрытия.

– Я не сдамся. И не хочу сгореть в катакомбах. Ты как? – спросила она утвердительным голосом, без намека на страх.

– Я с тобой. Тоже никуда не пойду, – ответил Капитан А.

Они оба встали во весь рост, готовые разделить участь любого исхода этой битвы. У подступа к деревне транспортеры остановились. Из них, как муравьи, посыпались поджигатели. Издалека, в красном свечении обугленных бревен и почерневших фундаментов, они напоминали армаду свирепых плотоядных насекомых.

Исход боя был предопределен: от струй высокотемпературного пламени не укрыться даже в катакомбах.

– Смотри! – вскрикнул Капитан А.

Яра обернулась и увидела, как черная кромка неба окрасилась сначала в лиловый, а потом наполнилась красным цветом. Так бывает, когда в аквариум с чистой водой выльешь банку с яркой краской и она витиеватыми узорами расползается, образуя причудливые вселенные как будто из нитей. Близился рассвет. Всего через несколько мгновений черное небо наполнилось силой внезапного утра. Ослепительно яркий свет заполнил все, озарив остатки уничтоженной деревни и черные леса, окружающие местность. Взошла сначала одна звезда, похожая на гигантский воздушный шар. За ней еще одна, белая, как выточенная из мела.

Встретившись с рассветом, отряды поджигателей из стройного роя превратились в неуправляемую толпу. Кто-то из них попытался убежать обратно к транспортерам. Несколько бросились в сторону леса. Еще несколько, побросав огнеметы, пытались спастись от света в высокой траве и за россыпью камней.

Но свет нескольких звезд застал их врасплох. Оживленное силой нескольких

светил небо рассеяло остатки ночи. Тела, упакованные в черные блестящие комбинезоны, плавились, как пластмасса и лопались с бульканьем. Вскоре от каждого из них не осталось ничего, кроме черного пятна сажи. Все вместе они походили на чернильные кляксы. Такое мог сделать разве что титан, который пролетая, разбрызгал их над местностью.

Яра почувствовала, что очень сильно устала. Шатаясь, она попыталась сделать несколько шагов вперед, но упала. Капитан А. больше всего боялся, что сейчас она заплачет или опять потеряет сознание, а он не будет знать, что предпринять.

– У тебя лицо все в этой слизи. Только не вздумай мочить водой ожоги, еще хуже будет. – сказала Яра, не думая вставать на ноги.

– Мне… А вот и нет! У меня совсем ничего не болит, – соврал Капитан А.

– Ты очень смелый, – ответила Яра и перевернулась на спину, чтобы увидеть наконец-то звезды.

Над ней стоял ее друг с опаленным лицом. Несмотря на боль от малейших изменений мимики, глазами он улыбался и разглядывал уставшую Яру в лучах раннего утра.

– Отныне здесь никто не будет вымазываться этой грязью, – сказала Яра и потянулась так, как будто очень долго спала. – Там, у очагов, остальные. Они все избитые, в саже. В общем, много всего еще надо сделать.

Капитан А. протянул Яре свою руку. Точно также, как во время их первой встречи в лесу, до наступления короткой, самой черной в природе ночи. Она поднялась. Вдвоем они двинулись в сторону леса, не думая о том, что эта не последняя ночь, которую им доведется пережить и победить.

АЛЕСЯ ИНКА

БЕШЕНЫЕ ПСЫ

За окном сгущались тучи, липкие и густые, разливались по небу тараканьим полчищем и грозили дождём. Лерочка надеялась, что лето подарит ещё несколько тёплых денёчков, но стучащий в окна ветер, по-крокодильи шуршащая листва, тучи эти чёрные, грозные не оставляли ей никакой надежды. Ну, хорошо, хорошо, через неделю у меня отпуск, поеду к бабушке в Одессу, вот потерплю недельку и поеду, а там будет тепло, загорать, плавать буду, думала Лерочка, а сама тык-тык по клавиатуре, работает самоотверженно, из дома, на удалёнке. Маленькая ручка с тонкими пальчиками, на ногтях облезший маникюр, просто кошачья лапка, а не ручка, тянется туда, где утром мама поставила тарелку с печеньем – а там ничего нет, ни печенья, ни тарелки, мама уже унесла и помыла, она всегда так делает.

«Маам, – протянула Лерочка, достав из уха наушник. – Принеси чего-нибудь пожрать, плиз. Я работаю».

«Ужин не готов», – раздалось из кухни.

«А печеньки?» – крикнула Лерочка.

«Закончились», – последовал лаконичный ответ.

Лерочка тяжело вздохнула, поднялась медленно, уперев руки в стол, сделала один шаг, вздрогнула, замерла, как эскадренный миноносец перед сложным манёвром, она же целый день сидела не вставая, руки-ноги затекли, иголочки по всему телу. Внезапно распахнулась форточка, жгучими стрелами на ковёр посыпались капли дождя, окропили святой осенней водой, хотя лето, на минуточку, ещё не кончилось, середина августа же. Лерочку это не смутило, встряхнув левой, правой ногой, чтобы сбросить иголочки, доплелась до кухни, прислонилась к дверному косяку и посмотрела на мешающую борщ маму. Мама любила варить борщ, её это успокаивало, отвлекало от насущных проблем. Как говорил один известный политик, какой-то их дальний родственник, женщина должна варить борщ, а если не хочет, значит, она проститутка.

«Фу, опять борщ, – сказала Лерочка. – В магазин, что ли, сходить?»

Мама выронила ложку и уставилась на Лерочку, как на покойницу.

«Какой магазин, ты чего? – мама постучала пальцем по циферблату наручных часов. – Ты это видишь? Без десяти шесть. Без-де-ся-ти-шесть».

Ложка скользнула по внутренней стенке кастрюли и растворилась в пятне оранжевого жира, будто в щёлочи.

«Да успею я», – заверила её Лерочка, нагнувшись, чтобы завязать шнурки на кроссовках.

«Нет, ты мне скажи, тебе жить надоело? – не унималась мама. – Человеческим языком тебе говорю: одумайся, не ходи, предупредили же».

«Мама, я бы уже давно вернулась, пока ты тут языком чешешь», – вздохнула Лерочка, схватила ключи и была такова.

Мама догнала её на лестничной площадке, со всей силы дёрнула за рукав, разжала Лерочкину ладонь и положила на неё тяжёлый, холодный, немножко ржавый кастет.

«Этим кастетом дед от фашистов отбивался в 41-м. Теперь он твой, – сказала мама. – Давай, в магазин и назад. Чеснок не забудь».

И перекрестила её по-православному, справа налево.

Здесь стоит добавить, что каждый вечер после шести в городе начинался негласный комендантский час. Точнее, так-то его не было, но все знали, что на улице после шести лучше не появляться, а то как бы чего не вышло. Летом темнело поздно, снаружи ещё могло светить солнце, но как только большая стрелка часов завершала последний оборот, по дворам и закоулкам, городским паркам и детским площадкам расползался страх, распухший, как незаживающий нарыв, болезненно-осязаемый, и все, кого он настигал, мочились и опорожнялись одновременно. Существовало мнение, что страх не может проникнуть в дома, но он давно поселился в сердцах людей, которые каждый вечер баррикадировали двери подъездов лавочками, цветочными урнами, заколачивали окна досками, а потом делали вид, что не слышат одиноких ночных криков, делали вид, что спят.

Лерочка беспрепятственно покинула подъезд своего дома по улице Шахтёров, прошла через небольшой сквер, где обычно курили подростки, а сейчас было пусто, на асфальте ни одного бычка, и поднялась по ступенькам магазина под названием «Алмаз». Это был небольшой продовольственный магазин рядом с домом, все местные там закупались, близко, недорого, и Лерочка туда пошла, куда ей ещё идти. Как только она вошла в торговый зал, дверь за ней захлопнулась, подёргала – заперто. Поискала глазами часы, но даже без часов всё было понятно. Опоздала.

«Есть здесь кто-нибудь?» – спросила Лерочка. В ответ тишина.

Вообще-то магазин работал до 24:00, но уже после 18:00 здесь никого не было, а за кассами сидели роботы без глаз, без ртов и ушей. Они не видели, не слышали Лерочку, а если бы и слышали, то не смогли бы ей ответить. Лерочка смирилась с мыслью, что, наверное, останется здесь ночевать, и уже достала телефон, чтобы написать маме эсэмэску, но странное движение на крыльце магазина привлекло её внимание. Лерочка сунула телефон в карман, подошла к стеклянной двери.

Не успела она опомниться, как дверное стекло разлетелось на тысячи остреньких осколков, сияющих, как новогодние игрушки в свете электрических ламп, а сама Лерочка оказалась на полу, скомканная бумажка, мокрая промокашка, оглушённая, беспомощная девочка. Телефон выпал из кармана, улетел за стеллаж в другом конце магазина, хорошо если не разбился. Лерочка не могла открыть глаза, засыпало стеклом, а на груди стояло, давило, душило, тяжёлое что-то. Лерочка почувствовала влажное, вонючее дыхание у себя на лице, гнилой, отдышавший воздух наполнил лёгкие, и было не легко, а тяжело, очень тяжело вдруг стало отчего-то, и страшно.

«Чего уставилась?» – прорычал звериный голос у неё над ухом.

Снова надавили на грудь, и мысли, одна тревожнее другой, ранеными птицами забились в Лерочкиной голове.

«Ну что, готовься, – сказал другой голос, хриплый, грозный. – По кругу пустим, мама родная не узнает».

И Лерочка почувствовала, как тащат её за волосы, а за ней тревожным чемоданчиком тащатся её страхи, и боль, и «зачем я сюда пошла, сама виновата».

Вот она катится с лестницы, всего три ступеньки, и каждая секунда длиной в вечность, протёрла глаза, и уже не может смотреть без боли, кровавая мадонна с тёплыми ручейками по щекам. Наконец, видит тот самый страх, из-за которого баррикады, и ужас, и крики по ночам: бешеных чёрных псов. Стройные, блестящие, как будто напомаженные, с большими задницами на мускулистых ногах, уши торчком, вместо хвоста обрубок. Обступили Лерочку чёрной тучей, чувствуют кровь, демоны, призванные жестоким заклинанием, персонажи из кошмарной сказки.

«НУ ЧТО, ГОТОВЬСЯ, – СКАЗАЛ ДРУГОЙ ГОЛОС, ХРИПЛЫЙ, ГРОЗНЫЙ. – ПО КРУГУ ПУСТИМ, МАМА РОДНАЯ НЕ УЗНАЕТ».

«Что происходит? Что я вам сделала?» – спросила Лерочка.

«Заткнись, – прорычал пёс. – Сейчас главный придёт, мало не покажется».

«Я просто шла в магазин… – пролепетала Лерочка, не переставая тереть красные от крови и воспаления глаза. – Не бейте меня, пожалуйста».

«Молчи, – сказал второй пёс. – Так тебе и надо. Будешь знать, где ходить, где гулять».

Псы оскалились, обнажив острые жёлтые клыки, в их глазах отразилась ярость тысячи мёртвых звёзд. Их уже собралось не меньше десяти.

«Так-так, что у нас тут?» – спросил холодный, строгий голос, вылился на Лерочку, словно ушат воды, без предупреждения.

Чёрные псы замолкли, заскулили, зажали между ног свои обрубки. Главный пришёл. Он не спешил нападать, неторопливо прошёлся вокруг, понюхал, и у Лерочки отлегло от сердца, подумалось, что вот ей поверят, отпустят, ведь собака, в конце концов, – друг человека. Запрыгнул Лерочке на колени, вильнул хвостиком, как домашняя болонка, лизнул её в щёку. Откуда-то достал влажную гигиеническую салфетку, протёр Лерочкино лицо, глаза, щипало немножко, но можно потерпеть. По Лерочкиной щеке скатилась прозрачная слеза.

«Спасибо», – всхлипнула Лерочка и чуть-чуть попятилась, ну а что, мало ли.

«Боишься меня? Не бойся, ты же мне как доченька», – хрипло проворковал пёс, упёршись передними лапами в Лерочкину грудь.

«Ой», – пискнула Лерочка, сдувшись, как воздушный шарик.

Сделала несколько движений, чтобы освободиться, но чёрные псы впились зубами в белые рученьки, зубы их точёные пронзили кожу, как священные гвозди, и Лерочка оказалась в западне.

«Больно, что ли? – ласково спросил главный. – Так ведь я ещё ничего сделал».

И сильнее надавил Лерочке на грудь, как будто выдавить её хотел по капле, по чуть-чуть, чтобы Лерочка разлилась по асфальту и потекла по канализации от него подальше.

«Я тебе сейчас горло перегрызу, и мне за это ничего не будет», – прошептал пёс, проведя влажным носом по Лерочкиной шее, поднял морду и заглянул ей в глаза, так глубоко, как будто искал там что-то и, может быть, нашёл.

Лерочка это поняла и задрожала как осиновый листик, дрожь перешла в судороги в семь баллов по шкале Рихтера, по асфальту разбежались трещины, а псы неуверенно отступили, может, испугались даже, они не ожидали, что всё так будет. Голова запрокинулась вверх, и увидела Лерочка кусочек неба между верхушками деревьев, мутное, как её заплывшие глаза, с одной пульсирующей звездой. Лерочка вспомнила, как учила в школе Азбуку Морзе на уроках по ОБЖ, и вгляделась в световые вспышки, посылаемые ей звездой: длинная, короткая, короткая, пауза...

«Достань дедов кастет», – говорила ей звезда.

Лерочка сунула руку в карман, а там действительно кастет, который ей мама в дорогу дала. Просунула пальцы своей слабой ручки сквозь холодные металлические глазницы и почувствовала силу невиданную, как будто дед, которого она, кстати, никогда не видела – умер от белочки сразу после войны, – был здесь, управлял её рукой.

«Спасибо, дед», – прошептала Лерочка, достала руку с кастетом, от которого исходило слабое голубоватое свечение, и засадила главному прямо под дых.

В рядах псов началось смятение, лишённые главаря, они трусили по кругу и выли, как щенки, а Лерочка тем временем поднялась на ноги и наносила сокрушительные удары направо и налево. Привлечённые шумом люди из соседних домов прилипли к окнам, глядели через полуоткрытые двери подъездов, и стоило им увидеть Лерочку, как страх покинул их сердца. Вооружённые палками, скалками, утюгами, мутузили псов всем двором до последнего смертного вопля, потом собрались вокруг Лерочки и сказали: «Спасибо тебе, Лерочка! Если бы не ты, сидели бы мы дома и боялись. А теперь создадим дружину и дадим отпор бешеным псам!»

Лерочка в ответ всех поблагодарила, положила кастет в карман, по битому стеклу прошла в магазин, где за дальним стеллажом в пыли лежал её телефон с тридцатью четырьмя пропущенными вызовами. Достала телефон, вытерла об джинсы, на потрескавшемся экране набрала маме эсэмэску: «Всё хорошо. Иду домой».

СЕРГЕЙ КАЛЕНДА

ЗЕМЛЯ 2020

отрывок

Часть I
ДВЕ ПАСХИ

1

Вокруг бушевал вирус, к земле приближался метеорит, долго не было дождей, загорелись леса в чернобыльской зоне, доллар начал расти – девальвация, имбирь на торгах стал дороже барреля нефти, ученые нашли ДНК динозавра для последующего клонирования. Мир накрыло с головой ретроградным Меркурием, который в этой фазе застрял. А одна гадалка в интернете написала, что ретроградная фаза сменится ещё одной, потому что во всём виноват високосный год, и выложила в подтверждение не совпавшие по цвету и числу две случайные карты из разных колод.

2

Пентагон официально заявил об НЛО в небе в 2004, 2012, 2014 и 2018 годах, и все сразу заподозрили неладное, ведь каждый год был чётным.

Тело Ким Член Ына прячут в Северной Корее.

Симптомов вируса стало шесть вместо трёх: теперь, когда появились повышенная потливость рук и отдышка, необходимо проверить цвет белков глаз, и если они покраснели, значит дальше надо ждать аппарат ИВЛ.

В стране прошли две Пасхи и субботник, закрыты на карантин монастыри и церкви, один из попов уже умер, тот самый, который призывал по «Церковь ТВ» идти в храмы всем, потому что так только живы будут.

Католические ксёндзы более прогрессивно провели службы онлайн и всех попросили оставаться дома, а Папа Римский вышел на пустую площадь Ватикана и молился…

Впереди парад ко Дню радостной победы, когда наши деды, как и деды врагов, убивали и насиловали на захваченных территориях женщин, детей и коров. Скоро лето.

3

ВОЗ банально просит у страны в центре Европы прекратить вот эти все пасхи, собрания и тем более парад, иначе всем жителям не просто не дадут возможности выехать потом в Европу, а Евросоюз пугает не дать главному трактористу много денег на борьбу с невидимым противником.

На половину смонтированные трибуны возле Стелы Победы простояли месяц, и начался дальнейший монтаж.

Решено было идти до конца, до последнего заболевшего бойца в почётном карауле, а после них никого уже не жалко.

Все тут ждут лета, ведь врачи уверяют, что под ультрафиолетом любой вирус горит за секунды, но на самом деле в Синеокой наступает осень патриарха, когда его речи становятся настолько бессвязными наивными и глупыми, что даже электорат выключает телевизор, как только усатое лицо появляется на экране, тут горят не вирусы.

4

Крета заявила, что на Новый год, когда часы отбивали последние секунды, она загадала желание, чтобы наконец в мире перестали так много и бессмысленно летать самолеты, чтобы океаны и моря очистились, чтобы леса вздохнули широко без людей, – и её желание сбылось.

За это заявление в мире, благо все сидят у своих мониторов, появилась петиция, требующая либо посадить Крету, либо казнить, но можно и помиловать, если она своё желание заберет обратно и всё в мире восстановится, как было до начала 2020 года.

Крета официально извинилась только за то, что всем вокруг приходится пользоваться резиновыми перчатками, которые разлагаются сто лет, и очень сожалеет, что у врачей на головах экраны из пластика, пока они все в реанимациях сражаются за пациентов на ИВЛ, и ушла в – как теперь это стало актуальным – оффлайн.

Вдвойне незаконное из-за карантина, граффити Бэнкси с изображением китайской крысы, кидающей камень в лопнувший красный шарик, было нарисовано ночью на нескольких домах в Бирмингеме.

5

Илан при помощи масонов собирает переболевших людей, у которых образовалась невосприимчивость к вирусу, таких всего один на миллион – с редким мутировавшим иммунитетом. Все эти люди попадают под проект «Марс-Экс», и это будет первое поселение на красной планете.

В Северной Корее успешно протестировали новое приложение, позволяющее голографическое изменение лица человека, таким образом отсутствовавший 20 дней корейский отец показался на публике, он был бодр и, как обычно, упитан до безобразия.

Все северокорейцы плакали, теряли сознание от счастья и благодарности, и были даже три очень усердных корейца, которые смогли на месте умереть от переизбытка чувств.

В свою очередь, вирусологи, которым скучать не приходится, обнаружили ещё три новых симптома к уже имеющимся шести: сыпь, диарея и нарушение слуха. Но в Перу ученые зашли дальше в исследованиях и заявили, что если вы ничего не можете обнаружить из симптомов, то это верный признак заражения бессимптомным вирусом, а это может быть даже ещё страшнее.

6

Вокруг континентов собрались полные танкеры с нефтью, стоят и ничего не делают, дрейфуют на волнах.

Теперь каждый может взять к себе домой на передержку баррель, а можно и два барреля нефти и получить за это по сто пятьдесят долларов за каждую бочку: передержка же.

Зелёные активисты остались без работы, планета без них зеленеет и очищается сама, ненужные гранты пустили на развитие медицины. Один из представителей «Гринпис», почувствовав себя ненужным, ушёл под парусом в океан к китам.

Сообщество плоской земли полетело на воздушном шаре доказывать свою теорию и затерялось в стратосфере. Говорят, их всё-таки поймал один из НЛО, который в очередной раз зафиксировали в НАСА.

В Египте откапали двадцать саркофагов с мумиями; адепты христианства просят не вскрывать их, чтобы к лету земля ещё крутилась в космосе, ведь что будет, если к вирусной напасти добавится ещё и проклятье мумий?..

Христиане Двуглавой попросили наконец-то похоронить Ленина, потому что труп на площади – это очень плохая примета, что соседи скажут, сглазить могут в этот високосный год.

7

«Тут ребята во дворе собрались – сигареты, пиво, семечки… Обычно они даже шелуху стараются кидать в урну, но часто промазывают, как и с плевками, но стараются же... После пива захотели водки, денег нет, решили надоить в магазинах с литровых банок дезинфектора. Обошли три района, сцедили пол-литра в сумме. В итоге от вируса спаслись, но отравились. Трое из пяти в больнице…» Сосед рассказывает историю, покуривает возле подъезда, не даёт зайти домой; это он так привлекает к себе внимание, чтобы потом одолжить монет на пляшку чистой и прозрачной, как слеза, для спасения от вируса.

А где-то в Индии назвали первого рожденного на карантине мальчика Санитайзером. Наши предки просчитались, имена типа Владлен и Даздраперма уже никому не нужны.

А ГДЕ-ТО В ИНДИИ НАЗВАЛИ ПЕРВОГО РОЖДЕННОГО НА КАРАНТИНЕ МАЛЬЧИКА САНИТАЙЗЕРОМ. НАШИ ПРЕДКИ ПРОСЧИТАЛИСЬ, ИМЕНА ТИПА ВЛАДЛЕН И ДАЗДРАПЕРМА УЖЕ НИКОМУ НЕ НУЖНЫ.

8

Ботаник когда-то очень хотел помочь с регулированием населения на Планете: слишком много всех живёт, особенно там, где жить тяжело и не нужно из-за бедности, болезней и отсутствия ресурсов.

Нет, не так, начнём с того, что Ботаника в школе и университете пинали всякие говнюки, которых было много и все они были сильнее его. Стометровку пробежать не смог – получи в нос, не подтянулся десять раз – на тебе за это в глаз.

Ботаник закрылся у себя в гараже возле дома и на досуге создал первое окно, которое через пару лет оказалось в каждом доме и квартире. Казалось бы, окно – логично, чтобы в каждом доме имелось, но на самом деле до Ботаника таких окон в домах не было, да что там, яблоки на каждом столе или хлеб – это вообще роскошь была.

Ботаник посмотрел вокруг и понял, что окна – это хорошо… И вспомнил он всех тех, кто был сильнее его, тех самых, кто гордо ходил в стаях, прайдах, в парах… И, значит, Билл объявил, что надо всех вокруг вакцинировать и сразу в вакцины добавлять стерилизатор, ну такой ингредиент, чтобы: а) не размножались те, кому не надо размножаться, и б) всех, кто слаб и подвержен заболеваниям и даже аллергиям, аккуратно удалить с Планеты.

Люди почитали манифест и пошли дальше сидеть возле окон и наблюдать, что творится у них во дворах, а Ботаник такой, мол, подождите, у меня ещё тут в 2015-м было выступление на тему «Третья мировая война – это не война технологий, а на самом

деле это вирус, который может быть страшнее всяких там бомб».

И опять никто не заметил его выступления, потому что на виртуальной площадке выступал один бородатый чел, который умел очень круто рассказать о том, что телефон – это не просто телефон в твоих руках, это ещё и очень навороченная камера, и даже хранилище видеозаписей и приложений, и всё такое.

И тут одна китаянка-лаборантка купила последний телефон – на волне моды, – и сидит она себе в лаборатории, и решает, а почему бы не сделать селфи вот с этой самой летучей мышью, которую она обколола вирусами по самые гланды и ждёт уже третьи сутки результатов, и даже назвала свою мышь Кимом. Китаянка берёт телефон с офигительной камерой внутри, случайно задевает рукой поддон со спящей мышью и оп – вот уже Ким летает вокруг и кусается.

А спустя всего лишь месяц после того, как Ким, покинул лабораторию в Китае, по телевизору ведущая новостей сообщает, что учёные обнаружили самые-самые важные симптомы заражения вирусом, и это – внимание! – «слабость и чувство утомления». И большинство жителей планеты выдохнули спокойно, ведь по первым симптомам все они родились уже с вирусом, а значит и с иммунитетом к нему.

9

Главы министерств здоровья плачут на экранах ТВ, перед ежедневным отчётом не могут сдержаться, зачитывая имена умерших докторов и медсестер, которые стоят на фронте борьбы с вирусом. А в стране победившего всех и всё представители министерства холодны и безжалостны, как змеи, и обращаются к нации как к обосраным детям, обвиняют их в том, что они сами всё нарушают и сами это всё вокруг накликали.

Этот мир ежедневно пробивает дно бесчеловечности, но, когда кто-то под этим самым дном стучит и приглашает ещё ниже, находятся смельчаки, которые сверху скидывают канат, по которому ещё можно подняться наверх: программисты скооперировались и штампуют на 3D-принтере экраны для врачей; дизайнеры одежды на своих производствах шьют маски; люди задействовали все возможные платформы для сбора средств на борьбу с вирусом; все, кто может, никуда не ходят и спасают мир, лёжа на диванах.

Страны меняются гуманитарной помощью, и иногда это доходит до абсурда: Синеокая передала Китаю молочно-мясной продукции десять тонн, а Китай передал Казахстану аппараты ИВЛ – сто штук, а Казахстан отправил Боинг с десятью тоннами спирта в Синеокую, а Синеокая начала продавать новые бутылочки по пятьдесят мл санитайзеров по ценам обеденного меню трёхзвёздочного ресторана.

Где-то отели переделываются под палаты, а где-то Slutsk играет в футбол.

Там переводят деньги на карты всем, кто теряет бизнес, сидя дома, а где-то деньги тратят на военный парад и уборку прилегающих территорий.

Подростки дома развлекаются как могут, кто уже научился играть на гитаре, а кто плевать на расстояние пять метров в стенку, а вот в одной стране дети не ходят в школу и устраивают флэш-моб, собираются небольшими стаями, вылавливают на улице или в транспорте себе жертву за пятьдесят и начинают на неё кашлять и чихать – и ржут, искренне счастливые, что можно не учится, ведь деградировать очень легко, главное, чтобы ответственный за видос снял всё как надо, чтобы залить потом в паблики. «Школота заражает старую птицу ковидом» – такое название будет классно гуглиться.

Магазинные охранники пишут жалобы, мол, шестиклассники шляются

днём среди товаров и крадут всё, что на глаза попадается, а девятиклассники уже вовсю пьют и курят. Человечество начинает упраздняться с новым поколением, достаточно будет хорошо уметь красть, пить и сидеть на диване ровно…

Мир устал лежать по домам, мир хочет на улицу, мир хочет разгуляться, заправить наконец машину и газонуть куда глаза глядят, выйти на барбекю в парк или на реку, нажраться и поднасрать пластиком под ёлками, потому что всё в четырёх стенах уже осточертело.

Крепкий орешек призывает сидеть дома, и тот самый парень, который Хэнкока играл, говорит нам, что лучше «stay at home», а у самого за спиной виднеются бескрайние гольф-поля, это у него «back yard» такой, возле собственного пятиэтажного особняка.

«Эй, ребята, у кого там на счету больше ста тысяч баксов, вы действительно думаете, что Вася в Шабанах, в своей однокомнатной квартире, с родителями, женой и ребенком с пекинесом, будет сидеть дома и спасать планету? Он уже на второй день после страшного бодуна всех передушит и вот тогда красиво изолируется – в одиночной камере!» – кричат комментарии под видеообращениями, а администраторы не сразу успевают удалить их со страниц селебрити.

10

Столкновение поколений: тиктокеры, зумеры стебутся с вируса, называют его «бумер ремувером». Бумеры, поколение послевоенных детей, обижаются на это, и правильно делают, потому что среди них смертность зашкаливает.

На эту тихую войну поколений спокойно смотрят миллениалы и не спеша, уверенно продолжают создавать новое поколение бумеров, теперь уже посткарантинное. Круговорот поколений в природе.

Но не всё так прекрасно, уверяют нас правозащитники, потому что насилие, булинг, харассмент и простая ненависть в закрытых квартирах растут, и прав был Стивен Кинг, отправляя счастливую семью в отель на зимовку: никто долго терпеть друг друга не будет там, где нет любви, в закрытых комнатках, домах, номерах…

Один психолог очень быстро стал экспертом в пандемии и предрекает нам всем не только «бэби бум» последствия, но и массовые разводы, только потом, когда всех выпустят, одичалых, располневших и нестриженных.

Часть II
ВОЕННЫЙ ПАРАД

11

В Англии массово стучат соседи на соседей, сидят, смотрят в окна и звонят сразу же, когда видят, как кто-то на улице гуляет, не идёт целенаправленно в магазин, а не спеша, задрав голову к небу, получает удовольствие от солнца и приятного ветерка. По опросам оказалось, что британцам нравится сидеть на карантине, не работать и получать все равно своевременно зарплату. Стучать на соседей, которые гуляют и уж тем более работают, стало абсолютным правилом и негласным правом, ведь чувство стыда за то, что ты ленивая жопа, необходимо скрыть, завуалировать под чувство ответственности за мир и заботу о стариках, надо, как вот ты, сидеть дома, получать зарплату, звонить по горячей линии и сообщать, что полчаса назад сосед пошёл в магазин в соседний дом, но до сих пор не вернулся, необходимо проверить парк через дорогу, он, может быть, решил устроить пикник.

Разведка ми6 теперь сообщает каждый день о своих успехах в обнаружении нулевого пациента и места, откуда пошли виться нити пандемии, и каждый день – это то рынок диких жи-

вотных, то лаборатория по исследованию вирусов, а то и вовсе заказ американского правительства с целью оздоровления населения планеты, а вчера разведка сообщила о том, что, скорей всего, всё это создано специально, чтобы Китай выкупил акции своих глобальных компаний и национализировал их, и это произошло.

На фоне вездесущего и невидимого, как Бог, вируса никто не замечает:

Цен на нефть, и что на шестьсот процентов упала стоимость имбиря и лимона, и что гречка не закончилась на прилавках в магазинах, и туалетной бумагой завалены полки.

ВСЕ ЗАБЫЛИ ПРО ВОЙНУ В СИРИИ, ГДЕ ЗАСКУЧАВШИЕ МУСУЛЬМАНЕ ВЗОРВАЛИ ТРИ ВОЕННЫХ КОРАБЛЯ РЯДОМ СО СВОИМИ БЕРЕГАМИ, А КОГДА ДЫМ РАЗВЕЯЛСЯ, ОБНАРУЖИЛИ, ЧТО УНИЧТОЖИЛИ СВОЙ СОБСТВЕННЫЙ ФЛОТ.

Лепрекон в двуглавой так удобно и вовремя накрыл карантинными куполами обе столицы, что никто и не заметил, как обнулились его сроки правления и как легко и широко он начал усмехаться, ну совсем как в молодости, без ботокса.

Да, и пока все СМИ заняты хайпом с хэштегом «коронавирус», ДНК динозавра успешно продолжают клонировать, и в небольшом загоне, в Амазонском лесу тихо попискивает трицератопс, растёт и точит коготки, скоро всё-таки новая эра наступит на Земле, только вот ретроградный Меркурий и високосный год пройдут, тогда и пожуём.

Крета написала Илану, она хочет на Марс с первым экипажем людей, она уверена, Илон ответит и разрешит, ведь там, куда ступает нога человека, должна следом ступать её эко-стопа.

Ким, вирусная летучая мышь, наконец остепенился и в уютной пещере ждёт первое потомство, по ночам вылетая в соседние деревни за едой да от скуки покусывая спящих людей.

12

Очень странные дела, ни одна разведка в мире не расследует такое важное явление, как влияние на всемирную организацию здравоохранения персоны Ботаника, человека, который через данную организацию успел профинансировать вакцинирование в Африке сотни тысяч бедняков, большая часть которых потом стремительно умерла от разных болезней.

Но в одной маленькой, но гордой стране вообще никто не умирает от вируса, тут даже границы не закрыты от случайно приехавших в лихорадке туристов, но зато границы закрыты от этой страны со всех сторон.

В СМИ попытались разобраться, за что соседние страны не пускают жителей Синеокой к себе, и собрались за комментарием возле дома Солнцеподобного:

«И когда так удачно всё сложилось, можно радоваться жизни: врачи не уезжают к соседям за другими зарплатами, программисты сидят в своей стране и программируют, ну ладно, если ты туризмом занимался – вот тебе вся родина как на ладони, организовывай по ней туризм! А вот если ты, простите, жирный, хроник или, не дай бог, перешел черту пенсионного возраста, то тут уж как бы извините, так получилось, я не виноват. Помирать будем все стоя, но с музыкой, на военный парад приедут из Ганы военные, празднично одетые, музыкальные, они красиво будут маршировать, неся гробы как символы победы над смертью», – говорит заслуженный Тракторист и улыбается в камеры так, что всем хочется поскорее

выйти на улицы, смотреть на самолёты в небе, на танки на земле, на марширующих солдат, а там незаметно и вечер, салют и Апанасьева снова на сцене, поёт, ногами топает, подол платьишка подскакивает, и Соловдуха ей белозубо вторит в микрофон…

И хорошо на душе становится, только вот дышать всё тяжелее с каждым днём, не хватает объёма в лёгких, чтобы вдохнуть всю эту благодать вокруг!

«А соседи сами виноваты, что отвернулись и не приехали к нам, пропустят всё самое интересное… И самое главное, что бы я хотел вам сказать, дорогие соотечественники, вы уже если целуетесь, то целуйтесь только с одним человеком, подождите месяц, не выносите эту заразу на улицы, целуйтесь дома и только с одним и тем же сожителем!» – заключил говнокомандующий и, повернувшись в сторону и увидев своего «зама», по-отечески обнял его за плечи и одарил влажным поцелуем, пощекотав усами его верхнюю губу, и, осторожничая, легонько провел кончиком языка по передним зубам, и тот понял, что впереди у него будет непростой месяц, наполненный поцелуями и непредсказуемой страстью.

13

Метеорит, огромный, с длинным огненным хвостом, сгорел в атмосфере, не долетев пару жалких километров до Тихого океана. Фанатам метеорита, которые смогли приплыть на корабле, – а это были с большего моряки и рыбаки, те, кто ходит по морям и океанам без карантина: беларусы, шведы, исландцы, португальцы и чехи, – удалось вырваться в океаническое путешествие, и они были очень расстроены. Люди готовились умереть как герои, с гордо поднятой головой, смотря горящей глыбе в лицо, а не от температуры и кашля валяясь в кровати.

Человек всегда найдет способ умереть, но главное – найти достойный способ.

Фанаты метеорита не были готовы к тому, что даже маленького камешка не долетит до их палубы. Среди них были и те, для кого стакан всегда наполовину пуст: подстраховавшись от подобных случаев, они постреляли друг другу в затылки…

Имбирь больше не покупают, его не заваривают в чае, как и не пьют имбирное пиво. К слову, дело так же обстоит с имбирным печеньем и маринованным имбирём.

Сухой кашель никуда не пропадал, всё больше среди людей появляется тех, кто мстит тем, кто без кашля, всё больше тех, кто, чувствуя себя плохо, ощущая страх перед смертью, желают того же своему здоровому соседу, и если где-то в Пруссии можно спокойно начхать в прямом смысле на ближнего своего, то в Штатах это равносильно самоубийству. В Америке вступило в силу разрешение стрелять в любого, кто с кашлем находится на улице, по этой причине десяток аллергиков распрощались с жизнью самостоятельно в домашних условиях, оставив записки и видеообращения про национальный вооруженный булинг из-за президента.

Несколько танкеров на атлантическом побережье безбожно слили всю сырую нефть и налегке поспешили по домам…

Крета успела утопить только один танкер, направив лазерный луч с одного из своих спутников, и, пока была занята одним этим танкером, сбежали ещё пять у побережья Индийского океана, перед этим опорожнив запасы сырой нефти.

14

После того как метеорит не оправдал надежд, люди обратили свой взор на Кашпировского, единственного человека, который ещё для дедов

заряжал с экрана телевизора воду, левитировал и исцелял прикосновением руки ко лбу.

Кашпировский завёл себе свой видеоблог и теперь не только разравнивал морщины, очищал почки от камней и возвращал с того света, но и давал новые силы дышать больным – надо прикоснуться к экрану любого гаджета в момент, когда К. на видео поднимает и протягивает вперёд руки, исцеление работает как онлайн, так и оффлайн, в записи сила не уменьшается, но окончательно исцелиться можно будет, если к рукам на экране поднести платёжную карту «Виза».

У некоторых возникает логичный и справедливый вопрос: «Как бы поступил Христос, живя тут и теперь и пользуясь такими благами, как интернет, автомобиль и микроскоп, просил бы он платёжную карту?!» Кашпировский ответил, что просил бы, как это он проповедовал: кесарю – кесарево, массажисту – массажистово и менеджеру – менеджерово!

Кашпировский сказал, что все мировые эпидемии после миллениума связаны с интернет-вышками: 3-джи-вышки поставили, когда всех скосила атипичная пневмония, 4-джи-вышки поставили – и разбушевался свиной грипп, и теперь, агнцы мои, моя паства, призываю вас, оглянитесь вокруг, мы живём среди 5-джи-вышек, и несмотря на то, что мы имеем доступ в интернет и можем удаленно заказывать товары, необходимые во время изоляции на карантине, и что мой видеоблог работает благодаря этим всем вышкам, их необходимо снести, уничтожить по всему миру, чтобы очиститься от грязи в эфире, в воздухе, которым мы дышим!

Кашпировский сказал, что готов пойти на жертвы, и потерять свой влог, ему не страшно, он сможет поговорить с каждым благодаря своим телепатическим возможностям, которые он всю жизнь скрывал, чтобы не стать «подопытной крысой», но теперь не то время, чтобы скрывать!

Люди начали массово охотится с палками и камнями, с коктейлями Молотова на интернет-вышки, и многим было плевать какие они: 3-, 4- или 5-джи, необходимо было сразить монстра!

Наступало средневековье… охота на Крету набирала обороты, музеи выставляли в бесплатный доступ видео обзоры своих залов, музыканты давали концерты в соцсетях, но большинство пользователей, сидя дома безвылазно, занималось сёрфингом по бесплатным премиум-страницам порнопорталов и на халяву скачивало очередные сезоны бесконечных сериалов с торрентов. Большинству было не до музеев и галерей, не то время, надо жить здесь и сейчас, пока тебя не застукал телепат Кашпировский за рукоблудием, там уже и оправдаться не удастся...

Парад победы решено было проводить безотлагательно, за дедов, во имя «Прямой Трансляции в Интернете», пока это было возможным. Потому что «по-другому невозможно»! Других вариантов нет! Только парад и только сейчас!

15

У Илана родился двадцать шестой ребенок, и единый владелец космического пространства решил, что всё-таки поселения на Марсе – это хорошо, но необходимо будет подготовить Луну для жизни всех его отпрысков и всей родни, а их у него насчитывалось уже тысяча. Мать шестнадцатого ребенка, китаянка, автоматически прибавила ему сразу трёхсот родственников из всех китайских провинций, а вот чернокожая любовница с двадцать первым сыном породнила его с пятнадцатью своими братьями и тридцатью кузенами. Но Илан по поводу африканской родни не волнуется,

там Ботаник, друг его, всех вакцинирует, скоро поменьше станет родственничков, и Африка должна настолько очиститься, что вернутся в прерии саблезубые тигры и исполинские белобивневые слоны, сытые белые медведи и галапогосские черепахи.

А в стране победившего всевозможного «-изма» всех жителей заставили выложить в общий доступ на своих страницах в соцсетях либо на сайте государственного флага и гимна видео, где каждый житель страны во время военного парада смотрит его из дому или в живую, и искренне радуется, хлопает в ладоши, свистит, поёт и плачет, воздавая почести солдатам, танкам и самолетам.

Всех, кто не поделится таким видео, ждёт штраф – пятьдесят базовых единиц. А тех, кто на видео будет пытаться провоцировать власть или очернит праздник дня победы, ждёт суд и от пятнадцати до тридцати суток в тюрьме.

А ТЕМ ВРЕМЕНЕМ В СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ, ТАДЖИКИСТАНЕ И ТАНЗМАНИИ ВООБЩЕ НИКТО НИ РАЗУ НЕ ПОДХВАТИЛ ВИРУС, И НИКТО НЕ УМЕР.

ВОЗ озвучила вторую волну пандемии, во второй половине года, впереди ещё много месяцев можно будет наблюдать, как мир сходит с ума в прямых эфирах, зумах и на вебинарах, когда все уже поделились всеми своими профессиональными навыками: повара всех научили готовить, парикмахеры перестригли манекен-головы, кошек, собак и своих детей, музыканты охрипли петь перед веб-камерой, художникам уже нечего рисовать, клеить, резать и выставлять, вопрос концептуальности больше не концептуален, фитнес-тренеры ушли в полный отрыв по использованию подручных средств для занятий спортом, и теперь Джеки Чан больше не выглядит таким умным и интересным, когда дерется в фильмах торшером или стулом…

Многие по привычке сидят, от нечего делать смотрят в камеру на ноутбуке или в телефоне и тихо жалуются друг другу, кто на сколько килограмм потолстел и что будет делать на свободе.

16

По Киотскому протоколу противодействия глобальному потеплению все страны, подписавшие документ, должны контролировать количество вредных выбросов в атмосферу, но есть страны, которые превышают показатели и спокойно покупают необходимые цифры у тех стран, которые имеют очень низкие показатели по загрязнению. Даже в такой сфере как забота об окружающей среде на первом месте стоит бизнес, поэтому стоит ли удивляться, что Крета, озвучив свои желания под новый год, думала не совсем о помощи планете?!

Самолеты выбрасывают в атмосферу огромное количество углекислого газа и водяного пара, оксиды азота и сажу. Воздействие этих компонентов на окружающую среду зависит от высоты полета. С февраля 2020-го Крета начала торговать самолетными выхлопами: у нее теперь можно покупать квоты на перелёты, и мелкие компании не продержатся и до конца года с такими ставками, а билеты на самолёты станут дороже, как и номера в отелях, как и аренда пляжного зонтика.

Илон сказал, что Луна полностью свободна и никто на нее не имел раньше права, кроме него, и подал в суд на всех сразу, на всякий случай. На Илона уже подают в суд владельцы лунных земель, которые планировали там построить себе дачи.

В городе зазеленели каштаны как никогда за последние двадцать лет,

и половина жителей считает, что это потому, что не было холодной зимы и не поливали дороги химикатами, а половина считает, потому что не летают самолеты и можно дышать легко и свободно. Город разделился на два лагеря…

Во время Парада военные-гробовщики из Ганы не прилетели, не смогли закупить топливо, так как почти все танкеры вокруг Африки слили нефть и расплылись в неизвестных направлениях.

Пару активистов взяли на себя такую возможность, как станцевать во время парада с гробом. Усатый не оценил усердия ребят и всем дал от пятнадцати до тридцати суток исправительных работ на аккумуляторном заводе в Бресте, инициатива наказуема. Была пара послов из европейских стран, им парад не понравился, и на следующий день они все исчезли – посольства объявили их в розыск.

Назван новый симптом вируса, уже десятых по счёту, и это на данный момент последняя новость – боль в плечах, ногах и тяжесть везде, может означать первые стадии заражения.

17

В Стране ежедневных побед над победами население наконец перестало терпеть, а точнее терпеть продолжает, но те горстки интеллигенции, а именно богатой интеллигенции, которых всего несколько сотен человек, массово решили выдвинуть свои кандидатуры в президенты. Вроде бы так и должно быть в нормальной стране, но не тут и не так.

Банкир утром проснулся и решил податься в кандидаты. Он топит за вообще другую страну, хочет Синеокую продать с потрохами, и в старых интервью это все уже обнаружили, но всё равно верят ему как дети, ведь у него много конфет, а значит он знает, как хранить конфеты и как их раздавать всем так, чтобы их всё равно становилось у него больше.

Блогер стал кандидатом более профессионально, он готовился и готовил своих подписчиков, а потом на центральные площади городов вывел своих будущих избирателей, но тех быстро накрыл ОМОН и отправил на исправительные работы в градирни Островецкой АЭС.

Бизнесмен стал кандидатом, предварительно выкупив себе ряд предприятий, с помощью которых начнёт – если что пойдёт не по его плану – печатать деньги, пули и БТРы.

Есть ещё журналист-фрилансер, тренер-инфлюэнсер и консультантка-домохозяйка – что бы и о чём бы это обо всех них ни говорило, все эти люди теперь стали кандидатами.

Говнокомандующий Тракторист пока только хмурит бровь и крутит ус, и ведь это только пять кандидатов из сотен богатых интеллигентов, которые уже зарегистрировались и насобирали свои инициативные группы! И теперь это не так, как раньше, сотню расстрелять в Курапатах и всё красиво обставить, и даже не десяток закопать в лесу, как в нулевых военного и его приятелей.

С этими их современными штуками всякими, гаджетами, интернетом, соцсетями, техникой сложно стало, а пятый срок править очень хочется, он ведь больше ничего не умеет, как только управлять страной.

А эти кандидаты все хитрые: у одного сердце подключено к приложению, которое на контроле у Моссад, второй вообще вживил себе в голову микрочип и завещал: если чип перестанет работать, одна из ядерных ракет в Тихом океане за секунды вылетит и накроет семейный бункер (откуда он узнал про бункер?!). Даже консультантка-домохозяйка умудрилась свою жизнь застраховать в швейцарском банке, и теперь у неё есть свой охранник.

Тракторист сидел себе за столом, продолжал хмурить бровь и теребить ус и никак не мог придумать, что делать в новых, современных условиях, и очень жалел, и переживал, что безвозвратно минули те счастливые времена, когда достаточно было только хлопнуть пулю в затылок – и всё, и даже самому закапывать не надо было. И ко всему про Эпидемию вируса начали забывать, может, взять, да и раскрыть Минздраву настоящие цифры, ну чтобы отвлечь от выборов… Это, конечно, можно, но не так быстро, позже, когда действительно надо будет.

18

После того как по миру прокатилась волна флэш-моба «Я не заболею вирусом», где необходимо было облизать ободок унитаза, снять всё это на видео и желательно закольцевать его, чтобы это выглядело как бесконечность, резко упало количество тупых и бессмысленных флэшмобов: многих скосил вирус, а тех, до кого он не добрался, стремительный понос и рвота довели до необходимой реанимационной кондиции. Как часто любил говорить дедушка Дарвин: «Тише, идёт естественный отбор!»

Но мир не скучает, все массово инсценируют картины великих художников, а боевые клубы зашли ещё дальше и записывают постановочные сцены: нарезку битв друг с другом через экраны телефонов, получается забавно, смешно и иногда странно, когда видишь такую силу, ловкость и потенциал к жизни, запертый в домах и махающий кулаками по ветру…

К экранам телевидения и мониторам компьютеров начинают наступать первые волны выборов и споров около них, и самый главный эксперт, который с паром в ушах топил за бойкот, призывая всех сидеть и не реагировать на жизненно важные очень странные дела в мире, решил, что необходимо признать, что бойкотом ничего не добьёшься, потому что конфеты сначала отбирают у молчаливых в углах и тех, кто с ними заодно, а потом делятся конфетами среди тех, кто сильный, а уже дальше опять дедушка Дарвин напоминает нам про естественный отбор… Главному эксперту нравилась идея бойкотировать реальность, сидя дома на диване, и тем самым создавать самую пассивную революцию в истории, но не тут то было: когда количество кандидатов в президенты растёт, пора бы и на баррикады подниматься, тем более что астрологи и нейроманты зашевелились, начали считать и бить тревогу:

Бизнесмену 55 лет, он подал документы 15.05, у него 555 членов инициативной группы! Пятёрка – число света и счастья! Ура!

Но тут нумерологи обратили внимание, что у действующего Верховного всё намного круче с цифрами! Трактористу 66 лет, он идёт на 6 срок президентства и все эти три шестерки – число зверя!

Но, – говорят, нам астрологи, – у кандидата-банкира с числами вообще всё завёрнуто в лучших восточно-европейских мифических клинописях: во-первых, он родился 13 в пятницу, в 2013 году его призвали в масоны, в 13 лет он написал свой первый, правда детский, меморандум (о чём он в соцсетях рассказал). И ко всему банкир ещё 33 года назад дал обещание дьяволу, что Синеокая растворится среди литвинов, литовцев, поляков, украинцев, русских и чехов – но это не точно!

19

Сначала в Солсбери начали травить людей, но до этого отравили в Лондоне и Киеве тех, кто неудобен, а тех, кто ну уж совсем мозолит глаза, убили на мосту возле радужно раскрашенных луковиц кремля, ах да, и ещё там

где-то были несогласные, с ними тоже расправилась, а до этого ещё травили неверных, до всего этого, что началось во время пандемии. Сам Леприкон пьёт все жидкости только из своей кружки-термоса, и то сначала даёт сделать глоток своему ручному медвежонку, который везде ездит с ним, но мало кто его видел.

В Праге снесли памятник советскому коню, который топтал чехов на баррикадах, из-за этого ко всем чиновникам поставили охрану, и всё равно, несмотря на то, что самолёты не летают, границы закрыты даже у Люксембурга и Вейшнории, каким-то образом отраву «торчок» находят у русского туриста, который непонятно каким образом в год пандемии и карантина потерялся, отстав от своей группы, в момент, когда угол пражской улицы круто завернул за другой угол другой пражской улицы, и оказалось, что на самом деле это третий угол третьей пражской улицы.

Турист ходил по пустым улицам, пугал в окнах домов жителей и кошек, искал нужные адреса чиновников, которых нужно отравить, галантно подсыпав яд, а до этого напросившись на чашечку чая.

Таким образом туриста быстро и легко задержали сразу после первого звонка мэра города в полицию.

В ответ на вопросы, что он здесь делает и почему у него дипломатический паспорт, бутылка водки и яд «торчок» в рюкзаке, турист лишь сказал, что это обыкновенный русский набор на случай ЧП, вот как например сейчас, и, порезав паспортом лицо одному полицейскому, а второму выплеснув водку на плечо, русский турист сбежал в неизвестном направлении.

К чиновникам в Праге поставили усиленную охрану, памятник коню уничтожили, а карантин продлили.

В Китае объявили о новом карантине, там летучих мышей теперь не счесть, вирусный Ким постарался, расплодившись по уютным спальным районам.

В Китае объявили о том, что вирус хорошо и надолго поселяется в тёплых и пушистых мужских бородах, и женских бровях, вирус там заводит колонию друзей со своим оригинальным блэк-джеком и балеринами. Китайцы призвали мужчин начать бриться, а женщин сбрить брови.

Китайцам понравилось, что теперь все в мире будут с гладкими лицами, ну точь-в-точь как они в Поднебесной, не отличить.

В Северной Корее по-прежнему никто не умер и не заболел.

Из Амазонского леса сбежал малютка ти-рекс, ему в этом помогла лаборантка, ей стало жаль животное.

Илан ответил на письмо Креты отказом, и теперь многие говорят, ракеты могут превратиться в ракетки, и это одна из строк из Откровения Иоанна Богослова, который задолго до високосного года написал про Апокалипсис.

20

Лепрекон призвал приспешников отравить Тракториста, ибо его персона из лицедея превращается в Пророка, и это может очень плохо сказаться на имидже президентов и министров половины земного шара, который до сих пор сидит по уши на карантине.

В мире появляется слишком много вопросов и претензий по поводу того, что зараженные и умершие никаким образом не соотносятся с тем фактом, сидишь ли ты на карантине в самоизоляции или работаешь, ходишь в церковь, в парки. Умные говорят, что всё относительно того, как и какая страна считает заболевших и вылеченных: скажем, Перу отнимает из статистики заболевших тех, кто умер, а в Вейшнории делят выздоровевших на тех, кто умер, или, например, в Исландии всех сразу пересчитали за одну неделю и снова занялись рыбной ловлей.

Тракторист ведёт праведную, священную войну с этим миром, и у него получается, все жители Синеокой никуда не планируют поездки, ведь их и так не пустят. Люди скупили дачи на последние отложенные деньги на путешествия, свадьбы и похороны. Как и хотел усатый, опять все без исключения поля возделываются, выращивается картошка – исконный древний культовый тотемный продукт.

Тракторист выложил секретную информацию о том, что жил в одной из своих резиденций с больным обслуживающим персоналом: поваром, официантом и уборщицей, и это был заговор, который он сам лично вскрыл, услышав, как кто-то, задыхаясь от глухого кашля, говорил о первом правиле: никому не рассказывать о вирусе, и о втором правиле: никогда никому не говорить о существующем вирусе.

ГРАНИЦЫ СТРАНЫ ПО-ПРЕЖНЕМУ ОТКРЫТЫ ВО ВСЕ СТОРОНЫ СВЕТА, СОСЕДНИМ СТРАНАМ ВОКРУГ СИНЕОКОЙ ПРИХОДИТСЯ НЕЛЕГКО, ОНИ ЕЛЕ СДЕРЖИВАЮТ ПОТОКИ ЛЮДЕЙ, ЖЕЛАЮЩИХ ЭМИГРИРОВАТЬ В СТРАНУ СОЛНЦА.

Кукуруза, свекла, рапс и подсолнухи прут из благодатной почвы... Страна готовится к часу, который никогда не настанет, потому что надвигается Эра сытости и бессмысленного, но неизбежного Гедонизма.

Границы страны по-прежнему открыты во все стороны света, соседним странам вокруг Синеокой приходится нелегко, они еле сдерживают потоки людей, желающих эмигрировать в страну Солнца.

В свою очередь, назревает первая биологическая война… Главный счетовод всего на свете, особенно избирателей и заболевших, заявила, что её пытались заразить вирусные панки, наплевав ей в лицо, когда она выходила из машины, но на самом деле её просто оплевали за всемирную вину перед человечеством.

В августе выборы, и Блогера, главного кандидата и соперника нынешнего императора успели нейтрализовать, схватив его и засыпав штрафами и сутками, в сумме он проведет за решёткой шестьдесят дней в одиночной камере, стоя по колено в воде, необходимо будет петь по десять раз гимн Страны в первой и второй половине дня. Главный конкурент больше не конкурент, а с остальными кандидатами намного легче будет, им всем есть что терять: деньги, банки, бизнес, семьи, славу, святое предназначение.

Вот только на горизонте вырисовывается силуэт Кандидатки в президенты, но Тракторист с домохозяйками не ведется, не тех полётов он птица… а силуэт домохозяйки начинает уверенно отбрасывать тень Пани Президентки.

ЖЕНЯ КЛЁЦКИН

ЖИХАРКА

сокращённая версия пьесы

В ролях:
ЖИХАРКА
ФИЛИПЧИК
АРТУРЧИК
ДАША
ЛАРИСА ВАСИЛЬЕВНА
ЗУЛЬФАР *(голос по громкой связи)*

02 августа

Избушка. Проходная комната с печкой, лавами, дубовым столом, сундуками, тазами, шайками и вениками. Посредине избы стоит стул, на котором восседает Дима Филипчик перед радиоточкой. На печи валяется Вовка Жихарка. Зрителю также видны небольшие сени, в которых расположена ширма, и дверь в закрытую комнату слева. В избе неубрано и неуютно.

Сверху или сбоку слышатся голоса Артурчика и Даши.

АРТУРЧИК. Может, начнём?

ДАША. А ребята?

АРТУРЧИК. Они сто раз нас слышали.

ДАША. Я стесняюсь, Артур.

АРТУРЧИК. Дашка, тебе не пофиг на этих алкашей?

ДАША. Они вообще-то твои соседи.

АРТУРЧИК. Вот именно, не друзья же.

ДАША. Я не могу, когда кто-то в избе находится.

АРТУРЧИК. Мне их прогнать?

ДАША. И куда они пойдут?

АРТУРЧИК. Хорошо хоть трезвые.

ДАША. Да сколько можно бухать.

АРТУРЧИК. Как они мне надоели. Этот Вовка Жихарка – идиот, постоянно какие-то байки придумывает, и причёска мне его не нравится, не мужская это причёска. И друзья к нему какие-то голубые приходят.

ДАША. А Дима Филипчик, тот вообще и дома, и на работе бухает, смотреть на него страшно. Жёлтый весь.

АРТУРЧИК. Филипчик ещё терпимый малый, а вот Вовка этот. Жихарка. Придумали же кличку. Бомбит.

ДАША. Вроде радио слушают.

АРТУРЧИК. Вроде.

ЖИХАРКА. Ну что, Филипчик, ловятся волны?

ФИЛИПЧИК. Уже полчаса крутим. Нет там ничего.

ЖИХАРКА. Крути, крути. У соседей *два* «Евроспорта».

Голоса Даши и Артура.

ДАША. Жихарка, наверное, свою оппозицию слушает. Артур!

АРТУРЧИК. Ну что, Дашка?

ДАША. Ты бы их простил. Уже как неделю не разговариваете.

АРТУРЧИК. Мы разговариваем. Но только на бытовые темы.

ДАША. Как дела у ребят, узнал бы.

АРТУРЧИК. А нефиг в чужой комнате спать и гадить.

ДАША. Артур! Ты бы подработку какую нашёл. И будем с тобой одни жить, без Жихарки, без Филипчика. И не будем ждать, когда их не будет дома.

АРТУРЧИК. А представь, Дашка, что их нету.

ДАША. Артур!

Начинает резко играть электронная современная музыка. Спустя пару секунд слышатся мужские стоны.

ЖИХАРКА. Ну что там?

ФИЛИПЧИК. Да без толку крутить.

ЖИХАРКА. Досадно.

ФИЛИПЧИК. Тебе ещё один «Евроспорт», и ты с этой печки никогда не слезешь.

ЖИХАРКА (*прислушиваясь*). Слышишь? Снова голубки милуются.

ФИЛИПЧИК. Они к нам привыкли и совсем не стесняются.

ЖИХАРКА. Артурчик стонет, как будто это его трахают.

ФИЛИПЧИК. Подай стаканчик.

Дима приставляет стеклянный стакан к двери с одной стороны, а донышко прикладывает к своему уху.

ЖИХАРКА. Ну, как там дела?

ФИЛИПЧИК. Как-то на этот раз быстро.

ЖИХАРКА. Потому что у них слишком часто…

Дверь открывается. В Артурчиковой майке и шортах выбегает Даша, смотрит на Жихарку и Филипчика, склоняет голову к полу, направляется к печи. Девушка достаёт дровишки, разжигает печь, гремит посудой. В проходную заходит Артурчик в махровом розовом халате.

АРТУРЧИК. В душ не пойдёте?

ФИЛИПЧИК. Не-а.

АРТУРЧИК. Пойду ополоснусь.

Артур берёт веник и тазик, скрывается в сенях за ширмой. Даша включает блендер.

ЖИХАРКА. Он всегда после этого нас спрашивает. Трахается он, а спрашивает нас постоянно.

ФИЛИПЧИК. Ты вот, Жихарка, поставь себя на их место.

ЖИХАРКА. Если честно, мне даже не совестно бухать и веселиться.

ФИЛИПЧИК. Я, кстати, с июля, как с работы погнали, пью. А толку. Деньги закончились, никуда не берут.

ЖИХАРКА. Ничего, как-нибудь заплатим за избу.

ФИЛИПЧИК. Пускай и Даша Артурчикова платит.

ЖИХАРКА. Так предложи пацану.

ФИЛИПЧИК. Да он и слушать не станет. Меня лично Артурчик ненавидит за День Рождения.

ЖИХАРКА. Ой, и пошалили мы тогда. Менты. Разборки. Классика.

ФИЛИПЧИК. Хорошо, что хозяйка не в курсе. Так бы уже выгнала.

ЖИХАРКА. Давненько Лариса Васильевна к нам не заходила.

ФИЛИПЧИК. Сплюнь. (*Пауза.*) Мне уже здоровья жалко на выпивку. (*Пауза.*) Я ж не виноват, что Артурчик с Дашей уехали тогда в райцентр. Вообще это твой друг Вадим Хитрожопый из Красной комнаты нагадил на подоконнике в Артурчиковой комнате.

Даша возвращается в комнату.

ЖИХАРКА. Что Вадим Хитрожопый из Красной комнаты вообще у Артура в комнате делал?

ФИЛИПЧИК. Не знаю, он с нами тусил, а потом позеленел. И какое-то время сидел в той комнате. Я вообще там с девушкой ночевал. А на следующий день Артурчик вернулся и нашёл там мою рубаху.

ЖИХАРКА. И не только рубаху. Ох, Вадим Хитрожопый. Из Красной комнаты, ох, подставил нас.

ФИЛИПЧИК. Точнее меня. Артурчик думает, это я нагадилил.

В дверях в сенях резко поворачивается ключ.

ФИЛИПЧИК. Все же дома…

ЖИХАРКА. Накаркал ты, Филипчик! Это хозяйка!

Жихарка вскакивает с печи. В сени заходит женщина предпенсионного возраста с начёсом и в маске – Лариса Васильевна.

ЛАРИСА. Вова, Дима! Что у вас здесь происходит?

ФИЛИПЧИК *(начинает резко прибирать разбросанные вещи)*. Ничего. Всё нормально.

ЛАРИСА. Нормально? Мне соседка звонила. Сказала, вы всё лето здесь Варфоломеевские ночи устраиваете. Почему у вас так грязно? Вова, ты мне говорил, что вы постоянно убираетесь.

ЖИХАРКА. Мы убираемся.

ЛАРИСА *(заходит в проходную комнату, осматривается, нагибается и достаёт что-то из-под печи)*. Гадость. Фу.

ФИЛИПЧИК. Это курица.

ЛАРИСА. Вы что в постели курицу едите и кости под печь бросаете? Мало того, что дикие неряхи, так ещё и шумите по ночам.

ФИЛИПЧИК. Мы День Рождения только немножко отметили….

ЛАРИСА. Да? А кто про президента матные песни выкрикивал? Я же считала вас нормальными, добросовестными парнями. Полтора года не приезжала, а вы… Вы мусор вообще выносите?

В этот момент раздвигается ширма, и из душа выходит голый Артурчик и наступает на «бычок», валяющийся в сенях.

ЛАРИСА. Боже, что это?

АРТУРЧИК. Лариса Васильевна?

ЛАРИСА. Вы ж взрослый человек, Артур. Голой ногой, после душа, на окурок.

ФИЛИПЧИК. Ты, пацан, приоделся бы.

ЛАРИСА. А кто это там у вас?

АРТУРЧИК. Ёбсель.

Хозяйка, не снимая одежды и шапки, бежит в сторону комнаты.

Голос Ларисы Васильевны и Даши с боку или сверху.

ЛАРИСА. А ты кто такая?

ДАША. Я – Даша.

ЛАРИСА. Что ты тут делаешь?

ДАША. Я тут со своим парнем живу.

ЛАРИСА. Мне говорила соседка, что какую-то девку сюда водят. Как тебе не стыдно! Ты что, тут со всеми спишь?

АРТУРЧИК. Лариса Васильевна!

ГОЛОС ЛАРИСЫ. Молчать. Кто вам дал право пускать в мои владения эту бесстыжую прошмандовку? Чего рыдаешь? Собирай свои манатки и уходи.

Хозяйка выбегает в проходную, пиная мусор под ногами. Жихарка бегает по комнате и, за спиной хозяйки, запшикивает избушку туалетной водой.

ЛАРИСА. Значит так. Мне надоели жалобы от соседей, мне надоели ваши пьянки-гулянки! Даю вам неделю найти новое жильё. Если вы к этому времени не наведёте порядок, не вылижите мне всё до блеска

и не выселитесь, я вызываю милицию. Всё, я не могу на этот бардак смотреть, у меня сердце кровью обливается. А матные песни про президента!

ЖИХАРКА. Это я, Лариса Васильевна, пел матные песни. Простите меня, пожалуйста.

ЛАРИСА. Придумали про президента петь. КГБ, милиции на вас нету. Меня лично он устраивает. Во всех отношениях. А что? Он получил пустое государство, а сейчас восстановил и связи, и казну заполнил, всё нормально. А вместо него кто? Придёт какой-нибудь неопытный на всё готовое. Пускай он работает.

Я – ЗА! И ПЕНСИЮ МОИМ РОДИТЕЛЯМ ВСЕГДА ВЫПЛАЧИВАЕТ, И ДЕТКАМ ПОМОГАЕТ, И ЖИЛЬЁ СТРОИТ, А СКОЛЬКО В СТРАНЕ МЯСА, А МОЛОКА, И КОЛБАСЫ, А В МАГАЗИНАХ, ВСЁ, ЧТО ХОТИТЕ.

ФИЛИПЧИК. Да какие там пенсии.

ЛАРИСА. Заткнитесь! Мы сытые, и пенсии у нас достойные. Слушайте, мать моя работала в магазине раньше, и было такое время, что пенсии не было, и было такое, что шли другие бабы, за юбку держат маму, Акимовна, миленькая, одолжи до пенсии. Не давали пенсию по два, по три месяца! Тридцать пять лет моя мать отработала, сейчас в деревне имеет тридцать соток, поотхватывали люди и гребутся. Хочешь ты жить? Иди работай. Заработай себе, выпей, закуси. Не кради! А президент мужик должен быть. А то какая-то учительница баллотируется! Ну что она мне? Ничего не даст. Какая же я дура, думала, вы такие примерные квартиранты. Всё, вы здесь больше не живёте. И чтобы девочка эта прям сейчас же уехала! А у вас ровно неделя!

Хозяйка хлопает дверью.

АРТУРЧИК (*одетый*). Ну что, ушла эта мымра? Дашка, Даш!

ДАША. Отстаньте от меня! Где моя сумка?

ФИЛИПЧИК. Прости, Артур, но это не я нагадилил в твоей комнате. Я ночевал там с девушкой, но ничего такого не было.

ЖИХАРКА. Это мой друг Вадим гостил у нас, Вадим Хитрожопый из красной… Короче, это он нагадилил у тебя и никому не сказал…

Даша с пакетами и сумкой резко направляется в сени.

АРТУРЧИК. Вот и доигрались. Вот и добухались. Вот и доводились. Такую хату просрали. Райцентр рядом. Цена приемлемая…

ЖИХАРКА. Можно подумать, ты сам здесь не пировал и никого не водил.

ДАША (*Артуру*). Ты кого-то приводил сюда до меня?

АРТУРЧИК. Никого я не приводил. Дашка, ты куда?

Даша обувает туфли и покидает избу.

АРТУРЧИК. Если бы ты, Жихарка, матные песни про президента не пел, никто бы Васильевне и не пожаловался.

ФИЛИПЧИК. Артур, твоя Даша уже в лесу скрылась.

АРТУРЧИК. Пацаны, я за ней.

ФИЛИПЧИК. Вот и всё.

ЖИХАРКА. Закончилось наше счастье.

ФИЛИПЧИК. Будем хату и работу искать.

ЖИХАРКА. Неделя до выборов осталась. Филипчик, ты за кого голосовать будешь?

ФИЛИПЧИК. Не знаю, за кого угодно, только не за нашего.

04 августа

Проходная комната. По радио транслируют «Евроспорт». Филипчик возле печи готовит стряпню. В сени входит Жихарка.

ЖИХАРКА. Кто дома?

ФИЛИПЧИК. Я дома. Картофан готовлю. Прикинь, я в кармане, в джинсах, десятку нашёл. Смотри, что взял.

ЖИХАРКА. «Першачок ад дзеда люты». 47 градусов. Отлично, под картошечку как раз пойдёт. А то я на работе закалебался.

ФИЛИПЧИК. Ладно, садись, давай по маленькой.

ЖИХАРКА. Ух, действительно, 47 градусов.

ФИЛИПЧИК. Тебе бы посолиднее работу. Ты же в Институте культуры учился.

ЖИХАРКА. Так, а чем не по специальности? Светооператор в театре. Не актёр, не режиссёр, ответственности меньше. А ещё коронавирус этот, спектаклей несколько месяцев не было. Да ну её, эту культуру. Триста пятьдесят рублей. Разве это деньги?

ФИЛИПЧИК. Сколько?

ЖИХАРКА. Вкусненькая картошечка.

ФИЛИПЧИК. Извини, что без мяска. Давай следующую.

ЖИХАРКА. Я уже подпитый. Это у меня мобила звонит. Подожди. Нифига себе, московский номер. Алло. Добрый вечер.

ФИЛИПЧИК. Включай на громкую связь.

ЗУЛЬФАР. Добрый вечер, Владимир! Вас беспокоит компания «Шапка Мономаха». Меня зовут Зульфар. Вам удобно разговаривать?

ЖИХАРКА. Я весь вашего внимания, Зульфар.

ЗУЛЬФАР. Я нашёл на Хэд Хантере резюме. Вы правда детский писатель?

ЖИХАРКА. Да, я – детский писатель.

ЗУЛЬФАР. А скажите, пожалуйста, Владимир, вы пишете только для детей или можете и для взрослых?

ЖИХАРКА. Вообще я взрослый писатель, но могу писать и для детей. А в чём, собственно, дело?

ЗУЛЬФАР. Владимир, наша компания как раз ищет писателя. Я хотел бы предложить вам работу. Но прежде чем огласить подробности и условия работы, я хотел бы задать ещё один вопрос.

ЖИХАРКА. Задавайте.

ЗУЛЬФАР. Сколько вы берёте за полстраницы заказного текста?

ЖИХАРКА. Ну, смотря о чём будет текст, какую смысловую нагрузку он будет нести и какую стилизацию вы планируете…

ЗУЛЬФАР. Я понял вас. Скажем, описание некого товара.

ЖИХАРКА. Это будет…Это будет от пятидесяти баксов.

ЗУЛЬФАР. Отлично. Это как раз подходит нашей компании. Чтобы вы, Владимир, понимали. Компания «Шапка Мономаха» выпускает товары для богатых людей. Но не просто для богатых людей. А для, скажем так, олигархов. 90 процентов продукции – ювелирные украшения из якутских алмазов, другие дорогие вещи из золота, серебра… Чаши, копья, сувенирные ружья. Понимаете, у богатых свои причуды. Есть такие люди, у которых всё есть и… Как вам объяснить?

ЖИХАРКА. Которые не знают, чего они хотят.

ЗУЛЬФАР. Всё верно, Владимир. Так вот, нам нужен писатель, который будет придумывать названия для уже готовых товаров, но названия должны быть…

ЖИХАРКА. Такие, чтобы олигархи захотели это себе в коллекцию.

ЗУЛЬФАР. Вот именно. И кроме названия, вам нужно будет для каталога и сайта придумать захватывающую историю, на тысячу знаков,

как появилось данное изделие или вещь. Таким образом, вы будете получать зарплату за каждую позицию. Одна позиция – пятьдесят баксов. А таких позиций несколько сотен. По срокам у нас тоже всё просто. Мы понимаем, эта работа творческая, сколько сделаете в месяц, столько мы вам и заплатим. Чем скорее напишете, тем быстрее заработаете. Скажем, написать от 10 до 20 в месяц позиций, вы справитесь с таким объёмом работы?

ЖИХАРКА. Запросто.

ЗУЛЬФАР. Вот и славно, Владимир. Смотрите. Я вам сброшу эсэмэской ссылку на наш каталог, там только фото товаров, которым ещё не придумали названий, без историй, но с кратким описанием, чтобы вы понимали, что это такое. Вы выбираете одну из позиций и делаете тестовое задание. Я также сброшу отдельной эсэмэской вам мой е-мэйл, куда вы будете присылать ваши работы. Вы присылаете мне тестовое задание, я же показываю работу своему шефу. И если его всё устраивает, мы оплачиваем вам первое задание. А затем уже оформляем с вами договор на условиях, которые мы только что оговорили. И по той же схеме вы пишете, а мы пересылаем вам деньги за следующие выполненные заказы.

ЖИХАРКА. А оплата как?

ЗУЛЬФАР. Мы почтой вышлем вам российскую карточку. Давайте договоримся, Владимир. Сначала тестовое задание, потом уже подумаем про оформление и способ оплаты. А когда примерно вы сможете написать текст с названием товара?

ЖИХАРКА. Давайте я напишу примерно к середине недели.

ЗУЛЬФАР. Отлично, Владимир, тогда до свидания, скидываю вам почту и ссылку на каталог, а также жду от вас текст. Всего доброго.

ЖИХАРКА. Всего вам хорошего, Зульфар.

ФИЛИПЧИК. Долго трындишь. Ну что, поздравляю тебя, Жихарка, с новой подработкой. За такое следует выпить.

ЖИХАРКА. Почему же с подработкой? Может, всё покатит, и я только своим талантом буду на жизнь зарабатывать каталогами.

ФИЛИПЧИК. «Шапка Мономаха», солидно звучит. Завидую тебе!

ЖИХАРКА. Не только руками и ногами можно бабло колотить. Не зря я всё-таки институт культуры заканчивал.

Шум в сенях, в избу вваливается Артурчик.

АРТУРЧИК. Здарова, пацаны! Бухаете?

ФИЛИПЧИК. Присоединяйся, Артурчик! Тут такое дело, Жихарка новую работу получил!

АРТУРЧИК. И у меня для вас хорошие новости.

ФИЛИПЧИК. Проходи, картошечки поешь. Может, «Першачку», 47 градусов?

АРТУРЧИК. Не. Слушайте историю. Я сегодня у одного знакомого менял унитаз в сортире. Меняю унитаз знакомому, а он спрашивает, мол, чегото ты, Артурик, грустный такой? Ну, я и рассказал ему, как на днях хозяйка к нам завалила и попросила новую хату найти.

ФИЛИПЧИК. Меня так «Першачок» этот «ад дзеда люты» 47 градусов накрыл, что я и подзабыл уже про хозяйку.

ЖИХАРКА. Кстати, я утром залазил в нэтик через твой, Филипчик, ноут. Нормальные избы в нашей округе по 350-400 баксов стоят. Про райцентр вообще уже молчу.

ФИЛИПЧИК. Не потянем мы. Мы 200 за эту халупу проходную еле оплачиваем.

ЖИХАРКА. Мне всего лишь семь историй написать, и я один смогу избушку снимать.

АРТУРЧИК. Да помолчите вы…Короче, повертел мой знакомый головой

и говорит такой: «Артурик. Будет у тебя и у пацанов твоих изба». И, только не перебивайте… Есть возможность там бесплатно жить. Причём не месяц, не два, а хоть два года.

ЖИХАРКА. Не может такого быть.

АРТУРЧИК. Может. Приехал в райцентр мужик один из России, крутой бизнесмен, владелец сети казино по всему миру. Вы представляете, сколько у таких людей бабла?

ЖИХАРКА. Представляем, они не то что шапку Мономаха могут купить, а даже копьё алмазное.

ФИЛИПЧИК. Дай послушать. Артурчик, и что там владелец казино?

АРТУРЧИК. Этот богач год строил казино, у нас в райцентре, а сейчас снова в Москву возвращается, и у него остаётся здесь изба пустая. Трёхкомнатная. В центре города, с видом на проспект, элитное жильё.

ЖИХАРКА. А почему он не сдаст?

АРТУРЧИК. У него денег – мешками складывай, вагонами вывози. Он срочно уезжает и не хочет, чтобы квартира пустовала. Может, он заморачиваться не хочет с поиском квартирантов. Бизнесмен как раз вчера у моего знакомого интересовался, надо ли кому… Кому-то эсэмэска пришла…

ЖИХАРКА. Это Зульфарчик прислал «Шапку Мономаха».

ФИЛИПЧИК. А вдруг он другого кандидата на избу найдёт?

АРТУРЧИК. Не найдёт, уже назначена мне встреча. На послезавтра.

ФИЛИПЧИК. Повезло тебе.

АРТУРЧИК. Пацаны, вы за кого меня принимаете? Я вас в беде не брошу. Мы втроём виноваты, что нас отсюда вытурили. На встречу поеду я один, но жить мы будем там с вами вместе.

ЖИХАРКА. А Дашка?

АРТУРЧИК. И Дашка с нами. Будет из общаги своей педовской к нам приезжать, как обычно.

ФИЛИПЧИК. А точно бесплатно?

АРТУРЧИК. Бесплатно, бесплатно. Мой знакомый пургу разгонять не будет. Там три комнаты, в одной будем мы с Дашкой, и вам по одной.

ЖИХАРКА. Филипчик, наконец-то я без тебя буду один спать.

АРТУРЧИК. Короче, пацаны. Всё будет огонь! Ладно, я устал, пойду в душ, поем и спать.

ЖИХАРКА. Слушай, Дима, я посмотрю на твоём ноутике «Шапку Мономаха»?

ФИЛИПЧИК. Смотри…Как думаешь, а не придумывает Артурчик?

ЖИХАРКА. Не знаю. А у нас других вариантов нет. О, смотри, точняк «Шляпа Мономаха». Сайт такой солидный. Так, про что тут написать, нужно выбрать. А это чё такое? Вот про это и напишу.

ФИЛИПЧИК. Так это же стопарик! Зуб даю, стопарь.

ЖИХАРКА. Сам ты стопарик. Читай. Стопка ювелирная в бриллиантах. Я закладочку в браузере оставлю, завтра уже после работы займусь. Спокойной ночи.

ФИЛИПЧИК (*также залазит на печку*). И тебе спокойных снов. Жихарка?

ЖИХАРКА. А?

ФИЛИПЧИК. Мне кажется, Артурчик правду говорит. Смотри, сегодня просто фортуна нам пятки поцеловала. Я утром десятку нашёл, потом тебе насчёт работы Зульфарчик позвонил. Так? И Артурчик про хату эту узнал. Ну разве не фарт?

ЖИХАРКА. Ты надоел, Филипчик, дай поспать.

ФИЛИПЧИК. Ну, скажи же, фарт.

ЖИХАРКА. Фарт, фарт.

В проходной появляется Артур.

АРТУРЧИК. Да, пацаны, забыл предупредить, этому бизнесмену крутому, если он разрешит нам жить в хате, нужно какое-нибудь дорогущее бухло купить. Коньяк или вискарь. Давайте скинемся.

ФИЛИПЧИК. Мы не против, но у нас бабла нету.

АРТУРЧИК. Ладно, я заложу, но вы потом вернёте.

ЖИХАРКА. Окей.

АРТУРЧИК. Спокойной ночи, пацаны *(уходит в свою комнату)*.

ФИЛИПЧИК. И где мы бабки возьмём?

ЖИХАРКА. Я у Хитрожопого Вадима из Красной комнаты одолжу.

ФИЛИПЧИК. А, ну и на меня тогда одолжи.

ЖИХАРКА. Блин, столько проблем, с этой хатой ещё, выборы на носу, решается судьба страны, понимаешь, а мы тут ерундой всякой занимаемся.

ФИЛИПЧИК. Спи уже, Жихарка.

06 августа

Проходная комната. Филипчик накрывает обеденный стол. Жихарка валяется на печи, но радио не слушает. Артурчик смотрит в окно.

ФИЛИПЧИК. Это ложка Жихаркина, это ложка Артурчикова, это ложка Дашкина.

АРТУРЧИК. Дашки сегодня не будет.

ФИЛИПЧИК. А это ложка моя. Филипчиковская.

ЖИХАРКА. И что там с той хатой в райцентре? Ты встречался с хозяином? С бизнесменом тем…

АРТУРЧИК. Да, встречался. Купил я за 90 рублей виски обалденного и поехал к олигарху. Вы мне по тридцатке, кстати, должны.

ФИЛИПЧИК. А чего такое дорогое бухлишко-то?

АРТУРЧИК. Он нам избу свою даром на два или три года отдаёт, а тебе жалко ему вискарь за 90 рублей?

ЖИХАРКА. Возьми, там на сундуке 60 рублей, за меня и за Филипчика.

АРТУРЧИК. Спасибо, пацаны. Так вот. Встретились с моим знакомым, ну с которым унитаз тогда ставили, и с олигархом этим. В ресторане. Посидели, покумекали, короче, договорились мы.

ФИИЛПЧИК. О чём?

АРТУРЧИК. Что я там буду один жить. Ну, я про вас же ему не рассказывал.

ЖИХАРКА. И всё?

АРТУРЧИК. Ну, он попросил, чтобы я там порядок соблюдал, чтобы проветривал, цветы поливал.

ФИЛИПЧИК. Кстати, нужно сразу нам договориться. Каждый убирает раз в неделю в своей комнате. Кроме того, Жихарка – туалет и ванную. Я – кухню. Артур с Дашкой – прихожую и балконы. Пылесосить, влажную уборочку делать. И не бухать там, алкашей всяких не водить.

АРТУРЧИК. Разумеется. Ну а потом мы поехали смотреть эту избу-люкс.

ЖИХАРКА. Да? И как оно?

АРТУРЧИК. Я же говорю, обалденная изба. Евроремонт по последней моде. Ванная не как у нас в тазике за ширмочкой, а душевая кабина. Комнаты огромные, два балкона.

ЖИХАРКА. Да, это не с печкой и дровами возиться. И туалет на улице задолбал.

АРТУРЧИК. Мне завтра отдадут ключи. Кстати, вискарь ему не понравился, сказал: «Ну такой себе», но забрал с собой.

ЖИХАРКА. Буржуй.

ФИЛИПЧИК. Так, а когда переезжать собираемся? У нас же столько вещей.

АРТУРЧИК. Ну, завтра-послезавтра можно. У моего бати прицеп есть, двумя рейсами всё вывезем. Я думаю, в субботу наши с Дашкой вещи привезти. А в воскресенье – твои, Дима, и Жихаркины.

ЖИХАРКА. Чтобы мне тот Зульфар раньше позвонил. Я бы реально заработал деньжат на свою собственную съёмную избу. Да что там в райцентре – в столице.

АРТУР. Заживём, пацаны, вместе ж веселее!

ФИЛИПЧИК. Кстати, отметить нужно хату новую. У меня и водочка есть под это дело.

АРТУРЧИК. А почему бы и нет. Жихарка, а ты чего за ноутом? Давай с нами.

ЖИХАРКА. Блин, ребята, не мешайте. Я для «Шапки Мономаха» историю пишу.

Филипчик с Артуром выпивают.

АРТУРЧИК. Жихарка, лучше расскажи нам, как ты потерял девственность?

ЖИХАРКА. Пацаны, не отвлекайте, историю завтра выслать нужно.

АРТУРЧИК. Да забей на эту «Шляпу» – разводилово какое-то.

ЖИХАРКА. Не разводилово. Я подстраховался. Мы с ним, с Зульфаром этим, переписывались по е-мейлу. Они мне на днях аванс вышлют на карточку.

АРТУРЧИК. А у тебя есть российская карточка?

ЖИХАРКА. Я им выслал свой адрес. Они мне пришлют скоро карточку банковскую по почте обычной.

АРТУРЧИК. Куда они тебе пришлют, если ты съезжаешь?

ЖИХАРКА. Жихарке до востребования. На главпочтамт.

ФИЛИПЧИК. Пускай почитает, чего он там понаписывал.

ЖИХАРКА. Прочитать? Сейчас, ага, вот… Слушайте. (*Читает.)* Стопка «El sueño del Salvador». «Сон Сальвадора». На испанском. Данное ювелирное изделие – истинное изобретение двух гениев, признанного и угнетённого, известного сюрреалиста Сальвадора Дали и фантазёра-самоучки Владимира Вадимовича Жихарки. Однажды Дали гостил во Флоренции у одного из своих приятелей, где встретил возле клошарного притона собиравшего милостыню тридцатилетнего Жихарку. Жихарка славился не столько своими талантами, сколько бедностью. В сим пороке он родился. Этот же недуг постигнет его и на смертном одре. Слава пришла к Владимиру Вадимовичу лишь спустя несколько лет после внезапной кончины, когда загадочным способом к научным сотрудникам Лувра попали наброски гениальных ювелирных изделий. Сальвадор Дали не только рисовал свои сновидения, он умел воплощать сны в реальность. Ставить по ним пьесы, создавать декорации или же материализовать в неописуемые драгоценности. Жихарка же, в начале века являясь, одним из подающих надежды, учеником не менее знаменитого ювелира Сваровски, вскоре забросил учёбу, стал кутить направо и налево, принявшись постепенно пропивать родительский кредит, занятый у бывшего тульского нэпмана – весьма крупную сумму для образования единственного сына. Вскоре юноша скатился до черты. Дикие болезни, голод, разврат, антисанитария, безумства. Вместо того, чтобы совершенствоваться и зарабатывать на пропитание ювелирным мастерством, Жихарка предпочитал тунеядство, ибо считал себя свободной птицей. Правда, он пописывал кое-какие картины, но не получал за них ни сантима. Итак, вернёмся к встрече Сальвадора Дали и Владимира Жихарки. Увидев седого попрошайку, Дали в первую очередь, привлекла внешность юродивого- изумрудные глаза, сияющие неодолимой гордостью и блеском драгоценного металла.

ВСКОРЕ ЮНОША СКАТИЛСЯ ДО ЧЕРТЫ. ДИКИЕ БОЛЕЗНИ, ГОЛОД, РАЗВРАТ, АНТИСАНИТАРИЯ, БЕЗУМСТВА. ВМЕСТО ТОГО, ЧТОБЫ СОВЕРШЕНСТВОВАТЬСЯ И ЗАРАБАТЫВАТЬ НА ПРОПИТАНИЕ ЮВЕЛИРНЫМ МАСТЕРСТВОМ, ЖИХАРКА ПРЕДПОЧИТАЛ ТУНЕЯДСТВО, ИБО СЧИТАЛ СЕБЯ СВОБОДНОЙ ПТИЦЕЙ.

Художник пригласил нищего пройти в пивнушку, а затем рассказал ему свой недавний сон, предложив материализовать его в истинную реальность. Три дня и три ночи, запершись в номере одного из шикарнейших отелей, провели Дали с Жихаркой, создавая причудливые эскизы к украшениям. К сожалению, история не оставила свидетелей того странного творческого союза, а также тех зевак, что поведают нам собственно сам сюжет того шикарного сна, вдохновившего двух чудаков на создание необычайных стопок. Лишь спустя десятки лет, после смерти создателей, в архивах Лувра неожиданно были найдены те цветные эскизы, впоследствии помогшие нашей компании воссоздать «загадку» Сальвадора Дали и Владимира Жихарки.

В чём суть красочного сна Сальвадора, спасителя бедняков, заблудших и безумных, но талантливых людей, предстоит постичь, обладателям этого великолепного изделия «El sueño del Salvador». Возможно, выпивая крепкие напитки с вашими близкими и родными, вы увидите и разгадаете тайну сновидения великих творцов двадцатого века.

ФИЛИПЧИК. Молоток, Вовчик. Не дурно получилось.

ЖИХАРКА. Тут ещё ошибки исправить нужно, неточности, отредактировать, короче.

АРТУРЧИК. Зря, ты уволился.

ЖИХАРКА. Это почему?

АРТУРЧИК. Кинут, как пить, дать. Нафига им писатель с горы, если в Москве можно покруче таких найти.

ЖИХАРКА. Артур, тебе не понравилась моя история?

АРТУРЧИК. Я не говорю, что не понравилась.

ЖИХАРКА. Ты и не похвалил.

ФИЛИПЧИК. Вовчик, нормальная история.

АРТУРЧИК. Чего ты, Жихарка, такой возбуждённый?

ЖИХАРКА. Я тебе никакой, не Жихарка, а Владимир.

АРТУРЧИК. Как скажете!

ФИЛИПЧИК. Вовчик, успокойся, зачем ты ссоришься?

ЖИХАРКА. Я хочу знать.

ФИЛИПЧИК. Что знать?

АРТУРЧИК. Тихо, тихо, спокойнее, Владимир.

ЖИХАРКА. Пускай он мне ответит. Вот скажи, мне, Артурчик. Как ты относишься к нашему президенту. Ты – «за» или «против»?

АРТУРЧИК. Я – «за»!

ЖИХАРКА. Ты – «за»?

АРТУРЧИК. Да, «за», я за батьку. Я слушал бы его и слушал.

ЖИХАРКА. Обоснуй.

АРТУРЧИК. Ну, нравится он мне.

ФИЛИПЧИК. Ты шутишь.

АРТУРЧИК. Почему шучу, я вполне серьёзно. Я ж говорю, зачем мне другой президент, если я сыт, я одет, я обутый, всё у меня есть?

ФИЛИПЧИК. Кроме своей хаты.

АРТУРЧИК. Живу нормально. А поставь другого – я не знаю, это моё мнение, лучше уже не будет, хуже – да, это может быть, а лучше – не будет. А так я в достатке, ну как в достатке, своим горбом. Божьими молитвами. Унитазу ставлю, и хорошо, а унитазы люди всегда ставить будут. Люди срать всегда будут.

ЖИХАРКА. И ты за него голосовать собираешься?

АРТУРЧИК. А за кого ещё! Да, за него самого.

ФИЛИПЧИК. Артур, ты извини, конечно, но сейчас никто вообще за него не голосует. Кроме тебя и, разве что, Ларисы Васильевны. Надоел он всем.

АРТУРЧИК. А мне жалко его, и я такой вот фрик, что буду именно за него голосовать.

ЖИХАРКА. Ну, и что такому, как ты объяснять.

АРТУРЧИК. Не дурите мне головы, я отдыхать. И так ваши проблемы решаю целый день.

Уходит в свою комнату.

ЖИХАРКА. Ещё один лукашист. Ненавижу.

ФИЛИПЧИК. Тихо, ты Вовка. Хочешь без избы остаться?

ЖИХАРКА. Ещё не известно, существует ли эта изба.

ФИЛИПЧИК. Артурчик врать не будет.

ЖИХАРКА. Он - мой идеологический враг. Он сам целый вечер меня подкалывает.

ФИЛИПЧИК. Артур – нормальный пацан, помогает нам с тобой.

ЖИХАРКА. Люди всегда будут срать. Люди всегда будут в театр ходить.

ФИЛИПЧИК. Люди всегда будут бухать. И голосовать.

ЖИХАРКА. А олигархи будут жиру беситься и придумывать, чтобы такого вот нового и крутого себе купить.

ФИЛИПЧИК. Споки, Жихарка!

ЖИХАРКА. Споки-ноки, Филипчик.

08 августа

Избушка. В проходной комнате всё заставлено коробками и клумками. На печи лежит Жихарка и слушает по радио песню Насти Полевой «Колесо».

Голоса Артура и Дашки сверху или снизу.

ДАША. Когда ты им скажешь?

АРТУР. Нужно побыстрее последние вещи упаковать, пока Филипчик не вернулся. Двоим им не понравится такое услышать.

ДАША. Артур, я пойду посижу с Жихаркой.

АРТУР. Хорошо, мне пару минут собрать одежду и несколько вещей.

ЖИХАРКА (*поёт*). Работа и постель, а есть, ли есть ли цель? В колесе, колесеееее…

К нему подходит Дашка в красивом белом платье. Садится рядом на печку.

ДАША. Привет, Вова!

ЖИХАРКА. Привет, Даша. Как дела?

ДАША. Мы сейчас наши вещи собираем, последний рейс сделаем, и Артура отец за вашими заедет.

ЖИХАРКА. Отлично. Слушай, Даша, давно хотел у тебя спросить?

ДАША. Про что, Вова?

ЖИХАРКА. Тебе нравится наш действующий президент?

ДАША. Ты такой смешной, Вова. Конечно, нравится.

ЖИХАРКА. И ты будешь за него на выборах голосовать?

ДАША. Я за него уже проголосовала. Досрочно. Нас в универе заставили.

ЖИХАРКА (*вздыхая*). Понятно. И ты веришь официальным итогам выборов?

ДАША. Конечно верю.

ЖИХАРКА. Но почему?

ДАША. Потому что наш президент знает, что нужно делать, и он самый лучший вообще на земле, и он самый лучший, вообще во всём, во всём мире!

ЖИХАРКА. Ты так его любишь?

ДАША. Да, я люблю. Я – патриотка.

ЖИХАРКА. Президента или страны?

ДАША. Я люблю президента нашего.

ЖИХАРКА. А страну?

ДАША. Нет, страну нашу я тоже люблю, но президента нашего я больше люблю. Да, он очень классный!

ЖИХАРКА. Красавец мужчина…

ДАША. Очень красивый.

ЖИХАРКА. Тебе такие нравятся?

ДАША. Ну не совсем, но именно он очень красивый. Но это любовь моя не как к мужчине, а как к президенту. Понимаешь?

ЖИХАРКА. Не понимаю.

ДАША. Вова? Ты, наверное, разочаровался во мне?

ЖИХАРКА. Ты что, нет совсем.

ДАША. Кстати, я же будущая учительница белорусского языка. Ты знал?

ЖИХАРКА. Нет. Ты на самом деле учительница белорусского языка?

ДАША. Да, и белорусской литературы.

ЖИХАРКА. А тебя волнуют проблемы нашей нации, что будет с нашей «роднай мовай»?

ДАША. А нас в деревне все на русском разговаривают. Вова, скажи, ты же «змагар»? Почему ты таким стал?

ЖИХАРКА. Когда я пошёл в первый класс – у нас была белорусская школа. Так вот. Моя первая учительница Марина Сергеевна сказала нам на первом уроке: «Зараз цяжкія часы, дзеці, але наша мова самая лепшая. І не забывайце яе ніколі». Дашка, первые четыре года мы все предметы учили на белорусском, а в пятом – у нас уже всё на русском было. А ещё Марина Сергеевна говорила: «Бог даў кожнаму народу, кожнай нацыі сваю мову, каб розныя людзі звярталіся да яго менавіта на сваёй роднай мове. Не забывайце беларускую мову, не маліціся Богу на іншай».

ДАШКА. Ага. Прикольно.

ЖИХАРКА (*кричит*). Так неужели не понятно, почему у нас в стране так всё всегда плохо?

ДАША. Почему, Жихарка?

ЖИХАРКА. Потому что Бог не слышит наши молитвы! На белорусском языке молиться нужно!

ДАША. Я на польском только знаю.

ЖИХАРКА. А в шестом классе я выслал свои стихотворения в республиканскую газету «Раніца».

ДАША. Ты пишешь стихи?

ЖИХАРКА. Я написал им письмо, настоящее от руки письмо, что очень люблю нашу страну, люблю белорусский язык и горжусь, что родился и живу в Беларуси.

ГОЛОС ЛАРИСЫ ВАСИЛЬЕВНЫ. З пошты «Маладзіка». Добры дзень, «Раніца». Піша табе хлопчык Янка з цудоўнага горада Ліды. Наш горад вельмі прыгожы і знакаміты…У адным са сваіх нумароў, ты рассказала пра наш легендарны замак. Прызнаюся, прадаваўся, што яго убачаць, хоць на здымку, многія хлопчыкі і дзяўчынкі. Раніца, я вельмі ганаруся, што вырас на гэтай прыгожай зямлі! Наша краіна мае багатую гісторыю і культуру. Я люблю сваю Радзіму люблю па сапраўднаму. Нядаўна я быў за мяжой. І кожны дзень сумаваў па Беларусі. Птушкі не так спявалі, кветкі здаваліся не такімі прыгожымі. А калі прыехаў да дому – стала лёгка, быццам камень з душы зваліўся!

ЖИХАРКА. Радзіма мая, Беларусь!
Няма прыгажэй за цябе…
Я гэтым душой ганарусь,
На сэрцы радасна мне.
Я сын беларускай зямлі –
Матулі любімай другой.
І хоць ты ўвесь свет абплыві
Нідзе ты не знойдзеш такой!

ДАША. Вовка, это ты такое мелкий написал? Офигенно! Круто, правда!

ЖИХАРКА. У меня где-то эта газета сохранилась. Но знаешь в чём прикол?

ДАША. В чём, Вова?

ЖИХАРКА. Я написал в том письме в газету «Раніца» стихотворение под псевдонимом «Янка Жэўжык».

ДАША. А почему не Вовка Жихарка?

ЖИХАРКА. Жихарка – это уже потом меня друзья прозвали, после школы. Ну, мне так захотелось – Янка Жэўжык. И однажды я прихожу со школы, а мама мне говорит, Вова, тут какому-то мальчику, на наш адрес письмо пришло из газеты «Раніца», не тебе ли случайно? И редакторша мне, действительно, написала ответ, то есть Янке Жэўжыку.

ГОЛОС ЛАРИСЫ ВАСИЛЬЕВНЫ. Рэдакцыя газеты «Раніца». 19 студзеня 1999 года. №37, 38. Добры дзень, Янка! Дзякуй табе за такое шчырае пісьмо. Мы ганарымся табой і ўпэўнены, што любоў да Бацькаўшчыны будзе заўсёды ў тваім сэрцы. Дзякуй і за вершы. Так, наша родная зямля не можа не натхняць на творчасьць. Твае вершы – сведчанне гэтаму. Янка, пішы, стварай,

ідзі наперад. Шчаслівай табе будучыні! Чакаем вестачак. Усяго найлепшага. Заг. аддзела Н. Паляшчук.

ЖИХАРКА. Вот, и родители всем показывали это письмо, а позже и газету с моими стихами. Всем хвалились: соседям, коллегам по работе, друзьям. А те меня своим детям в пример ставили. Только отец обиделся, что я не под настоящей фамилией напечатался, что нашу фамилию не прославил.

ГОЛОС ЛАРИСЫ ВАСИЛЬЕВНЫ. Я люблю Беларусь. Люблю яе мову. Мілагучную, ласкавую і пяшчотную. Я вырашыў стаць пісьменнікам, пісьменнікам-патрыётам. Буду заклікаць людзей любіць свой край і шанаваць родную мову. А сёння наша мова згасае, як агеньчык. але так быць не павінна. І не будзе. Я веру ў гэта. Янка Жэўжык. Горад Ліда.

ЖИХАРКА. Вот поэтому, я, Дашка, как ты говоришь – «змагар».

В комнату резко вбегает Артурчик.

АРТУРЧИК. Дашка, Вовка! Я извиняюсь, что вас перебиваю. Но вы просто не представляете! Тут такое!

ДАША. Не пугай меня, Артур.

ЖИХАРКА. Что случилось?

АРТУРЧИК. Я вещи пакую, и мне друг из турагентства пять минут назад звонит. Короче, есть две путёвки в Турцию, горячие, за 150 баксов.

ЖИХАРКА. И что?

АРТУРЧИК. Это же дешево, как ты не понимаешь, 300 баксов на двоих. Там всё включено. Перелёт в обе стороны. Пять звёзд.

ДАША. И ты согласился?

АРТУРЧИК. Конечно, согласился. Я столько пахал, столько унитазов поставил. Нужно и отдыхать когда-нибудь.

ДАША. А на какие числа?

АРТУРЧИК. В том-то и дело. Путёвки на 10 дней, вылет сегодня вечером.

ДАША. Как сегодня?

ЖИХАРКА. Как сегодня?

АРТУРЧИК. Друг из агентства сказал, что кто-то в самый последний момент отказался от путёвок, из-за короны, наверное, и они предлагают со скидкой, если мы подтверждаем и сегодня вылетаем в Турцию, они по приезду нам ещё двадцать процентов вернут от стоимости. Горят путёвочки, ой горят. Даша, у тебя как раз каникулы ещё продолжаются!

ДАША. Артурчик. Как классно! Турция! Только вылет же вечером, разве мы успеем?

ЖИХАРКА. А как же новая изба? Как же переезд?

АРТУРЧИК. Вот именно, смотрите, если мы прямо сейчас с Дашкой везём вещи в новую хату, сразу собираем всё в Турцию, и батя нас в аэропорт привозит, то тогда, как раз впритык, успеваем. Но если за вашими с Филипчиком вещами ехать сюда и на избу новую, то тогда не успеваем.

ДАША. А отец твой не сможет их вещи после аэропорта завезти?

АРТУРЧИК. Я не знаю, вроде он с мужиками в баню собирался. Слушайте, давайте так поступим. Сейчас совсем мало времени. Вовка, мы перевезём сегодня наши вещи. Завтра у нас какое число?

ЖИХАРКА. 9-го завтра. Завтра хозяйка за ключами и проверять, убрали ли избу, придёт.

АРТУРЧИК. А во сколько?

ЖИХАРКА. Вечером, наверное.

АРТУРЧИК. Завтра же выходной. Дождётесь моего батю, и до обеда все вещи ваши перевезёте.

ЖИХАРКА. Филипчик на собеседование пошёл, межу прочим.

АРУТРИЧК. Молодец, сейчас с переездом, главное, вопрос решить. Смотри, батя мой адрес знает, я ему ключи оставлю, он ваши вещи отвезёт. Ждите его с утра самого. Всё, Вован, нету времени. Батя уже подъехал. Нам нужно срочно уезжать. Пока, пацан, через 10 дней увидимся. Аккурат-

но там на хате без нас. Не шалейте, не бухайте, чтобы без ментов!

ДАША. Ура! Мы летим в Турцию! Прощай, Вовка-змагар!

ЖИХАРКА. До свидания, ребята! Артур?

АРТУРЧИК. Да, Жихарка.

ЖИХАРКА. Завтра же выборы. Ты же не успеешь проголосовать?

АРТУРЧИК. Так а смысл голосовать, всё равно же батька победит.

Артур берёт коробки, протягивает Даше сумку с пакетом, и они уходят из избы.

ЖИХАРКА. В Турцию… Когда я в Турцию или Европу поеду уже? Лукашисты на пляжах греются, наустанавливали унитазов и отдыхают на солнышке. Пять звёзд. Всё включено. Куда таким новую жизнь строить, в старом болоте будут мучиться, а потом от него же отдыхать! А мы с Филипчиком будем бухать и частушки про президента матные петь в каталажках. В прочем чего это я? Главное, с хатой новой всё порешалось. Пускай улетают, нам и с Филипчиком нормально вдвоём, на новой хате, в райцентре! Десять дней отдыха от Артурчиковых стонов!

Входит Филипчик.

ФИЛИПЧИК. Ну как чё?

ЖИХАРКА. Вообще ништяк! Артурчик с Дашкой только что уехали.

ФИЛИПЧИК. Прикинь, меня на работу взяли. Курьером! Еду по городу разносить. Сумку дадут красно-зелёную.

ЖИХАРКА. А тебе завтра на сколько?

ФИЛИПЧИК. На восемь утра. А где мы будем жить, Артурчик тебе не говорил?

ЖИХАРКА. Вроде в самом центре.

ФИЛИПЧИК. И офис мой тоже в центре. И точки все по центру. Тогда вообще лафа будет – всё рядом.

ЖИХАРКА. Дима, тебе завтра с работы утром нужно будет отпроситься.

ФИЛИПЧИК. Зачем? Кто меня в первый день отпустит?

ЖИХАРКА. Я завтра с самого утра на участок свой хочу съездить. Проголосовать. А потом вернуться, а вечером на площадь пойти, там все собираются наши, ждать официальных результатов выборов.

ФИЛИПЧИК. Так хозяйка говорила, вечером после работы только приедет за ключами.

ЖИХАРКА. Не в хозяйке дело.

ФИЛИПЧИК. А в чём?

ЖИХАРКА. Завтра утром батя Артурчиков приедет за нашими вещами.

ФИЛИПЧИК. Не понял, как завтра? Сегодня же переезд.

ЖИХАРКА. Не получается сегодня у бати.

ФИЛИПЧИК. Мы завтра не успеем до вечера перевезти вещи, я работаю до восьми. Как так?

ЖИХАРКА. Понимаешь, Артур с Дашкой путёвки купили горячие в Турцию.

ФИЛИПЧИК. Чего?

ЖИХАРКА. В Турцию путёвки горячие купили они.

ФИЛИПЧИК. Какие впизду путёвки?

ЖИХАРКА. Ну там долго объяснять, короче, висели путёвки горячие, у Артурчикового знакомого, вылет сегодня вечером у них. Вот батя сейчас в аэропорт и повезёт, после того, как вещи перекинут на новую хату.

ФИЛИПЧИК. Подожди, не понимаю…

ЖИХАРКА. Они через десять дней приедут.

ФИЛИПЧИК. А как же мы, Вовка?

ЖИХАРКА. Всё нормально, завтра приедет Артура отец утром, отвезёт тебя с нашими вещами, поможет их погрузить-выгрузить, отдаст тебе ключи. И мы десять дней будем с тобой одни там жить.

ФИЛИПЧИК. Слушай, а батя заходил сюда?

ЖИХАРКА. Артурчиков батя ждал на улице, на тачке, пока они вещи собирали.

ФИЛИПЧИК. Ёбаныврот. Жихарка. Не было никакого бати.

ЖИХАРКА. Как так?

ФИЛИПЧИК. А так. Я из лесу выходил, они мимо меня на такси выезжали, и помахали мне. Я ещё подумал, что они свои вещи кинули в такси, а наши батя повёз, чтобы быстрее было.

ЖИХАРКА. Так может Артурчиков батя таксист?

ФИЛИПЧИК. Тот таксист – молодой пацан, моложе нас с тобой, точно, не Артура батя. Они ключи оставили?

ЖИХАРКА. Сказали, завтра батя утром привезёт.

ФИЛИПЧИК. Да, забудь ты про батю, нету никакого бати.

ЖИХАРКА. Как нету?

ФИЛИПЧИК. Адрес они оставляли?

ЖИХАРКА. Так Артура батя знает адрес.

ФИЛИПЧИК. Ну ты и осёл. Не приедет завтра никакой батя.

ЖИХАРКА. Давай наберём Артура, они же только что сказали, всё нормально будет. Вещи наши перевезут. Набираю.

ФИЛИПЧИК. И?

ЖИХАРКА. Аппарат выключен или находится вне зоны действия сети.

ФИЛИПЧИК. Дашки номер есть?

ЖИХАРКА. Нету, а у тебя?

ФИЛИПЧИК. Откуда. Он отключил мобилу, сучёныш.

ЖИХАРКА. Как так, Филипчик?

ФИЛИПЧИК. А вот так, тебя развели как лоха. Какая в жопу Турция! Границы закрыты все. Карантин.

ЖИХАРКА. Но зачем ему это всё?

ФИЛИПЧИК. А вот зачем. Мы с тобой, им так надоели, что Артур решил без нас хату искать. Не бесплатно, а за деньги в райцентре снимать. Не в лесу, не в деревне, а более-менее приличную халупу, а не с печкой и толканом на улице. Они просекли, выгнала хозяйка всех, а у Филипчика и Жихарки денег нет на новую избу. А мы с тобой будем проситься к Артурчику на хвост. Вот и придумана была история про олигарха. А потом и про Турцию, чтобы грамотно слиться.

ЖИХАРКА. Блин, он у нас ещё 60 рублей на бухло фейковое стрёс.

ФИЛИПЧИК. Давай проверим, может Артурчик вещи наши какие подбрил.

ЖИХАРКА. Филипчик! Они моё полотенце спёрли.

ФИЛИПЧИК. Что?

ЖИХАРКА. Полотенце, которое на печи висело. Я радио слушал, а Артурчик тут крутился.

ФИЛИПЧИК. Слушай, они даже пасту зубную мою забрали, и туалетку.

ЖИХАРКА. Нафига им туалетка?

ФИЛИПЧИК. Не знаю.

ЖИХАРКА. Суки! Они бегемотика моего стырили!

ФИЛИПЧИК. Какого бегемотика?

ЖИХАРКА. Ну бегемотика. Ночник такой. В розетку вставлять.

ФИЛИПЧИК. Ну тварь, я уже готов был его простить. Они рано или поздно всё равно бы съехали от нас. Пофиг даже на 60 рублей эти! Но бегемотика пиздить. Я Артурчику такого никогда не прощу. В городе встречу, сразу, без разговоров морду разворочу. За Жихаркиного бегемотика.

ЖИХАРКА. Мобила!

ФИЛИПЧИК. Артурчик?

ЖИХАРКА. Не. Зульфар. Наконец-то.

ФИЛИПЧИК. Включай на громкую связь.

ЖИХАРКА. Приветствую, Зульфар! Добрый вечер!

ЗУЛЬФАР. Добрый вечер, Владимир. Получил ваше тестовое задание. Знаете, недурно. Я уже успел своему шефу показать.

ЖИХАРКА. И что? Ему тоже понравилось?

ЗУЛЬФАР. Понимаете, Владимир, генеральный директор «Шапки Мономаха» - обычный человек, от сохи, так сказать. Он не совсем такой, как мы с вами. Он более консервативных взглядов.

ЖИХАРКА. Не понимаю.

ГОЛОС ИЗ МОБИЛЫ. Ему не понравился ваш текст, в том плане, ему не хочется, чтобы в каталоге его изделий, были упомянуты, тот же Сальвадор Дали, как он выразился «какой-то пидарас».

ЖИХАРКА. Значит…

ЗУЛЬФАР. Я искренне извиняюсь, Владимир, но именно этот текст для нас не подойдёт.

ЖИХАРКА. Так я могу, я могу вам другой написать, я могу и не про сюрреалистов, про комиссаров с нимбом над головой, про президента написать, не про вашего, а про нашего. Хотите?

ЗУЛЬФАР. Присылайте все тексты на почту, мы посмотрим. Но насчёт аванса пока не обещаю.

ЖИХАРКА. Я вышлю, я вышлю вам, Зульфар, честно, я новый текст завтра напишу и вышлю на ваш е-мэйл.

ЗУЛЬФАР. Высылайте. Владимир. Всего доброго!

ЖИХАРКА. Мобила!

ФИЛИПЧИК. Артурчик?

ЖИХАРКА. Лариса Васильевна!

ФИЛИПЧИК. Вспомнили. Врубай на громкую.

ЖИХАРКА. Лариса Васильевна. Рады Вас слышать!

ВАСИЛЬЕВНА. Володя? Здравствуй, Володя. Как вы там? Всё нормально? Вы навели порядок в избе?

ЖИХАРКА. Конечно, Лариса Васильевна. Всё чистенько-гладенько. Вы завтра во сколько приедете?

ВАСИЛЬЕВНА. Володя, меня вчера в больницу положили. У меня коронавирус. Завтра к вам мой племянник приедет.

ЖИХАРКА. А что с Вами, Лариса Васильевна? Где вы лежите? Мы с Димой приедем к вам, навестим.

ВАСИЛЬЕВНА. Володя, вас ко мне не пустят.

ЖИХАРКА. Вы только скажите, мы приедем.

ЕМУ НЕ ПОНРАВИЛСЯ ВАШ ТЕКСТ, В ТОМ ПЛАНЕ, ЕМУ НЕ ХОЧЕТСЯ, ЧТОБЫ В КАТАЛОГЕ ЕГО ИЗДЕЛИЙ, БЫЛИ УПОМЯНУТЫ, ТОТ ЖЕ САЛЬВАДОР ДАЛИ, КАК ОН ВЫРАЗИЛСЯ «КАКОЙ-ТО ПИДАРАС».

ЖИХАРКА. До свидания, Зульфар. И вам всего доброго и светлого!

ФИЛИПЧИК. Ну ты, Жихарка, и лох.

ЖИХАРКА. Ой, подумаешь, какому-то гопнику старому, буржую какому-то мои тексты не понравились! Я сто других напишу.

ФИЛИПЧИК. В том-то и дело, что тексты у тебя – отличные, они хитрые лисы – разводят тебя. Прямо как Артурчик.

ЖИХАРКА. Разве?

ФИЛИПЧИК. Они всем таким дурачкам звонят, просят тексты, говорят, что не интересно, а сами бесплатно потом пользуются вашим трудом.

ЖИХАРКА. И тут неудача, а я так надеялся на эту «Шапку Мономаха».

ФИЛИПЧИК. Ну, меня хотя бы на работу взяли.

ГОЛОС ИЗ МОБИЛЫ. Володя, послушай меня внимательно. Я вот что решила. Я не буду вас с Димой выгонять.

ЖИХАРКА. Огромное Вам спасибо, Лариса Васильевна! Простите нас, мы и вправду будем каждый день убирать и мусор выносить, а курить во дворе. И никого звать в гости не будем. Дима Филипчик на работу устроился, мы решили с ним: спиртного больше ни капли. Даже пива.

ФИЛИПЧИК. Когда мы такое с тобой решили?

ВАСИЛЬЕВНА. Я делаю вам последнее китайское предупреждение. Ещё один «залёт» – и окажетесь на улице.

ЖИХАРКА. Спасибо огромное от меня и от Димы, Ларисочка Васильевна! Дай Вам Бог крепкого здоровья!

ВАСИЛЬЕВНА. Только есть один нюанс, Володя. Этот Артур. Водить к себе девушку и с ней там голым… Я такого не потерплю. Я его хочу выселить. Я вас пожалела с Димой, а ему не прощу. Кстати, я ему звонила, у него телефон выключен…

ЖИХАРКА. Можете не переживать, Лариса Васильевна, Артур съехал от нас и вещи все забрал.

ВАСИЛЬЕВНА. Он от вас съехал, Володя?

ЖИХАРКА. Ой, там долго объяснять.

ВАСИЛЬЕВНА. Ну и ладно. Так вы меня поняли? Договорились, Володя?

ЖИХАРКА. Конечно, уважаемая Лариса Васильевна! Мы выполним все наши обещания.

ВАСИЛЬЕВНА. Надеюсь, что вы не подведёте. Да, Володя, завтра приедет мой племянник Антон. Проверить, как вы убрались. И жить с вами, вместо Артура. Он очень спокойный молодой человек, работает в милиции, в отряде особого назначения. Всё, Володя, мне укол пришли делать. До свидания!

ЖИХАРКА. До свидания, Лариса Васильевна! Привет вам от Дмитрия. Выздоравливайте!

ФИЛИПЧИК. Есть справедливость на свете же!

ЖИХАРКА. Ну всё! Приплыли.

ФЛИПЧИК. Нас простили и жить оставили. Чему ты не рад, Жихарка?

ЖИХАРКА. Жить с ментом, ещё с одним лукашистом? Радости полные штаны!

ФИЛИПЧИК. Мент твоего бегемотика и туалетку точно не украдёт.

ЖИХАРКА. Я так рад, Дима, что предлагаю сбегать в магазин за чекушкой или бутылкой. Что нам от одной станется.

ФИЛИПЧИК. Полностью тебя поддерживаю.

ЖИХАРКА. На последние деньги бухаем. А завтра у мента того одолжим.

ФИЛИПЧИК. Как пить дать, пускай только откажет.

ЖИХАРКА. Ура, мы здесь остаёмся, мы здесь остаёмся!

ФИЛИПЧИК. Жихарка! Вовчик! Знаешь что?

ЖИХАРКА. Говори, Димон! Говори, родной!

ФИЛИПЧИК. На печке сегодня один спишь. Я – в Артурчика комнате.

ЖИХАРКА. Смотри, не нагадиль в ментовскую кровать. Ох, завтра нас ждёт интересный день!

ДМИТРИЙ КОЛЕЙЧИК

СОЛНЦЕ СВЕТИТ ОДИНАКОВО ВО ВСЕ МОИ ОКНА

Помню, когда я задал вопрос

– А кто эти люди за окном, мама?

Я получил по носу. Знаете – просто лёгкий щелчок ухоженным нежным пальцем с лакированным ногтем: «Очнись, малыш!»

Мой вопрос посчитали неудобным родители и старшая сестра. Мама отвела взгляд и тихо буркнула:

– Это не люди…

Но я был слишком мал и неопытен, чтобы понимать такие вещи, как чувство такта, дурной тон, и о том – что в доме повешенного не говорят о верёвке. В то же время любопытство моё было безмерно. Оно равнялось всему миру, всей вселенной, которая там – за окном, поэтому я снова смутил старших:

– А кто они? – в простоте душевной спросил я.

Ко мне подошёл папа, присел на корточки и положил свои огромные сильные руки мне на худые плечи.

– Это изгои, сынок, – сказал он. – Они отвергли всё благородное и безопасное, наплевали на солидарность общества в трудный момент и предали человечество. Всех нас: тебя, меня, маму, твою сестру, бабушку… Понимаешь?

Я не понимал. Я каждый день видел людей за окном – взрослых и маленьких – таких же, как я, – ребятишек. Они играли во дворе, качались на качелях, лазали по конструкции из лестниц и перекладин, спускались с жестяной сверкающей на солнце горки в пушистый песок…

Взрослые куда-то спешили по своим делам, а вечерами сидели на скамейках, приглядывали за ребятнёй, разговаривали между собой о чём-то, смеялись, иногда ругались, пили что-то из тёмных бутылок, разводили костры в железных ящиках и жарили мясо на стальных прутьях. Запах через окно не проникал, но мне казалось, что я его чувствовал, – я чувствовал, что это вкусно, и я хотел туда – к ним! К этим беззаботным людям, к другим детям, чтобы бегать вместе с ними и лазать по хитроумно переплетённым лестницам, по которым можно лезть вверх и направо, а потом оказаться вниз головой и налево, будто, – как я узнал много позднее, – на лестницах художника Маурица Ашера.

*

Раз в неделю нам доставляли еду. Иногда приносили пакеты и коробки с новой одеждой, посудой, какими-то ещё нужными вещами. Из дома мы не выходили.

Потом умерла бабушка. Мне исполнилось восемь лет в этот день, и – никакого торта и газировки, никаких хлопушек с конфетти, потому что мы скорбели по бабушке. Я не скорбел, хотя мне было очень стыдно из-за этого, но я так и не смог себя заставить скорбеть, поэтому просто делал вид.

Бабушка для меня была столь же далёкой и условной, как качели во дворе за окном и люди, которые хоть нечасто, но появлялись там – за окном. Бабушка – это просто покатые плечи, укрытые линялым цветным платком с бахромой и широкое дряблое всегда встревоженное лицо в прямоугольной рамке экрана.

– А почему умерла бабушка, она же не выходила на улицу? – задал я очередной неудобный вопрос.

Мама бесшумно зарыдала, пряча лицо в ладони и содрогаясь всем телом. Папа попытался объяснить:

– Сынок, у бабушки кончился абонемент на интернет и сломался телефон. Она не могла ни с кем связаться и заказать еду. Поэтому умерла.

– Разве может кончиться интернет? – спросил я.

– Да! Может! Может кончиться этот проклятый интернет! – сорвалась мама.

Сестра смотрела на меня с ненавистью. Я подумал, что это из-за моих вопросов, из-за того, что я довёл маму, у которой умерла её мама…

Похороны бабушки мы смотрели в онлайн-трансляции, всей семьёй сидя на диване в черных строгих одеждах. Сестра объяснила, что такие странные одежды – это траур.

Я взрослел и присматривался к людям за окном. Всё чаще я замечал в них отличия от нас. Они действительно выглядели странно: у них были другие, нечеловеческие, грубые лица, чересчур длинные конечности, ладони у них были широкими, пальцы – узловатыми, с жёлтыми, похожими на когти, ногтями. Лица – такие перекошенные, сморщенные, фу! Эти нелюди казались отвратительными. Но они радовались как ни в чём не бывало, и это казалось отвратительней всего.

*

– Почему мы терпим этих уродов под своим окном? – спросил я однажды сестру.

Она встала с широкой родительской кровати, завернулась в мятую влажную простыню. Я успел заметить, как тяжёлая капля спермы потекла по внутренней стороне её левого бедра, и мне это понравилось. Мой копчик завибрировал, а соски на животе набухли. Сестра взяла две сигареты из пачки, прикурила и протянула одну мне.

– Чё, так бесит? – спросила она ухмыляясь.

– А тебя нет? Они же полные уроды, вирус сожрал их и превратил в… – я не находил слов, – в каких-то реальных уродов! – сдался я.

– Да не парься, братишка, они скоро все передохнут, – ответила сестра.

– И вирус вместе с ними тоже? И мы тогда сможем выйти наружу?

– Выбрось это из головы, малой! – строго осадила она меня. – Наружа – это и есть вирус.

Я её прекрасно понял. Я понял, что она очень близко это всё воспринимает. От нервного возбуждения оба глазных выступа на её шее раскрылись, и выкатили жёлтые слепые белки, из них потекли слизистые слёзы. Мне только стало немного обидно за «малого». Ведь мне тогда исполнилось уже шестнадцать, а сестре было двадцать три, и мы уже два года спали как родители.

НАШИ РОДИТЕЛИ К ТОМУ ВРЕМЕНИ УЖЕ УМЕРЛИ, ПОТОМУ ЧТО «КОНЧИЛСЯ ИНТЕРНЕТ». И ЕСЛИ БЫ У МОЕЙ СЕСТРЫ НЕ РАЗВИЛИСЬ ЧАТ-РЕЦЕПТОРЫ, ТАКАЯ ЖЕ ГОЛОДНАЯ БЕССЛАВНАЯ СМЕРТЬ ЖДАЛА БЫ И НАС.

Но мы приспособились. Она научилась управлять дронами напрямую через эфир, и они доставляли всё необходимое – еду, приборы, инструменты, лекарства, чипы, стимуляторы и гормоны… Но это стоило моей сестре слишком больших усилий.

*

Сестра оказалась права, прошло время, и за окном уже не появлялось никого из нелюдей. Более того, установилась всегда хорошая погода – безоблачное небо, солнце в зените, ни ветерка, ни листика не шевельнётся на вечнозелёных деревьях. Ни птицы, ни дрона не пролетит мимо окна.

Такой пейзаж можно было увидеть из каждого окна нашей квартиры, хотя окна выходили на разные стороны дома. Меня это озадачивало.

Мне исполнилось двадцать пять, сестра умерла четыре года назад, не выдержав родов. Плод, который она выносила за семнадцать месяцев, оказался чересчур огромным и… не совместимым с жизнью роженицы.

Судите сами: сплошная большущая голова похожая на рыбу-каплю – без конечностей, зато вся усеянная зубами, торчащими наружу. Зубы были: как боковые большие и малые коренные человеческие; как звериные – кажется, собачьи, – клыки; и как рыбьи, похожие на щучьи, – острые крючковатые. Торчали они вперемешку из хлипкой кожи. Эти зубы разорвали мою сестру при родах, смерть наступила от обильного кровотечения. Плод немного ещё пожил. Пару дней он шлёпал огромными губами, зыркал глазищами-пуговками и трещал какими-то щелями в своём теле, как старые, ещё довирусные, модемы, – я таких не застал, видел только в хронике. А потом он помер.

Я честно не знал, как можно спасти это… Но и не стал предпринимать попыток. Не кормил, не поил, просто наблюдал и ждал, когда это сдохнет. И не потому, что тварь вызывала отвращение, вовсе нет. По-своему она даже была мила, но я просто не хотел… растить это существо. Зачем? Что ждало его в будущем? Это был бы просто накопитель страданий – с такой-то морфологией…

Когда оно затихло, я очистил его от зубов, разделал на крупные куски и приготовил в белом соусе на перепелиных желтках и жирных сливках, с чесноком и базиликом. Это называется «фрикасе», рецепт я словил из сети, которая теперь никогда не кончается.

*

Я достиг гораздо больших успехов в ловле сети, чем моя покойная сестра. Её чат-рецепторы на шее не могли поддерживать постоянный онлайн и слезоточили какой-то дрянной вонючей консистенцией. Сестра говорила, что это выходит спам. Она задыхалась, если приходилось держать коннект дольше одного часа в сутки. Её жёлтые глазищи, растущие из щитовидной железы, распухали, багровели и чуть не лопались от напряжения.

Поэтому, пока интернет ловила и раздавала сестра, наши связи с внешним миром были предельно скромными. Мы занимались только самым необходимым. В основном – работой и покупками. Два раза в неделю мы сдавали готовые дизайн-заказы и получали новые; утрясали концепты с клиентами; заполняли десятка два форм, чтобы подтвердить транзакции и права на рецепцию смарткоинов, которыми нам платили. Мы заказывали необходимые товары, и с каждым годом это требовало всё больше возни с формами авторизации и аутентификации. Сестра называла это «проклятой кибер-бюррократией» и проклинала сервисы национальной безопасности.

Я научился держать коннект без напряжения сутки напролёт. Я не просто ловил сеть, а стал её частью, её узлом. Эфир тёк через меня, как электричество через охлаждённый серебряный волосок. Присутствие в эфире сопровождалось приятным зудом в копчике, он вибрировал, как тот атом цезия в вечных часах, и от этого мне всегда было немного кайфово. Я подсел на онлайн. Но со временем чувства притупились, и прошло удовольствие от того, что я сам – сеть, нервное волокно эфира…

Но это всё – скучное бытописание, дело не в том. Имея неограниченный доступ в мир, я сёрфил по разным кластерам информации, и набрёл на причудливую живопись древнего художника – Рене Магритта.

*

Более всего меня поразила серия его картин, которые я для себя определил как «разбитые пейзажи». На этих картинах были изображены осколки разбитых видов из окна. Словно бы кто-то нарисовал на окне в точности реалистичный пейзаж, будто он реальный, а он – просто рисунок. И вот если разбить такое «окно»? Что там можно будет увидеть за ним? Наверняка же за иллюзией окажется что-то другое, верно? Так подсказывает наше воображение, наша надежда, наше ожидание чего-то – неведомого нам прежде.

Все мы родились и выросли по эту сторону окон, и окна были неприкосновенны, они защищали нас от вируса, который снаружи, от неизбежной смерти. И вот, представьте себе, на картинах Магритта за иллюзорными нарисованными видами из окна, – если их разбить, – оказывались в точности те же самые виды! Прямо, как дазайн-заказы, которые мы делали с сестрой, а после её смерти уже я один их делал.

Более всего меня впечатлила из этой серии картина «Разбитое утро II». Ведь там за окном – в безоблачном небе жгучее солнце, и ни ветерка… Почти как из окон моей квартиры.

*

Я долго это обдумывал. Было непросто решиться. Но безумная сумбурная идея стала моим наваждением, и я осознал, что, наверно, только ради этого и явился в эфир. Это что-то вроде предназначения, фатума, –

понимаете? Такая восхитительная цельность – когда вдруг из беспорядка случайных нелепых вещей, разбросанных неряшливо повсюду, ты собрался в готового робота, который не видит препятствий и весь целеустремлён, как острая идеально прямая стрела.

Однажды я взял молоток, подошёл к окну и разбил его. Как я и ожидал, моё окно оказалось просто реалистичной картинкой с изображением пейзажа: двор с детской площадкой, на которой уже давно не бывало никаких детей, и слепящее фоторецепторы солнце в зените в безоблачном небе висело, словно плюнутое краской из скверного вонючего рта обитателя холодных крысиных трущоб.

*

В тайне я надеялся, что это всё ложь, и – разбив фальшивое окно с нарисованным видом, – я увижу что-то другое, что-то реальное, что-то скрытое и потому очень важное. Я пойму, что нас обманывали всё это время: зачем-то спрятали нас в своих же неприступных квартирах за этими фальшивыми окнами, а там снаружи… А что там снаружи могло оказаться? Да что угодно, но непременно что-то важное и новое! – так хотелось в это верить.

Однако я не скажу, что слишком удивился, когда, разбив иллюзорное окно, я увидел за ним точно такой же вид. Ни шороха, ни ветерка. Солнце.

Я пошёл и разбил ещё одно окно, которое выходило на другую сторону дома. Там уже не должно было быть солнца по логике вещей. Но оно там было. Пейзаж не изменился. Всё выглядело, буквально, как на картине Рене Магритта.

«А если нет разницы, зачем бить окна?» – понял я.

И покой на меня обрушился. Я завершил свою эволюцию: я – вирус.

АЛЕКСЕЙ КУКСИНСКИЙ

ФОРЕЛЬ ЛОМАЕТ ЛЁД

Обожаю ездить пьяным в такси. Таксист хитрит, везёт меня длинной дорогой, но я не против. Мы едем по мосту, фонари отражаются в чёрной речной воде. У берега пришвартованы лодки и водные велосипеды, в завтрашний выходной они расползутся по реке в обе стороны, мешая пенсионерам рыбачить. Днём там агитировали несколько групп от разных кандидатов в президенты, а сейчас на набережной пусто.

Сидеть становится неудобно, и я сперва не могу понять, в чём дело. Это телефон настойчиво вибрирует в моём кармане. Звонки в такое время не предвещают ничего хорошего, но я в любое время на посту, поэтому лезу в карман, нащупывая скользкий, как рыба, корпус аппарата. Это Тайпан. Конечно, он не записан в моей телефонной книге, да и фамилия у него не совсем такая, но очень похожая, и он знает, что ему нельзя звонить на этот номер со своего, и от этого телефон в моей руке становится ещё холоднее. Не сегодня. Тайпан ждал очень долго, подождёт ещё. Говорят, он тоже баллотируется в президенты, но я не знаю, зачем ему это. Я понимаю, что он делает мне одолжение, звоня со своего личного, но мне просто нечего ему сказать.

А вот и дом. Пятна света от фар пляшут на кирпичной стене, на полосатых светоотражателях шлагбаума. Даю таксисту слишком много, даже для щедрого пьяного клиента. Он резко газует, чтобы я не успел одуматься.

Подъезд величественный, как древнегреческий храм, сплошные пилястры и капители. Лестничная клетка скупо освещена, моя длинная тень стелется от лифта до двери. Как обычно, у дверей сидит соседский кот, безволосый и складчатый, как мошонка. Алкоголь настигает меня, как только я переступаю порог квартиры, сил хватает только на то, чтобы раздеться и повалиться на кровать.

Конечно, я не заводил будильник, поэтому мне очень долго казалось сквозь сон, что где-то во дворе играет странная музыка, словно готтентоттский оркестр стучит в барабаны и дует в костяные флейты. Это мой телефон. Сегодня официальный выходной, но у людей моей профессии не бывает выходных.

– Да, – говорю я преувеличенно бодрым голосом.

– Ахурамазда, – полковник Кирпонос неправильно ставит ударение, зато выходит в рифму. – Ты ещё валяешься? Марш на работу.

Одно из условий моей работы – я всегда должен быть на связи и по первому сигналу являться по месту службы. Этот идиот, который своими сообщениями о ложных минированиях уже два месяца терроризировал город, выбрал крайне неудачное для меня время – похмельное субботнее утро.

– Уже выхожу, – бодро докладываю я полковнику.

Времени и желания на то, чтобы позавтракать, нет, поэтому я просто пытаюсь привести себя в человеческое состояние с помощью краткого ледяного душа. На часах восемь утра.

Машину вчера я оставил возле Конторы, поэтому добираться придётся на такси или метро. Я выбираю пешую прогулку и прохладу подземки.

Ещё от выхода я вижу яркие полосатые турникеты и милиционеров, расставленных за ними, как егеря на медвежьей охоте. Безобразный торговый центр находится в окружении, небо с бегущими по нему облаками отражается в панелях из матового чёрного стекла. Я показываю ближайшему милиционеру своё удостоверение, и он отодвигает турникет. Ищу взглядом своих, и не могу найти. Иду мимо кинологов и не могу упустить случая потрепать ближайшего ко мне пса за ухом. Я вижу что ему приятно, хотя он только открывает пасть и вываливает язык, розовый, как пятка стриптизёрши. Этого ньюфаундленда берут на все вызовы, и я пару раз угощал сигаретами его хозяина, круглолицего сержанта. Вот и сейчас я протягиваю ему изрядно помятую пачку. Он оглядывается, не видит ли начальство, но берёт сигарету.

– Как обстановка? – спрашиваю я и начинаю чесать пса за другим ухом.

– Вроде, что-то нашли, – говорит сержант, пряча сигарету в карман. Конечно, он не решился закурить в такой обстановке. Мне всё равно, поэтому продолжаю гладить пса, зарываясь пальцами в густую чёрную шерсть.

– Бомба? – тихо спрашиваю я.

Сержант пожимает плечами.

На меня ложится чья-то тень. Полковник Кирпонос присаживается рядом, и мы гладим собаку в четыре руки, как будто играем сложную фортепианную пьесу. Ньюфаундленд делает вид, что так и должно быть.

– Хорошая собачка, – говорит полковник. Он тяжело встаёт, с трудом разгибаясь, его объёмный живот почти касается земли. Я тоже поднимаюсь, но медленнее, чем мог бы, чтобы не обижать своего начальника. Пёс уводит сержанта к микроавтобусу. Мимо проходит сапёр в защитном костюме, неуклюжий, как водолаз, вытащенный на сушу. В руке у него жёлтый контейнер, по форме напоминающий бидон для молока. Это локализатор взрывного устройства, странно, что его переносят вот так просто, без предосторожностей.

– Они почти на сто процентов уверены, что там сахар, – говорит полковник. – Но блок питания, таймер и детонатор настоящие, собраны по рабочей схеме.

Полковник ведёт меня в здание через боковую дверь, мы спускаемся по крутой, слабо освещённой лестнице и попадаем в подвальный коридор – дешёвая отделка, подвесные потолки со следами потёков воды. В дальнем конце коридора толпа людей и опять полосатые ленты.

Полковник – старый друг моего отца. Может быть, именно это помешало ему стать генералом.

На месте обнаружения работает сразу несколько групп экспертов, вокруг огороженного лентой пятачка толкучка, как в чёрную пятницу в «Икее». Вижу Сигизмунда Брониславовича, нашего профайлера. В подвале пахнет пылью, воздух здесь очень сухой. Мы с полковником останавливаемся, не доходя до ленты, Сигизмунд Брониславович подходит к нам. Место преступления залито белым светом

переносных прожекторов, и фигура приближающегося профайлера, подсвеченная со спины, выглядит просто демонически, словно низвержение падшего ангела, потерпевшего поражение в борьбе с всевышним.

– Почему мы не надели бахилы? – спрашиваю я у Кирпоноса.

– Они уже собрали образцы на лестнице и в коридоре.

Ни я, ни полковник не карлики, но Сигизмунду Брониславовичу мы едва достаём до плеча.

– Ну, как? – спрашивает полковник.

Профайлер морщит огромный лоб. У него всё карикатурно большое – рот, нос, глаза, уши, морщины.

– Пока присматриваюсь, – говорит профайлер. У него одна и та же туалетная вода вот уже тридцать лет, он пропитался ею насквозь.

– Что видишь? – спрашивает полковник.

Профайлер мотает головой. Даже с его чутьём и опытом тут нечего сказать. Немного позже, уже в Конторе, в тесном и тёмном зале, где проходят общие собрания, Сигизмунд Брониславович облекает свои смутные догадки и мысли в форму слов, которыми щедро делится с нами. Мы – это вся группа, прилежно замершая за маленькими столами, на которых едва умещается блокнот и карандаш. Эмма уже раздала нам листки с предварительными результатами криминалистического осмотра, и заняла своё место чуть сбоку от меня, на последнем ряду. Если чуть скосить глаза, я вижу её объёмный силуэт, качающей головой в такт словам профайлера. По слухам, она раньше работала в президентской службе протокола, кажется, я даже видел её пару раз на видео, где она и ещё несколько девушек помогали первому лицу государства сажать деревья и убирать арбузы. Правда, тогда Эмма весила килограммов на двадцать пять меньше. Из-за лишнего веса она ушла из протокольной службы и попала к нам, так как была дипломированным юристом. Несколько наших парней делали вялые попытки позвать её на свидание, но Эмма пресекала это на корню. Лично мне нравятся женщины постарше, так что я всегда смотрю ей в глаза, не опуская взгляд ниже подбородка, и не пытаюсь глупо шутить. Может, именно поэтому сейчас она и села рядом.

Я отвлекаюсь и слушаю профайлера краем уха. Спины сидящих впереди Зуя, Герцика и Васи надёжно защищают меня от укоризненных взглядов полковника Кирпоноса.

Я чуть поворачиваю голову – так и есть, Эмма старательно записывает. Она не похожа на француженку, и, в отличие от своей тёзки Бовари, разборчива в своих знакомствах. Я, например, и не знаю, есть ли у неё кто-нибудь. Надо будет спросить Зуя, он знает всё и про всех. Хотя какое мне дело, думаю я, это опять действительность прорывается сквозь меня, пытается раздавить и уничтожить, размазать, как масло по бутерброду. Хотя сравнение неточно, моя действительность не танк, не ураган, не огромная, лязгающая шестерёнками машина, она не подавляет, не корёжит и вообще никак механически не воздействует. Это, скорее, кислота, даже не концентрированная, а просто слабый растворитель, безвредный в малых количествах. Но, когда ты ежедневно и ежесекундно им окружён, даже не окружён, а погружён в него с головой, то он растворяет тебя, безжалостно и без остатка.

Профайлер умолкает, и мы все идём смотреть видео. В кабинете у полковника на столе кучей свалены несколько внешних жёстких дисков, мы подходим по одному, и полковник каждому вручает по накопителю. Я получаю свой диск, и чувствую, насколько он тяжёл от переполняющей его информации.

В кабинете душно, но я не открываю окно. Ноутбук я тоже не включаю, у меня есть идея получше. Я встаю из-за стола и по длинному коридору иду к кабинету полковника. Говорят, в нашем здании до революции располагался публичный дом, и поэтому у нас такие маленькие кабинеты и тесные коридоры. Я громко стучу, дожидаясь, пока полковник Кирпонос рявкнет: «Войдите!» Я говорю, что возьму видео домой, чтобы смотреть все выходные. Полковник кивает. Его компьютер выключен, он просто сидит, положив руки на стол и сплетя пальцы.

– Ты давно общался с родителями? – спрашивает вдруг полковник.

Я пожимаю плечами.

– Недели две назад.

На самом деле прошло уже больше трёх недель. Не знаю почему, но мне стыдно признаться в этом полковнику.

– Ты звони им почаще, – говорит полковник. – Они, всё-таки, уже не очень молодые.

Полковник ёрзает на кресле. Колёсики скрипят по ламинату, и я уверен, что под столом уже протёрты глубокие бороздки.

Я киваю. Полковник опять скрипит креслом, словно намерено пытается его сломать.

Когда я выхожу из кабинета, он тихо говорит:

– Надеюсь, ты когда-нибудь сможешь с ними увидеться.

Рядом с моей машиной припаркован серебристый «гольф» Васи, и я с удовлетворением отмечаю, что его лобовое стекло капитально засрано голубями, а мой «мерседес» чист, как крыло ангела. Мимо проходит группа туристов, машет руками и говорит на непонятном языке. Что они забыли в нашем упадочном городе? Меня всегда удивляло, зачем они к нам едут. Я могу понять тех, кто едет пощекотать свои нервы в казино, или пообщаться с легкодоступными девушками, но что тут делать остальным? За природой глупо ехать в душный мегаполис. Находясь в центре Европы, становясь постоянным полем боя и испытывая влияние разнородных сил во всех сферах, мы создали очень немного того ценного, что смогло перешагнуть национальный уровень. А как могло быть иначе, если даже с поисками национальной идентичности мы испытываем огромные проблемы.

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА НАЗАД МЫ МОГЛИ ЧТО-ТО ИЗМЕНИТЬ ВОКРУГ СЕБЯ И В САМИХ СЕБЕ, НО ПРОСТО ПОТРАТИЛИ ВРЕМЯ НА СОЗДАНИЕ ОДНОГО ГИГАНТСКОГО СИМУЛЯКРА РАЗМЕРОМ С ГОСУДАРСТВО, ПРИЧЁМ ГЛАВОЙ СИМУЛЯКРА ОКАЗАЛСЯ ЗЛОБНЫЙ И МСТИТЕЛЬНЫЙ ПАРАНОИК.

К сожалению, на этих узких улицах не разогнаться. Сейчас я наедине с музыкой, для меня не существует ни машин, ни пешеходов. Точно так же в конторе и чувствую свою избранность, даже элитарность. Мне плевать, что другие обходят меня по службе, им никогда не стать таким, как я. И я точно знаю, что не стану таким, как они. На этом перекрёстке красный горит долго, и я могу отвлечься от руля. Поворачиваю голову налево, и вижу торжествующий взгляд Тайпана. Его изображение немного неровно наклеили на дверь маршрутного такси, и вид у него слегка демонический, да и шрифт слогана, призывающего голосовать за кандидата, подобрали уж слишком вычурный. Ни за что не стал бы отдавать свой голос за такого. Типичное лицо казнокрада и сластолюбца. Впрочем, на контрасте с прочими баллотирующимися крепкими хозяйственниками

может и проскочить, тем более что я тоже мог его наблюдать среди сборщиков арбузов государственной важности, только на заднем плане.

Маршрутка, как ей и положено, резко стартует, как только загорается жёлтый. Я аккуратно трогаюсь и вижу, как маршрутка, перестраиваясь между рядами, подъезжает к остановке. Тайпан тоже умеет лавировать, иначе не стал бы из простого торговца, держащего несколько точек по продаже овощей и фруктов, основателем и владельцем крупного ритейлера. Может возникнуть вопрос, зачем такому важному человеку я – маленькая и не очень важная шестерёнка в правоохранительном механизме нашей страны. Но из таких шестерёнок, встроенных в разные уровни государственной машины, такие как Тайпан создают собственные механизмы. Со стороны кажется, что большая махина, буксуя и плюясь маслом и паром, работает и блюдёт интересы государства, а на самом деле в выигрыше оказываются подобные Тайпану, сумевшие связать действующие шестерёнки, колёсики, валы и шкивы собственной невидимой системой кинематических связей.

В таких раздумьях я подъезжаю к дому. Я совершил ошибку, и Тайпан меня не отпустит, пока я не сделаю то, чего он хочет. Всё сплелось в один огромный липкий холистический ком, гораздо больший, чем простая сумма составляющих его случайных совпадений. Некоторое время назад я в составе группы ребят из конторы участвовал при задержании одного коррупционера, крупного чиновника министерства здравоохранения, курирующего закупку медицинского оборудования для больниц. Я опоздал и явился уже в самом конце, когда увели взяткодателя, когда маленький скрюченный коррупционер, давясь рыданиями, давал показания, обессиленно привалившись к стене. Зуй по-хозяйски расположился в кресле, разложив на столе бланки протокола и диктофон.

– Костя, возьми купюры крупным планом, – руководил он.

На столе, рядом с листами протокола были аккуратно разложены купюры, почему-то швейцарские франки, голубые, как апрельское небо.

Хозяин кабинета немного успокоился, затребовал адвоката. Вместо адвоката ему принесли стакан воды, и он неловко обхватил его скованными руками, смешно вытягивая губы, чтобы попить. Зуй руками в перчатках собрал купюры в аккуратную стопку и упаковал в пакет для улик, затем отдал пакет кому-то из помощников.

– Ладно, заканчиваем.

Взяточника увели, опера тоже смылись, остались только я, Зуй и оператор.

– Костя, будь другом, – ласково сказал Зуй, – сходи вниз, принеси мою сумку из машины.

Костя, ворча под нос, пошёл на выход. Я смотрел на портрет президента, висящий над столом, и подумал, что было бы неплохо привлечь его как свидетеля, ведь он явно видел всё, что происходил в этом кабинете.

– Покарауль тут, – сказал Зуй, – я схожу отолью. Любопытных гони на хрен.

– Сюда никто не сунется.

Зуй кивнул и вышел, плотно закрыв за собой дверь. Я продолжал смотреть прямо в хитро прищуренные глаза президента. Как оказалось, он видит не всё. И зачем ему такая массивная рама? Обычно в чиновничьих кабинетах портрет первого лица заключён в аскетичную узкую рамку серебристого или золотистого цвета (чёрная не допускалась), а здесь прямо ампирная рама из золочёного натурального дерева, украшенная витиеватыми пальметтами. Я протянул руку и чуть отодвинул раму от стены. Мне пришлось прижаться щекой к шершавым обоям, чтобы заглянуть за край

и увидеть там конверт из жёлтой крафт-бумаги, приклеенный скотчем к реверсу портрета прямо возле типографского штампа. Ничего себе, подумал я. Наверное, ребята не тронули портрет из чувства благоговения. Только зачем клиент прятал конверт именно здесь? Обычно такие конверты устало стряхивают в ящик стола, как хлебные крошки, оставшиеся после сытного обеда.

Я услышал шуршание за дверью и едва успел вернуть картину на место, как в дверь протиснулась голова Зуя и сказала:

– Постой тут ещё пару минут, надо сбегать в машину. Костя что-то не может сумку найти, дверь надо опломбировать.

Зуй исчез ещё до того, как я успел кивнуть ему в ответ.

Это знак, подумал я, и к тому времени, как вернулся мой товарищ со всем необходимым, я равнодушно стоял у окна спиной к двери, пялясь в экран смартфона. Конверт, засунутый в рукав моего тренча, согревал метафизической теплотой богатства мой левый бок.

– Давай, – сказал Зуй. – Хватит в телефоне залипать.

Он наспех наклеил на двери специальную пломбировочную ленту, поставил печать и расписался витиеватым росчерком.

Зуй, в виду хорошего настроения, расщедрился и подкинул меня до дома. Обычно, когда мы ездили на служебной машине, он высаживал меня у метро. В этот раз он даже улыбнулся и помахал мне рукой, как будто я простил ему крупный долг.

Поднимаясь в квартиру, я чувствовал лёгкое возбуждение, как от эйфоретиков. Впервые я совершил такой крупный служебный проступок, но никакой вины не ощущал. Треск разрываемого конверта в тишине квартиры прозвучал неожиданно громко. Толстая пачка серых банкнот, которые все по привычке называют зелёными, заполняла собой всё внутреннее пространство конверта, но под надорванным клапаном я нащупал ещё что-то тонкое, но более широкое, чем деньги. Я повернул руку и отогнул надорванный край. Какая-то старая книжка в мягком потрёпанном переплёте, цветом лишь чуть-чуть светлее конверта.

Я аккуратно извлёк из конверта небольшую книжку с истрёпанными краями. М. Кузмин, «Форель разбивает лёд», значилось на обложке поблёкшими синими буквами. Книжке больше девяноста лет, зачем она нашему взяточнику? Я бегло перелистал хрупкие страницы. Я слышал о Кузмине, но стихов наизусть, конечно, не учил. Но всё же эта книжка неспроста оказалась у меня в руках вместе с кучей денег. Название сразу запало мне в душу, я сразу представил сильную блестящую рыбу, одним упругим ударом своего тела разбивающую хрупкий весенний лёд, чтобы глотнуть кислорода после вялой зимней неподвижности. Вся моя жизнь так же неподвижна и безжизненна, и я так же безуспешно бьюсь о её холодный и скользкий лёд в поисках какого-либо смысла.

Но я отвлёкся. Главное всё же деньги. В общем, наш взяточник был только одним из звеньев в длинной цепи распределения финансовых потоков, которую выстроил Тайпан, среди всего прочего занимавшийся поставками медицинского оборудования и медикаментов. Спустя пару недель, после того, как я неожиданно разбогател, в мой выходной день мне на мессенджер с неизвестного номера прислали короткое видео не очень хорошего качества. Не понимаю, как мы могли проворонить камеру, установленную в кабинете, ведь наша контора проводила полную проверку. В ролике, снятом откуда-то из-под потолка и сзади, я играл главную роль, и все мои манипуляции с портретом президента

просматривались очень хорошо. Можно было прикинуться дураком и рассказать, что в конверте была всего лишь старая книга полузабытого ныне поэта-гомосексуалиста, вот только человек, позвонивший мне спустя несколько часов, точно знал о содержимом.

Позвонил сам Тайпан, не кто-то из его многочисленных помощников. Оказывается, он был знаком с моим отцом ещё с девяностых годов, когда открывал первые киоски на Комаровке, а папа работал замначальника районного отдела милиции.

– Вы, видимо, не для того звоните, чтобы вспоминать молодость, – сказал я. – Я тогда ещё в школу ходил.

Тайпан очень тактично упомянул о конверте и деньгах.

– Есть небольшая проблема, – сказал я. – Я уже почти всё потратил.

– Да, красивая машина, – сказал Тайпан, – то, что нужно для молодого парня.

– Я выставлю её на продажу. Может, салон заберёт её обратно. Я думаю, в течение двух-трёх месяцев верну ваши деньги по частям, – сказал я. – Вы, кажется, богатый человек.

– Я рад, что сын моего знакомого благодаря этому маленькому казусу будет ездить на хорошей машине. Я даже рад, что ты оказался не таким благоразумным, как твой отец. Деньги меня не интересуют.

– А что интересует? – тихо спросил я и встал с дивана.

Тайпан вкратце рассказал, что от меня требуется. Если меня поймают, потянет лет на восемь. Уничтожение улик – это не хер собачий, знаете ли.

– Я не буду этого делать. Я верну деньги.

– Деньги меня не интересуют, – мне показалось, что его голос звучит устало. – Ты это сделаешь, или видео окажется у твоего начальника, у его начальника, у нескольких конкурирующих организаций и твоего отца. Поверь, он будет огорчён. Мягко говоря.

– ТЫ ЭТО СДЕЛАЕШЬ, ИЛИ ВИДЕО ОКАЖЕТСЯ У ТВОЕГО НАЧАЛЬНИКА, У ЕГО НАЧАЛЬНИКА, У НЕСКОЛЬКИХ КОНКУРИРУЮЩИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ТВОЕГО ОТЦА.

К счастью то, что требовал Тайпан, было не очень срочным, и я принялся делать то, что умею очень хорошо – тянуть время.

Я сомневался, что его пигмейская в политическом смысле фигура заинтересует силовиков, но Тайпан продолжал меня напрягать. Всё это могло закончиться любым исходом, поэтому я решил предупредить отца.

Вот уже почти десять лет мы общаемся только онлайн, раз в неделю выходим на связь по субботам. Был четверг, отец сразу понял, что что-то случилось. Я старался не смотреть в камеру и аккуратно подбирать слова, когда рассказывал. Отец не перебивал, я был рад, что мамы сейчас не было рядом с ним. Закончив, я нашёл решимость посмотреть на экран.

Отец погрустнел и немного отодвинулся от экрана. Нас разделяли не только сотни километров, но и время, которое мы провели порознь. Он сам был создателем и порождением той системы, которая изгнала его из страны десять лет назад, оставив в заложниках сына. Оставив службу в органах, отец занялся бизнесом, стараясь делать это честно и не использовать административный ресурс. Несколько лет всё шло хорошо, но осведомлённость отца о некоторых делах конца девяностых, когда действующий президент перекраивал конституцию и всю вертикаль власти под себя, попутно самыми разными способами устраняя тех, кого считал политическими противниками, создавала трения при взаимодействии

с административными органами. Со временем трения вылились в проверки, предписания и штрафы. Запахло сфабрикованным уголовным делом. Отец понял, что работать он больше не сможет, и эмигрировал из страны. В общем, отца, маму и сестру отпустили, а я остался. За несколько недель до их отъезда у нас с отцом состоялся долгий сложный разговор. Их выпустят, только если я останусь. Отцу сказали, что лучше смогут контролировать его поведение, если я, молодой начинающий следователь, останусь здесь. Мне запрещён выезд за границу; отец, мать, сестра и её семья не могут приехать сюда. Даже мне иногда бывает здесь одиноко.

– Ты совершил ошибку, – сказал отец. – Выходов у тебя немного.

Он понимал, что я позвонил ему не за советом, а для того, чтобы предупредить, чтобы то, что с большой вероятностью произойдёт дальше, не стало для него сюрпризом.

– Я разберусь, папа, – сказал я.

Мы поговорили ещё немного.

– Когда-нибудь и мы с тобой… – сказал он и замолчал.

– Конечно, – сказал я.

Мы попрощались. Он наверняка ничего не станет говорить маме, надеясь, что всё обойдётся.

Я могу просто включить ноутбук и несколько часов посвятить просмотру записей с камер видеонаблюдения, не думая ни о чём. Уже через десять минут у меня начинает рябить в глазах от мельтешения машин и людей в кадре. Но я честно сижу и смотрю на экран, пока у меня не начинает болеть глаза и шея.

На улице летние сумерки, и я вспоминаю, что холодильник пуст, нужно заказать доставку. Шарю по сайтам, но меня ничто не заинтересовывает. Я переключаюсь обратно на записи с камеры, и в мыслях внезапно наступает прояснение. Я не могу описать это по-другому, кажется, это именно то, что буддисты и называют «дзен». Я вижу, как на экране монитора проезжает серая бесцветная машина с тёмной полосой на борту. Я знаю, что она принадлежит службе доставки, и, пока я смотрел ролик, я видел их раз пятьдесят. Я знаю, что эти машины оборудованы видеорегистраторами, и если затребовать эти записи, результат может получиться гораздо значительнее, чем от просмотра чёрно-белого видео с плохонькой камеры, висящей непонятно где.

Несколько часов следующего утра я трачу на то, чтобы добраться до руководителя службы доставки. Я гоняюсь за директором, пока не припираю к стенке на какой-то овощебазе. Тут холодно, работают кондиционеры, но директор взмок от пота, будто отработал несколько сетов в тренажёрном зале, не снимая своего красивого костюма. Я по-быстрому, пока он не обделался, объясняю, что мне нужно. Он смотрит меня, не понимая. Я повторяю снова, и его лицо расцветает неподдельно радостной улыбкой.

– Час назад мы отдали все записи одной из ваших сотрудниц.

Люди моей профессии должны хорошо владеть собой, но я не люблю, когда кто-то меня опережает. Я мысленно перебираю всех коллег-женщин, работающих по этому делу, но картинка не складывается.

– Сотрудниц? – переспрашиваю я.

Директор кивает и говорит:

– Да, такой пышечке.

Он явно повеселел, и в подтверждение своих слов рисует руками в воздухе что-то вроде контрабаса – широко, узко, широко.

Вот, значит, как. Эмма меня обскакала. Я знал, что она неглупая девушка, но она не следователь, у неё нет ни интуиции, ни опыта, ни ремесла. Любая работа, в том числе и наша – ремесло, азы которого медленно впитываются в плоть с первых дней работы.

Вот такие мысли проносятся в моей голове, пока я добираюсь от овощебазы до офиса. Улицы переполнены предвыборной агитацией, кажется, в этот раз всё будет не так, как мы привыкли. Проезжая мимо супермаркета, я паркуюсь. Я знаю, что Эмма любит «рафаэлло», постоянно украдкой таскает их из ящика своего стола, и я решаю сделать ей маленький подарок. В конце концов, мне придётся её просить посмотреть записи.

В кабинете её нет, и я терпеливо обхожу все возможные закутки конторы. Эмму я нахожу в маленьком кабинете у дальней лестницы, который мы иногда используем, чтобы поработать с документами. Эмма поворачивается на звук открывающейся двери, и за её плечом я вижу угол монитора. У Эммы очень серьёзный вид и минимум косметики. Она очень внимательно смотрит, как я закрываю дверь.

– Не помешал? – спрашиваю я.

– Отнюдь, – отвечает она, помедлив.

Не знаю, слышал ли я раньше, чтобы кто-нибудь вживую при мне произносил это слово. Я разворачиваю свёрток и протягиваю девушке коробку конфет. Кажется, мне удалось её смутить.

– Вот, – говорю я, – это тебе.

Она неуверенно берёт конфеты, и я случайно касаюсь её пальцев.

– Сильный ход, – говорит Эмма. – С чего бы это?

Важно с самого начала выбрать верный тон, чтобы она поняла, что я с ней не флиртую, что с уважением отношусь к тому, что она раньше меня догадалась о записях с регистраторов машин доставки.

– Я хочу посмотреть записи с видеорегистраторов, – говорю я. Эмма хочет что-то сказать, протестовать, защитить своё право на профессионализм, но я успеваю добавить раньше:

– Я хочу тебе помочь. Я не претендую на твои заслуги. Ты молодец, что догадалась раньше всех.

Она молча смотрит на меня, гадает, хочу я обмануть её или нет. Конфеты тихонько шуршат в коробке, как мыши. У неё яркий маникюр, больше подходящий легкомысленной первокурснице, чем работнице нашего строгого учреждения.

– Я пришёл с миром, – неудачно пытаюсь пошутить я, но девушка неуверенно, но искренне улыбается.

– Ты тоже догадался, – говорит она, отодвигая стул, чтобы я мог взять другой и сесть рядом.

– А ты как додумалась? – спрашиваю я, пока девушка копирует файлы на флешку в виде миньона из американского мультика. Я, болван, свою забыл.

Лицо её сосредоточено, и она не замечает моего взгляда. Её близость меня волнует.

– Мне досталась камера, снимающая рампу, – отвечает она, – и эти машины подъезжали через каждые полчаса. Невозможно было не заметить.

Я с пониманием киваю. Мы оба молча смотрим на зелёную полоску, конфеты отставлены на дальний край стола. А мне хочется, чтобы она взяла моё угощение, попробовала, причмокнула от удовольствия.

Эмма тоже чувствует себя неловко, это видно по тому, как она ёрзает на стуле, как старается не смотреть в мою сторону, какое серьёзное у неё лицо. Наконец, наши мучения заканчиваются, полоска исчезает, и девушка отдаёт мне смешную флешку. Напоследок мне удаётся поймать прямой взгляд.

– Полковнику пока говорить не буду, – говорю я, – и тебе пока не советую. Может, это пустышка.

Эмма слабо улыбается и кивает, и я покидаю её убежище, оставив её с ноутбуком и конфетами.

Теперь, если мы с Эммой случайно пересекаемся в коридоре, то переглядываемся, как сообщники. Иногда вечером, когда мне становится

скучно в одиночестве, я отправляю ей ничего не значащие сообщения, и мы недолго переписываемся. Мне нравится, что она пишет без ошибок и без ненужного жеманничанья.

На записях нет ничего полезного. Иногда я замедляю видео, когда какая-нибудь деталь кажется мне интересной, но это просто игра моего воображения, тот человек, который привлёк моё внимание, оказывается обычным пешеходом, идущим мимо по своим пешеходным делам.

Перед выборами творится какой-то хаос. Кажется, в этот раз действующему гаранту конституции придётся несладко. И вот уже один из кандидатов в следственном изоляторе, другого вот-вот задержат, деятельность третьей усиленно проверяют. В соперниках у главы государства Тайпан, школьная учительница, директор совхоза и ещё пара кандидатов сходного политического веса. На этой вытоптанной полянке есть место только для одного танцора. Страна явно наблюдает обострение того, что древние римляне называли кесаревым безумием – одной из форм психоза, проявлявшегося в патологической жестокости, вызванной полной безнаказанностью. Если после выборов не изменится ничего, мне остаётся только быстро спиваться, самый приемлемый для меня вариант.

СТРАНА ЯВНО НАБЛЮДАЕТ ОБОСТРЕНИЕ ТОГО, ЧТО ДРЕВНИЕ РИМЛЯНЕ НАЗЫВАЛИ КЕСАРЕВЫМ БЕЗУМИЕМ – ОДНОЙ ИЗ ФОРМ ПСИХОЗА, ПРОЯВЛЯВШЕГОСЯ В ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ ЖЕСТОКОСТИ, ВЫЗВАННОЙ ПОЛНОЙ БЕЗНАКАЗАННОСТЬЮ.

От грустных мыслей отвлекает горячая новость – наш взрывник опять проснулся и сообщил о минировании вокзала. В этот раз я не выезжал на место, полковник сказал, что народу там хватает и без меня. Нам добавили ещё десятка два человек из других отделов, когда выяснилось, что в этот раз использован не муляж бомбы, а настоящий тротил. Всего двести граммов, но настоящий, с настоящим взрывателем, спрятанный в подземном переходе к платформам в урне для мусора.

На работе начался настоящий рагнарёк. Мы работаем практически круглыми сутками, изнемогая от потоков стекавшейся к нам информации. Даже добираясь до дома ближе к полуночи я нахожу в себе силы смотреть записи, которые дала мне Эмма. Мне не хватает той свойственной ограниченным людям ясности мышления и уверенности в будущем, которую я наблюдал у большинства своих сослуживцев. Нужно чего-то поесть, мне всегда трудно заснуть на голодный желудок, как бы я ни намотался за день. Я ставлю видео на паузу и медленно иду на кухню в поисках еды.

Возле микроволновки я вижу забытую мной книжку, мой улов в мутных коррупционных водах. Я беру её, пролистываю. Стихи не находили отклика в моём сердце. Но когда я видел «Форель разбивает лёд», напечатанное на обложке, корешке или первой странице, моё сердце ёкало. Творчество – это тоже форма освобождение, наверняка и автор этих стихов знал об этом.

Я откладываю книжку и возвращаюсь с бутербродом к ноутбуку и включаю видео. Я жую интенсивно, так, что изображение на экране слегка подёргивается, и когда маленькая деталь привлекает моё внимание, я не могу рассмотреть её с первого раза. Водитель выворачивает к рампе, стоит поздний вечер, и в свете фар среди плотно стоящих мусорных баков на какой-то микроинтервал

времени проявляется серая ссутуленная фигура.

Пытаясь прикрыть рукой глаза от слепящего света фар, и одновременно стараясь спрятаться за мусорными баками, Зуй на секунду сфокусировал свой взгляд на объективе видеорегистратора. Я узнаю его сразу, даже зернистость изображения не может заронить во мне ни грана сомнений. Я нажимаю клавишу, машина едет дальше, и Зуй растворяется во тьме, как будто его и не было.

Оставшуюся часть ночи я просматриваю видео, но мой лимит везения на сегодня исчерпан. Я видел, как Зуй направляется к месту будущего теракта, но на записях нет того момента, как и когда он уходит.

В офис я приезжаю за полтора часа до начала работы, иду сразу в комнату для работы с документами и резко распахиваю дверь. В руках у меня две порции крепкого кофе и бумажный пакет с крок-месье и крок-мадам. Эмма даже не вздрагивает, просто оборачивается и смотрит на меня усталыми и грустными, как у бассета, глазами. Я даю ей стаканчик с кофе и протягиваю пакет.

– А что это? – заинтересованно спрашивает она.

– Попробуй.

Крок-мадам приходится ей по вкусу. Он ещё горячий, и Эмма дует на него, смешно надувая щёки.

– Странно, что яйцо кладут в крок-мадам, а не в крок-месье, – замечаю я.

Она съела завтрак аккуратно, не проронив ни крошки, а моя рубашка усыпана ими, как будто я собрался кормить голубей из её складок. Я втыкаю флешку в разъём ноутбука и говорю:

– Смотри.

Мы смотрим видео раз, другой, третий, пятый, и Эмма молчит. Потом она включает своё видео, запись с видеорегистратора другой машины. На этом видео, снятом уже в глубокой темноте, в другом конце двора торгового центра, мы наблюдаем тёмную фигуру в плаще, в которой знающие люди смогут опознать Зуя.

– Давно ты это увидела? – спросил я.

– Вчера вечером, – ответила Эмма.

– А чего вчера не позвонила.

– Не была до конца уверена, что это он.

Но это был он. Теперь мы видим, как сотрудник силовых структур за четыре дня до того, как об этом станет известно, посещает место будущего теракта.

– Что будем делать? – спрашивает Эмма.

У меня нет однозначного ответа. Зуй как-то замешан во всём этом, но видео – слишком легковесное, мало что значащее доказательство. Эмма отдаёт мне флешку и повторяет:

– Так что будем делать?

Что бы сделал на моём месте полковник Кирпонос?

Пожалуй, полковник, установил бы слежку за Зуем, чтобы получить больше данных для анализа. Конечно, мы с Эммой не будем переодеваться в спортивные костюмы и нести посуточную вахту у подъезда Зуя, следить за его автомобилем и играть в шпионов. Просто поставим маячок на его машину и несколько дней последим за его перемещениями, а потом посмотрим.

Через пару часов я стою у окна и смотрю, как Эмма идёт по парковке мимо ряда машин. Краем глаза я слежу за коридором, куда выходят несколько дверей, в том числе и кабинет Зуя. На окне разводы от недавнего дождя, и сквозь них я вижу, как Эмма неловко ставит ступню в туфле на шпильке, которая попадает в шов между плитками, и на мгновение девушка теряет равновесие, и бумаги разлетаются по парковке, залетая под стоящие рядом машины. Эмма нагибается, и я вижу, как её песочного цвета брюки сексуально натягиваются на её

объёмистом заду, и меня переполняет желание. Несколько секунд девушка шарит под одной машиной, потом под другой, достаёт пыльные бумаги, а перед моими глазами маячат её идеальные, геометрически совершенные ягодицы.

Теперь мы можем следить за Зуем. Вернее, мы знаем, куда он ездит на машине, ведь времени на постоянную слежку у нас нет, потому что руководство загружает всех по полной, так как считает, что в работе произошёл явный прорыв. Нас собирают в зале совещаний и показывают видео, как плохо различимый человек в кепке и медицинской маске проходит по длинному коридору торгового центра, на несколько секунд задерживаясь у ящика пожарного крана. На записях камер с вокзала вроде бы виден тот же самый человек, и возле пожарного ящика на вокзале он тоже задерживается, и, кажется, проводит по нему рукой. Про себя я отмечаю, что на Зуя он не похож.

На Эмме строгий брючный костюм, пиджак застёгнут, но мой взгляд пытается проникнуть за вырез блузки. Я не узнаю себя, пусть секса у меня давно не было, но Эмма младше меня лет на восемь минимум, и я не помню, когда меня последний раз интересовала девушка моложе меня. Мы вместе смотрим маршрут вчерашних перемещений. Дом, работа, дом, ничего интересного. Кажется, жизнь Зуя скучнее моей. Мне хочется спросить, зачем она ушла из службы протокола.

– Извини, мне нужно отойти, – говорю я.

В коридоре пусто, рабочий день закончился, но все сидят по кабинетам. Я иду в туалет, и долго умываю лицо холодной водой. Догадывается ли она о моих мыслях? Словами я ничего не высказывал, но женщины чувствуют это без слов. Лицо уже почти высохло, а я всё ещё стою у умывальника. Пахнет хлоркой, и швы между плитками потемнели от времени. И кран тут течёт, в самом сердце госбезопасности.

Я возвращаюсь в нашу каморку, и Эмма сразу говорит:

– Смотри!

Она явно возбуждена, но это не моё посвежевшее умытое лицо её возбудило. Она показывает мне ноутбук, и я вижу, что вчера в 23:14 Зуй выехал из дома, провёл в пути семнадцать минут и остановился у круглосуточной СТО. Провёл там двадцать две минуты и вернулся домой той же дорогой, что приехал, и больше никуда не уезжал.

Вырваться с работы сразу двум специалистам даже после окончания рабочего дня непросто. Я что-то наплёл Кирпоносу, и тот нас отпустил.

Возле машины я на секунду мешкаю, не стоит ли открыть ей дверь, но Эмма опережает меня и справляется сама. Сажусь следом, пристёгиваюсь, краем глаза вижу, как Эмма пытается расположить ремень безопасности между своих грудей.

– У тебя красивая машина, – говорит она.

У нас неудобная маленькая парковка, поэтому я внимательно смотрю по сторонам.

– Да, неплохая, – говорю я. И зачем-то добавляю, – Собираюсь её продавать.

Я выруливаю с парковки, ныряю под начинающий открываться шлагбаум. На улицах пустынно, палевые летние сумерки опускаются на город.

– Зачем продавать? Она тебе больше не нравится? А как музыку включить? – Эмма задаёт подряд слишком много вопросов. Я включаю ей радио, и на некоторое время девушка отвлекается, перелистывая радиостанции. Находит какую-то нейтральную европейскую попсу, делает громче. Почему-то меня это не раздражает.

Нам ехать около двадцати минут, и постепенно мы снова начинаем болтать о пустяках. Мы оба пытаемся не замечать собственное нервное напряжение. Мы идём по следу как настоящие ищейки, и след этот горяч и пахнет Зуем. За окном мелькают окраинные районы, серые и однообразные, как жизнь. Пяти- и девятиэтажки, старые кварталы, много зелени.

– А я вон в том доме родилась, – показывает Эмма куда-то направо.

Даже если бы я и смог различить среди одинаковых домов тот самый, он сразу скрывается за стеной таких же.

– А ты из какого района? – спрашивает Эмма.

Мне приходится немного рассказать про детство, родителей, и, чтобы упредить расспросы, вкратце рассказать о том, где они живут сейчас. Девушка снова умолкает, и в молчании мы подъезжаем к громадине станции техобслуживания, сияющей рекламными огнями, как стриптиз-клуб на второразрядном курорте. Кроме СТО, тут и большой торговый центр по продаже автозапчастей, автомойка, шиномонтаж, офисы в аренду, пиццерия и чёрт знает что ещё.

Мы выходим из машины и идём к входу. Я открываю перед Эммой дверь, на ходу извлекая своё удостоверение из кармана. Внутри машин не много, работников тоже, но, пока Эмма идёт по коридору, все мужские головы поворачиваются ей вслед. Мы идём к небольшой стеклянной будке, где сидит менеджер. Я через стекло показываю ему своё удостоверение, чтобы избежать лишних расспросов. Менеджер неохотно впускает нас внутрь и опускает роллету над стеклом. В уголке его рта зубочистка. Эмма уже показывает ему на телефоне фото машины Зуя и задаёт необходимые вопросы. Я молчу, не мешаю.

– Вот, – говорит менеджер спустя некоторое время, – он был у нас вчера вечером.

Для верности он разворачивает к нам экран компьютера, на котором из-за отсвечивающих потолочных ламп почти ничего невозможно разобрать.

– Ага, – говорю я, – а что за неисправность устраняли?

Менеджер поворачивает монитор обратно и отвечает:

– Корректировка концевого выключателя капота. Ноль целых три десятых нормочаса.

Я СМОТРЮ НА ЭММУ. КАЖЕТСЯ, ОНА НЕ ПОНИМАЕТ, ЧТО ДЛЯ УСТРАНЕНИЯ ЭТОЙ НЕИСПРАВНОСТИ НЕ СТОИЛО НА НОЧЬ ГЛЯДЯ ЕХАТЬ НА СТО.

Я смотрю на Эмму. Кажется, она не понимает, что для устранения этой неисправности не стоило на ночь глядя ехать на СТО.

– Вы вчера работали? – спрашивает Эмма.

Менеджер качает головой и разводит руками.

– А где клиенты ожидают выдачи заказов?

Менеджер пожимает плечами.

– Обычно ремонт занимает больше времени, и клиенты идут в магазин, или на улицу. Если что-то срочное, могут ждать прямо здесь, или выйти в коридор через заднюю дверь. Там есть кофеавтомат.

Мы с Эммой выходим в зал, залитый светом ламп. Я осматриваюсь вокруг, среди машин, подъёмников, людей и инструментов. Мои туфли смешно квакают при ходьбе по наливному полу. Мы идём вдоль стены, и я вижу ящик пожарного крана, метрах в тридцати – ещё один. Я верчу головой и вижу в этом зале восемь пожарных ящиков. Эмма подходи к ближайшему, дёргает ручку, дверца открывается. Я вижу большой красный

огнетушитель в нижнем отделении и серый, аккуратно свернутый пожарный рукав в верхнем.

– Проверь эти, – говорю я, – а я пойду к тем.

Наверное, около получаса мы тщательно осматриваем эти краснобелые ящики, перебираем накопившийся там мусор. У меня даже возникает желание размотать по полу пожарные рукава, но здравый смысл подсказывает, что Зуй вряд ли бы смог это сделать это на глазах у работников СТО. Ко мне подходит Эмма.

– Ничего нет, – говорит она. Раньше я не замечал, но у неё на лице проступают веснушки, которые она, кажется, запудривает.

– Если надо, мы проверим все шкафы в этом сраном здании, – говорю я.

Мы идём к менеджеру, который за это время сжевал зубочистку наполовину.

– Может, проверим камеры? – говорит Эмма по пути.

– Если ничего не найдём. Тут камер нет, а внешние вряд ли нам много дадут.

Менеджер рассматривает пожёванную зубочистку с неподдельным интересом, как, наверное, юный бобёр смотрит на первое поваленное им дерево.

– Вы что-то говорили про кофеавтомат. Покажете, где это? – говорю я.

Менеджер показывает на железную дверь в углу зала с зелёной табличкой «Выход». Мы подходим, открываем её и оказываемся в длинном пустом слабо освещённом коридоре, куда выходит ещё несколько дверей. Перед поворотом коридора мигает разноцветными огнями кофейный автомат. Рядом с ним пожарный ящик, в другом углу коридора второй.

– Будешь кофе? – спрашиваю я Эмму.

– А давай, – говорит она.

Монетки бряцают в моём переднем кармане, надеюсь, их хватит на две порции напитка, потому что бумажник остался в машине.

– Выбирай, – говорю я.

Я кормлю автомат монетами, он подмигивает мне, как будто мы с ним заодно, Эмма нажимает кнопки. Пар шипит, в воздухе пахнет кофе. Со стаканчиком в руке я подхожу шкафу пожарного крана и тяну за ручку.

– Подожди, – говорит Эмма, – тут что-то торчит.

Может, зрение у неё лучше, может, она просто моложе, а может, женщины действительно смотрят и видят по-другому, замечают больше мелких деталей. Я бы никогда не заметил маленькую, свёрнутую в несколько раз бумажку, которую кто-то втиснул в щель между дверцей и корпусом ящика. Человек, боле глазастый, чем я, заметил бы, но подумал, что это сделано, чтобы дверца ящика не открывалась. Я залпом выпиваю кофе и выбрасываю стаканчик в урну.

– У тебя длинные ногти, – говорю я Эмме.

– Вообще-то, они стоят сорок долларов, – говорит она и добавляет: – со скидкой для постоянных клиентов.

Пока я обдумываю, что ответить на её слова, Эмма, аккуратно ставит свой кофе на пол, стягивает правую перчатку, протягивает руку и длинными чёрно-белыми ногтями цепляет бумажку и вытаскивает её из щели.

– Подержи, – говорит она.

Я держу бумажку за уголок, а Эмма вновь надевает перчатку, так что ногти почти протыкают тонкий нитрил, и забирает бумажку обратно. Очень медленно, стараясь прикасаться только к краям, она раскрывает бумагу по сгибу один раз, потом ещё и ещё.

– Что это? – спрашивает Эмма. Всё это время она всматривается в лицевую сторону нашей находки. Я подхожу к Эмме, по пути задеваю поставленный ею на пол стаканчик

и разливаю кофе по полу. Несколько капель попадают на левую туфлю Эммы, но она даже не дёргается.

Я заглядываю Эмме через плечо и смотрю на фотографию у неё в руках. Картинка маленькая, много мелких деталей, и пока взгляд фокусируется, а мозг собирает кусочки воедино, я на долю секунды могу прислушаться к собственным ощущениям. Я не знаю, чего ожидать. Может, это вообще случайная ненужная бумажка, которую уборщица воткнула в щель ящика, потому что ей надоела постоянно открывающаяся дверца.

– Это паркинг, – говорю я. – В моём районе, кстати.

На фото колонны и перекрытия стоянки, разные уровни раскрашены в разные цвета. Обычная цветная распечатка, неплохого качества, адрес на здании читается хорошо.

– И что это значит? – спрашивает Эмма. – Это следующий объект?

Я отступаю на полшага и говорю:

– Не знаю. Чтобы узнать, нужно положить её на место.

Эмма продолжает держать фотографию, а я своим телефоном делаю снимки с близкого расстояния, обеих сторон. Потом девушка аккуратно складывает бумагу, ровно по линиям сгибов и засовывает её на прежнее место, в узкую щель между дверцей и боковой стенкой пожарного ящика. Напоследок я фотографирую ящик и говорю Эмме:

– Пойдём.

Мы уходим прямо по коридору и очень скоро оказываемся на улице. Мы идём к машине, и выходим из светлого круга, который отбрасывает освещение торгового центра. Мы переходим на тёмную сторону, и молча идём к следующему пятачку света, который маячит вдалеке. Эмма медленно идёт рядом, и я надеюсь, что она специально замедляет шаг. Я почти останавливаюсь, и Эмма, задумавшись, утыкается мне в правое плечо. Наши руки на секунду соприкасаются, но я не могу позволить себе удержать её ладонь.

Фонарь и дорога всё ближе, и я начинаю продумывать маршрут поездки. Я не знаю, в каком районе живёт Эмма, и я уже почти открываю рот, чтобы спросить, как девушка говорит:

– Может, сходим куда-нибудь, выпьем по чашке кофе?

Подавляю в себе первое желание – сказать девушке что-нибудь безобидное, но грубоватое. Я не верю в возможность нормальных отношений для себя, ведь вокруг всё ненормальное, извращённое, искалеченное, как в Австралии, где вместо нормальных зверей выживают какие-то сумчатые ехидны, утконосы и тасманийские дьяволы. Вот и вокруг меня очень много тасманийских дьяволов, они просто бродят вокруг меня стаями, и я слышу их утробное ворчание по ночам.

Эмма стоит и смотрит на меня.

– Конечно, – говорю, – давай. Только я слабо знаю этот район.

Эмма улыбается, и я хочу улыбнуться в ответ, но не улыбаюсь.

– Я покажу дорогу.

Мы садимся в машину и уезжаем в темноту. Тасманийские дьяволы гонятся за нами, но у них короткие мохнатые лапы, и всё, что они видят – это габаритные огни «мерседеса».

Они настигают нас в каком-то кафе, куда привела меня Эмма. Тут тихо, темно и уютно, пахнет пряностями. Мы садимся за свободный столик, которых в это позднее время тут полно. Просто преступление – пить кофе в такой атмосфере. Над нами склонился официант, которому девушка, немного стесняясь, заказала бокал сухого вина и лёгкую закуску.

– Водки, – говорю я, немного подумав. – Сто граммов. И что-нибудь горячее. На ваш выбор.

Выпивку нам приносят одновременно, а девушка получает свою закуску

раньше. Мы чокаемся, и не говорим о деле. В тарелке у Эммы что-то овощное, зелёное, красное и розовое, она ест с явным аппетитом.

– Это что – креветки? – спрашиваю я.

Девушка кивает. Кажется, один из тасманийских дьяволов забрался под наш столик, и крутится у моих ног, задевая их своими боками.

– Извини, – говорит Эмма, – мои ноги никуда не помещаются.

Я рассказываю ей о своём детстве, и мне приносят еду. Тарелка девушки опустела, и она периодически бросает взгляды на мою. Я наливаю себе, мы выпиваем. Я пододвигаю тарелку девушке и говорю:

– Хочешь попробовать?

Мне нравится, что она не ломается, а сразу берёт вилку. Мимо пробегает наш официант, бросая на меня нескромные взгляды. Я поднимаю руку, даря ему нежданную надежду. Я заказываю ещё вина Эмме, а себе ещё сто. Губы Эммы блестят, она сосредоточенно жуёт, медленно двигая челюстями. Она прекрасна.

– Вкусно, – говорит она.

Действительно вкусно. Я начинаю жевать и чувствую, что сильно проголодался.

– Давай закажем ещё, – говорю я девушке, которая снова взялась за вилку.

– Не надо, я на диете, – отвечает она и тыкает вилкой в мою тарелку, как гарпунёр острогой в спину какой-нибудь белухи.

Приносят алкоголь. Щёки у Эммы покраснели, да и я чувствую приятную расслабленность. Теперь Эмма рассказывает мне смешные истории, и иногда они действительно забавны. Кажется, мы остались одни в кафе, только официант снуёт среди абажуров где-то на периферии моего взгляда.

Эмма водит пальцем по столу, явно чертит карту Тасмании. Дьявол опять высунул голову из-под дивана, почувствовал что-то родное.

– Послушай, – говорю я Эмме, заполняя возникшую в её рассказе паузу, – а правда, что ты когда-то работала…

Я вспоминаю, как правильно называется служба протокола, но девушка сразу же отвечает:

– Да, правда.

Она допивает вино, и начинает говорить.

Раньше она весила пятьдесят два килограмма, при росте сто семьдесят три. Тому, на чьих мероприятиях ей предстояло работать, нравились высокие стройные девушки. Сначала служба протокола показалась ей интересным приключением, вроде поездки к первобытным племенам в амазонскую сельву. Эмма ходила, улыбалась, танцевала, сидела на трибуне, улыбалась, размахивала флагом, убирала картошку, обнималась с ветеранами, фотографировалась и снова улыбалась. К счастью, наниматель не остановил на ней своё августейшее внимание, и другая девушка из службы протокола стала депутатом, ещё одна вошла в наблюдательный совет крупного банка, третья получила квартиру и орден. Уже через пару месяцев Эмма не испытывала ничего, кроме омерзения. Фальшивая улыбка не налезала не её лицо. От каждого мероприятия в окружении колхозно-милицейского истеблишмента её выворачивало. На балу выпускников ей пришлось танцевать вальс со своим работодателем, и ей стало не по себе. Она знала, что последует потом. Эмма взяла отпуск и начала есть. За три недели она набрала девять килограммов. Костюмеры были недовольны. Эмму записали в спортзал и посадили на диету, но она продолжала набирать вес. Наниматель морщился, джинсы не налезали и трещали по швам. Её обследовали в больнице, но ничего не нашли. В очереди на работу в службе протокола стояли новые девушки. Через три месяца

Эмма тихо уволилась, но истеблишмент своих не бросает. Так она и попала к нам.

Я её не перебиваю, даю выговориться. Пока девушка рассказывает, я знаком показываю официанту принести ещё выпить. В глазах у Эммы стоят слёзы, но всё никак не могут скатиться по щеке. Ненавижу, когда женщина плачет. Официант приносит выпивку, забирает пустую тарелку. Кажется, я зря завёл этот разговор. Чувствую, что мне нужно в туалет, извиняюсь и встаю из-за стола.

В туалете мою руки тщательно, словно держал в руках не любимую часть своего тела, а старый грязный топливный шланг. Из-за шума воды, я не слышу, как дверь туалета открывается, и Тайпан появляется у меня из-за спины молча и бесповоротно, как стихийное бедствие. Я даже не пугаюсь, продолжаю смывать мыльную пену с ладоней. Делаю это долго, смеситель шумит, и пока течёт вода, Тайпан не сможет говорить. Один – один.

Но ничто не может длиться вечно, даже власть нашего президента. Я выключаю воду и сразу подношу руки к электросушилке. Она ревёт, как самолётная турбина, и ладони быстро высыхают. Я поворачиваюсь к Тайпану. Всё это напоминает какой-то голливудский нуар середины пятидесятых, не хватает только широкополых шляп.

Странно, я не чувствую никакой угрозы. Кандидат в президенты должен ходить с охраной. Я не следил за последними событиями, но, кажется, больше никого не посадили. Баллотирующийся на шестой срок не видит в Тайпане угрозы, просто технический кандидат для массовки, статист, которому на политической сцене не доверят сказать даже: «Кушать подано».

Тайпан смотрит мне в глаза.

– Я скажу только один раз, – говорит он, – ты должен сделать то, что мне нужно, до выборов. Иначе твоя девушка умрёт.

– Она не моя девушка, – отвечаю я, поворачиваясь лицом к Тайпану.

– Мне плевать, – говорит он с лёгкой усмешкой, – Я знаю, что это твоя коллега, и вы общаетесь. Если не хочешь, чтобы с ней случилось нехорошее, сделаешь то, что я сказал.

Тайпан разворачивается и уходит, а я остаюсь стоять, глядя на медленно закрывающуюся дверь.

Я ещё раз умываю лицо и руки, жду, пока вода высохнет, и потом выхожу. Эмма сидит за пустым столиком, из-под меню торчат купюры. Девушка расплатилась и готова уходить. При виде меня она неуверенно встаёт, и я, кажется, знаю, куда делась недопитая мною водка.

– Ты готова? – спрашиваю я.

Эмма кивает и, обходя меня по большой дуге, идёт к выходу. Я иду за ней, думая, чем это закончится.

На улице свежо и темно. Эмма пытается достать телефон из кармана, но он постоянно застревает. Я мягко кладу руку ей на локоть и говорю:

– Погоди, я вызову.

Если верить приложению, у нас пять минут. Ненавижу пьющих девушек, но обожаю пьяных. Эмма прижимается ко мне и кладёт голову на плечо. Я не позволю, чтобы с ней что-то случилось. Если люди Тайпана наблюдают за мной из темноты, то им всё станет понятно.

Приезжает такси, облепленное разноцветными наклейками.

– Куда тебя отвезти? – шепчу я Эмме в ухо. Мы продолжаем медленно кружиться на пятачке у входа в кафе.

– Поехали к тебе, – говорит Эмма.

В такси она кладёт голову мне на плечо, и делает это так естественно, словно каждый вечер я отвожу её к себе домой именно таким образом. Будь на её месте кто-нибудь из моих подружек, моя рука давно бы уже путешествовала по самым горячим южным областям, но с Эммой такая мысль даже не приходит мне в голову.

Вот и мой дом. Я тихонько толкаю Эмму в бок.

– Что, уже? – спрашивает она.

Мы выходим, такси медленно уезжает. Эмма рассматривает двор, деревья, шлагбаум, мусорные баки.

– Пойдём, – говорю я.

Девушка идёт уверенно, немного впереди меня. Когда мы заходим в подъезд, она говорит:

– Миленько.

В ЛИФТЕ Я ИСПОДТИШКА НАБЛЮДАЮ ЗА НЕЙ. МНЕ ХОЧЕТСЯ ОБНЯТЬ ЕЁ, ПРИЖАТЬСЯ ГУБАМИ К ГУБАМ, НО ЭММА РАССМАТРИВАЕТ КНОПКИ ЭТАЖЕЙ, КАК БУДТО В НИХ ЗАШИФРОВАНО ДЛЯ НЕЁ ПЕРСОНАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ.

В лифте я исподтишка наблюдаю за ней. Мне хочется обнять её, прижаться губами к губам, но Эмма рассматривает кнопки этажей, как будто в них зашифровано для неё персональное сообщение.

Я извлекаю ключи из кармана пиджака, звеня ими, как кентервильское приведение цепями. Эмма смотрит мне в глаза и говорит, ткнув острым пальцем в мою грудь:

– Учти, у нас сегодня ничего не будет. Не воображай себе.

Я пожимаю плечами:

– Как скажешь.

Иногда проще восстать из мёртвых, чем просто утром открыть глаза. Просыпаюсь, не понимая где я и что со мной. Спальня переполнена утренним светом, вчера я забыл задёрнуть шторы. У меня затекло всё тело, а шею мою обнимает рука Эммы. Она громко сопит мне прямо в ухо, и от неё исходит лёгкий приятный запах перегара. Эрекция тут как тут, я шевелю ногой, и девушка просыпается. Она не отталкивает меня в притворном испуге, а просто медленно убирает руку и переворачивается на спину, подтягивая одеяло к подбородку.

– Который час? – спрашивает она.

– Доброе утро. Половина шестого.

Я беру телефон с полки возле кровати. Всего два пропущенных от полковника, и батарея почти села. Эмма трёт глаза, совсем как маленький ребёнок. Я сажусь на постели, прикрываюсь одеялом и набираю номер.

Полковник говорит мало и быстро прекращает разговор. Взрыв в торговом центре, том самом, куда мы ездили вчера. Ничего серьёзного, просто дымовая шашка, никто не пострадал. Я пытался вставить в разговор хоть полслова, но не сумел. Набираю Кирпоноса раз, другой, третий.

– Что у тебя? Только быстро, – с четвёртого раза всё-таки удаётся дозвониться.

– Мы были в этом центре вчера вечером, с Эммой. На СТО.

На том конце трубки молчание. За спиной у меня а, кажется, она встаёт.

– Зачем? – спрашивает полковник.

Мне нужно быть внимательным и очень осторожным.

– Проверяли одну версию. Вроде пустышка.

– Вроде? – переспрашивает полковник.

– Пока ничего определённого.

– Так чего ты мне голову морочишь? – полковник бросает трубку, фоном я слышу обрывок тяжёлого ругательства.

Я наскоро привожу себя в порядок и одеваюсь. Эмма ходит по квартире и изучает книги в моём шкафу. На ней по-прежнему мой халат.

– Ванная свободна, – говорю я.

Эмма принимает душ долго, с наслаждением. Я успеваю сварить кофе и приготовить несколько тостов. Пока готовлю, я думаю. Полковнику пока не время знать про Зуя, который

явно замешан в этом деле. Рано или поздно информация всплывёт, и тогда я расскажу Кирпоносу всё, что знаю.

Девушка выходит из ванной в облаке пара и с мокрыми волосами.

– Не смогла найти у тебя фен, – говорит она.

– У меня его нет. Садись кофе пить.

Мы проверяем, как там Зуй. Ничего необычного – дом, работа. Пора собираться и нам. Совсем как муж и жена, мы крутимся в прихожей, бегаем из кухни в ванную и обратно.

– Слушай, – говорит она, – у тебя тут ни второй зубной щётки, ни кремов, ни шампуней, ни косметики. Ты не разрешаешь девушкам оставаться на ночь?

– Предпочитаю ночевать у них сам. Такси вызывать?

Девушка задумывается.

– Давай, – отвечает она. – Мне нужно заехать домой переодеться. Я не могу появиться на работе во вчерашнем.

– Какой адрес? – спрашиваю я, гладя экран смартфона. Эмма называет.

– У нас три минуты.

– А ко мне они приезжают минимум через десять.

Мы молча спускаемся, такси ждёт нас за шлагбаумом. В машине пахнет застарелым куревом, мы едем к Эмме. Она быстро переодевается, и уже ничем не напоминает себя вчерашнюю.

Мы останавливаем такси за квартал до конторы. Эмма уходит вперёд, а я медленно плетусь сзади. Сразу иду к полковнику. Дверь в кабинет открыта, постоянно кто-то входит и выходит, носит какие-то бумажки. Улучив минуту, рассказываю Кирпоносу о нашей вчерашней поездке, не вдаваясь в лишние детали. Работайте дальше, говорит он. Я иду в свой кабинет, обитель одиночества и печали. В коридорах беготня, я замечаю Зуя. Вид у него усталый. Я сдержанно киваю ему и засовываю ключ в замочную скважину.

Сразу понимаю, что здесь побывали. В шкафу лёгкий беспорядок, ноутбук сдвинут на край стола, переполненная корзина для бумаг в другом углу. Поверх разбросанных на столе как попало бумаг лежит агитационная листовка с большим портретом Тайпана. «Голосуйте за будущее!» написано на ней. Я комкаю качественную жёсткую бумагу и сую листовку в карман. Своё будущее я создаю сам.

Террорист не даёт мне покоя. Я не понимаю, чего он хочет добиться, взрывая дымовые шашки. Судя по тому, что промежутки между терактами сократились, и до выборов осталось меньше двух недель, мы скоро всё узнаем. Можно поймать Зуя, приковать к батарее и под угрозой кастрации выяснить у него всю правду, но это не мои методы. Есть маленький шанс, что он всё-таки на стороне правды и хочет предотвратить что-то страшное.

Я выхожу из кабинета, и сталкиваюсь с Эммой.

– Ты куда? – спрашивает она.

– По делу.

– Я поеду с тобой.

Я бы взял её с собой, но мне нужно побыть в одиночестве, подумать.

– Тебе лучше остаться здесь. Полковник задавал лишние вопросы.

Пока ещё не неё имя полковника действует, как надо. Эмма умолкает и провожает меня печальным и влюблённым (я надеюсь) взглядом. Дежурный на входе недобро смотрит мне вслед.

Есть проблема – машина моя осталась возле кафе. Я прикидываю, что добраться до неё, а потом до паркинга чревато потерей драгоценного времени, и я решаю проехаться в метро.

От станции идти минут десять. Вот тут, если я сверну налево, а не направо, я попаду домой, но и дома мне не укрыться. Сама жизнь требует от меня решительных действий. Я должен, как та форель, пробить лёд,

иначе он укроет от меня Эмму и моё будущее.

К счастью паркинг небольшой, всего три уровня. Значит, пожарных кранов не больше десяти-пятнадцати. Будка охранника пуста, шлагбаум поднят, ворота открыты. Я иду на нижний, самый сумрачный этаж. Машин немного, и, несмотря на то, что паркинг построен недавно, он производит впечатление полузаброшенного. Надпись на ближайшей стене напоминает мне, что текущий рейтинг действующего президента всего 3%. Я подхожу к первому пожарному ящику, покрытому толстым слоем пыли и приступаю к осмотру, надев перчатки. Здесь темно, и я включаю фонарик на телефоне, работать приходится одной рукой.

Только сейчас я понял, что минёр на записях с вокзала и торгового центра шёл к конкретному пожарному крану. Они все пронумерованы, и на том, который осматриваю я, наклеена красная единица. Обращал ли кто-нибудь внимание на этот факт? А какой номер был у ящика, который мы осматривали с Эммой? Помнит ли она? Можно ей позвонить, поговорить, послушать, как звучит её голос. Но не время сентиментальничать, я всё сделаю сам.

За полчаса я обхожу два уровня. Мокасины мои покрылись пылью, и, кажется, я стал лучше видеть в темноте. По лестнице я поднимаюсь на верхний уровень, на крышу паркинга. Начинает моросить мелкий дождь, а на парапете сидит огромный голубь и смотрит на меня. Кажется, это витютень.

– Гули-гули, – говорю я, выключая фонарь на телефоне. Я забыл его зарядить, и теперь у меня двенадцать процентов заряда. Голубь открывает клюв, но ничего не говорит.

Тут, наверху, ни одной машины. Я подхожу к первому ящику и провожу рукой по кромке двери, веду по часовой стрелке сверху вниз, и у самой петли задеваю какой-то выступ. Длинных ногтей у меня нет, но есть перочинный нож, всегда в моём кармане. Я раскрываю лезвие и поддеваю им что-то белое, тонкое, свёрнутое. К моим ногам падает сложенная во много раз бумага. Поднимаю, разворачиваю. Мелкие капельки мороси оседают на женской фотографии. Я держу в руках фотографию женщины с очень знакомым лицом. После того, как одного кандидата в президенты посадили в СИЗО, а другой уехал из страны, именно эта женщина, простая учительница, мать троих детей стала основным конкурентом действующего президента. Теперь, видимо, он хочет, чтобы в соперниках остались только Тайпан и ещё три технических кандидата. Кажется, паранойя зашла слишком далеко. Зуй ведёт слишком опасную, слишком сложную, слишком не по зубам ему игру. Может быть, Зуй хочет, чтобы всё осталось по-прежнему, может, просто выслуживает звёздочки на погоны или новую должность, или всё вместе. Но я хочу изменений, хочу, чтобы наше людоедское государство во главе президентом, кичащимся своим хамским плебейством, и кагебистсколизоблюдской хунтой у его ног перестало существовать, аннигилировало, рассосалось, как скучная мятная конфета, прекратилось, как воспаление атеромы.

Я прячу фото женщины в карман, и натыкаюсь на листовку. Теперь моей рукой двигает само Провидение, именно так, с большой буквы. Даже, наверное, все буквы большие. Я достаю Тайпана из темноты. Он немного помялся, но выглядит неплохо, самодовольно и узнаваемо. Я укрываю учительницу в своём кармане, где до неё никто не сможет добраться. Листовку Тайпана я тщательно складываю, уплотняю, разглаживаю. Изнанка листовки белая, а душа у Тайпана чёрная.

Голубь на парапете начинает издавать глухое бульканье, будто хочет меня подбодрить. Надо же, я думал, он давно улетел.

Я запихиваю сложенную в миллиард раз бумагу в щель между корпусом и дверью ящика, оставляя на поверхности ровно два миллиметра. Для уверенности несколько раз провожу пальцами по результату своей работы. Идеально. Голубь, вроде бы, тоже доволен. Он наклонил голову и смотрит на меня. В таких делах свидетелей оставлять нельзя, но его я пощажу. Птица мира, как-никак.

В Конторе у меня не очень приятный разговор с Эммой. Кажется, подозревает, что я что-то от неё скрыл. Полковник занят, к нему я вообще не собираюсь заходить.

Через три дня все электронные, телевизионные, радио и печатные средства массовой информации разрывает новость – известный бизнесмен, меценат, кандидат в президенты, друг детей и т. д. и т. п. погибает от взрыва газа в собственном особняке. Несколько дней других тем для разговоров просто нет. Даже президент сквозь усы выдавливает что-то сочувственное.

ЧЕРЕЗ ТРИ ДНЯ ВСЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ, ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ, РАДИО И ПЕЧАТНЫЕ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ РАЗРЫВАЕТ НОВОСТЬ – ИЗВЕСТНЫЙ БИЗНЕСМЕН, МЕЦЕНАТ, КАНДИДАТ В ПРЕЗИДЕНТЫ, ДРУГ ДЕТЕЙ И Т. Д. И Т. П. ПОГИБАЕТ ОТ ВЗРЫВА ГАЗА В СОБСТВЕННОМ ОСОБНЯКЕ.

Предстоит ещё объясняться с Эммой, которой я не должен говорить ни слова правды. Если всё будет так, как нужно мне, она не узнает ничего.

По пути к метро звонит Эмма.

– Ничего, – говорю я, – я ничего не нашёл.

– Ты внимательно смотрел?

Женщина остаётся женщиной, бестолковый мужчина не может даже обыскать пожарный ящик.

– Да.

Она говорит ещё что-то, но я отвечаю:

– Я скоро буду, тогда и поговорим.

Захожу в метро, во всём теле непонятная лёгкость. Я не чувствую никаких угрызений совести, наоборот, мне кажется, что я сделал что-то хорошее, правильное. В метро прохладно, в это время мало людей. Я прислоняюсь к надписи «Не прислоняться» и закрываю глаза. Я уверен, что Тайпан меня больше не потревожит, нужно только немного подождать.

В день взрыва Зуй просто исчезает, не появляется на работе, жена в истерике, руководство недоумевает. Он просто исчез, пропал, растворился, канул в Лету. Вот по поводу Зуя совесть меня всё-таки немного покусывает. Умом я понимаю, что он стал просто пешкой в игре, в которой не мог победить. Сделал неверный ход и оказался под боем более сильной фигуры. К счастью, Эмма ничего не заподозрила, ведь на паркинге ничего не произошло. Я никогда ей не расскажу о случившемся.

Я много раз думал, как Зуй всё это провернул, по личному желанию или по велению кого-то сверху? Нашёл на форуме какого-нибудь ветерана горячих точек, обработал, убедил в серьёзности своих намерений, может, сказал, что работает в силовых структурах и может оказать содействие. Если у Зуя был хозяин, он тоже не доищется правды.

До выборов остаётся четыре дня, сегодня в гости должна приехать Эмма.

Кулинар из меня неплохой, но большую часть еды я заказал в ресторане. Главная часть ужина – хорошее шампанское – давно охлаждается. Меня включили в группу, которая занимается пропажей Зуя, и теперь у меня есть допуск к его почте, соцсетям и облачному хранилищу. Я знаю, что нужно искать, я чую это, как хорошая ищейка, берущая след. Может быть, где-то далеко человек, умеющий обращаться с взрывчаткой ждёт сигнала. Я знаю, что есть ещё один человек, от вида которого на экране меня начинает тошнить, и этот человек в ответе за многое произошедшее со мной и моей семьёй, и многими другими людьми. Найти его фотографию в высоком разрешении не проблема. Завтра я буду весь день искать в контактах Зуя маленькую ниточку, незаметную, как паутина. Она там есть, и я найду её. Может, не завтра, может, через неделю. Выборы в нашей стране не решают ничего, поэтому к конкретной дате я не привязан. И вот когда я найду эту ниточку и потяну за неё, я подумаю, что мне делать дальше. Один клик мышкой – и фото улетит по просторам интернета. Я буду сильно думать, сделаю ли я этот клик. Форель ударила хвостом первый раз, и хочет ударить ещё. Движение жизни остановить невозможно, а в данном случае история – это и есть сама жизнь. Но я подумаю об этом после, сейчас я могу думать только об Эмме.

Домофон начинает пиликать, и я иду к двери. Никто не знает, что будет дальше.

АНДРЭЙ ЛАТЫГОЛЕЦ

НІКОЛІ НЕ ПРЫРУЧАЙ ЗВЕРА

Цяпер ужо дакладна ніхто і не ўзгадае, калі людзі пачалі зачыняцца ў сваіх кватэрах-логвішчах і выходзіць на двор бліжэй да вечара, як толькі зоры на небе запальвалі трывожныя сігнальныя маячкі, нібыта і там, у далёкіх галактыках і сонечных сістэмах, адбылося штосьці жахлівае і Сусвет, бы змовіўшыся, пасылаў сюды – на Зямлю – мірыяды паведамленняў SOS.

Ванька таксама не памятаў, калі тое было. Ужо як з год ён прызвычаіўся рабаваць краму па суседстве. Яшчэ напярэдадні глабальнай пандэміі гаспадар «Прадуктоваага» павесіў на дзверы замок і змыўся ў нявысветленым кірунку.

Добра, што крама знаходзілася пад самым акном Ванькінай двухпакаёўкі, і ён у свой час нядрэнна пасябраваў з Элькай, тлустай прадаўшчыцай, якую пры выпадку любіў ушчыкнуць за дупу; нават колькі разоў прыводзіў да сябе на гэтак званую «палачку гарбаты». Цяпер жа здавалася, тыя часы прайшлі, як і не было. Дзе ўжо зараз тая таўстазадая прадаўшчыца Элька і негаваркі гаспадар Эдзік?

Неяк, падчас чарговага рандэву, Элька на п'яную галаву прагаварылася, што хавае ключ ад склада ля рампы пад гумавым кілімком, каб раніцай хутчэй адчыняць дзверы і ўрэшце дзе-небудзь не згубіць яго, – дурная задума, але няхай гэта будзе на яе сумленні. Не дзіва, што адразу пасля таго, як свет пайшоў на скрут, а ў краіне ўсцяўся сапраўдны пярэпалах – Ванька прыбраў ключ сабе.

Зараз жа вокны ў краме павыбівалі і шчыльна абрабавалі яе невялікае прастакутае памяшканне. Да складу ж ніхто дабрацца не даўмеў. Ніхто, акрамя Ванькі.

Добрая справа. У жыцці яму асабліва ніколі не шанцавала. У школе яго цкавалі за знешні выгляд: ён панкаваў і фарбаваў свае кучаравыя валасы; у войску даймалі «дзяды», а на працы ён так і не прапіхнуўся далей слесара пятага разраду. Таму, калі пачалася ўся гэтая трасца з вірусам, урэшце і на Ванькавай вуліцы адбылося свята.

Цяпер жыццё біла ключом і хлопцу было ніштавата. Днём ён граў у «плойку», а па вечарах браў сабе пляшку чаго крапчэйшага, глядзеў фільмы і ўжо без энтузіязму мастурбаваў на порна, якое паспеў напампаваць, пакуль канчаткова не злёг увесь Інтэрнэт, амаль адразу з наступствамі сусветнага крызісу і з'яўленнем вампіраў першай хвалі.

Лічылася, што людзі, якія адразу падхапілі і перахварэлі COVID-19, разам з вірусам перанялі ад кажаноў

якісьці дужа небяспечны ген і ўжо праз год пачалі хварэць зноў, паступова адмаўляючыся ад натуральнай ежы. Неўзабаве пачасціліся выпадкі нападаў пацыентаў на звычайных, здаровых людзей, якіх масава дастаўлялі ў шпіталі са шматлікімі ўкусамі па ўсім целе. Потым і наогул пачалося сапраўднае паляванне. Вампіры як з ланцуга сарваліся. Нападалі і кусалі, ледзь запрыкмеціўшы ахвяру. Па дзіўным збегу абставінаў, крывасмокі былі асабліва актыўнымі днём, пад вечар жа, набегаўшыся па вуліцах горада, хаваліся ў цёплых падвалах і адпачывалі, набіраючыся сіл.

Але тут, на сваім раёне, Ванька ўжо даўно іх не назіраў.

Спачатку выходзіў на двор апоўначы, а потым, трохі асмялеўшы, вылазіў пасля шасці.

Яму пашчасціла, напярэдадні закрыцця крамы на склад пад завязку завезлі тавар. Хлопец адразу скеміў, што ўвесь гэты крызіс надоўга, таму зрабіў імгненную рэвізію; падлічыўшы колькасць пітва і ежы, ён вырашыў эканоміць. Браў не больш за паўтара літры алкаголю: піва, чарніла, віна і гарэлкі.

Чыпсы і арэхі скончыліся амаль адразу. Цяпер прыходзілася не грэбаваць і крупамі. Рыбу ён падчысціў за першы месяц.

А калі запасы пачалі сканчацца, бавіў час адной бутэлькай, і тое спрабаваў не дапіваць, каб засталося на другі дзень.

Як і ў гэты раз.

Ён выйшаў на двор пасля дзевяці. Восень ужо набліжалася да зімы і сваімі нахабнымі, халоднымі рукамі пранікала праз вопратку, выклікаючы дрыжыкі і раздражненне.

А ўрэшце добра, што сама па сабе адпала патрэба ў куплі зімовага абутку і капоты, думаў Ванька.

Грошай вялікіх у яго ніколі не вадзілася, а тут старыя бацінкі трэці год даношваў.

Аднак у краму заўжды выпраўляўся ўлегцы, нібыта злодзей. Апранаў ірваныя кеды, каб не пакідаць слядоў, пальчаткі і маску. Усё адно гаспадар не вернецца, а калі, крый Божа, усё ж і надумае аб'явіцца, да Ванькі ніякіх прэтэнзій не будзе. Хіба, што толькі Элька магла выдаць. Аднак хлопец шчыра спадзяваўся, што гэтая тлустая карова, ад якой вечна патыхала тытунем, даўно харчавалася крывёй.

Ванька ціха адамкнуў дзверы. На агульным калідорчыку нікога не было. Суседзі па пляцоўцы, бы сведкі Прышэсця, ад самага пачатку пандэміі амаль ніколі не выходзілі вонкі і нават смецце спраўлялі па вяроўцы цераз акно, прынамсі пры Ванькавай памяці. Як у іх хапала сродкаў на жыццё, ён не ведаў, але яму было дастаткова, што яны ніякім чынам яго не клапацілі, толькі часам грукалі ў батарэю, калі ён дужа гучна слухаў музыку.

На ліфце хлопец не ездзіў, гэта было рызыкоўна. Спускаўся з восьмага паверха па лесвіцы, кожны пралёт прыслухоўваючыся, ці няма каго побач. Часцяком, на чацвёртым паліў Фядун з 36-й кватэры. Той яшчэ даймала.

– Што, зноў вампаў карміць? – дэбільна падцкоўваў Ваньку сусед. Ужо б што новага прыдумаў, крэтын.

– Ды паветрам я падыхаць іду, адчапіся! – у звыклай манеры адказваў яму хлопец.

Але на гэты раз пранесла. У пад'ездзе нікога не было, і ён спакойна сышоў на першы паверх.

Асцярожна адчыніў дзверы. Дамафон выдаў абрыдлы піскучы гук. Ванька хутка прычыніў за сабой і трохі пастаяў на ганку.

На двары было ціха. Крама віднелася адразу цераз дарогу. Невялікае памяшканне з аблезлым ужо надпісам «Прадукты» ў двухпавярховым будынку «ЖЭСа».

Склад знаходзіўся якраз за ім, з тыльнага боку пад'езда.

Хлопец нішком, бы пацук, прашмыгнуў наперад, на імгненне прыпыніўся, зрабіў выгляд, быццам штосьці шукае ў кішэні, на выпадак, калі хто-небудзь глядзеў з акна кватэры на двор, і спрытна забег за брыль будынка. Як заўжды, як і кожны такі раз па выверaным уласным плане.

Добра, што склад размяшчаўся за крамай, ва ўнутранай утуліне будынка, і сюды не дасягалі ніякія дапытлівыя вочы.

Ванька адамкнуў засланку на жалезных дзвярах і павольна, каб шумам і грукатам не прыцягваць да сябе ўвагі, пачаў расчыняць іх. Спярша трэба было адчыніць адну палову дзвярэй, потым другую. Дзверы былі старыя і дужа рыпелі, калі праходзілі па ганку ніжняй часткай папярочкі.

Ванька не спяшаўся і акуратна прарабіў усе неабходныя махінацыі.

Аказаўшыся ўсярэдзіне, ён уключыў святло.

Склад і яго маёмасць былі на месцы. Хто тут яшчэ мог швэндацца? Але хлопец на ўсялякі выпадак рассыпаў па падлозе пачак мукі, каб адразу засведчыць, прыходзіў сюды хто-небудзь ці не.

На шчасце, па муцэ ступалі толькі яго ірваныя кеды.

Ванька ўсміхнуўся самому сабе і напрасткі пашыбаваў да стэлажоў з алкаголем.

Настрой быў выпіць віна. Белае скончылася. Прыйшлося выбіраць з таго, што ёсць.

Узяў чырвонага, айчыннай вытворчасці. Кошт на бутэльцы стаяў шэсць рублёў. Не Іспанія, канешне, але піць можна.

Павярнуў да кансервантаў. Схапіў бляшанку алівак і марынаваных ананасаў.

Пастаяў на месцы і зноў вярнуўся да алкаголю. Піва было на зыходзе, а гарэлку браць не хацелася. Хлопец пачухаў патыліцу і ўчапіў яшчэ адну бутэльку віна.

Вырашыў паспытаць па палове ад кожнай, каб засталося на заўтра і выходзіць не прыйшлося.

Яго ўжо даўно не клапаціла, што ў сітуацыі, якая склалася ў краіне, дый наогул ва ўсім свеце, ён патроху співаўся.

А што вы прапануеце? Мяркуйце самі: на вуліцу выходзіць рызыкоўна, паўсюль сноўдаюць гэтыя вампіры, простыя людзі пазбаўленыя ўсялякай інфармацыі акрамя той, якую падаюць па радыё – усім раяць не высоўвацца, сядзець па сваіх кухнях і радавацца таму, што ўсё не так і дрэнна і ты яшчэ прынамсі жывы.

Ванька не нудзіўся. Яму ўсяго хапала. На працу не трэба. Грашовая неабходнасць адпала сама па сабе. Запасаў на складзе хопіць яшчэ няхай сабе і на год, а там паглядзім.

ЯГО ЎЖО ДАЎНО НЕ КЛАПАЦІЛА, ШТО Ў СІТУАЦЫІ, ЯКАЯ СКЛАЛАСЯ Ў КРАІНЕ, ДЫЙ НАОГУЛ ВА ЎСІМ СВЕЦЕ, ЁН ПАТРОХУ СПІВАЎСЯ.

Ён пагасіў святло. Зачыніў дзверы і, вынурнуўшы з-пад брыля, зразумеў, што забыў апрануць маску.

Як жа хлопец ненавідзеў гэты намордкік. Спачатку ўвялі абавязковым насіць аднаразовыя маскі, потым з усялікімі клапанамі і фільтрамі, пакуль дзялкі ўрэшце не даўмелі рабіць на гэтым бізнес. Ванька насіў маску, якую яму выдалі яшчэ на заводзе і спецыяльна яе не мыў. Што сказаць, ён асабліва і ў вірус гэты не верыў, і ва ўсе наступствы, якія з яго зыходзілі. Ён нават наўмысна хацеў захварэць і на ўласнай скуры адчуць, што ж гэта такое – быць носьбітам, як падавалі ў СМІ, шалёнай і небяспечнай заразы. Аднак ніякая трасца яго не брала. Здавалася, хварэлі толькі тыя, хто рабіў усе самыя неабходныя высілкі, каб засцерагчыся ад небяспкі, а лабідудаў кшталту яго праносіла звышнатуральным чынам.

Ванька плюнуў і ступіў у цемрадзь двара. Па шляху да пад'езда было недалёка – усяго дзесяць-пятнаццаць крокаў і ён ля мэты.

Цень, які шугануў да яго з глыбіні начы, быў невыразным. Спачатку хлопец наогул падумаў, што яму падалося, аднак гэтае звар'яцелае лясканне зубоў і галодны хрып звера адразу абудзілі ў ім інстынкт самазахавання.

Вампір кінуўся на Ваньку знянацку і амаль напаткаў яго. Хлопец паспеў толькі выставіць перад сабой рукі і з усяе моцы мязнуў лоў-кік. Драпежнік адляцеў на метр, а калі праз імгненне пачуліся жаласлівыя ўсхліпы начнога ваўкалака, Ванька зразумеў, што звер быў асобінай жаночага полу.

– Я проста хачу есці... – данесліся да хлопца словы расчараванага кусакі.

Голас вампіра быў крыўдлівы, ад чаго Ваньку стала ніякавата.

Ён ніколі не біў жанчын, і якая тут розніца, пьюць яны кроў ці проста пазбаўленыя логікі.

– Сука, ты хацела мяне пакусаць? – пагардліва кінуў Ванька ў яе бок. – Тут, у маім двары? Адкуль ты ўзялася, брыдота?

– Есці, піць... Дзе ўсе людзі, чаму нікога няма? – скуголіў вампір.

– Курва тупая! Каменданцкая гадзіна! Ты аб гэтым нічога не чула?

Вампір замаўчаў.

– Вось нястача, гэта ж зараз трэба «касманаўтаў» выклікаць. Акты, праверкі. Хто, адкуль? А я, між іншым, віна выпіць хацеў, «Last of us 2» паюзаць, гуся ўрэшце падушыць. Вось жа падла якая! Усе планы на скрут... – пачаў услых жаліцца хлопец.

– Не трэба, – вампір падняўся з зямлі. – Я пайду, мяне тут не было, калі ласка, не кажы нікому!

– Ага, зараз жа...

Ванька ведаў, што без крыві вампіры маглі працягнуць не больш за тыдзень. Аднак колькі ім жыць і харчавацца ў такім рытме, яму было не вядома. Наконт вечнага жыцця хадзілі толькі жарты, маўляў, паглядзім праз гадоў сто, хто з гэтых крывасмокаў застанецца ў тым жа стане.

Хлопец уважліва прыглядзеўся да дзяўчыны. У суцэльнай цемрадзі цяжка было выразна разгледзець яе рысы, але адно ён засведчыў дакладна: дзяўчына была худой і ледзь ліпела на гэтым паўночным ветры і холадзе. І вочы, вочы мігцелі чырвоным агнём, бы ў якойсьці пякельнай коткі.

– Як цябе завуць? – пасля паўзы для прыліку спытаў у яе Ванька.

– Арэвік... – ледзь чутна прамямліла тая.

– Гэта па-вашаму? Вы ўжо і імёны сабе выдумляеце?

– Гэта армянскае імя, ёлуп. Мая маці армянка.

З-за шчыльнай начной заслоны цяжка было адразу ўгледзець яе сярэднеазіяцкія карані. Толькі валасы – чорныя, як смоль, чарнейшыя за гэтую самую ноч.

Хлопец насупіўся.

– Ну добра, Арэвік. Ідзі адсюль і больш не трапляйся мне! Я жыву ў гэтым двары з маленства, не хапала яшчэ, каб якаясьці сіфозніца вірусовая мяне тут пакусала. Пабачу яшчэ раз – так і ведай, засаджу кол між тваіх пляскатых грудзей! Не жартуй з гэтым! Ці чуеш?

Дзяўчына на крок наблізілася да яго.

– Хлопец, вазьмі мяне з сабой.

– Дурня знайшла. Ідзі, пакуль я не перадумаў!

– Ды дазволь хаця б абагрэцца і адпачыць! Мне і ісьці ўжо няма куды…

Ванька паглядзеў у вокны дома. Там-сям гарэла святло. А што, калі хтосьці ўжо сачыў за імі, тым самым засведчыў і выкрыў усе яго рабаўніцтвы і размовы з пракажонай?

– Падыдзеш бліжэй – дам па зубах! – сур'ёзна прамовіў хлопец і павольна пачаў адступаць да пад'езда.

Арэвік з сумам паглядзела, як ён падышоў да дома і сарамліва прашмыгнуў за дзверы.

Па лесвіцы Ванька ўздымаўся з трывогай. Вось дык нястача. Ніколі такога не было і во табе…

Ён зачыніўся ў кватэры і падышоў да акна. Вампіра нідзе не было бачна, відаць, сышоў, але адчуванне страху і неспакою ўжо назаўжды пасяліліся ў Ванькавым нутры. Цяпер на двор трэба было выходзіць хіба што з якой арматурынай. Хлопцу крута пашанцавала, што яго не ўкусілі. Яшчэ б імгненне – і ён труп. Чарговы крывасмок і начны бадзяга.

Вечар быў безнадзейна сапсаваны. Кладучыся спаць, Ванька ніяк не мог пераадолець думку, што ў двары з'явіўся сапраўдны вампір, аб месцазнаходжанні якога ён адразу не паведаміў у міліцыю.

Аднак чорт пабірай, было ў гэтай дзяўчыне штосьці прыцягальнае, і яшчэ гэтыя чырвоныя вочы, бы забаронены плод з райскага саду.

Мастурбуючы ў цемень, хлопец на імгненне пашкадаваў, што не прытуліў яе ў сябе. Яшчэ ні разу ў жыцці дзяўчына так настойліва не прасіліся да яго на кватэру. Няхай і проста дзеля такога, каб паесці і абагрэцца. Д'ябал, няхай нават і тое, што гэтая дзяўчына была інфікаваным вампірам, але з такім дзіўным і прыемным у тутэйшых мясцінах імем Арэвік.

На раніцу ён прачнуўся з цвёрдым усведамленнем, што калі зноўку пойдзе на склад і сустрэне гэтае гаротнае дзяўчо – абавязкова забярэ яе з сабой, як беспрытульнае кацяня. У сучасным глабальным лакдаўне і невядомасці таго, што будзе далей, гэта не такое і дрэннае рашэнне. Прынамсі, не будзе сумна. А можа, калі яму атрымаецца яе ўтаймаваць і прыручыць, Арэвік перастане на яго кідацца? Тым больш на складзе яшчэ былі запасы тушонкі. Ялавічыну Ванька не еў і пакідаў на чорны дзень.

Засталося толькі вынайсці добры план, як незаўважна для ўсіх у доме правесці вампіра ў кватэру, і зрабіць усё неабходнае, каб ніхто не здагадаўся, што з імі па суседстве месціцца крывапіўца.

Але Арэвік больш не прыходзіла. Хлопец сачыў за дваром з акна. Падоўгу затрымліваўся на складзе. Выходзіў пазней шасці, і ўсё дарма. Яе нідзе не было паблізу. Ён нават захаваў у лядоўні колькі бляшанак кількі ў таматным соўсе, мяркуючы, што кансерва часова зможа замяніць ёй кроў, хаця б на візуальным узроўні.

І вось адным вечарам, калі яму надакучыла пільнаваць, з двара пачуўся лямант. Хтосьці моцна крычаў.

Ванька зірнуў у акно і пабачыў, як Сёмка, алкаш з суседняга дома, беспаспяхова спрабаваў адбіцца ад нападаў нечаканага вампіра.

Хлопец хутка збег па лесвіцы на вуліцу і заспеў наступную карціну: Арэвік, асядлаўшы бедачыну-калдыра, сквапна грызла яго за гарляк. Сёмка ўжо паспеў адкінуць капыты і знерухомеў.

Ніхто не прыйшоў яму на дапамогу, мусіць, не адважваючыся выходзіць вонкі, пакінуўшы ахвяру сам-насам са сваім горам. Здаецца, усім было ўсё адно, а мабыць, большасць і наогул лічыла, што Сёмка напіўся і галёкаў на ўвёсь двор без аніякай патрэбы. Падчас пандэміі людзі развучыліся заўважаць адно аднаго. Усе пражывалі сваё жыццё, бы пасля якогасьці апакаліпсісу. Хто як мог.

Трэба было дзейнічаць. Тутсама і адразу.

Ванька падскочыў да вампіра і з разбегу даў яму па галаве, бы па мячы, як у дзяцінстве, граючы летам у дваравы футбол.

Арэвік перакулілася цераз Сёмку і замерла.

Здаецца, вырубіў…

Сэрца ў хлопца запульсавала, як пры моцным ціску. Ён наблізіўся

да дзяўчыны, схапіў за ногі і, не губляючы часу, поцягам пасунуў яе да пад'езда.

Мо забіў, падумалася яму. Дзяўчына не выдавала ніякіх стогнаў і гуку.

Ванька заўважыў, што ладна рассек ёй брыво, і калі ўжо пачаў перацягваць вампіра цераз ганак, пачуў прыдушаны хрып.

Жывая, куды яна падзенецца!

Ці не першы раз за гэты год ён вырашыў скарыстацца ліфтам.

Увапхнуў беспрытомнае цела ў вузкую кабіну і падняўся на восьмы паверх. Ліфт не захраснуў, і яны ўдваіх вываліліся на лесвічную пляцоўку.

Арэвік паступова ажывала і прыходзіла ў сябе.

Ванька адчыніў дзверы агульнага калідорчыка. Суседзі маўчалі.

Асцярожна перацягнуў дзяўчыну да сябе ў кватэру і зачыніўся на замок.

Тэрмінова трэба было абяззрушыць вампіра, каб пазбегнуць усялякіх кіданняў і кусання.

Ванька зацягнуў крывасмока ў залю і прывязаў за рукі да батарэі. Спярша скарыстаўся ўласным зімовым шалікам, а потым у бакоўцы знайшоў стары бацькоўскі трос ад «Масквіча».

Засцярогшы сябе ад вампіра, хлопец урэшце добра разгледзеў тавар Арэвік.

Яна была сапраўды прывабнай дзяўчынай. Яе чорныя як смоль бровы, здавалася, намалявалі сажай. Белая скура і трохі вузкія вочы выдавалі ў ёй толіку сур'ёзнасці і стрыманай арыстакратычнасці, а тонкі нос і пульхныя вусны рабілі ўсю астатнюю справу, падкрэсліваючы вобраз і натуру дзяўчыны. У такіх звычайна ўлюбляліся з першага позірку.

Нягледзячы на тое, што вока Арэвік паспела заплысці, яна не на жарт вабіла і ўзбуджала Ванькаву юрлівасць.

Урэшце дзяўчына застагнала.

– Есці хочаш? – спытаў хлопец.

– Піць... – праскавытала яна пасмяглымі вуснамі.

– Ёсць віно... чырвонае.

Вампір нічога не адказаў, і Ванька порстка кінуўся да лядоўні, адкаркаваў бутэльку ўчорашняй нормы і падсунуў ёй пад нос.

Дзяўчына зрабіла прагны глыток і гідліва выплюнула ў твар хлопцу ўжо вычвахлую «Масандру».

Арэвік пачало трэсці, быццам яе ахапіў эпілептычны прыпадак.

Ванька ізноў выскачыў на кухню, набраў у келіх вады і абдаў ёй дрыготкую дзяўчыну. Вампір супакоіўся і аціх.

– Ты сама хацела, каб цябе прытулілі, – услых пачаў разважаць хлопец. – Скажы, што табе трэба? Паспрабую дапамагчы!

– Крыві, – Арэвік па-ваўчынаму паглядзела на яго праз мокрыя пасмы валасоў.

Ванька адчуў сябе экзарцыстам, які беспаспяхова спрабаваў выгнаць з пакутніцы д'ябла.

– Дзе ж табе яе дастану? У мяне ёсць толькі віно і кілька ў таматным соўсе. Будзеш?

– Нацадзі з сябе...

– Здурнела...

Ён ужо пачаў расчароўвацца, што прыпёр яе ў кватэру. Аднак фільмы, порна, алкашка па вечарах, мастурбацыя, сухпай і зноў усё па тым жа сцэнары – сапраўды ўжо надакучвала.

– Раскажы лепш, што значыць быць вампірам, падзяліся адчуваннямі, мо і я таксама захачу ператварыцца, – сказаў Ванька, каб трохі залагодзіць напружанасць і блытаніну, якая адразу ўсталявалася між імі.

– Табе што, больш спытаць няма чаго? – голас Арэвік стаў крыўдлівым, але разам з тым у ім пачалі нараджацца ноткі жорсткасці і азлаблення.

– Ну а калі я дам табе крыві, што мне за гэта будзе, які гешэфт?

– Усё што пажадаеш. Магу рассунуць ногі, спяваць джаз. Танцаваць ужо цяжка. Што табе даспадобы?

Ванька сумеўся. Не чакаў ён пачуць такіх адкрытых і брыдкіх слоў ад

дзяўчыны, знешнасць якой ніякім чынам не вылучала ў ёй пахабства і распусты. Хаця, магчыма, вірус цалкам змяняў гэтых людзей і прыўносіў ім дагэтуль неверагодныя і неўласцівыя якасці.

Неспадзёўкі хлопец узгадаў, як у дзяцінстве на лецішчы ў бабулі прыдушваў кацяня. Кацяня было стракатым і такім безабаронным і слабым, што рукі самі пацягнуліся да яго крохкай шыі.

Спярша Ванька злёгку прыдушыў яго, прамацваючы пульс, і сачыў за рэакцыяй. Кацянятка здзіўлена вылупляла вочкі і смешна высалаплівала маленькі ружовы язычок. Хлопец асмялеў і ўжо з ўсяе моцы пачаў душыць катка, які павольна абмякаў на яго карэлых руках. Забава працягвалася хвілін пяць. Ванька душыў, а потым гладзіў кацяня, зноў душыў і назіраў за яго асфіксіяй.

Калі ж Ваньку ўрэшце абрыдла гэтая гульня, ён набіў у лобік Стракаціку балючых пстрычак і, схапіўшы за хвост, шпурляў яго куды падалей.

Кацяня як апаранае кінулася пад плот і больш ніколі не падыходзілася лашчыцца да гэтага дзіўнага дзецюка.

Цяпер безабароннасць Арэвік таксама развязвала яму рукі і падбухторвала да рашучых захадаў прыніжэння яе кволай асобы. Ваньку захацелася прыдушыць дзяўчыну і надаваць ёй пстрычак, каб на яе лбе з'явіліся крывавыя падцёкі.

Хлопец прынёс з кухні чарку. Узяў лязо і адчайна паласнуў сябе па пальцы. Кроў тоненькім струменчыкам палілася на донца; Ванька пачаў ціснуць на фалангу, каб хучэй напоўніць чарку.

– Цісні мацней! – раіла Арэвік, сквапна гледзячы, як ён у рашучым намаганні квапіўся вынайсці ёй ежу.

У выніку чарка напоўнілася на траціну, і хлопец падсунуў пітво да яе вуснаў.

– Давай ужо! – пачала круціцца на месцы дзяўчына. – Не мучай мяне!

– І чым вас так гэтая кроў вабіць? Што ў ёй смачнага? Я вось нічога не разумею. Спярша гэты вірус, потым маскі, потым другая, трэцяя хваля…

Арэвік з крыўдай паглядзела на яго.

– А я, думаеш, ведаю. Дай мне папіць, і я ўсё табе раскажу.

Ванька адставіў чарку ўбок.

– Хачу зараз.

Дзяўчына выдала брыдкі піск, падобны на енк дзікай коткі.

– Я захварэла ў верасні, – урэшце авалодала сабой Арэвік. – У мяне была звычайная тэмпература. Потым пачалі чырванець вочы, знік усялякі смак. Я пачула навіну аб першых выпадках нападаў на людзей і вырашыла паспытаць крыві. Парэзала сабе палец і адчула смак. Такі насычаны і салодкі, як больш нішто на свеце. У мяне адразу ж з'явіліся сілы. Тэмпература знікла, і я сышла ад мужа. Я не хацела яго піць, баючыся, што перастараюся і заб'ю. Дома ў нас засталася непаўналетняя дачка. Я не магла прычыняць ім боль. А далей ужо ва ўсе цяжкія. Спярша мяне кармілі неабыякавыя людзі, а потым прыйшлося спаць з кім патрапіць. Аднак я ўсё ж разлічваю, што навукоўцы вынайдуць вакцыну і я вярнуся да сям'і.

– Ці прымуць яны цябе пасля такога экспірыенсу?..

– Не твая справа, дай папіць, ты абяцаў!

Ванька пасунуў ёй чарку, і Арэвік нагбом асушыла сасуд.

– Мала, трэба яшчэ.

– Яшчэ гэта колькі?

– Каб прайшла смага.

– Добра, схаджу пашукаю. Толькі сядзі тут ціха і ні гуку, зразумела? Ніхто ў доме не павінен ведаць, што з імі па суседстве вампір прытуліўся, бо ў горшым выпадку табе смерць, у лепшым – смерць галодная. Хочаш жыць – слухай мяне. Андэрстэнд мі?

– Оф коз…

Ён выйшаў з залі, зачыніў дзверы на засланку і пайшоў у другі пакой граць у «плойку», дапіваючы рэшткі ўчорашняга віна.

Усю ноч Арэвік сядзела ціха, не выдаўшы ні гуку.

На раніцу Ванька нават паспеў забыцца, што прыцягнуў да сябе небяспечную прыблуду, і, праходзячы на кухню, папіць вады, прыадчыніў дзверы ў залу. Арэвік, бы атручаная, пачала гойсацца на падлозе, коўзацца вакол батарэі на карачках, спрабуючы вызваліцца з-пад путаў вяроўкі.

Трэба тэрмінова, як злога сабаку, пасадзіць яе на ланцуг, каб яна дакладна не змагла выблытацца, падумаў хлопец.

– Ты падмануў мяне, гнюс! Я сядзела моўчкі і чакала, калі ты прыйдзеш! Ты не прыйшоў! Дзе ты быў?

– Вось добрая дзяўчынка, так трымаць, – заўхмыляўся Ванька. – Крыві не знайшоў, паспрабую сёння.

– Я ПЕРАГРЫЗУ ТАБЕ ГЛОТКУ, КАЛІ ТЫ МЯНЕ НЕ НАКОРМІШ! ШТО ТЫ ЗА МУЖЧЫНА? НЕ МОЖАШ НАКАРМІЦЬ СВАЮ ЖАНЧЫНУ?!

– А ты ўжо мая жанчына?

– Цяпер твая, на пэўны тэрмін, вось і клапаціся пра мяне!

Хлопец наблізіўся да вампіра і прысеў на кукішкі.

– Ніякая ты мне не жанчына, ад цябе смярдзіць і ты зусім не ўзбуджаеш...

– Дык адмый мяне, накармі і адмый!

Ванька паглядзеў у чорныя, як пераспелая сліва, вочы Арэвік. Брыво за ноч паспела загаіцца. Пад вокам застаўся толькі некрыкменты сіняк.

– Ты цікавіш мяне іншым.

Ён запусціў ёй рукі на шыю і як след сціснуў. Дзяўчына паспрабавала абараняцца. Хлопец даў ёй кухталя і зноў пачаў сціскаць яе тонкую бледную шыю. Калі Арэвік захрыпела, Ванька адпіхнуў яе ўбок і адразу адчуў, як кроў падступіла да скроняў, а па целе разлілася дагэтуль нязведаная і прыемная асалода. Яму спадабалася гэтае адчуванне. Ён даўно заўважаў за сабой пэўную ненармальнасць і дэфектыўнасць. Раней усялякім чынам спрабаваў прыхаваць гэтыя якасці, але цяпер навошта і дзеля каго саромецца? У часы пандэміі кожны сам за сябе.

А што, калі мне наканавана стаць сапраўдным вынішчальнікам усіх гэтых нячысцікаў. Беларускі Блэйд, ні даць ні ўзяць! Вы яшчэ не чулі аб Ваньку Гнаціку? Дык зараз пачуеце! Так думаў ён, апраўдваючы грубыя ўчынкі да гэтай дзяўчыны.

Хлопец адключыў стрыманасць. Яму хацелася душыць і біць Арэвік, таму, чаго ўжо ўтойваць, яму падабалася ламаць і крашыць штосьці прывабнае, крохкае і бездапаможнае. Ён адчуваў гэта ўсёй натурай. Хопіць баяцца і прыхоўваць жаданні. Цяпер ён паўнавартасны творца свайго жыцця.

Ванька выйшаў за дзверы, пакінуўшы дзяўчыну ляжаць на падлозе. Арэвік зайшлася ў істэрыцы, скалынаючыся ад дрыготкі плачу.

Усё ж трэба дастаць ёй крыві, падумаў хлопец, так яна і да вечара не працягне.

Ён неахвотна пасунуўся на двор. Ля пад'езда боўтаўся Фядун.

– О, Ванька, ці чуў, што Грыню ўчора загрызлі? Вамп у нас на раёне з'явіўся! Сабакі ўжо ўсю кроў з асфальту злізаць паспелі!

Ванька павітаўся на адлегласці і пасунуўся на пошукі ежы.

– Глядзі асцярожна там, кажуць, гэта баба, а яны галодныя – хужэй за звера, – кінуў яму ў спіну сусед-даймала.

Першае, аб чым падумаў хлопец, адышоўшы ад дома на колькі кварталаў, гэта адшукаць якога ката, няхай харчуецца. Але дзе ты іх зараз

знойдзеш? Усіх даўно сабакі паперагрызалі.

Далёка заходзіць было рызыкоўна. Ён выйшаў на праспект. Паблізу – ні душы, толькі перасохлае лістоўе шкрабала па нячышчаным асфальце і чулася, як дзесьці па кальцавой праязджалі нешматлікія машыны.

Ванька павярнуў назад. Прайшоў праз суседнія дамы і пабачыў ля адной сметніцы здохлага голуба. Падышоў, пхнуў нагой. Азірнуўся. Жыхары, як сычы, сядзелі па сваіх логвішчах, а там хоць трава не расці. Хлопец хутка падхапіў тушку і заклаў сабе за пазуху.

Скажу, што самаруч задушыў, здыхатой харчуйся, са злобай падумаў хлопец. Няма чаго тут па дварах бадзяцца.

Новая забава і якія-ніякі сэнс жыцця змушалі яго ісці на ахвяры. У іншым разе ён бы ніколі і ні для каго не выпаўз на двор. Ад гэтых думак хлопцу нават брыдка стала.

«Што я, як валацуга які, як грэбаны бічара, сноўдаюся тут па завуголлях?»

Аднак, уяўляючы хударлявую шыю Арэвік і гэтую белую скуру, бы з казках пра Снягурку, з ледзь прагляднымі сінюшнымі жылкамі крыві, Ванька аж перасмыкваўся. За ўсё трэба плаціць, нават у часы забыцця.

«Калі будзе шалець, прынясу ёй у наступны раз сабаку. Паглядзім на яе паводзіць. А там можна і павысіць градус дазволенага. Зараз у горадзе шмат людзей, якія не маюць ніякага маральнага права на жыццё, а мне ўсяго-ткі і трэба, што павольна папіваць алкашку, граць на прыстаўцы, мастурбаваць, нічога ж крымінальнага, толькі што часам прыдушваць уласнага вязня. Прынамсі, я заслугоўваю і для сябе крыху шчасця».

Так думаў Ванька, бадзёра шпацыруючы дамоў.

Ля пад’езда па-ранейшаму круціўся Фядун, бы ў яго іншай справы не было. І ў гэты самы момант хлоца ахінула. Куды ён раней глядзеў? Гэты ж смоўж можа быць выдатнай ахвярай для Арэвік!

Фядун ніколі яму не падабаўся. Вечна гарлапаніў на ўвесь двор, толькі запрыкмеціць, заўжды ў яго была якасьці справа, заўжды трэба было штосьці спытаць, уцікнуць, падцвяліць. Такі ўжо чалавек. Але Ванька разумеў, што ўсё гэта зыходзіла ад нэндзы і зайздрасці. Дый і як яму – Ваньку – можна было не зайздросціць. Кватэра дасталася ад бацькоў, калі хлопцу яшчэ і трыццаці не споўнілася. Ванька, вядома, любіў даць за каўнер, але мясцовых алканаўтаў цураўся, бы яны былі ніжэйшай кастай. Фядун ведаў Ванькавага бацьку, такога ж нелюдзімага і змрочнага мужыка, які грозна глядзеў на гэты свет з-пад чорных брэжнеўскіх броваў.

Вырублю яго ззаду і аднясу гэты сухашчавы азадак да Арэвік. Будзе менш на аднаго балбатуна, падыходзячы бліжэй, ва ўсю ўжо планаваў свае дзеянні хлопец.

– І халера яго ведае, адкуль яна ўзялася? – усё не сунімаўся Фядун. – Я чуў, што мянты іх трохі падчышчаюць, нядаўна ж і рэйд быў. Вось падла! А Грыня, ты ж яго памятаеш, такі сіплы, сівы дзядзька.

На гэты раз Ванька падышоў да Федуна амаль упрытык.

– Жах, што дзеецца... Слухай, а што ты сёння робіш?

Пытанне збіла суседа з панталыку.

– Нічога... Дома сяджу.

– Дык мо заходзь? Задзяўбло ўжо аднаму сівуху піць...

Фядун хціва пачаў чухаць сваё тлустае, як у пелікана, другое падбароддзе.

– Заўжды ведаў, што ў цябе ёсць чым пажывіцца. Што ж ты раней не казаў?

– Толькі маўчок – нікому?! Сёе-тое маю! Мне сведкі і лішнія раты не патрэбныя.

– Паняў – магіла.

Ванька ведаў, што Фядун жыў адзін, ведаў, чым яго можна прывабіць, таму ляпнуўшы па плячы, сказаў:

– Ну дык давай пасля дзевяці!

– Магу і раней...

– Раней не трэба. Чакаю а дзявятай гадзіне!

Ванька вярнуўся ў кватэру. Праслізнуў на кухню і выняў з-за пазухі голуба. Трэба было нацадзіць крыві і як мага больш.

Ён дастаў нож і паласнуў птушку па гарляку, нахіліў дагары, і прадставіў пад яе шклянку. Кроў зусім не ішла. Відаць, голуб добра падмерз. Прыйшлося запхнуць тушку ў мікрахвалёўку і трохі пачакаць.

Падагрэўшы голуба, хлопец зрабіў яшчэ колькі надрэзаў на цельцы і паклаў яго у міску, каб яна напоўнілася крывёй.

Арэвік ляжала ў пакоі ніцма, і як толькі Ванька адчыніў дзверы, раз'ятрана паглядзела на свайго паланіцеля.

– Не гізуй! Трохі знайшоў. І я з добрымі навінамі.

Дзяўчына ўмольна слухала кожнае яго слова.

– На вечар дамовіўся з адным абрыганам. Ведаеш, ён мяне яшчэ з дзяцінства падбешваў. Дастаў нарэшце. Хопіць! Ніхто і не заўважыць яго знікнення. План такі: у дзевяць гадзін я прывяду да нас гэтага боўдзілу, і як толькі ён пяройдзе ганак – мязну яму па патыліцы малатком, а далей справа за табой.

– Ды мне ўсяго б толькі трыста грам выпіць.

– Ну ў чалавека літраў пяць маецца, табе на месяц хопіць. Пытанне адно: як ад трупа пазбавіцца потым?

Дзяўчына нічога яму не адказала.

Ванька вярнуўся на кухню і выліў ў чарачку кроў. Не багата. Вадкасць мела цёмны колер. Брыдота. Хлопец выкінуў тушку праз акно і аднёс пітво дзяўчыне.

– Галубіная? – нагбом выпіўшы сваю порцыю, спытала Арэвік.

– Ты і ў гатунках разбіраешся?

– Ужо пратухла. Мне здаецца, гэта той голуб, якога я прыдушыла мінулай ноччу.

Ванька змаўчаў. Праверыў вузлы.

– Слухай, а зубы вашыя, яны наогул неяк праяўляюцца? Ну іклы ў сэнсе? Нешта я ў цябе іх не заўважыў, – чамусьці спытаў у яе хлопец.

Арэвік з пагардай выцерла вусны. Было відаць, што кроў і сапраўды была гідкай.

– Не ведаю, мне здаецца, гэта казка для дарослых. Год прайшоў, як я заразілася, але ніякіх іклаў у мяне так і не прарэзалася.

Яна вышчарыла на Ваньку роўныя белыя зубы. Хлопец нічога падазронага не ўгледзеў. Яму толькі зноў захацелася сціснуць яе за шыю і надаваць аплявух.

– Арэвік, – ён сумеўся. – Я тут часам цябе пабіваць і прыдушваць буду. Ты не хвалюйся, у межах дапушчальнага. Але паслуга за паслугу. Усё справядліва.

Арэвік паглядзела на яго позіркам партызана, якога асудзілі на смерць.

– Глядзі, каб я не адказала!

– Дый табе, можа, і самой спадабаецца...

Фядун аказаўся пунктуальным, нават прыйшоў раней за вызначаны час. Зрабіў колькі працяжных званкоў у дзверы, мо хваляваўся, што Ванька заснуў ці наогул забыў аб сваім запрашэнні.

Аднак Ванька ўсё памятаў. Ці можна было забыцца на такі выдатны план? Каля дзвярэй ужо быў прыхаваны малаток – бацькоўскі, хлопец ужо нават і не памятаў, калі апошнім разам дзелаваў ім.

Хлопец думаў так: агаломшу Федуна па рэпе і запхну ў пакой да Арэвік. Калі што якое – я не вінны – усю брудную справу зрабілася яна – кryважэрны вампір з тварыкам анёла

сяўэднеазіяцкага тыпу. Зрэшты, потым можна будзе сказаць, што яна ўтрымлівала мяне ў закладніках і прымушала прыводзіць ахвяр. Ад такіх думак у яго жылах шалёна пульсаваў ціск, а ад уяўлення таго, што часам гэтую дзеўку можна будзе прыдушваць і як след урэзаць па твары, ніжэй паху пачынала цвярдзець.

Пачуўшы званок у дзверы, Ванька хуценька адамкнуў і ўпусціў Федуна ў кватэру, перад гэтым наляпіўшы ў тамбуры на вочка суседскіх дзвярэй скарыстаную жуванку.

Фядун па-гаспадарску, без дазвалення, сходу накіраваўся на кухню. Агаломсіць яго на калідоры не атрымалася.

– Не чакаў? – здзівіўся той, пабачыўшы пусты стол. – Дый я сам са сваім, – і паставіў бутэльку гарэлкі.

– Адкуль у цябе? – здзівіўся Ванька.

– Адкуль, вядома адкуль. Зараз кожны круціцца, як можа. Ну, нясі чаркі.

Хлопец дастаў шклянкі, паклаў чэрствы хлеб і бляшанку кількі.

– Я загадзя чуў, што ў краіне будзе дупа, зарыхтаваўся на год наперад, – паясніў ён Фядуну.

Селі, выпілі, закусілі.

– Дык што ты такі нелюдзімы, хлопец, як пустэльнік які? – адразу спытаў сусед. – Колькі год тут жывеш?

– Ды з маленства, – Ванька занерваваў. Напівацца яму не хацелася, трэба было быць цвярозым і ў што б ні стала ажыццявіць задуманае. Таму не больш трох чарак, вырашыў хлопец. Для прыліку.

– Во, а ні здрасце, ні насяру... – канстатаваў Фядун. – Я ж бацьку твайго добра ведаю. Як ён зараз, дарэчы?

– Дый на лецішчы з маці, натуральным прадуктам харчуюцца.

– Малайцы, я таксама думаў з'ехаць на сяло, толькі няма з кім, сап'юся ж там адзін...

Ванька пацягнуўся да бутэлькі.

– Ну, перад першай і другой...

– Налівай!

Аформіў.

– Дык ці адкажаш ты мне, ці не, чаму такі дзікі, га?

Каўтанулі па другой. Хлопец закусіў кільчынай і тыльным бокам далоні выцер вусны. Гарэлка была паганай.

– А што тут казаць? Я вам што, замінаю? Ну сам па сабе. Я ж не бамж які, у пад'ездзе не паскуджу, вяду нармалёвы лад жыцця…

– Я не пра тое! Ты ж пралетар, свой, тутэйшы, а паводзіш сябе, як інтэлігент задрыпаны. Чаго нас цураешся, не здароўкаешся, рукі не ціснеш, пры магчымасці абмінуць спрабуеш? Я ж бачу ўсё, яно адразу ў вочы кідаецца. А мы што, пракажоныя якія? Ды не – звычайныя мужыкі.

Ванька ляпнуў сябе па каленах.

– Ат, што тут скажаш. Людзі розныя бываюць... Ты чуў калі-небудзь аб двух тыпах асобы: экстраверт і інтраверт? Не? Першыя – людзі адкрытыя, гэткія кашуля-хлапцы; другія – людзі закрытыя, усе ў сабе. Я ж не магу папярод прыроды сваёй ісці. Такі чалавек. Але я да вас з павагай. Не думай там.

– Во так бы адразу і сказаў, а то інтраверт, шмынтраверт. Давай тады па трэцяй і папалім!

Ванька начысліў.

Ці зараз, ці ніколі! Трэба дзейнічаць. Тым больш пасля трох чарак смеласць і рашучасць узраслі ў хлопца да сваёй крытычнай адзнакі.

– Пайшлі да мяне на балкон, там і пасмалім, – выправаджваючы Федуна ў калідор, сказаў хлопец.

Той не ўпарціўся: на балкон дык на балкон. Гаспадар-барын.

Ванька асцярожна падышоў да дзвярэй пакойчыка. На імгненне прыслухаўся, прыадчыніў і запрасіў рукой Федуна заходзіць.

– Ну і пах тут у цябе, – паспеў сказаць сусед, зрабіўшы крок наперад.

Хлопцу хапіла колькі секунд, каб схапіць прыхаваны малаток. Ён імпэтна падбег да Федуна і з усяе моцы мязнуў яго па чэрапе. Той не выстаяў

і ніцма даўся долу. Другі раз біць не прыйшлося. Кроў чырвонай юшкай пачала распаўсюджвацца па старым бясколерным лінолиуме. Кілім ён прыбраў загадзя.

Фядун не выдаў ні гуку. Здаецца, забіў, падумаў Ванька. Але дзе ж Арэвік? У залі, на месцы, дзе ён прывязаў дзяўчыну да батарэі, нікога не было – толькі вяроўка-трос.

– Вось, як і абацяў, здабыў табе крыві, – разгублена сказаў ён вампіру.

Арэвік не адказала і рэзкім рухам саскочыла яму на шыю.

Ванька нічога не адчуў. Шок і нечаканасць цалкам паралізавалі яго.

Апошняе, што ён бачыў у сваім жыцці, гэта вострыя іклы драпежніка, якія з хцівай пажадай упіваліся яму ў горла.

ВАНЬКУ ХАПІЛА КОЛЬКІ СЕКУНД, КАБ СХАПІЦЬ ПРЫХАВАНЫ МАЛАТОК. ЁН ІМПЭТНА ПАДБЕГ ДА ФЕДУНА І З УСЯЕ МОЦЫ МЯЗНУЎ ЯГО ПА ЧЭРАПЕ. ТОЙ НЕ ВЫСТАЯЎ І НІЦМА ДАЎСЯ ДОЛУ. КРОЎ ЧЫРВОНАЙ ЮШКАЙ ПАЧАЛА РАСПАЎСЮДЖВАЦЦА ПА СТАРЫМ БЯСКОЛЕРНЫМ ЛІНОЛІУМЕ. КІЛІМ ХЛОПЕЦ ПРЫБРАЎ ЗАГАДЗЯ.

Хлопец кінуўся цераз беспрытомнае цела суседа ў пакой. І сапраўды, куды яна падзелася?

Ён азірнуўся. Фядун выдаў цяжкі стогн.

У гэты момант з кута пад столлю пачулася шыпенне. Так шыпелі каты, калі іх зацкавалі ці наступілі на хвост. Ванька падняў вочы вышэй.

Арэвік, як вялікі тарантул, прыліпла да кута столі і чырвоным агнём шалёных вачэй глядзела на яго зверху ўніз.

Усё, не будзе больш алкаголю па вечарах, фільмаў, размоў сам-насам, урэшце мастурбавання, гульняў у «плойку». Гэта канец, бясслаўны, ганебны і беспаваротны.

«Ніколі не прыручайце звера», – неяк казала Ваньку ў маленстве бабуля.

Менавіта гэтыя словы ўспыхнулі ў яго свядомасці, якая марудна згасала пад напорам галодных і прагных укусаў вампіра.

2020 г.

ВЛАДИМИР ЛИЛЕНКО

ПАСЕКА ДИХЛОФОСА

Впервые я узнал о существовании пасеки во время своей стажировки в районной газете «Знамя труда». Той самой газеты, с которой потом оказалась связана вся моя трудовая жизнь.

Совхоз «Беларускі пчаляр» располагался рядом с одноименной деревенькой в районе деревень Ляхи, Славени и Заполье. Как видно из названия, основным видом деятельности совхоза было пчеловодство. И, на первый взгляд, этот совхоз ничем примечательным не отличался от своих собратьев на всём СССР: пасека, мехдвор, склад ГСМ и поля медоносов вокруг до самого горизонта. Если бы не одна важная особенность: работали в этом совхозе с уникальной местной породой пчел – белорусской поозёрной пчелой.

Белорусская поозёрная пчела была известна на весь Советский Союз спокойным нравом, работоспособностью и высокой продуктивностью. Краеведы рассказывали мне, что первые упоминания об этих пчёлах датируются ещё временем Витовта! Павильон «Беларускага пчаляра» был постоянным участником ВДНХ.

Распад СССР больно ударил по всей стране. Рвались экономические и производственные связи, всем предприятиям (да и простым людям) приходилось приспосабливаться к новым условиям. По всей стране открывались и закрывались различные ЧП, ОАО, ЗАО и т.д., проходили митинги и совещания по поиску путей развития в новых условиях.

Не стал исключением и совхоз «Беларускі пчаляр». На одном из таких заседаний парторг совхоза Пётр Михайлович Серенький (в коллективе просто Михалыч) выразил вотум недоверия директору совхоза, обвинив того в краже свёртка гвоздей. На глазах у всего коллектива гвозди были пересчитаны. Их оказалось 98 штук; число, согласитесь, довольно большое, а значит и кража была в особо крупном размере.

Директор совхоза с позором покинул свою должность и в результате выборов главой совхоза стал Пётр Михайлович Серенький.

«Сереньким» Пётр Михайлович был только по фамилии. Напротив, в душе у него полыхал яркими красками пожар идей, энергия указаний и контроля била непрерывным потоком, не щадя никого из окружающих. Стоило ему только приблизится к работающим, зайти в какой-нибудь цех, кабинет, то он сразу же начинал фонтанировать ценными указаниями. Попытки их выполнить приводили к полному параличу

любого маломальского учреждения, будь то школьный класс, цех завода или кабинет врача.

После учёбы и армии он прибился к совхозу «Беларускі пчаляр» в качестве парторга. Видимо, кто-то наверху посчитал, что только вся мощь КПСС может как-то сдержать поток первобытной энергии Серенького. К тому же в роли парторга (вдали от производства) он сможет нанести наименьший вред совхозу.

На первом же собрании в качестве директора совхоза Михалыч выступил с полуторачасовой речью о перспективах совхоза.

Перспективы были грандиозные! В ближайшее время площадь пасеки должна была увеличится в 2-3 раза. Мёдом планировалось залить весь бывший союз и Европу. А через каких-нибудь 5-10 лет совхоз «Беларускі пчаляр» станет мировой столицей пчеловодства. Что и говорить, такие перспективы были встречены рабочим коллективом оглушительными и продолжительными овациями.

Получив от народа карт-бланш на претворение своих грандиозных планов в жизнь, первым делом Михалыч переименовал совхоз «Беларускі пчаляр» в «Сладкую жизнь». Слишком местечковым казалось ему старое название. К тому же новое название легко переводилось на любые иностранные языки, что в будущем облегчало бы переговоры с иностранными партнёрами.

Заодно Михалыч поменял и форму собственности, посчитав ненужным и даже вредным постоянные собрания с коллективом и голосования. Только твёрдая рука руководителя могла бы привести хозяйство к процветанию. После некоторых юридических действий Акулины Евлампиевны (подобных пассам фокусника в цирке) Михалыч стал во главе ЗАО «Сладкая жизнь». Ближайшие соратники Михалыча бухгалтер Акулина Евлампиевна Лапшина и начальник охраны Олег Сергеевич Есть вошли в состав совета директоров.

Кто же эти люди, которые составили своеобразный триумвират правления? Это те, к которым Петр Михайлович питал глубокое уважение.

Олег Сергеевич Есть был отставным военным и занимал должность начальника охраны. Фамилия Олега Сергеевича полностью отражала всю его внутреннюю сущность. Это был настоящий служака все 24 часа в сутки.

Есть что-то прекрасное и героическое в том, как военный человек молча выслушивает приказ, отвечает «Есть!», разворачивается и идёт сквозь огонь и воду, идёт, жертвуя своим здоровьем (по мере необходимости) и здоровьем своих подчинённых. Главное в том, кто отдаёт приказа, эту роль Пётр Михайлович отводил себе.

Сам же Олег Сергеевич страстно увлекался собаками. Он держал большую свору для охраны территории совхоза и постоянно рекрутировал всё новых и новых «новобранцев» во всех окрестных деревнях, обещая им бесплатное жильё (одноместную конуру) и сносное питание.

Акулина Евлампиевна, напротив, была человеком науки. Имя этой науки «Бухгалтерский учёт». Всю свою жизнь она гениально манипулировала данными, жонглируя цифрами, и приобрела поистине колоссальный опыт в этом деле. Видя, с какой лёгкостью в зарплатной ведомости 120 рублей, недоплаченных какому-нибудь механизатору, элегантно превращаются в 120 рублей премии директору ЗАО, Пётр Михайлович мысленно склонялся перед талантами Акулины Евлампиевны.

Следующим, безусловно важным делом стало строительство нового здания управления ЗАО «Сладкая жизнь». Действительно, не вести же переговоры с иностранцами, не заключать же миллиардные сделки в старом здании управления совхоза. Вместо старой

деревянной хаты с печным отоплением постепенно выросло трёхэтажное кирпичное здание, которое включало в себя не только кабинеты членов совета директоров, комнаты для переговоров, выставочные залы, но и сауну (по личной просьбе Акулины Евлампиевны) и бильярдную (по просьбе Олега Сергеевича). Михалыч же скромно ограничился тем, что отделал мрамором свой кабинет.

К сожалению, строительство обошлось в крупную сумму, поэтому постепенно пришлось расстаться с землями бывшего совхоза, мехдвором и складом ГСМ. А когда и этих денег не хватило, залезть в долги. Территория ЗАО «Сладкая жизнь» сузилась до пасеки и здания управления. Пришлось сокращать и коллектив. На торжественном открытии здания управления присутствовали все работники ЗАО «Сладкая жизнь»: Пётр Михайлович Серенький, Акулина Евлампиевна Лапшина, Олег Сергеевич Есть и Степан (разнорабочий, который чудом пережил все экономические реформы Михалыча).

Теперь ничто не мешало Михалычу начать мировую экспансию. Оставалось только увеличить сбор мёда. По расчётам Акулины Евлампиевны, увеличив получение мёда на 150% в течении 2 лет, можно было бы отдать все долги. А затем пасека стала бы приносить чистую прибыль.

К сожалению, пчёлы этот план полностью провалили (то ли из-за того, что на землях бывшего совхоза перестали сеять медоносы, то ли из-за плохого доведения до них плановых показателей).

Пришлось Михалычу, посидев ночь с подпиской журналов «Пчеловодство» за 1977 год, в совершенстве овладеть ремеслом пасечника.

Утром бодрым шагом Михалыч направился к Степану, который в это время просматривал рамки. Окинув взором раскрытый улей, рамки, ползающих пчёл, Михалыч был уже готов выдать ценные указания, как вдруг на его «указующий перст» села пчела. Немного поползав по пальцу, она вдруг резко ужалила его, и в опасной близости от лица Михалыча закружилось пчелиное подкрепление.

То, что было дальше, я могу описать, как позорное отступление Михалыча. Лишь в своём кабинете он смог справиться с остатками пчелиного воинства с помощью баллончика дихлофоса.

С тех пор Михалыч больше не подходил к пасеке. Между ульями и зданием управления пролегла невидимая граница. Горе той пчеле, которая нарушала эту границу. Её тотчас окутывало облако дихлофоса, в котором она и находила свой конец. То же самое касалось любого насекомого. Бабочки, мухи, комары, стрекозы – все они получали щедрую порцию яда. Да что насекомые! Сама Акулина Евлампиевна испытала на себе действие яда, не вовремя разбудив Михалыча в кабинете. С тех пор её лицо приобрело выражение некоторой заторможенности. К счастью, это не повлияло на ясность её ума и скорость обработки бухгалтерских данных. В общем пчёлы держались на расстоянии от Михалыча, а Михалыч держался на расстоянии от пчёл.

В течение последующих нескольких лет ближайшие к зданию управления пчёлы вымерли, а мёд с пасеки стал источать слегка уловимый запах дихлофоса.

Как я уже упоминал ранее, Михалыч любил контролировать работу подчинённых. Касалось это и продажи мёда на местном рынке, поэтому иногда за прилавком стоял сам председатель ЗАО «Сладкая жизнь».

Если раньше люди довольно бойко интересовались мёдом, то после нескольких отравлений поток покупателей уменьшился, а затем и иссяк. Редкий человек, подойдя к прилавку

и окинув взглядом ценники, был готов купить литр-другой мёда, но запах дихлофоса отпугивал и его. Стоило ему поинтересоваться у Михалыча, почему мёд пахнет дихлофосом, как перед ним происходила удивительная метаморфоза. Ранее спокойный, благообразный человек средних лет, стоящий за прилавком, превращался в свою полную противоположность. Его лицо наливалось кровью, речь становилась отрывистой, отчаянно жестикулируя руками, он иной раз скидывал товар прямо на землю. Покупатель уже уходил от прилавка быстрым шагом, а вслед ещё неслись обвинения и угрозы всем виноватым, начиная с пчёл и заканчивая самим покупателем.

Исчезали покупатели – исчезала прибыль. Математические способности Акулины Евлампиевны ещё могли успокоить налоговую службу, но не потребности Михалыча, ведь для мировой экспансии требовались значительные капиталовложения. Было решено провести внеочередное совещание совета директоров ЗАО «Сладкая жизнь».

С вступительным словом выступил председатель правления ЗАО «Сладкая жизнь». В нескольких простых словах, не стесняясь в выражениях, он обрисовал перед членами правления возникшую проблему и призвал к скорейшему поиску её решения. Сев на место, Михалыч выжидательно посмотрел на своих соратников, ожидая каких-либо предложений.

С предложениями было туго. Акулина Евлампиевна озвучила давно вынашиваемую идею о снижении количества сахара в зимней подкормке пчёл. Олег Сергеевич пробормотал что-то о намерении увеличить количество служебных собак и довольствие для работников службы охраны.

Всем членам триумвирата стало ясно, что эти предложения повлиять на продажи мёда не смогут. Спасительную идею подал Степан, косивший траву неподалёку от раскрытого окна кабинета Михалыча и слышавший обрывки переговоров.

Самогон!

И как эта идея не пришла в головы членам триумвирата! Ведь новый продукт имел массу плюсов по сравнению с мёдом.

Вооружившись калькулятором Акулина Евлампиевна быстро произвела необходимые подсчёты и огласила математически выверенные данные: стоимость самогона, произведённого из 1 литра мёда, МНОГОКРАТНО превышает стоимость самого литра мёда.

Проблема с запахом тоже будет решена. Запах самогона перебьёт любой другой (запах дихлофоса тем более).

Рекламная компания тоже обойдётся значительно дешевле, чем раньше. Теперь не надо бегать за мамашами и рассказывать им о целебных свойствах мёда. Какой нормальный мужик откажется от дегустации нового продукта, закусив солёным огурцом?

Срок хранения практически не ограничен. И никакой кристаллизации (натуральный мёд этим грешит)!

По итогам совещания были приняты следующие решения:

ЗАПУСТИТЬ ПРОИЗВОДСТВО САМОГОНА НА ОСНОВЕ МЁДА В КРАТЧАЙШИЕ СРОКИ.

Уменьшить количество сахара для зимней подкормки пчёл на 20%.

Увеличить количество служебных собак до 20 и продуктовое довольствие работникам службы охраны на 10%.

Михалыч, самолично погрузив в грузовичок три бидона мёда, съездил в райисполком и привёз оттуда официальное разрешение на выпуск самогона белорусского поозерья с целью возрождения культурных и нравственных

ценностей местного края. В кратчайшие сроки в одном из помещений здания управления был развёрнут миницех по производству самогона.

Следующий год стал поистине золотым в истории ЗАО «Сладкая жизнь». Толпы желающих приобщиться к культурным и нравственным ценностям круглосуточно осаждали территорию ЗАО. И это несмотря на то, что запах дихлофоса никуда не исчез. Напротив, после переработки мёда конечный продукт имел уже ярко выраженный запах яда.

Акулина Евлампиевна с целью экономии денежных средств внесла рацпредложение выплачивать зарплату работникам мужского пола продуктами собственного производства, что, однако, было встречено в штыки Михалычем и Олегом Сергеевичем. Поэтому на «натуральную» оплату труда был переведён только Степан. После этого он перешёл на круглосуточный режим работы и оборудовал спальное место прямо в цехе.

Постепенно среди «культурологов» появились настоящие ценители благородного напитка. Медленно пригубив стакан самогона, они могли часами рассуждать о букете, вкусовых качествах, крепости или цвете. Так как ценителей становилось слишком много, то рассуждения перерастали в диспуты. Одна группа дискутирующих заявляла, что в последней выгонке явно ощущается аромат липы, другая группа стояла на лесных травах, третья – ратовала за рапс. Часто дебаты переходили в рукопашную.

В связи с ухудшением криминогенной обстановки вокруг территории ЗАО «Сладкая жизнь» количество служебных собак было увеличено до 30. Вместо ветхого деревянного забора, который давно требовал ремонта, был поставлен новый забор из металлопрофиля высотой около 3 метров.

Вот тогда-то к Михалычу приклеилось прозвище Дихлофос, а самогон производства ЗАО «Сладкая жизнь» стал называться в народе «дихлофосовкой».

Окружив пасеку трёхметровым забором, Михалыч (теперь уже Дихлофос) почувствовал себя на островке спокойствия и безмятежности в окружающем его мире. Даже продажи не могли отвлечь его от руководства ЗАО, так как розлив продукции осуществлялся сразу же за забором с помощью штуцера и пластикового шланга. Пришло время реанимировать старые планы мировой экспансии, всего лишь заменив мёд «дихлофосовкой». Осталось только увеличить количество мёда, иначе самогона не хватит не то что на весь мир, но и на весь бывший союз.

В голову Дихлофоса пришла очередная блестящая идея. Он приказал Степану расписать забор с внутренней стороны цветами. По замыслу Дихлофоса изображения цветов должны были поднять патриотический дух пчёл. Они смогли бы больше работать, дальше и выше летать. Утром взору изумлённых пчёл предстали трёхметровые подсолнухи, ромашки и колокольчики.

К сожалению, дешёвая краска, которой пользовался Степан, слишком долго сохла, а ветер в островок спокойствия и безмятежности практически не проникал из-за высокого забора, поэтому в течение недели пчёлы из ульев около забора вымерли.

Устав от собственных идей, Дихлофос согласился на предложение Олега Сергеевича заасфальтировать всю территорию пасеки. Пасека стала напоминать военный плац, где стараниями Степана места для ульев были выделены извёсткой.

Хотя эти нововведения и не смогли повысить количество мёда (а только снизили его), они всё же радовали глаз Дихлофоса: металлический забор, скрывавший внешний мир от глаз пасечника, кислотно-яркие изображения цветов на заборе, свежий асфальт,

на котором ровными рядами стояли ульи. Да и количество разной мошкары сократилось в разы. Выжить на раскалённом асфальте не мог никто. Пчёлы тоже не могли выжить, поэтому после жаркого лета их количество опять сильно сократилось.

Словосочетание «золотой век» всего лишь метафора. В нашем случае век сжался до нескольких лет. В течение 2 – 2,5 лет количество потребителей культурных и нравственных ценностей постепенно уменьшился. Вначале один за другим ушли в другой мир истинные ценители «дихлофосовки», так называемые «сэммелье». Влед за ними потянулись на погост и остальные любители благородного напитка. С выходом на мировую арену также возникли сложности. Заграничные Иваны, Джоны и Гансы предпочитали травиться уже проверенными напитками и приобщаться к своим культурным и нравственным ценностям. В какой-то жёлтой газетёнке промелькнуло сообщение о том, что Госдеп США пригрозил санкциями ЗАО «Сладкая жизнь» за распространение химического оружия.

Начинался закат ЗАО «Сладкая жизнь». Теперь, когда самогон перестал продаваться, руководство ЗАО вновь обратилось к мёду как основной продукции предприятия. Судорожно генерируя и осуществляя одни гениальные мысли за другими, руководство ЗАО «Сладкая жизнь» лишь приближало конец предприятия.

Так, например, провальной оказалась идея поселить в опустевших ульях пчёл юго-восточной породы. По слухам, они давали до 120 кг мёда с улья. Дихлофос почти уже договорился с одним пасечником, державшим таких пчёл, но, узнав, что придётся за это отдавать две трети выкачанного мёда, от этой идеи отказался. Было и много других попыток, дававших только противоположный эффект при их осуществлении.

Последней гениальной идеей было предложение Акулины Евлампиевны полностью отменить зимнюю подкормку пчёл. Если пчёлы не хотят собирать больше мёда, нужно заставить их делать это. Каждая пчелиная семья, которая соберёт менее 40 кг мёда, будет лишена подкормки на зиму. Для доведения этой информации до пчёл по всей пасеке были развешаны плакаты примерно такого содержания: «От каждого улья по способностям, каждому улью по труду!», «Здесь трутни не нужны!» и т.д. Не знаю, поняли ли пчёлы то, что требовал от них триумвират, но ту, последнюю зиму из них не пережил никто. Больше о пасеке Дихлофоса я ничего не слышал.

За несколько лет до выхода на пенсию я посетил те края, когда писал статью о возросшем туристическом потенциале нашего района. Жители деревни успешно пережили развал совхоза. Кто-то фермерствовал на бывших полях «Беларускага пчаляра», кто-то подался в город, были и такие, которые открыли агроусадьбы. Туристы со всей страны съезжаются посмотреть на храмы и замки, расположенные поблизости. К их услугам мини-гостиницы, агроусадьбы, где усталых охотников за хорошими фотографиями для инстаграма всегда ждут вкусный ужин и мягкая кровать.

На месте ЗАО «Сладкая жизнь» теперь раскинулась автостоянка «Хрустальный гараж», где любой приезжий и местный житель может оставить на хранение своё авто. Владеет автостоянкой уже знакомый вам Дихлофос вместе с Акулиной Евлампиевной и Олегом Сергеевичем. В их рекламном буклете написано: «Только на автостоянке Хрустальный гараж с Вашим авто будут обращаться, как с хрустальным сосудом!».

Степан, к сожалению, не пережил последний год существования ЗАО «Сладкая жизнь». Круглосуточный

график работы и оплата натуральным продуктом подорвали его здоровье.

По четвергам после сауны приняв 100 грамм самогона из старых запасов, Дихлофос любит отдохнуть на крыльце здания управления. Окинув взором забор с выцветшими рисунками цветов, поле бывшей пасеки, покрытое потрескавшимся асфальтом и свежими разметками для машиномест, он предаётся размышлениям о своём былом успехе и клянёт последними словами местную породу пчёл: «Неблагодарные попались. Чуть до разорения не довели. И что я только для них не делал...» Полусонным подбрехиванием вторят ему служебные собаки, облюбовавшие бывшие ульи в роли конур.

Вот и подходит к концу моя история о пасеке Дихлофоса. Чтобы у внимательного читателя не осталось ощущения печали и меланхолии, спешу сообщить, что уникальная белорусская поозёрная порода пчёл не ушла в историю. На протяжении последних 20 лет существования ЗАО «Сладкая жизнь» многочисленные рои пчёл оседали на пасеках соседних деревень. Оседали и проживали свои маленькие жизни в согласии с миром, радовали пасечников высокими урожаями мёда. Поэтому сейчас окрестные деревни стали называться Сладкие Ляхи, Медовые Славени и Ульи Заполья.

ПАВАЛ ЛЮБЕЦКІ

БЕЛАРУСЬ АНЕРОІДНАЯ

1. хваля маніякальна-рэпрэсіўнага псіхозу. анейроідны жах надыходзіць тады, калі:

людзі павінны былі б хадзіць у масках, але замест гэтага маскі сарваныя

краіну накрывае хваля маніякальна-рэпрэсіўнага псіхозу

ахвотна ідуць на ахвяры, але ахвяруюць чамусьці тымі, за каго нясуць адказнасць

самым важным з мастацтваў робяць мастацтва звальваць своечасова і на патрэбных людзей, забываючы пра мастацтва сыходзіць своечасова і з годнасцю

рэальныя праблемы замоўчваюць, затое ствараюць штучныя, каб дэманстратыўна іх «вырашыць»

баішся, як бы з-за невялічкай ядзернай зімы ў моду не ўвайшлі свінцовыя касцюмы

на сцэну выходзяць людзі, якія б'юць ляжачых, папярэдне іх паклаўшы пры затрыманні

лаяльнасць куды важнейшая за кампетэнтнасць; тыя ж, хто застаецца лаяльнымі, ужо абсалютна бескарысныя

баішся, што хтосьці не вельмі мірны выпусціць чаргу ў чаргу на мірным сходзе

краіне хапае на Тэслу Ілана Маска альбо масак для маскі-шоў на затрыманні, але не хапае медыцынскіх масак для грамадзян

2. высакароднасць як рыса для расходнага матэрыялу

анейроідны жах надыходзіць тады, калі:

баішся, што хтосьці прадаў душу д'яблу, а расплачвацца давядзецца табе

баішся, што законы зусім спыняць дзейнічаць, і давядзецца жыць па законах Мэрфі

людзей, якія ламаюцца не адразу, змятаюць людзі, якія адразу не ламаюцца

тым, хто спрабуе навучыцца лётаць, выбіваюць з-пад ног зэдлік, а некаторыя жарты, што ўжо зацягнуліся, зацягваюцца шчэ й вузлом на шыі

для таго, каб адмазацца, некаторыя людзі гатовыя пайсці на ўсё, акрамя эшафоту

тыя, хто па званні павінен быць патрыятычным, па сваёй сутнасці тыповыя калабаранты

апраўдваючыся «хлуснёй у ратаванне», кажуць пра хлусню ў выратаванне сваіх азадкаў, а не грамадзян

хтосьці лічыць, што нават тыя, да каго яны заўсёды ставіліся як да расходнага матэрыялу, павінны быць ім лаяльнымі

у высакароднасці бачаць проста карысную рысу для расходнага матэрыялу

3. пудзіла Тамаша Гобса

анейроідны жах надыходзіць тады, калі:

патрыятызм рызыкуеператварыцца ў стакгольмскі сіндром

страта змяняльнасці ўлады прыводзіць да таго, што тая паступова едзе дахам

суверэнітэт азначае вярхоўную ўладу «суверэна»

ісці супраць «суверэна» = «падрываць суверэнітэт»

смяротнае пакаранне ніколі не скасуюць, бо гэта святое права суверэна паводле «Левіяфана» Гобса

дзяржава – гэта грамадская дамова, пра якую з табой ніхто не дамаўляўся, і наўрад ці з аўтарамі гэтай дамовы зможаш дамовіцца ты

падазраеш, што бяспека дзяржавы азначае тое, што разумеў бы пад бяспекай дзяржавы Людовік XIV

улада сумнеўнай канстытуцыйнасці збіраецца змяняць Канстытуцыю

4. перавод краіны на рэжым ваеннай дыктатуры

анейроідны жах надыходзіць тады, калі:

краіну пераводзяць на рэжым ваеннай дыктатуры, а яе насельніцтва на бязгучны

забаронена ўсё, акрамя таго, што дазволена тымі, каму ўсё дазволена

выказванні выгляду «а кароль-та голы» могуць расцаніць як самы небяспечны від экстрэмізму

само сабой зразумела, што акрамя судовай улады ёсць яшчэ і пазасудовая

сацыяльных ліфтаў амаль няма, а ў тых, што ёсць, хтосьці нагадзіў

пад выглядам барацьбы з карупцыяй яе манапалізуюць

на кожную сумленную і высакародную публічную персону ёсць праўда, якую яна гатовая хаваць любым коштам, у тым ліку коштам не самых сумленных і зусім не высакародных учынкаў

заігрываюць і адыгрываюцца, каб падмазвацца і адмазвацца

5. выграбная яміна пад пазалочаным тронам

анейроідны жах надыходзіць тады, калі:

розум засынае, а прачынаюцца яго пачвары

чалавек з сіндромам начнога вартаўніка злоўжывае манаполіяй на гвалт

ОРГАНЫ ЎНУТРАНЫХ СПРАЎ НЯДРЭННА АДБІВАЮЦЬ УНУТРАНЫЯ ОРГАНЫ, У ТОЙ ЧАС ЯК ОРГАНЫ НАКШТАЛТ ПАРЛАМЕНТА ВОСЬ-ВОСЬ ЗУСІМ АТРАФІРУЮЦЦА

спрэчкі пра родную мову абсалютна незразумелыя людзям, для якіх родная мова – крымінальнае арго

заўважыўшы чалавека, здольнага адказваць за свае ўчынкі, яго прымушаюць адказваць яшчэ і за чужыя

«адказны чалавек» азначае, што на яго працей за ўсё сапхнуць усю адказнасць

пад пазалочаным тронам заўсёды знаходзіцца выграбная яміна, і чым даўжэй сядзяць на гэтым троне, тым больш усяго ў ёй

«вы маеце права захоўваць маўчанне: усё, што вы скажаце, можа быць скарыстана для фабрыкацыі справы»

6. запаведзі лаяльнасці

анейроідны жах надыходзіць тады, калі глебай новай «палітрэлігіі» робіцца наступнае скажэнне Запаведзяў блажэнства з Евангельскай Нагорнай пропаведзі:

лаяльныя ўбогія духам, бо ў іх няма смеласці быць самімі па сабе

лаяльныя тыя, што плачуць, бо ім абяцаюць суцяшэнне

лаяльныя пакорлівыя, бо яны зручныя

лаяльныя тыя, хто жадае і прагне праўды, калі ім як след затлуміць галаву і выкарыстоўваць у сваіх мэтах.

лаяльныя міратворцы, бо яны гатовыя нават стрываць беззаконне, каб не развязалася вайна, дзе гінуць мірныя людзі

лаяльныя міласэрныя, бо даруюць нават тыя памылкі, якія даравалі не варта

лаяльныя чыстыя сэрцам, бо іх так проста падмануць

лаяльныя гнаныя за праўду, бо рана ці позна ім давядзецца стрываць падман кагосьці іншага. але гэта не значыць, што гэтая лаяльнасць будзе доўжыцца заўсёды

ДАВЫД ПАДДУБСКІ

НЕВІДОЧНАЯ АТАКА

Панурым снежаньскім днём у тры куты свету прыляцела паведамеленне аб смерці. Сталася б гэта трыццаць гадоў таму, то азначала б, хутчэй за ўсё, што чалавека ўжо пахавалі і справілі 9 дзен, але ў век тэхналогіі паведамленне сведчыла аб тым, што смерць наступіла некалькі гадзін таму. Жанчынам, што атрымалі звестку, было добра знаёма імя памерлага, але імёны адна адной узгадваліся з цяжкасцю.

Наталля жыла ў невялічкай беларускай вёсцы, Клава ў малавядомым горадзе Пермскага краю, а Юля ў заакіянскай Амерыцы, і калі сустракаліся яны разам, то не болей за два разы ў дзяцінстве. Клава была пляменніцай нябожчыка, якая жыла на яго гістарычнай радзіме, Наталля – пляменніца жонкі нябожчыка, якая адышла на той свет ужо з 15 гадоў таму, а Юля была адзінай унучкай і спадкаеміцай. Дзед не меў звязку ні з воднай жанчынай. Пасля смерці жонкі ён перастаў стасавацца з раднёй па ейным баку, а радня ўласная жыла занадта далёка, каб штодзённа падтрымоўваць сувязь у даінтэрнэтнай эпосе. Да ўнучкі, што так абыякава кінула родную хату, якую ён будаваў сваімі рукамі, з’явілася агіда і непрыязнь, як да здрадніцы. Апошнія дзесяць год самотны дзед займаўся ўмацаваннем дома і забяспечваў сябе абаронай ад неіснуючага ворага. Здавалася яму, што хтось са шматлікіх сваякоў абавязкова пазайздросціць яго дабрабыту і з’явіцца, каб адабраць залатую маёмасць. Прыхаваныя грошы і пенсію ён сквапна збіраў да кучы і, не дазваляючы сабе нічога лішняга, вытрачаў на падвойныя металічныя дзверы, моцныя вокны, высокі плот, неверагодную колькасць замкоў, якімі зачыняліся і калітка, і сарай з куратнікам. Нават звярнуўся да спецыялістаў і ўсталяваў некалькі камер вонкавага назірання. Дзед быў не дурны, таму разумеў, як хутка развіваюцца новыя тэхналогіі і разам з імі – небяспека. Яго маглі ўзламаць у любы дзень. Таму высокі плот змяняўся яшчэ вышэйшым, замкі на больш сучасныя. Суседзі ціха смяяліся з такога бункера, а сяброў дзед сабе не знайшоў, бо не хацеў, каб хоць хто празнаў пра яго сакрэты.

Камеры паказвалі пусты двор і нікому нецікавую калітку. Тэлевізар прамаўляў аб наступленні НАТО (у якім, цалкам магчыма, магла быць дзедава драпежная ўнучка Юля) і аб тым, што ён не бачыць, як лётаюць вірусы. Не заўважыла іх і камера…

Наталля па сарафанным радыё дазналася першая і знайшла астатніх у сацыяльных сетках. Юля прапанавала выйсці на відэазвязок, і вось тры

жанчыны вывучалі твары адна аднае, баючыся задаваць пытанні. Па-за камерай у дзвюх гучалі дзіцячыя галасы, але ізноў жа было неяк недарэчна запытываць пра дзяцей, якія цябе не цікавілі працягам жыцця. Тым не менш яны ўглядаліся адна ў адну, бо разумелі кроўны звязок і нібы расшуквалі ўласныя прыкметы ў адлюстраваннях з экранаў.

Дзед сканаў ад каранавірусу, згарэў за тыдзень, – працягвала Наталля. – Я званіла ў сельсавет, там сказалі, што за месца на могілках заплочана загаддзя і прывязуць яго ўжо са шпіталя ў зачыненай труне. То-бок ні аб якім развітанні і размовы няма, але ж што з памінкамі, адпяваннем? Я магу дапамагчы, калі нешта трэба. Радня ўсё-такі.

Ён мне неаднаразова загадваў пахаваць яго багата, але тое яшчэ ў юнацтве, – перахапіла ўнучка. – Хацеў аркестру. Сказаць па праўдзе, каб хто заняўся пахаваннем, то я б пералічыла грошы і на аркестру, і на ўсё што трэба, але сама я не паеду. Мне вельмі далёка, ды мы і не блізкія з ім. Калі ты, Наташа, будзеш займацца, то я пакрыю фінансавы бок.

Я б занялася, калі б ты папрасіла, бо ён мне ў рэчаіснасці чужы…

А я не прашу.

Дзеўкі, – прамовіла Клава, – Дзякуй, што мяне далучылі, але я наспраўдзе самы далёкі яму чалавек. Ведаю адну – дзве гісторыі, што распавядала мне мама аб іх дзяцінстве. Вельмі павярхоўна. Таму я – ніяк. Мама зусім старая, мы можа сходзім з ёй у царкву ці што. Але ў астатнім – ніяк.

Яны яшчэ з дзясятак хвілін паразмаўлялі наконт гэтай тэмы і сціхлі, глядзячы ў экраны. За некалькі маўклівых секунд усе трое ясна зразумелі, што гэта была іх апошняя размова. Іх з'яднала імгненная змова на абыякавасць да пахавання, і, даючы адна адной дазвол не рабіць нічога, яны пазбавіліся ад пачуцця віны.

Наступнага ранку некалькі незнаёмых мужчын з камунальных службаў апусцілі закалочаную труну ў яміну.

Камера ў двор, ці то выключаная, ці то да гэтага часу працуючая, перастала фіксаваць свой адзіны рухомы аб'ект і ўжо суцэльна сканцэнтравалася на лётаючых вірусах, якія зялёным тлустам агортвалі паветра. Вучэнні НАТО скончыліся, так і не пераступіўшы мяжу.

Давыд Паддубскі

АБ'ЕКТАФІЛІЯ

Дзесь не ў далёкай будучыні людзі стаміліся ад прагрэсу і найлепшай формай супраціву абралі рух у адваротным напрамку. Дэградаваць было б занадта радыкальна, але вось ажыўляць мінулае падыходзіла якраз.

Пачалі людзі вышукваць розныя аўтэнтычныя нормы, традыцыі і гуртавацца вакол сваіх новых інтарэсаў у супольнасці, якія нават перарасталі ў плямёны. Чым аўтэнтычней былі іх каштоўнасці і абрады, тым круцей выглядалі чальцы на ўзроўні з усімі астатнімі. Адна праблема – забаранялася паўтараваць. Калі хоць адно племя ў свеце ўжо выкарыстоўвала, напрыклад, старажытнае афрыканскае шнараванне твару, іншыя не маглі згуртавацца на падставе такой традыцыі.

Самыя хуткія і разумныя ўжо ж перарыдлявалі архівы і сакральныя кнігі і вокамгненна запатэнтавалі за сабой найлепшыя рысы мінуўшчыны. Людзі з невялікімі магчымасцямі працягвалі пошукі і часта звярталіся да спецыяльных агенстваў, якія небескаштоўна займалі росшукам і падборкай неабходных культурных з'яў. Людзі ж зусім слабога інтэлекту спахваціліся ў апошнюю чаргу. Па-першае, іх гэтыя гульні занадта доўга не датычыліся па ўласным жаданні. Па-другое, большая частка з іх прызвычаілася выконваць загады замест таго, каб узбуджаць мазгі і займацца пошукамі, але рэгрэс нарэшце ж дайшоў і да такіх персанажаў. Як усе людзі з нізкімі інтэлектуальнымі здольнасцямі, яны вырашылі да спецыялістаў не звяртацца і пачалі «варушыць паўшар'ямі».

Суполцы, пра якую пойдзе гаворка ў нашым сказе, пашанцавала. Адзін з чальцоў натрапіў у цёмным завулку ці то на навукоўца, ці то на доктара, ці то на доктара навук, няважна, але аджаў у таго акулярыка цэлы заплечнік з кнігамі. Доўга церушылі чальцы патэнцыйнага племені старонкі з незразумелымі словамі, але ж вынайшлі ўзгадкі пра дзікіх людзей, якія жылі ў Конга і зваліся Балуба. Усім спадабалася, што былі тыя людзі моцнымі і ваяўнічымі.

Вырашылі чальцы супыніцца на гэтым, назвалі сябе балубаўцамі і пачалі будаваць свой аўтэнтычны статут. Каб не перасварыцца, вызначыліся, што статутам зоймуцца дабравольцы, самыя чытаючыя людзі групы. Ім і аддалі аджатыя дакументы.

Ой і цяжкая была праца. І вочы зудзелі і мазгі ўскіпалі, сыходзілі, здаваліся чытачы да той пары, пакуль не застаўся сярод іх адзін, самы ўпарты і фізічна моцны мужчына. Разабраўся ён у рэшце рэшт, як мог, што супольнасць людзей Балуба грунтавалася і ядналася на чатырох прынцыпах:

Бумунту – аўтэнтычнасць асабістасці.

Мусіма муампе – добрае сэрца.

Булемэ – самапавага, годнасць.

Булопуўэ – безасабістасць улады.

Першы прынцып быў сапраўды круты і толькі падкрэсліваў неабходную супольнасці аўтэнтычнасць. Самапавагі ў балабаўцаў было дастаткова, таму гэта не супярэчыла іх існасці. Безасабістасць улады ж чытач успрыняў як адсутнасць лідара, анархію, дзе кожны з чальцоў і цар і бог. Другі прынцып – добрае сэрца – быў такім нерэчаісным, што чытач не зваруў на яго ўвагі і хутка, лімітаваная памяць наагул выдаліла гэтую інфармацыю цалкам.

На жаль, прафесар, які так і не ачуняў ад збіцця ў завулку, быў адзіным, хто б здолеў паспрачацца з трактаваннем конганіскіх рэлігійных уяўленняў

і маралі. Безаасабістасць улады наспраўдзе азначала абмежаваныя магчымасці караля. Чалавек не мог быць адзіным прадстаўніком народа, дзеля таго каб гарантаваць росквіт нацыі. Адсюль і аўтэнтычнасць асабістасці – любы чалавек заслугоўваў павагі незалежна ад яго статусу. Не гвалту, не дыктатуры, не тыраніі.

Людзі ж будучыні, у адрозненне ад людзей старажытных, ужо прайшлі праз эру прагрэсу, таму разумелі свет лепей за сваіх папярэднікаў і трактавалі яго, так бы мовіць, у найнеймавернейшай форме.

Трэба было абраць сімвал.

сваей супольнасці яны абралі менавіта гумовую дубіну.

Вернемся ж ізноў на хвілінку да мінулых часоў.

У адной будыйскай легендзе казалася аб сыне, які забыўся аб прашэнні матулі прынесці ёй парэшткі святога і замест іх падабраў на вуліцы сабачую костку і падарыў яе мамцы як вялікую святыню. Маліцца да той косткі прыходзілі і сваякі, і суседзі, і ў рэшце рэшт костка пачала зіхцець і лекаваць хворых. Вера здольная на многае. І балубаўцы настолькі верылі і абагаўлялі свае дубінкі, што яны

ЛЮДЗІ Ж БУДУЧЫНІ, У АДРОЗНЕННЕ АД ЛЮДЗЕЙ СТАРАЖЫТНЫХ, УЖО ПРАЙШЛІ ПРАЗ ЭРУ ПРАГРЭСУ, ТАМУ РАЗУМЕЛІ СВЕТ ЛЕПЕЙ ЗА СВАІХ ПАПЯРЭДНІКАЎ І ТРАКТАВАЛІ ЯГО, ТАК БЫ МОВІЦЬ, У НАЙНЕЙМАВЕРНЕЙШАЙ ФОРМЕ.

з часам пачалі ажываць. Сапраўдны балубавец прысягаў сваёй дубіне ў вернасці і быў абавязаны з ёй ажаніцца. Пасля ад ажыўшых дубін нават пачалі нараджацца дзеці, праўда, выношвалі іх таты, але людзі будучага былі прызвычаяны да рознага, тым больш што дзеткі атрымоўваліся здаровымі, моцнымі, лёгка паддаваліся дрэсіроўцы і ўмелі пазнаваць людзей, таму на адсутнасць доўгатэрміновай памяці можна было не звяртаць увагі.

І вось тут усё стала значна складаней, бо, як высветлілася, Балуба адрозніваліся ад іншых сваёй унікальнай мнеманічнай сістэмай, сістэмай памяці, якая зусім не вязалася да будучага света. Нягледзячы на супраціў прагрэсу, ад камп'ютараў, якія выконвалі і функцыю захоўвання інфармацыі, ніхто адмаўляцца не збіраўся. Доўга сварыліся чальцы, нават гучалі прапановы цалкам змяніць тэматыку і пашукаць нечага лепшага. А калі дамоўленасці дасягнуць так і не атрымалася, балубаўцы пачалі бойку. На смерць.

Хтось біўся ў рукапаш, а хто і з выкарыстаннем розных прадметаў. Выпадкова ж выйгралі тыя, што мелі пры сабе гумовыя дубінкі, таму і сімвалам

Балубаўцы атрымалі свой патэнт, але што б на гэта сказалі людзі Балуба, ужо ніхто не даведаецца, бо там, у быдучым, рэгрэс даўным даўно вынішчыў усю аўтэнтыку.

Ды што казаць, дажывяце самі.

ВОЛЬГА ПАЧКАЕВА

КОЛЕРЫ ІМГНЕННЯ І ВЕЧНАСЦІ

Дзіўная рэч, у XXI стагоддзі колеры сталі надзвычай актуальнымі. Калісьці ў старадаўнія часы так ужо было, калі колер лічыўся сілай, сутнасцю, магічным сродкам і рытуальным атрыбутам. І вось, у век высокіх тэхналогій грамадства вярнулася ў той стан, калі логікі яшчэ не існавала, а эмоцыі і перажыванні кіравалі паводзінамі. У нашым грамадстве, як ні дзіўна, адбываецца падобнае. Хтосьці жыве «ашчушчэніямі», хтосьці пачуццямі, але эмоцыі заўважна пераважаюць і кіруюць учынкамі. Падобна, што беларусы здзівяць планету тым, што апынуліся раптам у будучыні? І насамрэч, штучны інтэлект у будучым будзе кіравацца логікай, вырашаць складаныя задачы, выпрацоўваць стратэгіі, але пачуцці застануцца за чалавекам.

Прычым тут колер? Як і ва ўсе часы, колер з’яўляецца знакам той ці іншай ідэі і дапамагае арыентавацца і гуртавацца пад тым ці іншым сцягам. Але колер – гэта не толькі знак, сэнс якога мы разумеем. На колер рэагуе чалавечы арганізм адпаведным пачуццём і перажываннем, нават калі сэнс нам невядомы. Спачатку – імгненная рэакцыя псіхікі, а потым разважанні. У гэтым праяўляецца адвечная глыбінная сіла колеру.

Кожны дзень мы бачым супрацьстаянне двух колеравых спалучэнняў: чырвонага з зялёным і чырвонага з белым. Чаму так сур’ёзна вядзецца «барацьба з ветракамі», а дакладней, са стужачкамі, зефіркамі і балончыкамі? Якія эмоцыі абуджаюць гэтыя пары колераў?

Чырвоны і зялёны – звычайныя колеры зялёнага лісця, кветак, спелай садавіны і ягад. Але ў прыродзе мы бачым іх у іншых прапорцыях: кропачкі чырвонага ў зялёным. Шмат чырвонага выклікае пачуццё перапоўненасці і празмернай актыўнасці. У спорце, бадай, сцяг з дзвюма трацінамі чырвонага і адной зялёнай будзе да месца. З пункту гледжання сімволікі варта занач ыць, што зялёны наогул не традыцыйны для Еўропы, зялёны – гэта сцяг прарока Магамета. Але вернемся да дзяржаўнай сімволікі. Калі адбываюцца якія-небудзь падзеі, сцягоў звычайна дэманструецца шмат. Але іх колеры не вельмі светлыя, у выніку перамежавання шматлікіх сцягоў, як і пры перамешванні фарбаў, атрымліваецца ўражанне ржава-карычневатага колеру. Часам зялёны колер на сцягу можна сустрэць наогул дзіўнага, светлага, амаль салатавага адцення, што трошкі асвятляе агульнае ўражанне, але, з іншага боку, робіць сцяг не зусім сур’ёзным.

У іншай сітуацыі, напрыклад на экране ці на маніторы, чырвоны і зялёны значна больш яркія. Светлавыя промні чырвонага і зялёнага колераў у сумесі складаюцца ў жоўты. Але гэта не колер золата ці цёплага сонечнага святла. Каб атрымаўся жоўты, промні павінны быць максімальна інтэнсіўнымі, што для вока яўляе невыносны кантраст. Гэта ўспышка, кароткае замыканне паміж чырвоным і зялёным, максімальнае напружанне і дыскамфорт. А калі інтэнсіўнасці не хапае, атрымліваецца ўсё той жа карычневы, як ні круці.

А што з чырвоным і белым? Чысты белы ў прыродзе мы можам бачыць не часта, і ён сваёй чысцінёй радуе ўсіх ад малога да старога – як першы снег. У гэтым спалучэнні менш прыроднага, але больш духоўнага. Белы – святло, свята, чысціня, чырвоны – энергія. У хрысціян гэта сімвалы сілы духу і любові. Дзве траціны белага і адна чырвонага робяць спалучэнне светлым і дастаткова кантрасным. Нават дальтонік убачыць гэты святлотны кантраст без праблем. Сцягу лёгка лунаць у паветры, ён узрушвае не цела, а дух. Калі ж яго нясуць у выглядзе доўгага палотнішча, ён становіцца падобным на ручнік, на ручай, на сцяжынку, бо чырвоная паласа трымаецца і напраўляецца белымі. Гэты сцяг не вядзе на барацьбу, ён натхняе на здзяйсненні.

І гэта відавочна супярэчыць ідэі закансерваванай стабільнасці. Апошнім часам пад раздачу падпалі нават японскія сцягі. Кансерватары змагаюцца нават не са сцягам, а менавіта з колерам, са спалучэннем белага і чырвонага, таму што на ўзроўні псіхалагічным чырвона-зялёнае спалучэнне фізіялагічна-прыземленае, а бела-чырвонае – духоўна-ўзвышанае.

Чырвона-зялёны можа даволі ўдала заклікаць на якую-небудзь калектыўную будоўлю стагоддзя, да таго, каб класці цэглу ці насіць шпалы, да фізічнай працы (глядзі прэзентаваныя прафсаюзам перарobленыя савецкія плакаты). Але стварэнне высокаінтэлектуальнага прадукту патрабуе іншых стымулаў. Ну не спрыяе ён крэатыўнасці, у адрозненне ад бела-чырвона-белага, і бясконцыя варыянты чырвонай графікі на белым фоне падаюцца невычарпальнымі.

Чырвона-зялёнаму сцягу (з варыяцыямі ў малюнку арнаменту) каля 70 гадоў, у гістарычным вымярэнні гэта імгненне. Сваё паходжанне ён вядзе ад савецкага, а той – ад сцяга французскай рэвалюцыі як сімвала пралітай у барацьбе крыві. Але савецкая эпоха падыходзіць да свайго завяршэння, у XXI стагоддзі праліваць сваю і чужую кроў здаецца анахранізмам. У бел-чырвона-белым сцягу таксама паводле легендарных версій ёсць сімволіка крыві, але крыві, ахвяраванай на карысць народа. Да таго ж гэтыя колеры існуюць як асноўныя ў традыцыях народнага ткацтва і касцюма, і гэтая спрадвечнасць абуджае годнасць у сучаснасці. Сцяг так арганічна быў успрыняты таму, што гэтае колеравае спалучэнне, гэты сімвал эмацыйна і духоўна родныя большай частцы грамадзян Беларусі, ён быў, ёсць і будзе, бо яго час – адвечны.

ВЕРА ФИЛЕНКО

ПАРОЧКА ПРОСТЫХ И МОЛОДЫХ РЕБЯТ

Он всегда опаздывал, ну как опаздывал, просто решался в последний момент, словно просыпаясь от судороги в занесенной над пропастью ноге, и бежал за всеми, нелепо размахивая руками, в которых всегда болталось что-то неуместное – пакет со сменкой, рожок с мороженым, мешок с бутылками, догонял, запрыгивал в последний вагон и уже там наконец начинал разбираться, во что влез на этот раз. На этот раз он влез в печать, в которой понимал примерно как шпиц в балете, но в миг ослепляющей смелости подумал: «Да ладно, что там, не рокет саенс, разберусь», как думал, впрочем, всегда, да и разбирался тоже – как мог, не всегда идеально, но изо всех сил.

До самой печати нужно было еще дойти: написать, согласовать, вычитать, еще раз согласовать, сверстать, снова согласовать, выслушать раздраженное голосовое сообщение от некоего Mr Rollton и переписать все заново, потому что двадцать минут назад героя интервью вытащили из его собственной машины возле магазина, и теперь он никому не сможет помочь, как собирался, хотя и контакты его уже сверстали в подвал страницы, телефон и QR-код, какой еще QR-код, господи, помоги ему самому, и теперь все нужно опять переделывать, -писывать, -читывать, -согласовывать.

– Может, все-таки не все переписывать? – осторожно взмолился Вовка (о том, что его зовут Володя, ну, можно Вовка, он тоже всегда сообщал в последнюю очередь, словно прозевав момент, когда все представлялись или тягали из общей коробки беджи, чтобы наспех написать свои имена, и потому безмятежно отзывался на обезличенные императивы – слушай, давай, сделай). – Нормальное же интервью, ну не Дулкин будет трубку брать на этой их горячей линии, а зам его, какая разница, сделаем пометку «пока верстался номер».

– Ага, а через двадцать минут и зама закроют, а сносок уже на полстатьи. Слушай, давай перепиши, просто убери Дулкина, переделай в «вопрос-ответ», оставь основные тезисы и телефон внизу. Кто поднимет, тот ответит.

«Хорошо», – подумав, написал в общий чат Вовка (на такого рода протесты точно не было ни времени, ни сил). Через полчаса текст был переделан и выслан в верстку человеку

с ником КОТОВАСЯ. Вовка выключил телефон и пошел курить.

На улице шел мелкий дождь, Вовка долго щелкал колесиком зажигалки, наконец закурил и выпустил в темноту облако дыма, перемешанного с паром. Справа грохнула дверь машины, по тротуару застучали чьи-то увесистые подошвы. Вовка привычно подобрал зачатки чахлого пресса и завертел головой, прикидывая, куда бежать – по светлому, к дороге, или через кусты, вниз к озеру.

– Все свои, не митусись, – голос из темноты звучал довольно надежно, и Вовка охотно выдохнул: бояться и бегать сегодня сил все равно уже не было. Под фонарь зашел крепко сбитый смуглый парень в коротком пальто и жестом попросил прикурить. Вовка протянул зажигалку и принялся рассматривать черные ботинки гостя; подумал, что уже очень давно не видел никого в такой обуви: кожаные, тяжелые, с красно-белой шнуровкой до середины голени, в таких далеко не убежишь, поэтому все свои уже давно перешли на кроссовки. Не выдержал:

– Ты чего так вырядился?

– А ты чего один наружу сунулся? – парень беззлобно улыбнулся и протянул руку: – Никита.

– Вовка, – ответил Вовка. Кажется, впервые за эти месяцы он услышал его вслух и удивился тому, как оно прозвучало – как чужое.

Они молча докурили, бережно спрятали окурки в стеклянную банку под лавкой, так же молча сели на нее и достали телефоны.

– Ты из больничной? – спросил Вовка.

– Не, из автохелпа, в больничной был на прошлой неделе, – Никита стучал пальцем в светящийся экран и хмурил темные брови. – Черт, не успел.

Вовка ткнул пальцем в голубую иконку – чат зоны не открылся, сеть недоступна. Интернет-блэкаут наступил неотвратимо и, как всегда, неожиданно – предугадать график его отключения было невозможно, каждый раз сеть пропадала произвольно, без какой-то внятной логики и расписания, так что Вовка не особенно расстроился из-за того, что не успел закончить работу и сменить зону. Единственное, что было известно наверняка, это то, что за блэкаутом обычно следовали разгоны, иногда жесткие, иногда просто «хапуны» со штрафами, но исчезнувший значок сети всегда говорил о том, что с улицы лучше уйти, ну или хотя бы не оставаться одному. Технически Вовка был не один, до двери пара метров, так что он отважно достал еще одну сигарету.

– Если из автохелпа, то ты, наверное, за тиражом? – предположил Вовка и тут же на автомате подумал: «В автохелпе можно и в мартенсах, там бегать не надо».

– Не, – сказал Никита, – я на развозе выпускников. Сегодня должна вроде партия выйти, но видишь как, прозевал списки до блэкаута, придется наобум ехать и там уже смотреть.

Вовка курил и украдкой рассматривал профиль Никиты: большой, но в то же время изящный нос с глянцевой спинкой и блестящими крыльями, впалые щеки, покрытые щетиной, выцветший синяк на острой скуле. Именно синяк окончательно успокоил и расслабил Вовку. Он засунул бесполезный телефон в карман и стал думать, как так вышло, что ему самому толком ни разу не влетело, даже когда однажды его загребли с огромной вязанкой пластиковых поллитровиков с водой прямо у площади – так, попинали немного и вылили в рот пару бутылок («что, блядь, не напились еще летом?»), а больше ничего, легко

отделался, повезло, я вообще везучий, без всякого удовольствия думал про себя Вовка, бестолковый, но везучий. Впрочем, кто сейчас толковый, никогда не знаешь, каким сегодня окажется твое передай женщине соль, на этом отсутствии высшего смысла и хоть какой-то внятной системы и иерархии им всем и удалось продержаться целый год.

– Где тебя так? – спросил Вовка. Никита прищурился и нехотя ответил:

– На костеле.

– Девочек забирал? – с уважением уточнил Вовка.

ДВЕ НЕДЕЛИ НАЗАД НА ПЛОЩАДИ БЫЛ ОДИН ИЗ САМЫХ СТРАШНЫХ РАЗГОНОВ, ПОЧТИ СОТНЯ ЧЕЛОВЕК ЗАБЕЖАЛА В КОСТЕЛ И НЕ МОГЛА ВЫЙТИ – СНАРУЖИ ИХ КАРАУЛИЛИ ПОЧТИ ТРОЕ СУТОК, НЕ ПОДПУСКАЯ К ДВЕРЯМ ДАЖЕ ВРАЧЕЙ. О ТОМ, ЧТО ПРОИСХОДИЛО ЗА ДВЕРЯМИ, ВОВКА СТАРАТЕЛЬНО НЕ ДУМАЛ.

– Девочек забирал. А ты сегодня в печати?

– В печати, – послушно ответил Вовка.

– Так может, давай я тебя отвезу? На развоз не поеду, там всегда есть кому. Где твой тираж забирать?

Вовка уже открыл рот, чтобы рассказать про второй этаж и принтеры, которые еще только везут, и про дизайнера КОТОВАСЮ, про которого он так и не понял, в каком роде к нему обращаться, но сонно завис, глядя на угол дома, на котором плясали дырявые тени кленовых веток. Что-то было не так.

Где-то на втором кольце загудели машины, их гудки слились в протяжный утробный стон гигантского животного, состоящего из десятков раненых механических тел. Из-за угла засверкали вспышки и потянулись цепочки фигур, панцири их шлемов матово отсвечивали в темноте. Почему-то в этот раз они двигались молча, стараясь не издавать звуков, кроме ударов дубинок по хитиновым щитам, и в этом тоже было что-то не так, насколько с этим что-то может быть так в принципе.

Никита в один прыжок оказался у машины, открыл дверь и почти раздраженно заорал:

– Ну, ты чего? Поехали!

Вовка занес ногу над пропастью блестящего асфальтом, застыл, замотал головой и вдруг метнулся куда-то вбок, выпрыгнул из пятна света, как раненый олень, и понесся дальше от Никиты и его машины, на которой не было номеров, на ней же не было номеров, я же это тоже успел заметить, думал Вовка, черт, почему я такая бестолочь, скоро мне перестанет везти, но тут же перестал об этом думать – это больше не имело значения,

завтра все равно уже все будет по-другому, завтра новый цикл, новая зона, уже не важно, главное – уйти сейчас,

и он уходил как мог, от души, изо всех сил;

ноги, обутые в грязные кроссовки, легко несли его худое тело по скользкому тротуару, по мягкой земле, по мелким камням, через кусты, вниз, к воде;

где наконец сделал глубокий вдох и ухнул в темноту, по-детски доверчиво прижав костлявые колени к груди;

как большое тяжелое веко, озеро тихо сомкнулось над его головой.

МАКС ШЧУР

БЛЯКАДА

Дзёньнік

*

– Найлз! Гэты ты! Здароў, чувак!

Ён не азірнуўся, хаця быў без навушнікаў. Я не наважыўся гукнуць да яго зноўку, хаця ў краме мы былі адны, калі не лічыць прадавачкі. Праз хвіліну-дзьве нашыя позіркі нібы выпадкова сустрэліся і зноў разьмінуліся: ён мяне не пазнаў. Не таму, што на мне была маска. Было адчуваньне, што ён проста ня мае сіл, каб сфакусаваць позірк. Пры гэтым Найлз быў відавочна цьвярозы, а гэта ў папярэднім жыцьці было ў яго рэдкасьцю. Я зразумеў, што ён галодны, проста галодны. Як кожны галодны чалавек, ён набраў з паліцаў усяго, што яму карцела зьесьці й выпіць тут і цяпер: хлеб, піва, нейкія сасіскі невядома з каго, чыпсы, апэльсіны, жуйкі. Навошта жуйкі? Каб пад маскай добра пахла? Думаю, ён проста палічыў дзіўным купіць усё, што было ў краме, і не купіць жуек. Выбар быў невялікі.

Калі ён павярнуўся тварам да касы, я падышоў і крануў яго за плячо. Ён млява азірнуўся і падміргнуў мне. Значыць, ён ведаў, што гэта я, але не хацеў паказваць прадавачцы, што мяне ведае. Не пасьпеў я нешта сказаць, як ён паднёс да маскі ківун і шыкнуў на мяне. Я пацiснуў плячыма і даў яму спакойна разьлічыцца. Закінуўшы прадукты ў торбу, ён яшчэ раз павярнуўся да мяне. Гэтым разам ягоныя вочы былі надзвычай сфакусаваныя і выразныя.

– It's in the mask, – сказаў ён напаўголасу, так, каб не пачула прадавачка, і выйшаў з крамы.

*

Апошнім часам я называю сам сябе «віджыланці». У амэрыканскіх коміксах і кіно гэта штосьці накшталт народнага дружыньніка-адзіночкі. Але, калі верыць этымалёгіі, «віхілянтэ» па-гішпанску – гэта проста той, хто ня сьпіць. Ад лацінскага слова «вігілія», усяночная. То бок чуйнуе ўначы. Вось і ўсё. Менавіта гэтым я і займаюся. Ніякага гераізму, звычайныя начныя вартавы. У маёй студэнцкай маладосьці гэта была праца мараў кожнага, хто хацеў сур'ёзна вучыцца. З той розьніцай, што мяне на пасаду вартавога ніхто не наймаў.

Мая праблема ў тым, што я ня сплю па начах – праз гэта і вяду пераважна начны лад жыцьця. Ці наадварот, ад прывычкі да начнога ладу жыцьця я не магу спаць апошнія гадоў дваццаць? Ня памятаю, што было ў гэтым выпадку раней, яйка ці курыца.

Калі горад напаткала Пошасьць, улада была перададзеная Камэндатуры, тут жа сфармаванай з самых паважаных грамадзянаў і самых адукаваных вайскоўцаў з мэтай ўратаваньня насельніцтва. Літаральна на наступны дзень Камэндатура ўвяла камэндантцкую гадзіну – забарону на выхад з дому ад дзявятай вечара да шостай раніцы. Забарона тычылася ўсіх, за выняткам адмыслова абумоўленых прафэсій. Таксама было забаронена пакідаць горад бязь пільнай патрэбы, дзеля гэтага на выездах былі ўсталяваныя блёк-пасты. Адсюль у народзе – гэтак раней называлі сацыяльныя сеткі і іх карыстальнікаў – распаўсюдзілася слова «блякада».

Блякада горада мяне асабліва не закранала (прынамсі, я так лічыў на пачатку), а вось начная блякада дому тычылася мяне непасрэдна. Я ня мог уявіць сабе, што цягам усёй Пошасьці мне ня ўдасца нават выйсьці на двор, калі я толькі не зьмяню свайго цыркаднага рытму і неператварыся з савы ў жаўрука. З гэтай нагоды я нават напісаў у Камэндатуру гнеўную скаргу, на якую мне прыйшоў адказ у тым сэнсе, што «сава» – гэта не дыягназ, не прафэсія і не падстава ўключаць мяне ў сьпіс выключэньняў, ці выключаць са сьпісу ўключэньняў, як заўгодна. Пакуль Пошасьць ня скончыцца, права на вулічнае начное жыцьцё ў мяне няма, як і ўва ўсіх астатніх.

Гэтае залічэньне да астатніх абурыла мяне яшчэ болей за саму забарону. Я разумею, што Пошасьць і магчымая сьмерць ад яе тычыцца ўсіх, але ў рамках гэтага калектыўнага лёсу я ўсё ж пакідаю за сабою права выбраць прынамсі акалічнасьці, пры якіх ён мяне напаткае. Хай сабе я на ланцужку, але яго даўжыню мне хацелася б вызначаць самому.

Гэтак я ператварыўся са злоснай савы ў злоснага парушальніка новага рэжыму.

*

Мушу яшчэ дадаць, што я сам лічу сябе мастаком і нават маю на гэтую дзейнасьць адпаведны дыплём. Той сьведчыць, што я вывучаў мастацтва з дабраславеньня грамадзтва і дзяржавы і нават маю іхны калектыўны дазвол ім займацца. Пры гэтым мэтай мастацтва, як нас вучылі ў акадэміі, ёсьць крытыкаваць актуальны стан грамадзтва і дзяржавы, будучы да іх у нязьменнай апазыцыі. Аднак пры татальнай матэрыяльнай залежнасьці сучаснага некамэрцыйнага творцы ад дзяржаўных грантаў такая апазыцыя можа быць толькі «кішэннай».* Вось і я ўжо доўгі час вяду жыцьцё такога кішэннага апазыцыянэра. Гэта значыць, што я маю (то бок здымаю) майстэрню і ня маю ніякіх асабліва арыгінальных ідэй. Паколькі іншых крыніц даходу апроч мастацтва ў мяне няма, то ў гэтай майстэрні я і жыву. Аднойчы, яшчэ падчас вучобы, мне ўдалося прыдумаць і змайстраваць адзін правакацыйны аб'ект, які напаткала штосьці накшталт мэдыйнага посьпеху; пэрыядычна калекцыянэры яшчэ замаўляюць у мяне яго копіі або варыяцыі – гэта таксама крышку сілкуе мой бюджэт. У астатнім я, што называецца, знаходжуся «ў пошуку». У пошуку чаго і як доўга я яшчэ прабуду – пытаньні рытарычныя, адказ на якія здольная даць хіба толькі Пошасьць. Калі пашчасьціць.

*Выкрэсьлена: Уявіце сабе, ёсьць краіны, дзе мастацтва ўсё яшчэ можа быць неафіцыйным! Паўзабароненым! Андэграўндавым! Якое шчасьце! Нездарма мы так любім запрашаць да сябе творцаў з падобных краін і так шчодра адорваем іх увагай, стыпэндыямі, выставамі – гэта ў нас гаворыць нашая зайздрасьць. Я, уласна кажучы, сам паходжу з адной такой краіны, але мая памылка ў тым, што я там ужо доўгі час не жыву і не пакутую, таму ня маю права (маральнага

права!) быць аб’ектам тутэйшай шчодрасьці ці захапленьня – магу быць толькі аб’ектам тутэйшай міласьціны і спачуваньня.

*

Быў такі выраз – вымерлы горад. Напэўна, ён дайшоў да нас яшчэ з часоў мору ці нейкай іншай з папярэдніх Пошасьцяў, калі, як я чытаў, выміралі больш канцэнтравана. Тады Пошасьць была паўсюль бачнай і, так бы мовіць, нюхнай, адчувалася ў самім паветры.

Што ў нас у паветры? Нічога. А можа, я папросту страціў нюх? Сапраўдны, а ня толькі мастацкі? Кажуць, страта нюху, як і смаку, – адзін зь несумненных сымптомаў заражэньня. Магчыма, гэта тлумачыць, чаму людзі падчас Пошасьці так захапляюцца гастраноміяй: несупынна тэстуюць самі сябе на прадмет вострых смакавых і нюхавых адчуваньняў.

У адрозьненьне ад пошасьцяў папярэдніх эпох, наш горад вымерлы крыху ў іншым сэнсе. Па ім сапраўды ходзіш, як па могілках, толькі на іх пахаваныя ня людзі, а ўстановы. Разам з установай у магілу кладуць яшчэ жывыя аўдавелыя ўспаміны пра яе. Вось тут была чаёўня, там – кнігарня. Вось тут працаваў басэйн, там прадавалі кветкі. Тут вучылі на кіроўцу, насупраць – добра гатавалі. Вось тут была галерэя, дзе і я меў некалі шчасьце выстаўляць свае працы або ганіць працы іншых. Тут за півам зьбіраліся нацысты, там – індуісты. Усяго гэтага болей няма, засталіся адны пустыя памяшканьні, каркасы. Быццам па горадзе сапраўды пранеслася вайна, толькі з выкарыстаньнем вадароднай бомбы, а не звычайных узбраеньняў. Раней, калі я быў маладзейшы, мяне такія апакаліптычна-вусьцішныя краявіды і параўнаньні ўзрушвалі. Сёньня я ня бачу ў іх нічога арыгінальнага ані паэтычнага. Быццё вызначае сьвядомасьць, у прыватнасьці – густ.

Першы час я быў у сваіх вылазках надзвычай асьцярожны, бо шчыра думаў, што начныя вуліцы будуць пад пільным наглядам патрулёў, што парушальнікаў будуць высочваць і штрафаваць, калі наагул не застрэльваць, – але дзе там. У начным жыцьці людзі цанілі перадусім магчымасьць быць разам і набухацца ў калектыве – як толькі гэтая магчымасьць зьнікла, абсалютная большасьць прыстасавалася й навучылася бухаць паасобку, седзячы дома. Ісьці на двор нікому асабліва не карцела, да таго ж пачаліся нетыповыя для нашых мясьцін халады. Таму ў сваім нявінным пратэсьце я застаўся сам-насам зь нябачнай сыстэмай і нябачнай Пошасьцю, сам амаль нябачны пад покрывам ночы.

*

НАТУРАЛЬНА, КАЛІ Б МЭТАЙ КАМЭНДАТУРЫ БЫЛО НАСАМРЭЧ УРАТАВАНЬНЕ НАСЕЛЬНІЦТВА, ВАРТА БЫЛО Б НА НЕЙКІ ЧАС ЗАБАРАНІЦЬ У ПЕРШУЮ ЧАРГУ ДЗЁННАЕ, А НЕ НАЧНОЕ ЖЫЦЬЦЁ.

Але навошта забараняць тое, што, як ні круці, зручней проста кантраляваць? Паўсюдныя камэры назіраньня даюць удзень нашмат больш рэзкую карцінку, якая дазваляе лёгка распазнаваць твары тых, хто не супрацоўнічае з новым парадкам. Апрача таго, дзённае жыцьцё – гэта дзейнасьць, а тая ўспрымаецца як форма адбыцьця дабраахвотнага пакараньня за ўсе нашыя (таксама дабраахвотныя) правіны, якія і наклікалі на нашыя галовы Пошасьць. Нікому не прыходзіць у галаву думка, што правінай можа быць акурат нашая дзейнасьць.

Зрэшты, і дзённае жыцьцё было хай і не забароненае, але значна абмежаванае. Офісныя працаўнікі вымушана

здалі ключы ад сваіх ультрасучасных памяшканьняў, узялі лэптопы пад пахі й разышліся па кватэрах у прэстыжных раёнах, разьехаліся па вілах у прэстыжных прыгарадах, замаркочаныя тым, што больш ня змогуць штодзённа паўтараць гэты шлях у сваіх найноўшых легкавухах і пазадарожніках. Цяпер яны зайздросьцілі звычайным рабацягам, што па-ранейшаму а пятай раніцы загружаліся ў грамадзкі транспарт і паслухмяна рушылі на свае заводы ці будоўлі, упрыгожаныя лёзунгам «Пралетарыі ўсіх краін, з вамі бог». Пасьля гэтага да самага вечара транспарт практычна пуставаў. Гэта значыць, што пуставаў і горад. Я гэтага ўсяго на ўласныя вочы амаль ня бачыў, пра дзённае жыцьцё даведваўся з мэдыяў, як пра навіны з другога боку паўкулі. Дзякуючы мэдыям кожны з нас нагадваў цяпер інвэстара, які напружана сочыць за разьвіцьцём падзеяў на біржы, толькі замест крывой росту акцый у нас была крывая росту колькасьці ахвяраў, а замест індэксу Доў-Джоўнза – індэкс прыросту інфікаваных.

Я здольны ўявіць сабе, што на пачатку многія людзі, якія ўважалі сябе за апірышча грамадзтва, розныя там бізнэсмэны, службоўцы і іншыя, успрымалі блякаду як заслужаны адпачынак. Урэшце! Застацца дома, ня мусіць нікуды цягацца, пацягваць піўко перад кампутарам – што можа быць лепшым? Толькі калі гэтыя вакацыі-невакацыі пачалі зацягвацца, да апірышчаў пачало даходзіць, у што яны ўляпаліся. А ўляпаліся яны ні ў што меншае за доказ таго, што грамадзтву яны па вялікім рахунку не настолькі й патрэбныя. Іхныя пасады – гэта тое, што мой улюбёны філёзаф Дэйвід Грэйбэр, які памёр у Вэнэцыі пры канцы гэтага блядзкага году, называў «булшыт джобз». Гэтае адкрыцьцё мусіла быць для апірышчаў шокам: Пошасьць паставіла пад пагрозу будучыню самой іхнай клясы мандарынаў-упраўленцаў, якія дагэтуль так здорава з усім упраўляліся.

Што да мяне, то мая непатрэбнасьць грамадзтву ніколі не была для мяне таямніцай, таму ніякага катарсісу ад атрыманага шоку (анагнорысіс, казалі ў Акадэміі) я не перажыў. Я заўжды адчуваў сябе паразітам, а тыя, як вядома, найболей жывучыя й найлепш прыстасоўваюцца да новых умоваў.

*

Як так выйшла, што я застаўся ў горадзе і наагул у гэтай краіне адзін, – гісторыя нудная, як Пошасьць. Як вы ўжо маглі здагадацца, я не тутэйшы, прыехаў сюды вывучаць мастацтва (дзе яшчэ, як ня тут), добра зарэкамэндаваў сябе як студэнт і будучая надзея гарадзкой арт-сцэны, ну і застаўся тут жыць і працаваць – нічога надзвычайнага, так цяпер робяць усе. Дзякуючы зносінам транспартным і віртуальным людзі цяпер не настолькі прывязаныя да месца свайго пражываньня, як калісьці. Пагатоў людзі творчыя: калі раней яны дзякуючы вандроўкам спазнавалі сьвет, то цяпер такім чынам сьвет спазнае іх. Калі ты ня хочаш перасоўвацца ў прасторы, дарога ў сучаснасьць для цябе закрытая. Дый пра што ты зьбіраесься сучаснасьці апавесьці, як не пра свой багаты жыцьцёвы досьвед, сакрэт багацьця якога палягае ў прасторнасьці навакольнага сьвету? Для творчага чалавека няма – ці не павінна быць – асаблівай розьніцы, дзе ён начуе і дзе праводзіць большасьць дзён у годзе: слушны адказ тут толькі адзін, «у дарозе». Вось і я перасоўваўся разам з усімі, падчас вучобы і пасьля яе, то на стыпэндыю, то на стаж, то на вакацыі, што праўда, збольшага па старой добрай Эўропе. Ужо тады аднакурсьнікі глядзелі на мяне з падазорам: якой трасцы я ўсё трымаюся гэтай Італіі ды Грэцыі, калі ёсьць Мэксыка і Тайвань? Трымацца Старога Сьвету азначае ў пэўным сэнсе трымацца састарэлых поглядаў на культуру і цывілізацыю. Хіба ў сучаснасьці

яшчэ засталася нейкая розьніца між месцамі на глёбусе? Хіба Грэцыя і Тайвань – не абое рабое?

Да такога ладу жыцьця лёгка прызвычайваесься, а пасьля раптам здараецца Пошасьць, і тады людзі са зьдзіўленьнем адкрываюць для сябе, што сьвет можа часам сьціснуцца да плошчы некалькіх квадратных кілямэтраў і застацца пры гэтым сьветам. У многіх маіх знаёмых па Акадэміі (і ня толькі) падчас блякады настала сапраўднае вандроўнае пахмельле; некаторыя зь іх, што не пасьпелі ўцячы на поўдзень да мора, у выніку сьпіліся або стырчаліся на кампутарных гульнях і сымулятарах. Мне пашчасьціла болей, мая айкумэна ў апошнія гады паступова ўсё болей звужалася разам з маімі ідэямі, кругаглядам і пэрспэктывамі – Пошасьць паставіла за гэтым працэсам усяго толькі тоўстую кропку.

Гэтая мая ўсё большая «аседласьць» была прадыктаваная ў тым ліку маім жыцьцём полавым, ці як яшчэ кажуць – нізавым. Што нізавое – тое падставовае, яно і вызначае сьвядомасьць і ўсё астатняе, як ведаў ужо дзядуля Фройд: кажучы па-марксісцку, так званую «надбудову». Самае актыўнае дзесяцігодзьдзе свайго жыцьця я правёў у пошуках сваёй мастацкай Тэмы і ў дабраахвотным сэксуальным рабстве ў адной былой сунавучэнкі з Акадэміі, якую шчыра кахаў як поўны афэлак – ці прынамсі быў пэўны, што шчыра кахаю. На гэтай аснове мы ня толькі пэрыядычна езьдзілі за мяжу, але нават здымалі разам кватэру, дзе ладзілі ўсякія вечарыны й наагул рабілі ўсё тое, што і належыць рабіць маладой багеме. Потым мая гаспадыня ад мяне рэзка адмовілася на карысьць іншага раба – а мо і сама захацела пабыць рабыняю ў каго-небудзь таго вартага, што я ведаю, – і вось ужо трэці год я бязвыезна жыву ў майстэрні, адзін як таполя сярод інфармацыйнага поля. Гэта даволі звычайная гісторыя нашага часу, таму няма сэнсу ўдавацца ў падрабязнасьці – мне яшчэ пашанцавала, што мы зь ёю не завялі дзяцей, таму нічога адно аднаму не вінаватыя. Зрэшты, мая дама сэрца і не хацела іх заводзіць, галоўнае ў ейным жыцьці была кар'ера ў вобласьці дызайну, скажу не бяз зайздрасьці – досыць пасьпяховая. Расстаньне нашае было даволі драматычнае, і ў выніку гаспадыня зьвяла з сабою з майго жыцьця большую частку нашых супольных сяброў, якія аддалі перавагу стасункам з усё яшчэ маладой і пэрспэктыўнай, а не з ужо старым і нікому не цікавым. Усё гэта й без таго значна звузіла кола маіх дачыненьняў задоўга да блякады і, сярод іншага, адбіла ўсякую ахвоту кудысьці мкнуцца й «шукаць шчасьця» з кімсьці яшчэ. На гэтай падставе людзі з нашых колаў сталі распаўсюджваць чуткі, што ў мяне дэпрэсія. Пры гэтым дэпрэсіі ў нашых колах сёньня ўжо не бывае: бывае толькі мала псыхатропных рэчываў і грошай, каб іх набыць.

Такім чынам, маё жыцьцё пачало нагадваць блякаду яшчэ да блякады: у часы, калі іншыя апантана вандравалі і нібы апошні раз перад сьмерцю наведвалі публічныя ўстановы, я стаў рабіць гэта ўсё меней. На пытаньні «чаму» я дзяжурна адказваў, што гэта мая такая схованка ад грамадзтва.

І вось з надыходам блякады здарылася тое, што ў маю ўяўную схованку нібыта ўлезьлі ўсе астатнія, а ў мяне не засталося месца, у якім мне можна было б пабыць самім сабой у адрыве ад калектыву. Цяпер ужо сама Камэндатура абавязала мяне заставацца самім сабой так доўга, як мне загадаюць: гэта значыць, рабіць усё тое, што астатнія. Паводле лёгікі нон-канфармізму я мусіў бы зараз пачаць прарывацца скрозь узброеныя кардоны, наведваць усякія нелегальныя зборышчы і займацца ў мастацтве вулічным акцыянізмам – але аказалася, што я пераацэньваў

сябе як нон-канфарміста. Я аказаўся такім крышачку канформным нон-канфармістам.

Зрэшты, чым іншым ёсьць мастацтва, як не мастацтвам быць канфармістам і пры гэтым удаваць супрацьлеглае? Быць на словах (на вачах у публікі) Львом Талстоем, а на справе – простым х...м: гэта, як на мяне, і ёсьць сутнасьць як мастацтва, так мастака.

*

Трэба сказаць, да гонару нашай Камэндатуры, што ўведзеныя абмежаваньні дзейнічаюць дасканала: я ніколі ня бачыў у горадзе ніводнага хворага. Я маю на ўвазе, жыўцом. У тэлевізіі – колькі заўгодна, іх там поўныя шпіталі і могілкі. Таксама я ня маю гонару асабіста ведаць некага, хто падхапіў вірус – у адваротным выпадку я мусіў бы тут жа данесьці на яго ў паліцыю.

Што праўда, неяк уначы я бачыў з-за рогу, як з аднаго пад'езду санітары забіралі хворага. Ён упарціўся, крычаў на ўсю вуліцу «Дапамажыце», але пры гэтым яўна зьвяртаўся не да санітараў – наадварот, відавочна хацеў, каб яго ўратавалі ад іх. Кажуць, такой ёсьць апошняя стадыя хваробы, што суправаджаецца цяжкім псыхозам: чалавек перастае адрозьніваць рэальнасьць ад трызьненьня і разумець, што ў такім стане найгоршы вораг сабе самому – ён сам.

*

З Найлзам мы пазнаёміліся ў кавярні. То бок у піўной. То бок для яго гэта была піўная, для мяне – кавярня, бо я пару гадоў таму кінуў піць. Ён мне адразу не спадабаўся: я палічыў яго адным з тых запанелых экспатаў, якія маюць дастаткова грошай, каб да канца жыцьця не займацца нічым апроч бухалава. Я не памыліўся: у выпадку з Найлзам так і было. Актуальнай мэтай ягонага жыцьця было забыцца на родную ангельскую мову і навучыцца гуляць у шахматы. Я нейкі час дапамагаў яму ў абаіх гэтых пачынаньнях. У шахматы ён гуляў надзвычай пагана, то бок горш за мяне, гэтак жа як і вымаўляў, асабліва пасьля восьмай вечара. Ангельскую ён сапраўды памалу забываў, хаця новымі мовамі пакуль так і не авалодаў. Памятаю, на пытаньне пра ягоную прафэсію Найлз адказаў, што ён «дыджэй у адстаўцы» – я ўсьміхнуўся і сказаў, што я «мастак у камандзіроўцы». Так мы і пазнаёміліся. Кожны раз, як мы сустракаліся ў кавярні, мы перакідваліся парай словаў – зашмат супольных тэм у нас не было, калі не лічыць юных прыгажунь-афіцыянтак, якіх Найлз усіх ведаў па імі, а некаторых і па інтыме. Большасьць часу Найлз сядзеў у сваім кутку сам, курыў і слухаў у здаравенных прафэсійных навушніках нейкую электронную музыку. Калі ўсе месцы былі занятыя, я звычайна падсаджваўся да яго, і мы проста сядзелі за адным столікам моўчкі і пераміргваліся, як дзеці за партай. Мы і сапраўды зь ім амаль аднагодкі, хаця Найлз выглядае так, быццам мог бы быць маім бацькам. Самае сымпатычнае, бадай, у ім тое, што ён ня лічыць дурацкім ніякі кшталт гумару. Прынамсі, са мною ён заўжды ахвоча рагатаў зь любога жарту. Наколькі яму ў гэтым дапамагала тое, што ён курыў, сказаць цяжка.

Усё гэта я мушу апісваць у мінулым часе, бо ў нашай кавярні я ўжо ня быў тры месяцы. Хто б мог падумаць, што я буду ня здольны безь яе жыць. Ні з кім апроч Найлза я там размоў не заводзіў, і ўсё ж меў адчуваньне, што знаходжуся «між сваіх», «на вачах у людзей», якім было дастаткова проста час ад часу ўсьміхнуцца. Толькі дзякуючы блякадзе я ўрэшце разумею, што такі сацыяльны кантакт, хай самы павярхоўны, у разы важнейшы за самыя «глыбокія» сацыяльныя сеткі.

Здаецца, Кант казаў, што эўрапейская дэмакратыя нарадзілася ў кавярні – і вось усяго за некалькі першых тыдняў блякады кавярня памерла як

установа. Як вынік, ад дэмакратыі таксама засталося няшмат. Цяпер левыя і правыя палітычныя партыі ў так званых сур’ёзных мэдыях наперабой выказваюць Камэндатуры сваю падтрымку, тым часам як у сацсетках людзі вэнтылююць сваю разьюшанасьць, паказваць якую дзе-небудзь яшчэ даўно зрабілася непаліткарэктна. Апроч кавярні ці піўной: там, пад уплывам спажытых вадкасьцяў, пэрыядычна яшчэ выбухалі полыскі колішняй эўрапейскай пасіянарнасьці. Але болей не выбухаюць: цяпер месцамі пэрыядычных вэрбальных сутычак зрабіліся крамы, транспарт і апошнія адчыненыя грамадзкія ўстановы, такія як пошты і банкі.

палепшыць, каб прынамсі запаволіць старэньне.

А сэнс?, падумае тая/той, хто будзе гэта чытаць. Адкажу: раней я хацеў дажыць да перамогі дэмакратыі, цяпер хачу ўсяго толькі дажыць да канца Блякады, а там паглядзім. Мэта як мэта, ня лепшая і ня горшая за іншыя. І дарма вы думаеце, што я адзін такі герой-парушальнік: не, калі зайсьці ці забегчы дастаткова далёка, можна натрапіць на іншых такіх ірэдэнтыстаў, як я сам. Апошнім часам я штоночы сустракаю на вуліцы прынамсі аднаго чалавека. Збольшага гэта чалавек з сабакам, бо сабакарам дазволена выходзіць ажно да адзінаццатай

ЁН ХОЧА МЯНЕ АБРАБАВАЦЬ? ЗГВАЛЦІЦЬ? ЗАБІЦЬ? ЗЬЕСЬЦІ? ЦІ, КРЫЙ БОГ, ЗДАЦЬ ПАЛІЦЫІ? МЯНЕ ПАКРЫЎ ХАЛОДНЫ ПОТ: Я ВЕДАЎ, ШТО Ў ГЭТЫМ МЕСЦЫ І Ў ГЭТЫ ЧАС Я ПА-ЗА ЗАКОНАМ, І ШТО КАЛІ ШТО-ЯКОЕ, НІХТО МНЕ НЯ ПРЫЙДЗЕ НА ДАПАМОГУ.

вечара, а не да дзявятай, як астатнім пацыентам нашай Камэндатуры. Але сёньня мне пашанцавала: я сустрэў чалавека без сабакі. Гэты чалавек быў чорны і бег мне насустрач. У першы момант я ледзь не захлынуўся адрэналінам, але пасьля зразумеў, што чалавек папросту чарнаскуры, афрыканец. Ну, бывае. Тым ня менш афрыканец бег. Чаго ён бяжыць?, думаю. Да мяне?, думаю. Цяпер я ведаю, як адчувае сябе шараговы белы амэрыканец падчас начнога блэкаўту, якія ў тамтэйшых гарадах здараюцца досыць часта. Ён хоча мяне абрабаваць? Згвалціць? Забіць? Зьесьці? Ці, крый бог, здаць паліцыі? Мяне пакрыў халодны пот: я ведаў, што ў гэтым месцы і ў гэты час я па-за законам, і што калі што-якое, ніхто мне ня прыйдзе на дапамогу. А мо ён ужо некага абрабаваў ці забіў і цяпер уцякае ад паліцыі, і вось яму пад руку нечакана падварочваецца ідэальны закладнік – я?

*

Калі раней я не хацеў бяз дайпрычыны выходзіць з дому і абы-чаго цягацца па горадзе, трацячы свае сьціплыя сродкі на кніжкі, альбомы ды іншыя непатрэбствы, то цяпер я сябе гэта рабіць прымушаю. Менавіта з той прычыны, што пайсьці няма куды, абавязкова трэба кудысьці хадзіць, інакшай можна зусім зьдзічэць і адвыкнуць ад усякага перасоўваньня па-за маршрутам «крама-хата», як уласна і здарылася з Найлзам. Такім чынам, на кожны дзень у мяне заплянаваныя два шпацыры: адзін афіцыйны, у працоўны час (акурат ён уключае ў сябе наведваньне крамы й іншых неабходных месцаў), другі – можна сказаць «падпольны», начны, пасьля камэнданцкай гадзіны. Час ад часу другі шпацыр ператвараецца ў прабежку, але не таму, што за мною нехта гоніцца, а толькі з той прычыны, што мне пэрыядычна робіцца страшна за сваю фізычную форму і ўзьнікае жаданьне яе крыху

Аднак афрыканец моўчкі прабег міма, крыху толькі бліснуўшы белымі зубамі ўва ўсьмешцы, і ў наступны момант я зразумеў, што гэта папросту такі самы начны бягун, як і я. Толькі чорны. Прычым, у адрозьненьне ад мяне, бягун прафэсійны, спартовец. Як і я, ён проста выкарыстоўвае свой шанс пабегаць уначы бяз маскі.

*

Эканоміка, па маіх назіраньнях, шмат у чым вярнулася да ўзроўню колішняга сацыялізму. Фабрыкі і заводы працуюць ува ўсю, выбар тавараў пры гэтым невялікі, схадзіць няма куды, турыстаў не відаць, машын няшмат, на вуліцах адны паліцыянты, спажываньне раскошаў сышло ў прыватнападпольную сфэру, у самім паветры адчуваецца навязьлівая прысутнасьць чорнага рынку і шэрай эканамічнай зоны. Сьпярша на будове ўраду, а пасьля і на іншых будынках пачалі зьяўляцца цалкам сацыялістычныя лёзунгі, накшталт «Прарвёмся!», «Пераможам Пошасьць у рэкордныя тэрміны!», «Вірус ня дрэмле!», «Гігіена – абавязак кожнага!» і г.д. Мяне ажно настальгія прабіла па маім цудоўным савецкім дзяцінстве. Узнавілася нават кухоннае дысідэнцтва. Карціну псуе толькі інтэрнэт і іншыя сродкі камунікацыі, іначай падабенства было б ідэальным.

Мушу сказаць, што я ня бачу ніякай трагедыі ў падобнай мінімалістычнай мадэлі грамадзтва. Гэта такі адмысловы «safe mode» у кампутарах: у гульнюшцы надта не разгорнесься, але працу зробіш. Галоўнае, каб гэтакі рэжым не трываў безь перапынкаў, пагатоў вечна. Але пры звычайным узроўні нашага сучаснага спажывецтва і апантаным імпэце зьнішчэньня прыроды ён аднойчы абавязкова надыдзе і ўжо назаўжды з намі застанецца, як той Саня зь вядомай песенькі. Таму цяперашнюю блякаду варта ўспрымаць усяго толькі як лёгкую разьмінку перад бурай.